РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

22

МОСКВА
2018

МЕОТИДА
Танаис
КИММЕРИЙСКИЙ БОСПОР
Полянка
Порфмий
Артезиан
Мирмекий
Белинское
Илурат
Пантикапей
Тиритака
Нимфей
Китей
Киммерик
м. Чауда
Феодосия
Ахтанизовская 4
Голубицкая 2
Патрей
Кепы
Фанагория
Гермонасса
Волна 4
Стрелка 7
Лабрис
(Семибратнее городище)
Горгиппия
ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ

Р О С С И Й С К А Я А К А Д Е М И Я Н А У К
И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

Международный ежегодник
по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике
и филологии Боспора Киммерийского

Том 22

Редакционный совет:

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель);
проф. *Д. Браунд* (Великобритания); д-р. *П. Дюпон*
(Франция); член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*;
д. и. н. *А. В. Подосинов*; д. и. н. *С. Ю. Сапрыкин*;
к. и. н. *В. П. Толстиков*; д. и. н. *В. П. Яйленко*

ИА РАН

МОСКВА, 2018

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Редакционная коллегия
д. и. н. А. А. Масленников
(главный редактор)
д. и. н. В. Д. Кузнецов;
д. и. н. А. А. Завойкин

Рецензенты
к. и. н. В. А. Гаибов;
к. и. н. Л. Н. Голофаст

Утвержден на заседании
Ученого совета Института археологии РАН
протокол № 6 от 16.05.2018 г.

Древности Боспора. Том 22. – М., 2018. 280 с.: илл.
Д73 ISBN 978-5-94375-250-6

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора Киммерийского. В издание включены преимущественно материалы античной эпохи, а также памятников культур, предшествующих греческой колонизации региона и средневекового периода его истории. Приоритет в подборке статей отдан публикациям новых открытий и аналитическим исследованиям на стыке смежных исторических дисциплин. Сборник посвящен юбилею Е. М. Алексеевой.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-250-6
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2018
© Редколлегия, 2018
© Авторы статей, 2018

Екатерина Михайловна Алексеева

22 июня 2018 г. отметила свой юбилей *Екатерина Михайловна Алексеева*, один из самых авторитетных и заслуженных сотрудников Института археологии РАН, с которым связана почти вся её жизнь и научная деятельность. Её имя неразрывно связано с подлинным научным прорывом в археологическом исследовании боспорского города Горгиппии, раскопки которой Екатерина Михайловна возглавляла с 1972 по 2000 год. Итогом работ большого коллектива во главе с Екатериной Михайловной явились её известная монография (основа докторской диссертации) и обширная серия разнообразных публикаций во многих изданиях. Среди них особую известность приобрели статьи, посвящённые склепу «Геракла». Благодаря ей этот древний греческий город открыл для нас множество своих тайн. Неистощимое трудолюбие и искренняя любовь юбиляра к Горгиппии сулят нам еще немало новых открытий!

Редколлегия ежегодника «Древности Боспора», коллеги и друзья поздравляют Екатерину Михайловну с юбилеем и посвящают этот том знаменательному событию в её жизни.

Желаем Вам, уважаемая Екатерина Михайловна, здоровья, благополучия, творческого задора, новых книг и статей…

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеева Е. М.
Антропоморфные «надгробия» некрополя Горгиппии 9

Гарбузов Г. П.
Земельные ресурсы Боспора: теоретические оценки и реальная практика 24

Жупанин О. Ф., Иванов А. А., Куликова О. П.
Постройка эллинистического времени на поселении «Усадьба Виноградник» 40

Завойкин А. А.
Котлован 744 на «Верхнем городе» Фанагории 54

Завойкина Н. В.
Два граффити частного характера позднеархаического времени из Фанагории 67

Иванов А. В., Трубников В. В.
Поселение «Псиф-3» в Западном Закубанье 72

Клемешова М. Е.
Комплекс лепной керамики из сторожевой башни Казан II на Узунларском валу (морфология и технико-технологический анализ) 90

Ковальчук А. В.
Черепица с легендой «ΙΔΙΩΤΙΚΗ». К вопросу о видах царской собственности на Боспоре 109

Корженков А. М., Овсюченко А. Н., Ларьков А. С., Мараханов А. В., Рогожин Е. А., Сударев Н. И.
Следы сильных землетрясений на Михайловском городище (Керченский полуостров, Крым) 115

Кузнецов В. Д.
Фанагория: заметки по планировке города 133

Масленников А. А.
Ещё одна башня у Узунларского вала 141

Новичихин А. М.
Отпечатки подошв римских воинских сандалий на черепице из Горгиппии 170

Розов В. Н.
Античные монеты из находок в районе Сочи 177

Сапрыкин С. Ю.
Греческая надпись из поселения Ак-Кая (Крым) 194

Суриков И. Е.
Ономастикон Спартокидов за пределами Боспора (Часть II) 204

Трейстер М. Ю.
***Blechkanne*. Медные кованые кувшины первых веков н. э. в Северном Причерноморье и Сарматии** 216

Шелов-Коведяев Ф. В.
Школьная поэзия в Фанагории 239

Яйленко В. П.
Застолье, стихи, «другая любовь» и прочее в бытовых граффити Пантикапея 243

Сокращения 275

Правила и рекомендации по оформлению рукописей 277

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.9-23

Е. М. Алексеева
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Антропоморфные «надгробия» некрополя Горгиппии

Места захоронений на горгиппийском некрополе подобно некрополям других античных полисов отмечали надгробиями из мрамора и ракушечника, коллекция которых насчитывает десятки разнотипных экземпляров. Все они случайного происхождения, как с территории некрополя, так и древнего города, а также из разных мест Анапы, где их использовали сперва в оборонительных сооружениях Анапской крепости эпохи русско-турецких войн, а затем в хозяйственных целях современного города. Несколько надгробий извлечены из засыпи древних могильных ям, куда они попали, скорее всего, случайно. Например, было встречено три фрагмента разных надгробий вместе с обычными камнями в засыпи одной могилы. Раскопана также детская безинвентарная могила с пятью известняковыми надгробиями в перекрытии вторично использованными: 2 в виде прямоугольной плиты с рельефными фронтонами с розеткой, 2 антропоморфных – одинарное и сдвоенное, пятое – плоское навершие надгробной стелы в виде широкой пальметты или акротерия [Кругликова, 1982, с. 128, погр. 18].

В горгиппийской коллекции надгробий на основании разных принципов оформления можно выделить выделяется несколько групп.

1. Многоярусные мраморные стелы с рельефами, эпитафиями, акротериями, которые ставились над могилами статусных лиц, их место на семейных участках привилегированной части некрополя.

2. Прямоугольные известняковые плиты с рельефом в клейме, иногда эпитафией под ним, увенчанные низкими карнизами или фронтонами с акротериями по углам и коньку крыши – надгробия среднего сословия. Эпитафии относят надгробия групп 1 и 2 к первым векам нашей эры.

3. Группа с рельефными неполными фигурами на углублённом поле прямоугольной плиты – женскими и мужскими с ярко выраженной варваризацией образов, но в одежде греческого образца – надгробия рядового варварского населения, жившего в полисе. У мужчин и женщин широкие скуластые лица с крупным носом и большими глазами, черты индивидуальны, просматривается стремление к портретности. Схема изображений канонична – у мужчин и женщин правая рука под гиматием высоко поднята к груди, левая согнута в локте, кисть выступает вперёд из-под складок гиматия с круглым предметом у женщин (трактуется как гранат, фиала), у мужчин – с коротким

цилиндром (свиток брачного договора). Низ этих надгробий не обработан и предназначен для закапывания в землю, от чего фигура кажется «выходящей» из земли.

4. Статуарные надгробия с изображеними, аналогичными рельефным: также неполной высоты фигуры, также мужские и женские с варваризацией образов. Они плоскостны и рассчитаны на обозрение спереди, низ также не обработан и предназначен для закапывания в землю.

5. Прямоугольные известняковые плиты разного размера с заглаженной лицевой поверхностью, с венчающими карнизами и фронтонами со стилизованными акротериями по углам крыши и розетками. Известны сдвоенные экземпляры. Считается, что архитектурное завершение плиты, фронтон, символизирует храм, оберегающий покойного. На свободном поле этих плит эпитафий не сохранились, видимо, их писали краской.

Отсутствие эпитафий и археологических контекстов не дают оснований для датировки третьей и четвёртой групп надгробий. Н. И. Сокольский [1966, 1976], публикуя этот тип надгробий из Анапы и аналогичные им с Таманского п-ва, относил их к III в. до н. э., не имея к тому надёжных критериев и ориентируясь на «сильный примитивизм». По традиции такие надгробия по-прежнему продолжают относить к эпохе эллинизма. В то же время, весь облик двух «варварских» групп надгробий больше соответствует римской эпохе, когда варваризация общества фиксируется археологически (сарматские имена, тамгообразные знаки, оружие сарматского образца, элементы одежды кочевников, практика привлечения на воинскую службу контингента из варварской среды, пребывание в боспорских городах аланских переводчиков, сарматский полихромный стиль в торевтике, зооморфный стиль в серолощёной керамике, наличие в Танаисе двух разных общин – эллинов и танаитов).

В первые века нашей эры в городе работало как минимум две школы резчиков камня и скульпторов. Одна изготавливала надгробия первых двух групп. У мастеров выработана своя манера в передаче лиц – губ, глаз, причёсок, что нивелировало личностные черты. Персонажи изображены в каноничных позах, отработанных для всего многообразия сюжетов. Вторая группа резчиков выпускала надгробия с неполными фигурами варварского облика. При всей каноничности поз и атрибутов персонажей очевиден личностный, почти портретный подход к каждому изображению в сочетании с примитивизмом.

Наконец, особую, шестую группу «маркеров» погребального ритуала на горгиппийском некрополе составляют хорошо известные во многих центрах Причерноморья антропоморфные стелы в виде схематично изображённой плоскостной неполной человеческой фигуры анфас без детализации, только часть туловища и голова. В целом по Причерноморью такие изваяния имеют локальные различия. У некоторых вытянутые пропорции, но они несравнимо ниже герм, другие соответствуют полуфигуре, третьи – погрудным бюстам. В Херсонесе, где найдено наибольшее число антропоморфных изваяний, отмечены самые короткие фигуры – поплечные. Голова может быть округлой, овальной, заострённой сверху, грибовидной и почти прямоугольной. Одни антропоморфы имеют шип в основании для закрепления в соответствующем отверстии постамента; необработанный низ других (иногда заострённый) закапывался в землю. В Херсонесе антропоморфы размещали над погребениями на специальных плитках-подставках.

Есть антропоморфные фигуры, рельефно вырезанные в углублённом среднем поле прямоугольной плиты, есть сдвоенные, в рельефе и статуарные. Некоторые помещены в углублённую нишу – эдикулу под фронтоном («в храм»). Разновидностями – являются фигуры с остро поднятыми плечами, другие – с утрированно длинной шеей, прямоугольной головой и таким же «туловищем». В Танаисе наряду с обычными антропоморфами в пределах некрополя найдены некрупные уплощенные, стрелковидные в верхней части камни с подтёсанными гранями без каких-либо намёков на антропоморфность, признававшиеся также надгробиями [Шелов, 1970, с. 140, рис. с. 141]. В Средиземноморье, а в Причерноморье – в Херсонесе, среди находок с территорий некрополей известны невысокие столбики (“cippi”), которые, по мнению исследователей, маркировали отдельные участки кладбищ, границы священных мест с возлияниями и жертвоприношениями (“tophet”) [Robinson, 1969, s. 7, 8, pl. 9; Колесникова 1977, с. 93–94, рис. 3]. Уникальные «надгробия» – стрелки танаисского некрополя, скорее всего, выполняли подобную функцию маркеров определённых ритуальных мест.

В сравнении с коллекциями из других центров Причерноморья антропоморфы горгиппийского некрополя немногочисленны, выделяются крайним примитивизмом, грубой обработкой поверхности, не готовой к раскраске, боковые грани не всегда отёсаны (рис. 1). Мне не известны экземпляры внутри эдикул, что характерно, например, для собраний из некрополей Херсонеса и Нимфея. Среди горгиппийских антропоморфов есть сдвоенные (рис. 2). Выделяется уникальный экземпляр из культурного слоя некрополя, вероятно, ритуального назначения с моделированным лицом и раскраской красным и чёрным нескольких слоёв «пеленания». Размер его: 66×31 см, нижние 15 см грубо оббиты и предназначены для закапывания в землю (рис. 3). Следов раскраски и эпитафий «тронутые временем» распространённого типа горгиппийские антропоморфы не сохранили или не имели. Об этом может свидетельствовать изначально неподготовленная к росписи поверхность, но все они прошли через многоразовое использование). Н. В. Молева [1991, с. 72], однако, отмечала остатки штукатурки и водяных красок на горгиппийских экземплярах подобно «фигурам» из Мирмеки, Нимфея, Кеп, Фанагории.

Археологические данные для датировки этой группы изваяний крайне скудны. Пик их бытования в Северном Причерноморье отнесён исследователями к IV–II вв. до н. э., но они отмечены и для I–III вв. н. э. [Иванова, 1950, с. 242–244].

Поиски истоков традиции антропоморфов на некрополях античных центров Причерноморья прошли разные стадии. Первоначально превалировало мнение об автохтонных варварских корнях этого явления, которые искали в скифской и даже киммерийской среде при том, что признаки материальной культуры последней до сих пор остаются фантомом. П. Н. Шульц [1967, с. 226–227; 1976, с. 228] отмечал, что «монументальная скульптура скифов развивалась от менгирообразных антропоморфных стел к статуям-полуфигурам», которые исчезают к III в. до н. э. В смысловом наполнении их развитие шло от образа героя-родоначальника к военачальнику. Скифские изваяния в подавляющем большинстве ставились на курганах, являясь в основной массе погребальными памятниками; они прославляли могущество предков и дружинную знать. Антропоморфы античных некрополей образуют группу, предназначенную для рядового, в основе своей греческого городского населения.

Рис.1. Примеры антропоморфных изваяний горгиппийского некрополя; ракушечник

Рис. 2. Сдвоенный известняковый антропоморф из перекрытия детской безинвентарной могилы (перекрытие состоит из четырёх надгробий)

Для подтверждения/опровержения версии о таврском происхождении антропоморфов в Крыму определённая работа была проделана с наиболее крупным собранием – коллекцией Херсонесского музея (свыше 200 экз., что значительно больше других центров Причерноморья вместе взятых). Распределение находок антропоморфов по разным частям херсонесского некрополя с учётом обрядности захоронений установило их концентрацию на тех участках и связь с теми комплексами, где не прослеживаются никакие признаки таврской культуры. Они найдены только на территории Херсонеса и его хоры, но их нет там, где жили преимущественно тавры. Выяснилось также, что антропоморфов нет в погребениях со скорченным положением умерших, характерным для таврской культуры [Колесникова, 1973, с. 38–42, 47]. В настоящее время антропоморфные изваяния некрополей античных центров Северного Причерноморья как результат синкретизма межкультурных взаимодействий греков и варваров не рассматриваются.

В. Д. Блаватский [1964, с. 83] высказал гипотезу о преемственности антропоморфов от распространённых повсеместно в античном мире герм. Она поддержана Н. В. Молевой [1991, с. 73] именно в отношении антропоморфных изваяний с удлинёнными пропорциями. Павсаний в ряде книг «Описания Эллады», основываясь на личных впечатлениях во время путешествий, упоминает деревянные архаические изваяния (эпохи раннего железа) богов в святилищах («ксоаны») в виде доски или бревна с едва намеченными очертаниями головы и плеч (Paus. II, 2 (6), 4 (5); III, 13 (9), 19 (2); IX, 3 (2); X, 12 (6)). Ранние гермы имели вид закруглённого столба, являлись символами

Рис. 3. Антропоморф из культурного слоя некрополя Горгиппии, краской и уступами показаны слои «пеленания»; ракушечник; высота 66 см.

Гермеса и были увенчаны головой бога. Имя бога понимается как производное от «герма» – груды камней, кургана, каменного столба, которыми первоначально отмечались места погребений. Функция Гермеса Психопомпа, проводника душ умерших в Аид, – древнейшая среди множества других его предназначений. Он одинаково вхож в оба мира – жизни и смерти, посредник между ними, помощник многих богов на пути в царство мёртвых для осуществления ими предначертанных действий. Хтоническая сторона в ипостасях бога обнаруживается как рудимент его культа. Гермы устанавливали не только в виде указателей на дорогах, но и, со времён Солона, использовали в качестве надгробных памятников, о чём сохранилось свидетельство Цицерона [Молева, 1991, с. 73; Cic. Legg., III; XXVI, 65]. В основе этой традиции, лежит древняя хтоническая сторона культа Гермеса. Гермы изображали на надгробиях; в Северном Причерноморье маленькие терракотовые гермы включали в инвентари античных некрополей, особенно эллинистического времени; встречены они и в могилах некрополя Горгиппии. С IV в. до н. э. гермы трансформируются в поясные статуи и уже не представляют бога. В период поздней античности близость Гермеса к потустороннему миру связывала его с деятельностью тайных обществ; он почитался на праздниках пробуждения весны и памяти умерших. Хтоническая сторона культа Гермеса не противоречит

рассмотрению антропоморфов в качестве упрощенного варианта гермов, однако, такая интерпретация сохраняет ряд вопросов: как объяснить погрудные и даже поплечные изваяния, размещения в эдикулах? Не все антропоморфы эквивалентны надгробиям в общепринятом смысле. В Херсонесе известны случаи размещения маленького антропоморфа на постаменте надгробной плиты греческого типа. Что именно символизирует антропоморф в таком сочетании?

Интересные результаты получены Л.Г. Колесниковой [1977, с. 89–96] при сравнительном рассмотрении херсонесских антропоморфов, в массе своей отличающихся индивидуальностью от других собраний. Ей удалось выявить среди них преобладание особенностей, маркирующих женские фигуры: заострённые или грибовидные формы голов, что схематично передаёт разновидности женских причёсок, скрытых наброшенными на голову покрывалами, а также мягкий абрис шеи, предполагающий спускающуюся с головы накидку. Многие заострённые сверху антропоморфы отмечены ещё и вертикальной бороздкой вдоль затылка, что трактуется как характерную складку наброшенного на голову гиматия. Этот элемент бывает заметен и на терракотовых фигурках закутанных в гиматий женщин. Данные наблюдения подвели к сопоставлениям с целым кругом памятников погребального культа в Греции и поиску истоков традиции антропоморфов в среде греческих колонистов Причерноморья. Выявленные таким образом «женские» антропоморфные фигуры из Херсонеса сопоставлялись с находками в Кирене объёмных женских фигур с лицом в виде гладкой колонны или овальной плоскости, связанными с хтоническим аспектом культа Коры-Персефоны. Эти безликие «монументы» не относились к отдельным погребениям, а маркировали целые участки на территории некрополя (святилища?). Фрагменты объёмных голов с гладкими лицевыми частями отмечены и в Коринфе. Безликие изваяния Кирены и Коринфа датируются IV–III вв. до н. э. Х. Робинзон в ряд с безликими женскими полуфигурами греческих некрополей ставит антропоморфные изваяния Северного Причерноморья, считая их памятниками единого значения, относившимися к культам умирающего и воскресающего божества [Robinson 1969, s. 7–20]. Исследователи связывают женские полуфигуры с Персефоной, сезонно умирающей (безликие фигуры) и воскресающей (с написанным лицом). Как в таком случае согласуются с этой обрядностью сдвоенные антропоморфы – не отражают ли они перманентность этого процесса? У нас нет данных о принадлежности сдвоенных антропоморфов могилам с двойным захоронением, не встречены сдвоенными и «обычные» надгробия с эпитафиями. Да и парные захоронения, в частности на горгиппийском некрополе, – большая редкости. Родственные захоронения обычно «делят» между собой вертикаль одной стелы. Высказывались предположения, что антропоморфный облик могли иметь хтонические божества, покровительствующие умершим. Такие ипостаси отмечены у Коры-Персефоны, Деметры, Афродиты, Артемиды и мужских коррелятов хтонических функций – Диониса, Геракла, Гермеса, Эрота. Антропоморфы помещали и внутрь погребальных сооружений – в «сферу власти» предполагаемого божества. На горгиппийском некрополе, в погребении Астрах – 79–24, верх маленького антропоморфа находился в ногах погребённого, однако нельзя исключать и случайное попадание его в могилу вместе с грунтом и камнями засыпки. Само погребение датируется пружинная фибула с завитком на конце приёмника, характерной для второй половины I – начала II в. н. э. [Алексеева,

Рис. 4. Часть антропоморфа из слоя пожара на рубеже 30–40 гг. III в. н. э. в горгиппийском доме; гранит (?), высота около 15 см.

1982, с. 38, рис. 20, *1*]. Отмеченные наблюдения не позволяют относить все антропоморфные изваяния к надгробным памятникам в общепринятом смысле, а предполагают для них и иное назначение культового порядка.

Р. В. Стоянов зарождение традиции антропоморфных надгробий видит в двух регионах Средиземноморь: в Центральной Анатолии и на Ближнем Востоке. В Палестине, Финикии, Ливане схематичные человеческие фигуры изображали божество, их ставили за пределами поселений, в местах жертвоприношений. Монументы из Центральной Анатолии он связывает с фригийским культом богини Матар (Матери Богов, имя использовалось самостоятельно или как эквивалент Кибелы и в дополнение к Деметре) «в погребальном культе они маркировали места совершения захоронений, жертвоприношений или возлияний» [Стоянов, 2010, с. 43].

«Портретность» лиц рельефных и статуарных надгробий с неполными фигурами (как бы выходящих из земли) и деление изображений на женских и мужских с ярко выраженной варваризацией образов не подразумевают в этих фигурах умирающее и воскресающее божество. Они несут идею цикличности жизни и воскрешения для конкретного погребённого. Безликий облик хтонического антропоморфа при могиле предполагает «участие» в этом процессе невидимого божества с соответствующими функциями. Культ, олицетворяемый схематичными человеческими фигурками, в массе безликими, носил и частный, домашний характер. В подвалах горгиппийских домов, в слое последнего городского пожара на рубеже 30–40 гг. III в. н. э., были встречены два маленьких антропоморфа: известняковый – размером с ладонь и верхняя часть «идола» из зернистого камня типа гранита также высотой около 15 см (рис. 4, 5).

В первые века нашей эры известны стелы антропоморфной формы, служившие основой для размещения на их поверхности рельефов, но в Причерноморье они единичны. Такое надгробие (мрамор) I в. н. э. (стела Публия, сына Коссы) было обнаружено в 1793 г. в кладке керченской церкви Иоанна Предтечи, откуда оно было вынуто в 1895 г. [Kieseritzky, Watzinger, 1909, s. 138, № 763; КБН 496]. В квадратном углублении на голове антропоморфа размещен всадник перед фигуркой слуги с петухом. В прямоугольном поле на уровне груди этого антропоморфа представлена сцена заупокойной трапезы. Верхний край заглублённого поля над главными фигурами этой сцены очерчен аркой (символ храма). На другом (известняковом) антропоморфе конца I–II в. из Керченского музея помещено только одно рельефное изображение в прямоугольнике, вырезанном на диске головы: стоящая женщина с ребёнком на руках. Под углублением – эпитафия: «Муза, дочь Эрота (?), прощай» [Kieseritzky, Watzinger, № 762; КБН 625].

Рис. 5. Антропоморф из горгиппийского дома первых веков нашей эры, известняк, высота 12 см.

В 1980-е гг. в верхнем слое раскопа на месте строительства здравницы «Океан», в центре Анапы и приморской части городища Горгиппии был найден мраморный антропоморф с тремя рельефными изображениями на всех частях воображаемой фигуры (рис. 6–9). Высота памятника 112 см. Он усложнён аркой, пышным акротерием, пилястрами с примитивными коринфскими капителям. В его основании имелся паз для соединения с шипом на постаменте. Оборотная сторона оформлена заглаживанием в форме ласточкиного хвоста (рис. 7). На верхнем рельефе – молодой всадник с небольшой бородкой, пышными волосами, схваченными повязкой, в диннорукавной рубахе, кольчуге и гиматии поверх неё, в свободных штанах, заправленных в короткий башмак до щиколотки, с луком скифского образца в горите со стрелами (рис. 8). В одном из горгиппийских домов (конца I – начала III вв.) в слое последнего городского пожара (рубеж 30–40 гг. III в.) был найден кусок свёрнутой кольчуги, предназначенной вместе с другими железными предметами для продажи в придомовой лавке на широкой торговой улице [Алексеева, 1997, табл. 107, *11*]. Находка свёрнутого куска кольчуги сделана и в разоренной в новое время гробнице с каменным саркофагом и остатками дорогого погребального инвентаря на участке привилегированного некрополя. На горгиппийском антропоморфе всадник предстоит сидящей в позе печали женщине, целиком закутанной в гиматий. Женщина сидит на высокой подушке в кресле точёной работы с подлокотником, ноги покоятся на скамеечке. Конь под всадником невысокий, грива коротко острижена, хвост длинный, чётко показаны ремни сбруи. На левую кисть всадника надет широкий наруч для защиты от травмирования ремнями, на крупе коня виден край попоны. Под сценой – двухстрочная эпитафия I – начала II в.: «Таллон и мать Гедин, прощайте» (рис. 9). Текст разорван в середине вертикальной врезкой, обработанной бучардой. На этом месте мог крепиться фемиатерий или ёмкость для возлияний. На плоскости, имитирующей шею антропоморфа, – рельефная фигура служанки (меньшего размера, чем женщина в кресле) с непокрытой головой в хитоне с короткими рукавами и треугольном вырезом (рис. 9). Она подносит к врезке в камне, скорее всего, цилиндрический сосуд. На многих боспорских надгробиях служанка традиционно держит в руках гладкий цилиндрический сосуд с конической крышкой [Молева, 2014, рис. 1, *4;* 2, *7;* 3, *11*]. В данном случае, это нечто больше похоже на связанный в верхней части плотный сноп растений или палочек, изображённых чёткими косыми насечками, крышка отсутствует.

На нижнем гладком поле – две лошади, аналогичные изображённой на верхнем рельефе (рис. 9). Они стоят в геральдической позе в сбруях и сёдлах, привязанные бантами с двух сторон от разделяющей их вертикальной оси. Сёдла жесткой конструкции с выделенными валиками по краям, получившие широкое распространение на Боспоре

Рис. 6. Мраморное антропоморфное надгробие из верхнего слоя раскопа на строительстве здравницы «Океан» (центр городища Горгиппии), высота 112 см.

Рис. 7. То же, оборотная сторона, виды сбоку и снизу

Рис. 8. То же, верхний рельеф

в позднеантичный период [Горончаровский, 2002, с. 184–186]. Сзади под сёдлами обозначены складки попон. Геральдичность в постановке сцен на надгробиях и в росписях склепов обычно трактуется как метафора зеркальности двух миров.

По мнению А. П. Ивановой [1950, с. 251–252] такие антропоморфные надгробия с рельефными сценами демонстрируют «трансформацию первоначального смысла антропоморфной формы в декоративный элемент». С этим замечанием трудно согласиться. Само исполнение антропоморфа в мраморе с роскошными рельефами, связанными отнюдь не декоративно с погребальным ритуалом, исключает восприятие антропоморфов как дешёвых надгробий рядового населения, так и простой замены привычных форм памятников. К первым векам нашей эры антропоморфная форма была «приспособлена» для статусных надгробий, но как они сами, так и размещённые на них рельефы вряд ли могли утратить складывавшийся столетиями сакральный смысл. Все сцены погребального ритуала, все атрибуты, которые представлены на надгробиях, строго каноничны. Антропоморф из кладки керченской церкви является тому подтверждением; обе его сцены связаны с заупокойной тематикой. В идейном мире греков

Рис. 9. То же, рельфы на шее и плечах антропоморфа; эпитафия:
«Талон, сын Пота и мать Гедин, прощайте»

спектр культовых значений, которые вкладывались в изображение петуха, достаточно широк. Птица являлась символом идеального воина, отражая героический дух борьбы. На призовых панафинейских амфорах петухи венчали дорические колонны с двух сторон от фигуры Афины. Петух причислен и к хтоническим культам. В эпоху классики он был спутником многих богов в их хтонических ипостасях – Аполлона, Афродиты, Персефоны, Кибелы, Диониса. При раскопках храмов и святилищ, связанных с обслуживанием этих культов, встречены терракотовые фигурки юношей с петухом у левого локтя, пышной причёской в перевитым лентами венке и «петлями-ушками» на темени, аналогичной причёскам разных богов с хтоническими свойствами. Эти фигурки рассматриваются исследователями как изображения адорантов, приносящих птицу

соответствующему божеству [Ходза, 1987]. Известны сцены с жертвоприношением петуха Афродите, Персефоне и находки фигурок петуха в сопровождении масок хтонического смысла. Фукидид, описывая битву в Пелопоннесской войне за святилище Аполлона в беотийском городе Делии, сообщил о гибели почти 500 воинов. Их могилы содержали фигурки юношей с петухами, интерпретируемые как приношения почитателей героизированных умерших с традиционной жертвой [Фукидид, IV, 101.].

В Северном Причерноморье в первые века распространились терракотовые фигурки юношей в высоком колпаке верхом на петухе. М. М. Кобылина [1978, с. 17, рис. 29–30] связывала эти находки с поклонением малоазийским культам хтонической направленности – Великой Матери, Кибеле, Аттису, Мену и демонам Кабирам. В период поздней античности эти культы сблизились с орфическими таинствами и носили характер мистерий.

Список литературы

Алексеева, 1982. Алексеева Е. М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. II. Краснодар.

Алексеева, 1997. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.

Блаватский, 1964. Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспорского государства. М.

Горончаровский, 2002. Горончаровский В. А. Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгиппии // Hyperboreus. Vol. 8. Fasc. 1. Munchen.

Иванова, 1950. Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия // СА. XIII.

Кобылина, 1978. Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М.

Колесникова, 1973. Колесникова Л. Г. Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса // СА. 3.

Колесникова, 1977. Колесникова Л. Г. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса // СА. 2.

Кругликова, 1982. Кругликова И. Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. II. Краснодар.

Молева, 1991. Молева Н. В. О происхождении боспорских антропоморфных изваяний // СА. 2.

Молева, 2014. Молева Н. В. Боспорские рельефные надгробия с антропоморфными акротериями // Погребальная культура Боспорского царства. СПб.

Сокольский, 1966. Сокольский Н. И. К вопросу о синдской скульптуре // Культура античного мира. М.

Сокольский, 1976. Сокольский Н. И. Вопросы синдской скульптуры // Художественная культура и археология античного мира. М.

Стоянов, 2010. Стоянов Р. В. Антропоморфные надгробия в погребальной практике греков и варваров в VII–II вв. до н. э. // РА. 4

Ходза, 1987. Ходза Е. Н. Терракотовые статуэтки юношей с петухами в собрании Гос. Эрмитажа // ВДИ. 4.

Шелов 1970. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М.

Шульц, 1967. Шульц П. Н. Скифские изваяния Северного Причерноморья // Античное общество. М.

Шульц, 1976. Шульц П. Н. Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. М.

Kieseritzky, Watzinger, 1909. Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. Berlin.

Robinson, 1969. Robinson H. S. A Sanctuary and Cemetery in Western Corinth // Hesperia V. XXXVIII.

Summary

Ye. M. Alekseyeva

Anthropomorphic 'tombstones' of the Gorgippia necropolis

Traditionally, anthropomorphic sculptures from the necropolis of the ancient city of Gorgippia are flattened half-shapes without detailed face and body contours, merely trunks and heads. In the Northern Black Sea region such monuments are characteristic of the IV–II centuries BC, but some date back to the first centuries of the Common Era. There is a reason to believe that they were used for ceremonial purposes rather than as markers of particular burial grounds or gravestones in the conventional meaning. Faceless half-shapes in Greek necropolises are associated with rites of the worship of Persephone, who dies (as represented by faceless sculptures) and then resurrects (by sculptures with painted faces) as seasons change. They could be used like special posts – 'cippi' – for marking sacred places within necropolises with libations and sacrifices in honor of gods with chthonic properties. Such incarnations are observed in Persephone (Kore), Demeter, Aphrodite, Artemis and their male counterparts – Dionysus, Hercules, Hermes, Eros. Epitaphs and carved scenes related to traditions of the funeral ritual on the anthropomorphic objects turned them into tombstones dedicated to specific deceased individuals.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.24-39

Г. П. Гарбузов
(Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)

Земельные ресурсы Боспора: теоретические оценки и реальная практика*

По словам П. Гарнси, подсчеты древнегреческих урожаев подобны погоне за призраком [Garnsey, 1998, p. 201], в случае же Боспора и это определение выглядит слишком оптимистичным. Опереться здесь, помимо свидетельств письменных источников о вывозе боспорского зерна в конце V – начале III в. до н. э. [Кузнецов, 2000][1], почти не на что. Любая попытка рассчитать величину зернового производства Боспора требует количественного выражения многих параметров, истинные значения которых неизвестны. Лишь некоторые из них обусловлены в основном природными особенностями региона и потому при моделировании экономики могут условно рассматриваться как естественные константы, мало зависимые от «социальных» переменных. К ним относятся, например, максимально возможная площадь возделываемых земель и среднемноголетняя урожайность. Последний параметр нуждается в более подробном обсуждении[2], так что в настоящей заметке мы еще раз обратимся к возделываемым землям.

Ранее нами на основе формального анализа почвенного плодородия были получены оценки пределов расширения пашни для времени расцвета боспорского земледелия [Гарбузов, 2015а; 2015б]. Из найденных оценок следовало, что на Боспоре наименее обеспечен плодородными почвами Керченский полуостров. В других областях Боспора, особенно расположенных в его азиатской части, качественных почв намного больше.

* Работа выполнена в рамках темы НИР ЮНЦ РАН 00-18-09, № гр. проекта 01201354248.

[1] Основным показателем для середины IV в. до н. э. служит величина в 400 тыс. медимнов, приведенная Демосфеном (XX.32) в качестве объема годовых поставок зерна с Боспора в Афины. Свидетельство Страбона (VII.4.6) о вывозе 2.1 млн. медимнов боспорского зерна неоднозначно. Такой объем товарного зерна на Боспоре теоретически был достижим даже за один сезон [Гарбузов, 2015а, с. 85], но, учитывая разные варианты понимания этого сообщения [Kocevalov, 1932; Hopper, 1979, p. 91–92; Garnsey, 1985, p. 74; 1988, p. 97–98; Кузнецов, 2000, с. 111; Moreno, 2007a, p. 207; 2007б, p. 70], воспринимать данную величину следует с осторожностью. Сомнения в регулярности больших хлебных поставок в Афины с Боспора высказал П. Гарнси [Garnsey, 1985, p. 74; 1988, p. 97], что, впрочем, не должно удивлять, если помнить о всячески отстаиваемом в работах этого исследователя тезисе о меньшей, чем принято считать, зависимости Афин от привозного зерна (см. также [Кузнецов, 2000, с. 111–112; Braund, 2007, p. 60]). Несмотря на критику, представление о регулярности боспорского экспорта по-прежнему имеет своих сторонников [Whitby, 1998, p. 123; Moreno, 2007a, p. 32–33, note 185; 2007б, p. 69, note 2; Müller, 2010, p. 239].

[2] См. работы В. А. Кутайсова [2001; 2002], обобщающие статистику для Крыма. Ситуация в керченско-таманском регионе анализируется в другой нашей статье (в печати).

Представление о том, что Европейский Боспор беден пригодными для выращивания зерновых земельными ресурсами, интересно сопоставить с реальной хозяйственной практикой. Ее наиболее очевидный образец, подкрепленный относительно надежными статистическими данными, дает российское дореволюционное земледелие, которое, несмотря на все достижения, всегда носило в Крыму и на Тамани традиционный экстенсивный характер [Тимонин, 1900; Городецкий, 1912; Бененсон, 1919; Малигонов, 1923][3].

Напомним вкратце наш подход к анализу земельных ресурсов. Недостаточно, как это обычно делается, перечислить номенклатуру современных почв, описать их общие свойства и обозначить на словах приблизительные ареалы распространения [Кругликова, 1975, с. 15–17; Шелов-Коведяев, 1985, с. 37–40; Одрин, 2004; Зинько, 2007, с. 34; Одрін, 2007; 2014]. Любой ресурс, тем более при сравнении различных территорий, требует количественного выражения. Возможной альтернативой словесно-описательным оценкам земельных ресурсов является применение эмпирических бонитировочных шкал, в которых природное плодородие почв отображается численно с помощью баллов [Гаврилюк, 1974; Вальков и др., 1996; Драган, 2004; 2011; Медведев, Плиско, 2006][4].

На этой идее базируются те картосхемы плодородия основных равнинных областей Боспора, которые предложены в наших публикациях. Картосхемы рассчитаны по региональным почвенным картам разного масштаба с использованием уже известных бонитировочных шкал. Мы придерживались при этом рабочей гипотезы, которую в подобных расчетах пока нечем заменить, что в IV в. до н. э. почвенные покров Боспора не слишком сильно отличался от современного как в видовом отношении, так и по пространственной структуре. Итоговая таблица и суммарная картосхема плодородия из работы [Гарбузов, 2015а] воспроизведены ниже (см. табл. 1 и рис. 1)[5] в несколько модифицированном и уточненном виде[6].

Плодородными и пригодными к земледелию почвами признавались лишь почвы с баллом плодородия более 50. Суммарная площадь таких почв была принята за естественный предел расширения возделываемых земель в период расцвета боспорского

[3] На количественные показатели традиционного земледелия и современные природные характеристики часто ссылаются при рассмотрении возможностей античной экономики [Jardé, 1925; Gomme, 1933; Starr, 1977; Garnsey, 1985; 1988; 1998; Ruschenbusch, 1988; Gallant, 1991; Sallares, 1991; Forbs, 1992; De Angelis, 2000]. При этом, конечно, традиционное земледелие XIX – начала XX в. нельзя считать тождественным античному [Halstead, 1987; Garnsey, 1998, p. 205–206].

[4] В исторических реконструкциях подобная шкала впервые использована С. Л. Смекаловым при расчете зернового производства Европейского Боспора (Керченского полуострова) [Смекалов, 2011].

[5] Подчеркнем, что оценка почв выполнена по единой для Европейского и Азиатского Боспора бонитировочной шкале, которая сконструирована нами искусственно: на самом деле есть бонитировка почв Крыма, предложенная Н. А. Драган, и есть бонитировка почв Краснодарского края, разработанная в КубаньНИИгипроземе. Сведены бонитировки в одну шкалу путем сопоставления баллов плодородия схожих видов почв, причем за основу взяты крымские баллы [Гарбузов, 2015а, с. 78–79].

[6] Из общей площади Керченского полуострова исключены водоемы, слегка изменены принятые в расчетах границы Таманского полуострова. В связи с использованием другой версии почвенной карты Темрюкского района ряд контуров местных почв получил иную конфигурацию, а суммарная площадь наиболее плодородных почв Таманского полуострова увеличилась на 1 тыс. га. Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю признательность начальнику отдела почвенных изысканий Южного филиала ФГУП «Госземкадастрсъемка»–ВИСХАГИ (бывший КубаньНИИгипрозем) В. П. Власенко за консультации и помощь в работе с архивными материалами.

Таблица 1. Оценка земельных ресурсов Боспора по бонитировке почв

Область	Площадь, кв. км	Средний почвенный балл	Площадь лучших земель (балл>50), тыс. га*	Обеспеченность лучшими землями, %
Округа Феодосии	1408	50.0	72.2	51.3
Керченский полуостров	2747	37.3	53.7	19.6
Европейский Боспор	**4155**	**41.5**	**125.9**	**30.3**
Таманский полуостров	997	62.7	75.6	75.8
Синдика	747	64.0	55.6	74.4
Азиатский Боспор	**1744**	**63.2**	**131.2**	**75.2**
Боспор в целом	**5899**	**47.6**	**257.1**	**43.6**

* – без учета земель городов Феодосия, Керчь, Темрюк и Анапа.

земледелия[7]. Ранжирование почв по природному плодородию сознательно проводилось так, чтобы не завышать максимально возможную площадь античной распашки, в частности, при расчете бонитировочных баллов проблемных и комплексных почв всегда выбирались варианты с меньшей оценкой плодородия. По этой причине многие подобные почвы, весьма распространенные в Восточном Крыму, попали в категорию «малопригодных» земель с баллом бонитета в интервале 31–50 [Драган, 2004, табл. 12] и оказались не учтены в табл. 1 и на рис. 1, хотя использование указанной категории земель для выращивания зерновых в принципе возможно [Драган, 2004, табл. 12][8].

Рис. 1. Контуры современных почв с расчетным баллом природного плодородия выше 50. Цифрами обозначены основные равнинные области Боспора: 1 – округа Феодосии; 2 – Керченский полуостров; 3 – Таманский полуостров; 4 – Синдика

[7] Под возделываемыми землями (пашней) понимаются как поля, занятые посевами, так и все виды «отдыхающих» участков (пар, перелог, залежь).

[8] Основной массив «малопригодных» земель образуют различные модификации солонцеватых черноземов на плотных засоленных глинах. Известный крымский почвовед Н. Н. Клепинин отмечал, что такие почвы в случае возвышенных мест юго-западной равнины Керченского полуострова «при своевременной хорошей обработке дают хорошие урожаи» [1935, с. 90].

Обозначенная на рис. 1 территория Европейского Боспора (Керченский полуостров и округа Феодосии) во второй половине XIX – начале XX в. входила в Феодосийский уезд Таврической губернии (ФУ) и Керчь-Еникальское градоначальство (КЕГ). На западе ФУ был ограничен р. Биюк-Карасу (Б. Карасевка) и нижним течением р. Салгир [Шевчук и др., 2006, с. 57], что значительно западнее р. Мокрый Индол, принятой нами за границу сельской округи Феодосии (граница обоснована распространением селищ IV – первой трети III в. до н. э. [Гаврилов, 2004, рис. 3])[9]. Весь запад ФУ уже в начале второй половины XIX в. получил значительное развитие с точки зрения земледелия [Ханацкий, 1867, с. 243; Янсон, 1870, с. 7], но важно отметить, что именно область распространения плодородных почв в округе Феодосии, обозначенная на нашем рис. 1 (от р. Мокрый Индол до Ак-Монайского перешейка), считалась современниками лучшей местностью для хлебопашества, в частности, говоря о почвах, здесь упоминается чернозем глубиной более 1 м [Янсон, 1870, с. 4; Вернер, 1886б, с. 49; 1889, отд. I, с. 11–12].

Несмотря на неувязку с границами, мы воспользуемся российской статистикой по ФУ, как основой для анализа[10]. Сразу же оговоримся, что прямые сведения о пахотной площади уезда немногочисленны. Поуездная статистика о площади пашни для губерний Европейской России, в том числе и для ФУ, собиралась в ходе трех специальных обследований ЦСК МВД в 1881, 1887 и 1893 гг. [Юбилейный сборник, 1913, отд. III, с. 12–23; Островский, 1980; 2013, с. 14–15][11]. Для последующих лет, вплоть до публикации результатов сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг.[12], данных по площади пашни в ФУ автору найти не удалось[13].

Обследование 1881 г. показало, что в ФУ возделывалось, суммируя посевы, пары и залежь, около 162 тыс. га (все площади здесь и далее в тексте переведены из десятин в гектары) [Струве, 1884, отд. А, с. 16][14]. По итогам обследования 1887 г. в ФУ насчитывалось уже 417 тыс. га пашни, в том числе посевы, пары, залежь и сенокосы (скорее всего, переложные) [Главнейшие данные, 1895][15]. Согласно переписи 1917 г., пришедшейся на непростое

[9] В неучтенной на рис. 1 части уезда находится более 44 тыс. га лучших разновидностей южных черноземов и до 30 тыс. га лугово-черноземных почв на лессовидных породах, оценка по почвенной карте: Грунти Української РСР, 1:200000, К.: Укрземпроект, 1967, листы 145, 152, 153.

[10] Подробный критический обзор источников российской сельскохозяйственной статистики см. в [Иванцов, 1915; Виноградова, 1925; 1926].

[11] В обследовании 1893 г. учитывались лишь надельные земли, доля которых в структуре землевладения степных уездов Крыма была незначительна [Струве, 1884, отд. I, с. 34].

[12] По переписи 1916 г. определялись площади посевов [Челинцев, 1922, с. VI, прим. 1].

[13] В земском подворном описании ФУ 1911 г. определялись площади пашни и посевов только крестьянских хозяйств [Бененсон, 1914].

[14] Для 1860-х годов есть указание на размер пашни ФУ в 8.5% от удобной земли [Янсон, 1870, с. 7] (в целом по Таврической губернии в начале 1860-х годов эта доля составляла около 18–19% [Вильсон, 1866, с. 158]). По площади удобных земель (без леса) 1881 г. [Струве, 1884, отд. А, с. 16–17] эта пашня оценивается в 38 тыс. га. Для более раннего времени сведений о размерах пашни нет. В обзоре Таврической губернии 1849 г. указывается, что даже приблизительных сведений о количестве пахотных земель в губернии и в уездах в делах местного начальства «не отыскано» [Герсеванов, 1849, с. 134].

15 Увеличение пашни более чем в 2.5 раза всего за 6 лет вызывает некоторое недоверие. В проведении обследования 1887 г. и обработке его данных были сложности, связанные с задержками в получении материалов и их перепроверкой [Главнейшие данные, 1895, с. 2], так что точность итоговых сведений остается под вопросом. Тем не менее, следует учесть замечание современного статистика, относящееся, правда, ко всей Таврической губернии конца 1880-х годов: «в настоящее время культурная площадь достигла своего максимума [предела]» [Вернер, 1889, отд. IV, с. 60].

время в конце рассматриваемого нами периода, размер пашни с парами и залежами составлял в уезде 354.4 тыс. га, т. е. около 50% его общей площади [Бененсон, 1919, с. 20–22].

Правильно оценить динамику изменения возделываемых площадей нам поможет достаточно большая выборка данных о размерах посевов. Часть этих данных выражена в объемах сева, для их перевода в площади необходимо знать нормы высева. Мы за основу приняли нормы высева основных культур, приведенные в подробных публикациях ЦСК МВД об урожае соответствующего года (серия «Урожай … года», выходила с 1884 г.)[16]. В случае сведений об объемах сева, которые относятся ко времени до 1883 г. (сведения за 1870–1872 гг. [Ершов, 1875, с. 22–23] и за 1880 г. [Семенов, 1885, с. 429]), использованы усредненные за 1883–1894 гг. нормы высева ЦСК МВД. Картина изменения посевных площадей ФУ в период с начала 1870-х годов по 1917 г. реконструирована на рис. 2[17]. Площади одного и того же года, базирующиеся на различных источниках, зачастую разнятся, но, несмотря на это, а также на наличие пропусков, связанных с отсутствием у автора необходимых данных, построенный график дает достаточно ясное представление о посевных площадях рассматриваемого периода.

Из рис. 2 следует, что к концу 1880-х годов посевные площади достигли определенного потолка, после чего рост превратился в стагнацию. С 1887 г. и вплоть до революции площади посевов ФУ колебались около среднего значения в 191 тыс. га, не выходя из диапазона 140–250 тыс. га. Это среднее значение следует рассматривать как равновесную норму для экстенсивного дореволюционного земледелия, которая превышалась при благоприятных обстоятельствах. Впервые это произошло в 1889 г. после очень урожайного 1888 г., и хотя затем случившиеся друг за другом низкие урожаи привели к кратковременному сокращению посевов до 140 тыс. га[18], средний уровень был восстановлен уже в 1896 г[19]. В последние годы перед мировой войной на фоне высоких урожаев посевные площади достигали значений 220–250 тыс. га.

[16] Для 1883–1894 гг. норма высева давалась в мерах на десятину (8 мер были равны 1 четверти зерна объемом 209.9 л), в последующие годы – в весовых единицах (в пудах на десятину).

[17] Посевные площади, извлеченные из [Вернер, 1886а; Бечаснов, 1901, с. 465; Бененсон, 1914, с. 474–475; 1919, с. 21–22; Челинцев, 1922, с. 126], соответствуют посевам всех культур; из [Семенов, 1885, с. 429], выпусков «Урожай … года» ЦСК МВД и ПФУЗС выбраны/рассчитаны площади сева только основных культур (их список в порядке уменьшения вклада в посевную площадь ФУ 1890-х годов: оз. пшеница, ячмень, овес, лен, оз. рожь, просо, яр. пшеница, яр. рожь, не учтены остались картофель и кукуруза, чьи доли в посевах были исчезающе малы); в [Ершов, 1875, с. 22–23] объемы сева даны суммарно для ФУ и КЕГ, поэтому из рассчитанной по ним площади вычтена вероятная площадь посевов КЕГ (см. далее), кроме того, так как в источнике часть культур занесена в разряд «остальные яровые хлеба», наши расчетные посевные площади 1870–1872 гг. могут рассматриваться лишь как приблизительные оценки. Отметим также, что ЦСК МВД фактически до 1893 г. действительную площадь посевов ежегодно не определял [Юбилейный сборник, 1913, отд. III, с. 18–19], поэтому сведения выпусков «Урожай.. года» для 1883–1892 гг. в части посевных площадей являются не вполне достоверными и в построении рис. 2 не использованы.

[18] Для 1860-х годов на зависимость площади посевов в Крыму от урожая предшествующего года и состояния рабочего скота указывал Ю. Э. Янсон, отмечая, в частности, что при наступлении нескольких неурожаев подряд запашки значительно сокращались [1870, с. 15–16].

[19] Сельские хозяева, жившие за счет экспорта, не могли позволить себе терять товарное зерно из-за сокращения посевной площади: «изменения [посевных площадей] особо значительными быть не могут, так как хозяйство приспособлено к колебаниям только в узких пределах» [Бененсон, 1919, с. 21]. За 1896–1911 гг. посевные площади ФУ демонстрируют стабильность, удивительную для сельской экономики, основанной на земледелии в рискованном климате: усредненные по источникам отклонения от уровня в 191 тыс. га находятся в пределах от минус 13% до плюс 16%, при этом урожайности основных культур из года в год менялись иногда очень существенно, в несколько раз. Пример реакции крупного товарного хозяйства на неурожай

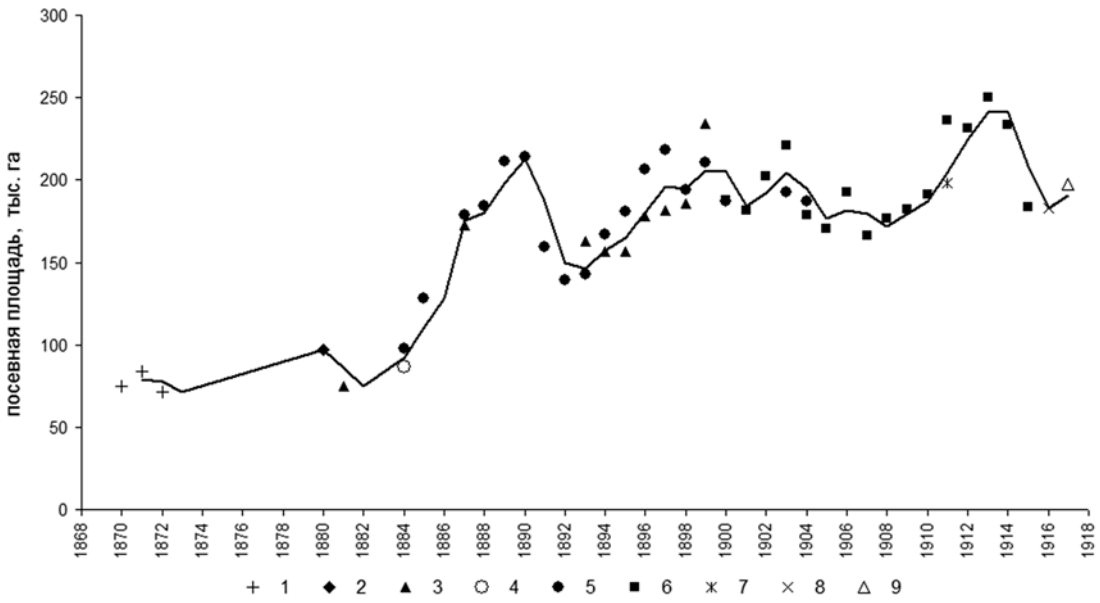


Рис. 2. Оценка площади посевов Феодосийского уезда. Источники данных: 1 – [Ершов, 1875, с. 22–23], расчет по объему сева; 2 – [Семенов, 1885, с. 429], расчет по объему сева; 3 – [Бечаснов, 1901, с. 465]; 4 – [Вернер, 1886а]; 5 – ПФУЗС, расчет по объему сева; 6 – выпуски «Урожай … года» ЦСК МВД; 7 – [Бененсон, 1914, с. 474–475]; 8 – [Челинцев, 1922, с. 126]; 9 – [Бененсон, 1919, с. 21–22].

По обследованиям 1881 и 1887 гг. посевы занимали около половины или немного меньше от всей возделываемой земли ФУ [Струве, 1884, отд. I, с. 34; Главнейшие данные, 1895]. В эти годы, скорее всего, происходил переход от ранее господствовавшей в Крыму схемы хозяйствования на основе перелогов [Янсон, 1870, с. 16] к различным видам паровой системы земледелия. Разнохарактерность освоения ФУ[20] в 1880-е годы сохранялась, например, в центре Керченского полуострова в одном из овцеводческих имений площадью 13.4 тыс. га было всего 550 га пашни [Вернер, 1889, отд. IV, с. 46]. В предреволюционное десятилетие было распространено трехполье: в 1911 г. доля посевов составляла 65–67% пашни [Бененсон, 1914], в 1917 г. засевалось 55.7% обрабатываемой земли (в Крыму в целом этот показатель был равен 58.9%, черный пар и залежь занимали 24.9% и 16.2% пашни соответственно) [Бененсон, 1919, с. 20–22].

дает 1899 г., неудачный для яровых хлебов. Благодаря запасу семян частные владельцы и немцы-колонисты перенесли этот перепад урожайности «без особенного понижения их благосостояния» и даже расширили запашку [Блеклов, 1900, с. 175].

[20] В 1860-е годы на Керченском полуострове развивалось животноводство и лишь отчасти хлебопашество, в степной западной части уезда преобладало земледелие [Ханацкий, 1867, с. 243]. В середине указанного десятилетия животноводство в Крыму, представленное в основном овцеводством, достигло высшей точки развития и затем пошло на убыль из-за возрастания роли земледелия [Вернер, 1889, отд. IV, с. 3–4, 21]. Но вопрос соотношения животноводства и земледелия более сложен, так как рост посевных площадей был напрямую связан с увеличением поголовья рабочего скота. Поэтому животноводство в Крыму скорее не сокращалось, а меняло специализацию [Вернер, 1889, отд. IV, с. 3] (сходная ситуация была в западной части Кубанской области [Тимонин, 1900, с. 59]).

Проследить за размерами постоянно обрабатываемой пашни (с учетом паров, но без залежи) можно по площади озимых посевов [Островский, 2013, с. 66]. В Крыму «хорошие хозяева» сеяли озимые на вспаханных заранее полях (по пару) [Янсон, 1870, с. 17]. Такой порядок сева оз. пшеницы практиковался, например, в ФУ в восточной части Керченского полуострова [Вернер, 1886б, с. 38], и хотя вряд ли он был повсеместным[21], учет площади озимых позволяет получить пусть и не вполне точное, но близкое к действительности представление о ежегодно распахиваемой площади. Если принять, что обработанная площадь за полный сезон, от одного сева озимых до другого, получается сложением площади всех посевов данного сезона и площади озимых следующего года, то расчет за 1887–1916 гг. даст нам для ФУ среднее значение ежегодной распашки около 295 тыс. га, с изменениями от 225 (1892 г.) до 370–380 тыс. га (1911–1913 гг.).

Статистику по ФУ в целом не совсем корректно сравнивать с данными для Европейского Боспора, приведенными в табл. 1. Однако на основе сведений по отдельным волостям нетрудно получить, с некоторым приближением, хозяйственную статистику для выделенных согласно рис. 1 областей Европейского Боспора. Взяв в качестве границы Керченского полуострова Ак-Монайский перешеек, найдем, что в конце XIX – начале XX в. полуостров полностью вмещал Петровскую, Сарайминскую волости и еще примерно третью часть Владиславской волости. Посевные площади основных культур, рассчитанные для этой группировки по приведенным в ПФУЗС объемам сева (для Владиславской волости учитывалась одна треть от объемов сева), в 1896–1904 гг. были в среднем около 93 тыс. га. Площадь ежегодной распашки, рассчитанная по посевам озимых, составляла в среднем за указанный период 142 тыс. га. К этой площади необходимо прибавить пашню в пределах КЕГ, которая занимала где-то 12 тыс. га, так как под ежегодные посевы зерновых и льна в среднем за период 1903–1912 гг. здесь шло около 7.2 тыс. га [ПККЕГ, 1914, с. 14–15][22]. Следовательно, в конце XIX – начале XX в. площадь распахиваемых земель Керченского полуострова превышала 150 тыс. га[23]. В округе Феодосии площадь посевов, рассчитанная по объемам сева[24], составляла в 1896–1904 гг. в среднем 61 тыс. га, учет озимых позволяет оценить усредненную ежегодную распашку в 91 тыс. га[25].

[21] В начале 1910-х годов доля сева по пару составляла в ФУ лишь 69% от всей площади посевов оз. пшеницы, остальная часть высевалась «по стерне» [Бененсон, 1914, с. 474].

[22] В КЕГ выдерживалась следующая схема использования земли: 3 года посевы, 1 год пар, 3 года посевы, 3 года перелог [ПККЕГ, 1914, с. 9], т. е. под посевами было 60% пашни.

[23] По переписи 1916 г. посевная площадь Петровской, Сарайминской волостей, одной трети Владиславской волости и КЕГ составляла 86.4 тыс. га, из них озимые 50.5 тыс. га [Челинцев, 1922, с. 126], отсюда грубая оценка годовой распашки около 137 тыс. га. Если же исходить из определенной переписью 1917 г. доли посевов (55.7%) в общей площади пашни ФУ, то в 1916–1917 гг. все (с парами и залежами) вовлеченные в оборот земли Керченского полуострова имели площадь около 155 тыс. га., причем надо учитывать, что во время войны размеры посевов сократились на 8–10% [Бененсон, 1919, с. 21] (сокращение, возможно, было сильнее: в 1916 г. в КЕГ было засеяно 5.6 тыс. га [Челинцев, 1922, с. 126], на 22% меньше предвоенного показателя в 7.2 тыс. га, см. выше).

[24] Из волостной статистики, содержащейся в ПФУЗС, были выбраны данные для Кишлавской, Салынской, Цюрихтальской волостей с прибавлением двух третей от показателей Владиславской волости.

[25] В 1916 г. площадь посевов в данной группе волостей была равна 63.6 тыс. га, из них озимые 33.8 тыс. га [Челинцев, 1922, с. 126], что дает грубую оценку годовой распашки в 97.4 тыс. га. Если опираться на известную для 1917 г. долю посевов в общей площади возделываемых земель ФУ, получим для округи Феодосии размер всей пашни около 114 тыс. га.

Как мы видим, площади возделываемых земель в округе Феодосии и на Керченском полуострове, достигнутые в ходе экстенсивного развития дореволюционного земледелия, заметно превосходят пороги, установленные в табл. 1. Для Керченского полуострова это превышение почти трехкратное, расчет по сведениям ПФУЗС показывает, что здесь уже в 1887 г. одни только посевы занимали больше места (около 77 тыс. га), чем выделенные нами земли с высоким бонитетом. Нет сомнений, что в конце XIX – начале XX в. в течение многих лет подряд распахивались не только лучшие почвы, но и ряд почв с неблагоприятными признаками, зачисленных при бонитировке в условную категорию «малопригодных». Такие почвы по нашей оценке занимают на Керченском полуострове около 108 тыс. га (см. рис. 3). Сравнение цифр показывает, что чуть ли не все эти почвы были на практике вовлечены в земледелие. Постоянство уровня распашки, демонстрируемое длительным рядом наблюдений, говорит о том, что связанное с большими усилиями освоение подобных земель нельзя считать случайным разовым явлением, оно было, несомненно, экономически оправдано[26].

В качестве дополнения отметим, что в советское время масштаб распашки не уменьшился. В 1935 г. посевные площади всех культур в районах Крымской АССР, приблизительно соответствовавших бывшему ФУ[27], занимали 232 тыс. га (195 тыс. га было под зерновыми, из них озимые 110 тыс. га), что фактически соответствовало максимумам дореволюционных посевов [Аронова, 1936, с. 158–159][28]. Площадь сезонной распашки, грубо оцененная по посевам озимых того же года, составляла около 342 тыс. га, что близко к площади всей пашни 1917 г.[29]. Посевные площади Керченского полуострова, которому в хорошем согласии с рис. 1 соответствовали тогдашние Ленинский, Маяк-Салынский районы и земли г. Керчь, равнялись 116.4 тыс. га (зерновые 97.5 тыс. га, из них озимые 49.6 тыс. га) [Аронова, 1936, с. 158–159], площадь посевов с парами могла доходить в этом случае до 166 тыс. га, т. е. была не меньше дореволюционных значений[30].

---

[26] В обзоре 1899 г. отмечено, что в степных крымских уездах «в последние годы поступили под плуг солончаковые земли, обработка которых … с изменением условий хлебного рынка и увеличением народонаселения стала выгодной для владельцев» [Блеклов, 1900, с. 46].

[27] Ичкинский, Старокрымский, Судакский, Кировский, Ленинский и Маяк-Салынский районы, а также земли городов Керчь и Феодосия, см. [Шевчук и др., 2006, с. 61].

[28] Помимо указанных выше районов, полностью находившихся в 1935 г. в границах бывшего ФУ, два района (Сейтлерский и Карасубазарский) размещались в этих границах частично и не учтены, хотя на них приходилось более 77 тыс. га посевов.

[29] Об экстенсивном характере раннего советского земледелия свидетельствует замечание Н. Н. Клепинина о том, что в 1909 г. в юго-западной части Керченского полуострова, почти сплошь покрытой в той или иной степени засоленными почвами, по сравнению с первой половиной 1930-х годов «сохранялось еще много целины» [1935, с. 90].

[30] Площадь посевов всех культур Ленинского, Маяк-Салынского/Приморского районов и земель г. Керчь в 1940 г. составляла 106 тыс. га (зерновые 83 тыс. га), в 1956 г. 103 тыс. га (зерновые 71.7 тыс. га) [НХКО, 1957, с. 55, 70]. В 1966 г. в Ленинском районе (в 1960-х годах объединен с Приморским районом и немного расширен на запад) и на землях г. Керчь всех посевов было 132 тыс. га (зерновые 66 тыс. га), в 1970 г. 129.5 тыс. га (67.6 тыс. га зерновые, из них 51.7 тыс. га оз. пшеница), в 1975 г. 132.7 тыс. га (зерновые 75.5 тыс. га) [НХКО, 1972, с. 37–38; 1977, с. 39]. В справочнике [Подгородецкий, 1988, с. 156, рис. 8] для Керченской холмисто-грядовой степи (судя по приложенной схеме, она совпадает с Ленинским районом) указана доля пахотных угодий в 35%, что для Ленинского района соответствует 102 тыс. га (см. ссылку на это соотношение у А. А. Масленникова как на предел площади античной пашни в Восточном Крыму [1995, с. 65]). Полученная цифра много меньше официальной посевной площади 1960–1970-х годов, так что упомянутые «пахотные угодья» совершенно точно означали не все ежегодно распахиваемые земли.

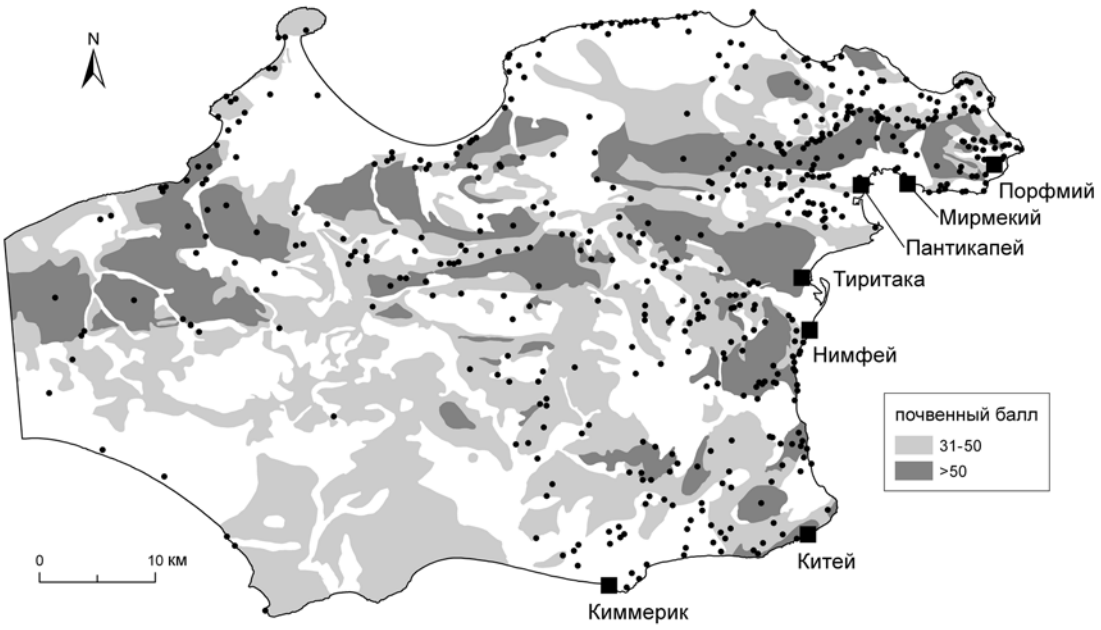


Рис. 3. Наиболее плодородные земли Керченского полуострова (почвенный балл более 50) вместе с массивом «малопригодных» земель (почвенный балл 31–50). На схеме обозначены известные поселения IV–I вв. до н. э., согласно [Бейлин, Ермолин, Масленников, Смекалов, 2014]

Для Азиатского Боспора данные табл. 1 более соответствуют практике российского дореволюционного земледелия[31]. В 1877 г. на Таманском полуострове (без Темрюкско-Курчанской гряды), который входил отдельным участком в Темрюкский уезд[32] (далее ТО), под посевами находилось 43 тыс. га [Статистическое описание, 1879, с. 22]. Площадь паров и залежи в источнике не определена, но так как доля озимых в посевах составляла 20–25% [Статистическое описание, 1879, с. 22, 44–45], то на посевы и пар в 1877 г. приходилось около 52 тыс. га[33]. Выделенные на рис. 1 плодородные почвы занимают на Таманском полуострове, в варианте без Темрюкско-Курчанской гряды, около 68.4 тыс. га, соответственно, с учетом паров в 1877 г. было распахано не менее 76% нашего массива плодородных почв. Перед указанным годом было несколько лет подряд с невысокими урожаями, причем в 1876 г. случился абсолютный неурожай, не вернувший даже

[31] Активное развитие земледелия началось здесь в 1870-х годах, совпав по времени с официальным межеванием казачьих земель и притоком переселенцев из внутренних губерний России. За двадцать лет, с 1873 г. по 1892 г., посевная площадь в целом по Кубанской области увеличилась в два с половиной раза [Щербина, 1894, с. 2].

[32] До 1869 г. назывался Таманским округом, в 1802–1860 гг. входил в состав Черноморского казачьего войска (Черномории), в дальнейшем последовательно переименовывался в Темрюкский (1888 г.) и Таманский (1910 г.) отдел [Азаренкова, Бондарь, Вертышева, 1986].

[33] Суммирование площадей текущих посевов и посевов озимых используется для расчета общего размера пахотных полей Черномории в хозяйственном обзоре И. Серафиновича [1876, с. 37], здесь же даны типичные доли посевов, пара и перелогов в площади пашни: 40%, 20% и 40% соответственно.

семена[34]. Вполне закономерно, что в 1877 г. «по неимению семян посеяно было немного» [Статистическое описание, 1879, с. 23][35]. Для соседнего административного участка в 1877 г. по сравнению с 1876 г. произошло уменьшение объемов сева (в четвертях) на 44% для озимых, и на 49% для яровых хлебов [Статистическое описание, 1879, с. 46][36]. Отсюда следует, что посевную площадь 1877 г. следует рассматривать как аномально малую: в 1878 г. объем сева пшеницы и ячменя после полученного в 1877 г. урожая сам-7/сам-8 для пшеницы и сам-13 для ячменя увеличился в целом по ТО почти в два раза, а к 1892 г. суммарный объем сева этих культур был выше показателей 1877 г. более чем в 12 раз [ПККО, 1879; 1880; КСК, 1894].

В начале 1910-х годов до 75–80% удобной земли ТО ежегодно находилось под распашкой [Городецкий, 1912, с. 317]. Выделенные нами почвы относились к разряду самых удобных, но, как сказано выше, на Таманском полуострове их распахали на три четверти уже в 1870-х годах. Здесь должен был быть гораздо больший процент распашки, так как полуостров считался современниками наиболее пригодным местом для земледелия среди всей западной части Кубанской области [Серафинович, 1876, с. 20][37]. Во всяком случае, в начале XX в. целинной или переложной земли на Тамани уже не было [Живило, 1908, с. 489], что предполагает ежегодную распашку в дореволюционное время всего выделенного массива лучших почв. Такой уровень освоения подтверждается ранней советской статистикой. В 1935 г. в Темрюкском районе Азово-Черноморского края посевная площадь равнялась 71.6 тыс. га, из них озимые 21 тыс. га, что дает грубую оценку всей пашни в 92.6 тыс. га [Аронова, 1936, с. 130–131]. Эта величина превышает площадь наиболее плодородных почв Темрюкского района в границах 1935 г., которая была ориентировочно 85.8 тыс. га[38].

Таким образом, сравнение с земледельческой практикой показывает, что приведенные в табл. 1 оценки земельных ресурсов, вполне приемлемые для Азиатского Боспора, в случае Европейского Боспора сильно занижены. Основываясь на аграрной статистике, хозяйственно оправданным пределом, причем вовсе не экстремальным, возделываемых земель Керченского полуострова в границах рис. 1 служит величина 150 тыс. га (55% общей площади полуострова), для округи Феодосии таким ориентировочным рубежом является величина 100 тыс. га (71% общей площади области). В целом по Европейскому Боспору размер потенциально возделываемых земель можно оценить в 250 тыс. га (60% общей площади). Отсюда следует, в частности, что мнение о какой-то особой ограниченности и земельных ресурсов, и земледельческого потенциала Керченского

[34] Ф.Ф. Ланд пишет, что зима 1875/1876 гг. была суровой и продолжительной (по замерзшему Керченскому проливу переезжали на санях напрямик из Тамани в Керчь), весной 1876 г. в течение 67 дней с начала марта до середины мая не было дождей, сборы зерновых в 1876 г. находились между сам-1 и сам-2 [Ланд, 1891, с. 135–142]. По официальной статистике в 1876 г. в Темрюкском уезде сборы по культурам были следующие: оз. пшеница сам-0.7, яр. пшеница сам-0.8, ячмень сам-0.8 [ПККО, 1878].

[35] Подобное естественное регулирование не было редкостью [Тимонин, 1900, с. 63], о сокращении запашек в Крыму в схожей ситуации см. выше.

[36] Объем сева пшеницы и ячменя в целом по уезду уже в 1876 г. был приблизительно в два раза меньше, чем в предшествовавшие 3–4 года, а в 1877 г. он сократился по сравнению с 1875 г. в три раза [ПККО, 1874–1879].

[37] Земли Таманского полуострова способствуют «успешному возделыванию очень продолжительное время, на одном и том же месте, всех родов хлебов, как озимых, так и яровых» [Серафинович, 1876, с. 20].

[38] В район входил Варениковский сельский совет [Азаренкова, Бондарь, Вертышева, 1986, с. 109].

полуострова нельзя признать справедливым[39]. Проблемы земледелия связаны здесь, как и везде на Боспоре, не с почвами как таковыми. Критически важным обстоятельством является обеспеченность осадками, без которых даже плодородные земли не дадут хорошего урожая.

Говоря об античном времени, очевидно, что для Европейского Боспора величина в 250 тыс. га представляет собой почти недостижимый умозрительный предел. При общей неразвитости дореволюционного земледелия с точки зрения использования земли, удобрений, севооборотов и т. п., сельские хозяева в Крыму, особенно зажиточные, много внимания уделяли усовершенствованным орудиям, повышающим производительность труда, в частности, современным плугам, без которых вряд ли бы удалось освоить большие площади тяжелых плотных почв. Так что правильнее, по-видимому, говорить о двух предельных размерах пашни: оценки почвенного плодородия задают более реалистичный для античного земледелия максимальный размер возделываемых земель Европейского Боспора, а практика второй половины XIX – начала XX в. указывает на абсолютные пределы распашек при экстенсивном способе ведения хозяйства.

Источники по статистике сельского хозяйства

КСК = Кубанская справочная книжка. Екатеринодар, 1883; 1891; 1894.

НХКО = Народное хозяйство Крымской области. Статистический сборник. Симферополь (Одесса), 1957; 1972; 1977.

ПККЕГ, 1914 = Материалы для статистики Керчь-Еникальского градоначальства // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства. Керчь, 1914.

ПККО = Памятная книжка Кубанской области на … год. Екатеринодар, 1874–1881.

ПФУЗС = Постановления Феодосийского уездного земского собрания. Феодосия, 1867–1915.

«Урожай … года» ЦСК МВД = Урожай … года. Статистика Российской империи. Издание ЦСК МВД. СПб. (Пг.), 1884–1916.

[39] Производственный потенциал возделывавшихся в ФУ земель определяется чистым (за вычетом семян) сбором зерна. Ниже мы приводим рассчитанные по сведениям ПФУЗС объемы таких чистых сборов, выразив их для наглядности в условных медимнах (52.5 л). В урожайный 1888 г. в ФУ (без КЕГ) оз. пшеницы собрали 2.41 млн. медимнов, ячменя 640 тыс. медимнов, в сумме 3.05 млн. медимнов. В среднем за 1887–1904 гг. ежегодные сборы оз. пшеницы составляли 1.22 млн. медимнов (максимальный сбор 2.54 млн. в 1899 г.), ячменя 720 тыс. медимнов (в некоторые годы 1.3–1.4 млн.), т. е. среднегодовые суммарные сборы этих двух культур были около 1.94 млн. медимнов. Исходя из данных по волостям, на Керченском полуострове и в округе Феодосии среднегодовые сборы за 1896–1904 гг. составляли для оз. пшеницы ориентировочно 720 тыс. (Керченский полуостров) и 470 тыс. (округа Феодосии) медимнов, для ячменя 395 тыс. и 195 тыс. медимнов соответственно, по сумме двух культур 1.12 млн. и 665 тыс. медимнов соответственно. Сюда следует добавить еще около 127 тыс. медимнов среднегодового чистого сбора пшеницы и ячменя, приходившегося на КЕГ (оценка для 1903–1912 гг. по [ПККЕГ, 1914, с. 14–15]). Максимальный общий сбор пшеницы и ячменя по двум областям (без КЕГ) за девятилетний период был около 2.18 млн. медимнов (1899 г.), на землях КЕГ максимальный сбор был 216 тыс. медимнов (1911 г.).

Список литературы

Азаренкова, Бондарь, Вертышева, 1986. Азаренкова А. С., Бондарь И. Ю., Вертышева Н. С. (ред.) Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар.

Аронова, 1936. Аронова Р. Э. (ред.) Посевные площади СССР (по административным районам). Итоги учета посевных площадей летом 1935 г. Вып. II. М.

Бейлин, Ермолин, Масленников, Смекалов, 2014. Бейлин Д. В., Ермолин Е. Л., Масленников А. А., Смекалов С. Л. Античные поселения Европейского Боспора эллинистического времени (каталог памятников) // ДБ. 18.

Бененсон, 1914. Бененсон М. Е. (ред.) Материалы по описанию Феодосийского уезда. Вып. 1. Основные таблицы: крестьянское население, скотоводство, землевладение и землепользование. Симферополь.

Бененсон, 1919. Бененсон М. Е. Экономические очерки Крыма. Симферополь.

Бечаснов, 1901. Бечаснов П. А. (ред.) Посевные площади, принимавшиеся ЦСК при разработке урожаев 1881, 1887, 1893–1899. Временник ЦСК МВД. 48. СПб.

Блеклов, 1900. Блеклов С. М. (ред.) Сельскохозяйственный обзор Таврической губернии за 1899 год. Симферополь.

Вальков и др., 1996. Вальков В. Ф., Штопмель Ю. А., Трубилин И. Т., Котляров Н. С., Соляник Г. М. Почвы Краснодарского края, их использование и охрана. Ростов-на-Дону.

Вернер, 1886а. Вернер К. А. (ред.) Статистические таблицы о хозяйственном положении Феодосийского уезда и Керчь-Еникальского градоначальства // Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Том III. Симферополь.

Вернер, 1886б. Вернер К. А. (ред.) Описание отдельных волостей Феодосийского уезда // Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Том III. Симферополь.

Вернер, 1889. Вернер К. А. (ред.) Памятная книжка Таврической губернии. Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Том IX. Симферополь.

Вильсон, 1866. Вильсон И. И. Распределение земель Европейской России по угодьям // Статистический временник Российской империи. Серия I. Вып. 1. СПб.

Виноградова, 1925. Виноградова Н. М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. Кн. XXIII. 10–12.

Виноградова, 1926. Виноградова Н. М. Русская урожайная статистика (продолжение) // Вестник статистики. Кн. XXIV. 1–6.

Гаврилов, 2004. Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. Симферополь.

Гаврилюк, 1974. Гаврилюк Ф. Я. Бонитировка почв. М.

Гарбузов, 2015а. Гарбузов Г. П. Земельные ресурсы Боспора // Боспорские чтения. XVI.

Гарбузов, 2015б. Гарбузов Г. П. Влияние плодородия почв на пространственное распределение античных поселений Европейского Боспора // ПИФК. 1.

Герсеванов, 1849. Герсеванов Н. Б. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XI. Часть 2. Таврическая губерния. СПб.

Главнейшие данные, 1895. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Статистика Российской империи. Том XXII. Вып. XLI. Таврическая губерния. СПб.

Городецкий, 1912. Городецкий Б. М. Крестьянское землевладение и землеустроительные работы в Таманском отделе Кубанской области // Кубанский сборник. XVII. Екатеринодар.

Драган, 2004. Драган Н. А. Почвенные ресурсы Крыма. Симферополь.

Драган, 2011. Драган Н. А. Сравнительная оценка качества почвенных ресурсов Крыма // Ученые записки Таврического национального университета. Серия «География». Т. 24 (63). № 2. Ч. 1.

Ершов, 1875. Ершов Г. Г. Сведения о посеве и сборе хлебов и картофеля в 1870–1872 годах и о численности скота в 1870 году в Европейской России // Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. 10. СПб.

Живило, 1908. Живило К. Т. Экскурсия на Таманский остров (Июнь 1908 г.) // Кубанский сборник. XIV. Екатеринодар.

Зинько, 2007. Зинько В. Н. Хора городов Европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н. э.). БИ. XV.

Иванцов, 1915. Иванцов Д. Н. К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. XIV. Пг.

Клепинин, 1935. Клепинин Н. Н. Почвы Крыма. Симферополь.

Кругликова, 1975. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.

Кузнецов, 2000. Кузнецов В. Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 1.

Кутайсов, 2001. Кутайсов В. А. Об урожайности основных зерновых культур в Северном Причерноморье // БФ. Ч. 2.

Кутайсов, 2002. Кутайсов В. А. Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // ПИФК. XII.

Ланд, 1891. Ланд Ф. Ф. Климатические наблюдения в городе Темрюк // Кубанский сборник. II. Екатеринодар.

Малигонов, 1923. Малигонов А. А. Краткий географический очерк сельского хозяйства на Кубани, в связи с его эволюцией. Труды Кубано-Черноморского краевого научно-исследовательского института. Том VIII. Вып. 3. Краснодар.

Масленников, 1995. Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.) // БС. 8.

Медведев, Плиско, 2006. Медведев В. В., Плиско И. В. Бонитировка и качественная оценка пахотных земель Украины. Харьков.

Одрин, 2004. Одрин А. В. Почвенные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора VI–IV в. до н. э. // БФ. Ч. 1.

Одрін, 2007. Одрін О. В. Ресурсний потенціал та структура господарскої діяльності античных держав Північного Причорномор'я у V–III ст. до н. е. // Автореферат дисс. канд. ист. наук. К.

Одрін, 2014. Одрін О. В. Екологія господарства античных держав Північного Причорномор'я. К.

Островский, 1980. Островский А. В. О статистике пахотных угодий в Европейской России (1899–1917) // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вологда.

Островский, 2013. Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб.

Подгородецкий, 1988. Подгородецкий П. Д. Крым. Природа. Справочное издание. Симферополь.

Семенов, 1885. Семенов П. П. (ред.) Географическо-статистический словарь Российской империи. V. СПб.

Серафинович, 1876. Серафинович И. Обзор производительности бывшей Черномории Кубанской области // ПККО на 1876 год. Отдел третий. Екатеринодар.

Смекалов, 2011. Смекалов С. Л. Ещё раз к вопросу о производстве зерна и численности населения Европейского Боспора // БФ.

Статистическое описание, 1879. Статистическое описание Темрюкского уезда // ПККО на 1879 год. Екатеринодар.

Струве, 1884. Струве В. О. (ред.) Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год. Статистический временник Российской Империи. Серия III. Вып. 4. СПб.

Тимонин, 1900. Тимонин М. Полевое хозяйство в северо-западной части Кубанской области (бывшая Черноморія). Сборник материалов по изучению полевого хозяйства на Кавказе. Вып. I. Тифлис.

Шевчук и др., 2006. Шевчук А. Г., Беднарский И. Г., Швец А. Б., Ефимов С. А., Кравцова Л. П. Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII–XXI вв. Симферополь.

Шелов-Коведяев, 1985. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // ДГ СССР 1984 г. М.

Щербина, 1894. Щербина В. А. (ред.) Сельское хозяйство, промышленность и торговля // КСК 1894 года. Отдел 1В. Екатеринодар.

Ханацкий, 1867. Ханацкий К. В. (ред.) Памятная книга Таврической губернии. Вып. I. Симферополь.

Челинцев, 1922. Челинцев А. Н. (ред.) Сборник статистических материалов по организации крестьянского хозяйства Украины и смежных губерний. Одесса.

Юбилейный сборник, 1913. Юбилейный сборник ЦСК МВД. L. СПб.

Янсон, 1870. Янсон Ю. Э. Крым, его хлебопашество и хлебная торговля. Труды экспедиции, снаряженной Императорскими вольным экономическим и Русским географическим обществами, для исследования хлебной торговли и производительности в России. Том II. Вып. 1. СПб.

Braund, 2007. Braund D. Black Sea Grain for Athens? From Herodotus to Demosthenes // Gabrielsen V., Lund J. (eds) The Black Sea in Antiquity. Regional and interregional economic exchanges. BSS 6.

De Angelis, 2000. De Angelis F. Estimating the Agricultural Base of Greek Sicily // Papers of the British School at Rome. 68.

Forbs, 1992. Forbs H. The ethnoarchaeological approach to ancient Greek agriculture // Wells. B. (ed.) Agriculture in ancient Greece. Proceedings of the Seventh International Symposium at the Swedish Institute at Athens, 16–17 May, 1990. Stockholm.

Gallant, 1991. Gallant T. W. Risk and Survival in Ancient Greece: Reconstructing the Rural Domestic Economy. Stanford, CA.

Garnsey, 1985. Garnsey P. Grain for Athens // Cartledge P. A., Harvey F. D. (eds) Crux: Essays in Greek History Presented to G. E.M. de Ste. Croix on his 75th Birthday. History of Political Thought. 6. 1/2. London.

Garnsey, 1988. Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Cambridge University Press.

Garnsey, 1998. Garnsey P. Cities, Peasants and Food in Classical Antiquity: Essays in Social and Economic History. Cambridge University Press.

Gomme, 1933. Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Oxford: Blackwell.

Halstead, 1987. Halstead P. Traditional and Ancient Rural Economy in Mediterranean Europe: Plus ça Change? // The Journal of Hellenic Studies. 107.

Hopper, 1979. Hopper R. J. Trade and Industry in Classical Greece. London.

Jardé, 1925. Jardé A. Les céréales dans l'Antiquité grecque: I. La production. Bibliothèques de l'Ecole française d'Athènes et de Rome. Fascicule 130. Paris.

Kocevalov, 1932. Kocevalov A. Die Einfuhr von Getreide nach Athen // Rheinisches Museum für Philologie N. F. Band 81.

Moreno, 2007a. Moreno A. Feeding the democracy. The Athenian grain supply in the fifth and fourth centuries BC. Oxford.

Moreno, 2007б. Moreno A. Athenian Wheat-Tsars: Black Sea Grain and Elite Culture // Gabrielsen V., Lund J. (eds) The Black Sea in Antiquity. Regional and interregional economic exchanges. BSS 6.

Müller, 2010. Müller Ch. D'Olbia à Tanaïs. Territoires et réseaux d'échanges dans la mer Noire septentrionale aux époques classique et hellénistique. Scripta Antiqua 28. Bordeaux.

Ruschenbusch, 1988. Ruschenbusch E. Getreideerträge in Griechenland in der Zeit von 1921 bis 1938 n. Chr. als Maßstab für die Antike // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 72.

Sallares, 1991. Sallares R. The ecology of the ancient Greek world. Cornell University Press.

Starr, 1977. Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B. C. New York.

Whitby, 1998. Whitby M. The grain trade of Athens in the fourth century BC // Parkins H., Smith Ch. (eds) Trade, Traders and the Ancient City. London.

Summary

G. P. Garbuzov
Land resources of the Bosporus: theoretical assessments and real practice

The article presents the results of comparing the land resources estimates of the Bosporus main areas obtained through analysis of the natural soil fertility with statistics data of Russian pre-revolutionary agriculture. The comparison reveals clear that on the European Bosporus in the late 19th and early 20th centuries regularly have had plowing much more agriculture lands than can be imagined on the basis of speculative assessments. This indirectly confirms that the agricultural potential of the European Bosphorus can be quite large in the classical period and our generally accepted assessments of this potential are too low.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.40-53

О. Ф. Жупанин, А. А. Иванов, О. П. Куликова
(НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар)

Постройка эллинистического времени на поселении «Усадьба Виноградник»

В 2015 г. экспедицией НАО «Наследие Кубани» были продолжены охранно-спасательные исследования поселения «Усадьба Виноградник» в Анапском р-оне Краснодарского края. Памятник был выявлен в 2014 г. в ходе археологического надзора за проведением работ на строительной площадке приморского участка газопровода «Южный поток». Он находится в 1,1 км к югу от юго-восточной окраины села Варваровка, на мысовой площадке, образованной южным «бортом» безымянной балки, прилегающей к западному склону горы Шусева (рис. 1). В ноябре – декабре 2014 г. под руководством А. А. Иванова был полностью исследован участок поселения, попавший в зону строительства площадки микротоннелей [Иванов, 2016, с.]. Тогда же, при проведении археологического надзора за снятием балластного слоя на территории сопредельной строительной площадки ВП-3 был обнаружен участок каменной кладки, рядом с которым был прослежен обширный развал камня. Этот объект располагался в 55-х м от места исследований 2014 г., что и позволило предполагать его связь с поселением «Усадьба «Виноградник». В 2015 г. здесь был заложен Раскоп II площадью 133 кв. м. (рис. 2).

Состояние данного участка поселения «Усадьба «Виноградник» следует охарактеризовать как аварийное. До начала раскопок он представлял собой уплощенное, овальное в плане всхолмление размером 25×33 м. На поверхности, помимо упомянутой стены было заметно бессистемное скопление камней. Однако, говоря о рельефе, следует учитывать, что строителями здесь был снят верхний слой грунта на глубину до 0,4 м. К западу, в непосредственной близости от места раскопок, располагались действующие строительные объекты, в том числе дренажная траншея, траншея с кабелем силовой линии и дорога со щебневым покрытием. Собственно говоря, они и разделяли участки памятника, исследованные в 2014 и 2015 гг.

Стратиграфия на раскопе 2015 г., достаточно своеобразна (рис. 3). Культурные напластования здесь сохранились только в пределах выявленной постройки и представлены отложениями, сформировавшимися во внутреннем пространстве помещений в процессе их функционирования и последующего разрушения. За пределами строительного комплекса культурный слой практически отсутствовал, очевидно, вследствие естественных склоновых оползней. По всей площади Раскопа II были прослежены

Рис. 1. Космоснимок поселения «Усадьба «Виноградник» и его округи (по материалам сервиса Google Earth)

отложения глинистого грунта делювиального характера, насыщенного мелкими обломками горных пород, практически не содержавшего находок. Мощность этих отложений достигала 0,58 м. Они перекрывали руинированные остатки постройки, а за её пределами залегали непосредственно на материке. Очевидно, данный слой сформировался уже после размыва культурных напластований и перекрыл строительные остатки, законсервировав их в хорошем состоянии. Именно это обстоятельство объясняло, то, что неоднократный осмотр данной площадки до начала строительных работ результатов не дал. Подъемный материал на дневной поверхности отсутствовал, а скопления камней и детали рельефа, свидетельствующие о наличии построек античного времени, визуально не прослеживались. Проведение шурфовок на данном участке было бы также малопродуктивным. На наш взгляд, данный случай весьма показателен и его следует учитывать в практике разведочных и охранных археологических работ в прибрежной зоне Северо-Восточного Причерноморья.

Итак, в ходе работ на Раскопе II были выявлены остатки многокамерной (многосекционной) каменной постройки – «Дом» 3 (рис. 3–4). В нём достаточно уверенно можно выделить квадратное в плане Помещение 7, ориентированное углами по сторонам света. Остатки образовывавших его стен были прослежены почти по всему периметру, за исключением северо-западного угла, разрушенного позднейшим перекопом. Размеры помещения изнутри составили 5,58×5,88 м. С юго-западной стороны постройки, по центру прослежен разрыв каменной кладки шириной 1,06 м, очевидно, образовывавший вход внутрь помещения.

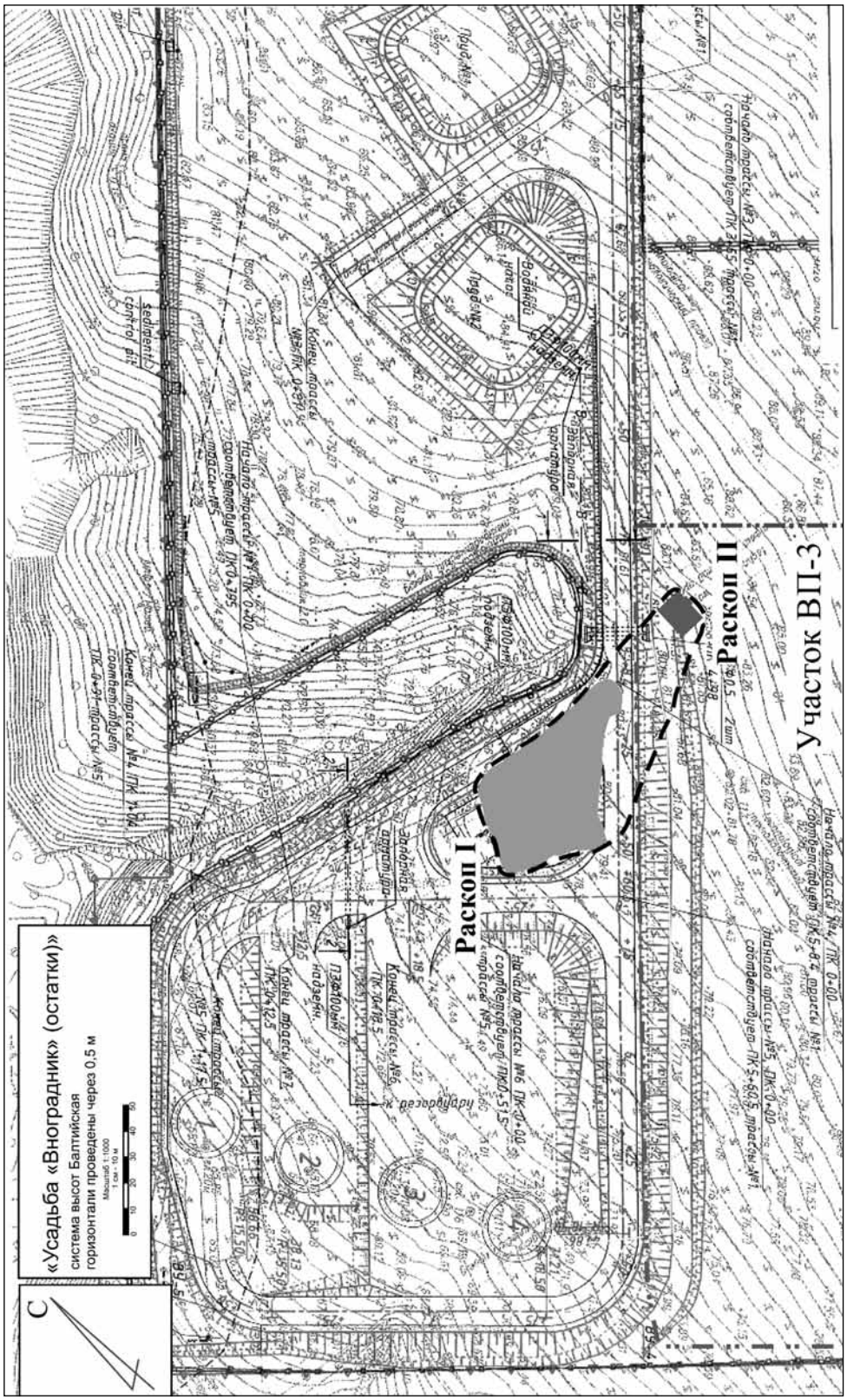


Рис. 2. Топографический план поселения «Усадьба «Виноградник» с указанием границ раскопов 2014 и 2015 гг. (пунктиром обозначены возможные границы поселения)

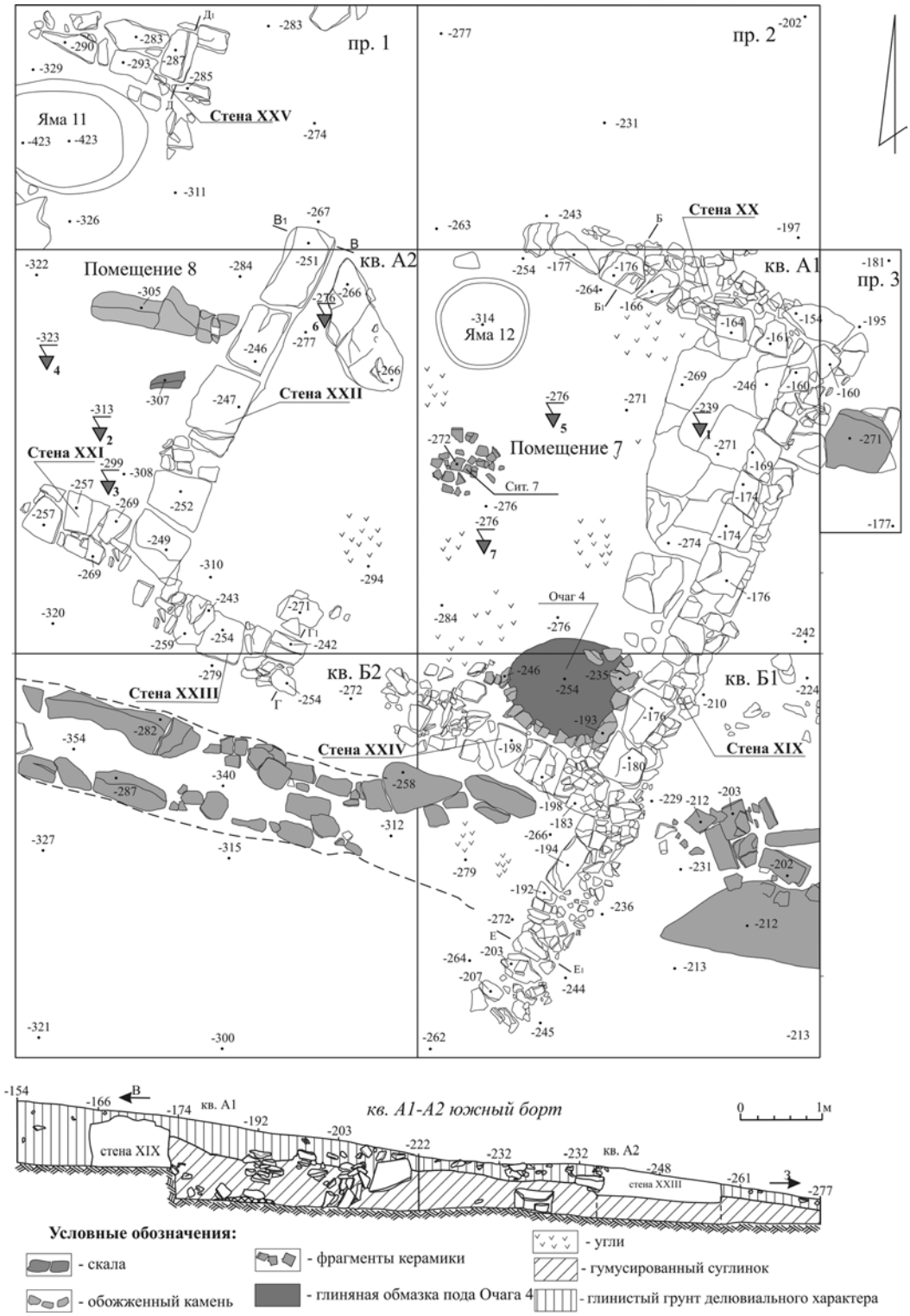


Рис. 3. «Усадьба «Виноградник». Раскоп II. План Дома 3 и стратиграфический профиль раскопа по линии южных бортов квадратов А1-А2

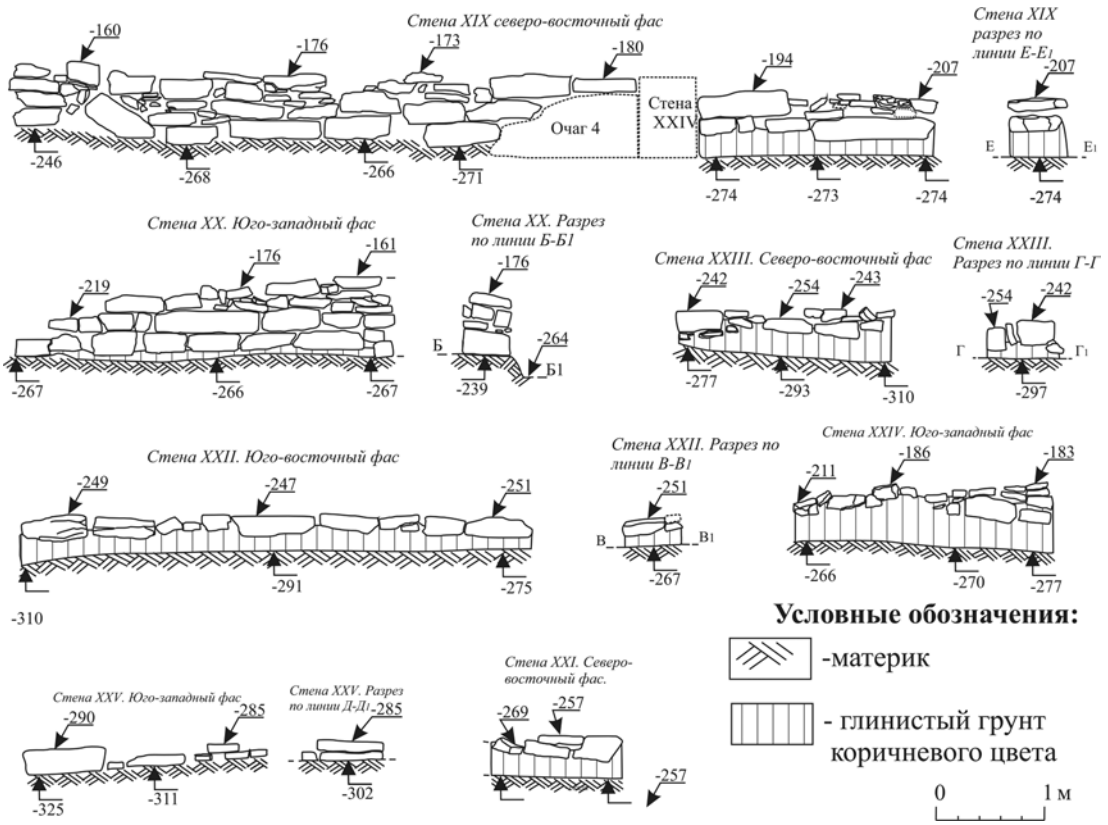


Рис. 4. «Усадьба «Виноградник». Раскоп II. Фасировка стен Дома 3

Ровный с небольшим уклоном к северо-западу пол был прослежен на 0,46 м ниже уровня материка. Очевидно, данное помещение начинало строиться с неглубокого котлована, выкопанного для нивелировки перепада высот площадки, на которой была возведена вся постройка. Стенки котлована достаточно хорошо прослеживались с северной и восточной сторон, а собственно стены помещения располагались по его периметру.

Соответствующие наблюдения в ходе раскопок (рис. 3) свидетельствуют, что в процессе разрушения постройки её стены рухнули во внутреннее пространство помещения, образовав мощный каменный завал, который постепенно был перекрыт грунтом в виде гумусированного суглинка. Ниже этого развала, в пределах Помещения 7 фиксировались пятна золисто-глинистого, чёрного грунта, насыщенного частицами древесного угля. Очевидно, это остатки слоя, сформированного на полу помещения в период его функционирования. Ниже залегал материк – суглинок пылевой структуры серо-желтого цвета.

Вдоль восточной стены помещения на площади 3,4×1,32 м прослежена каменная выкладка пола, устроенная из мергелевых плит неправильной формы. Основание стены XIX залегало непосредственно на материке, тогда как между основанием стены XX и материком прослежена прослойка глинистого грунта коричневого цвета, аналогичного тому, что использовался в качестве связующего раствора. В остальных случаях стены покоились на слое гумусированного суглинка. Они были сооружены из необработанных мергелевых плит серо-коричневого цвета, различной величины и формы

Рис. 5. «Усадьба «Виноградник». Раскоп II. Общий вид Дома 3.
Вид с северо-востока

с использованием связующего глинистого раствора. В отдельных случаях толщина щелей между камнями достигала 3–5 см. Ширина стен колебалась в пределах 0,56–0,67 м. Наиболее показательны северо-восточная и юго-восточная стены Помещения 7 (XIX и XX), соединенные между собой впереплет и сохранившиеся на высоту до 0,68 м. В первом и втором рядах их кладки были использованы довольно крупные (0,74×0,52×0,22 м) мергелевые плиты (рис. 4). Следует отметить, что стены XIX и XXIV, образующие южный угол Помещения 7, были соединены встык. В остальных случаях от стен сохранился лишь один нижний ряд кладки (рис. 4).

В юго-восточном углу Помещения 7 были обнаружены остатки хорошо сохранившегося очага, (№ 4) (рис. 3; 6–8). Он имел округлую в плане форму (1,31×1,64 м) и вертикальные стенки высотой до 0,59 м, выложенные из мергелевых плит небольших размеров. Северная часть стенки очага оказались разрушенной вследствие падения камней с соседних стен. Камни стенки очага, как и следовало ожидать, были прокалены и приобрели характерный красноватый цвет. Очаг был заполнен глинисто-золистым грунтом красно-коричневого цвета. В нём находились небольшие камни и фрагменты керамических сосудов, в том числе края красноглиняной кастрюли и часть горловины красноглиняного кувшина (рис. 9, *6–7*). Под очага – слой прокалённой глины (рис. 7), под которым прослежена выкладка из горизонтально и плотно уложенных керамических обломков: преимущественно стенок амфор (рис. 8). Профильные же части представленные четырьмя венчиками и ручкой синопских амфор (рис. 9, *1–5*).

Следы еще одного очага были обнаружены в центральной части помещения. Здесь также был расчищен участок горизонтальной выкладки (0,86×0,63 м) из черепков амфор,

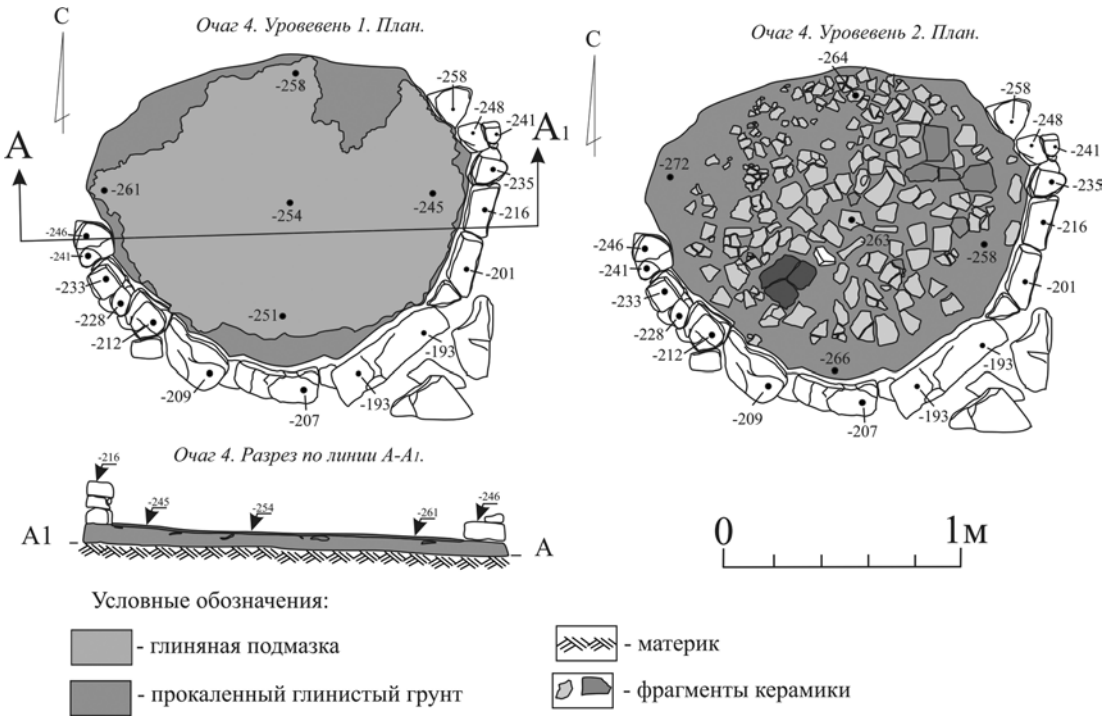


Рис. 6. «Усадьба «Виноградник». План Очага 4 из Помещения 7

Рис. 7. «Усадьба «Виноградник». Общий вид Очага 4 из Помещения 7.
Вид с северо-запада

Рис. 8. «Усадьба «Виноградник». Общий вид выкладки из черепков амфор во внутреннем пространстве Очага 4. Вид с запада

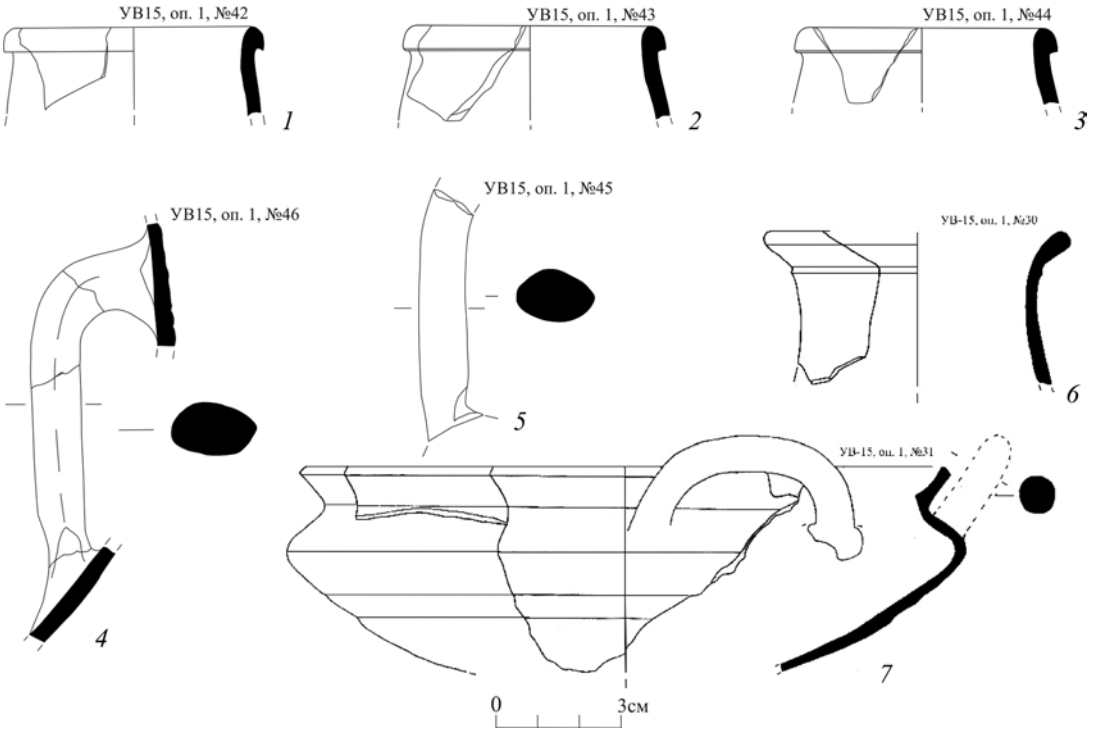


Рис. 9. «Усадьба «Виноградник». Находки из Очага 4. *1–5* – фрагменты амфор, *6* – фрагмент горловины красноглиняного кувшина, *7* – фрагмент края кастрюли

Рис. 10. «Усадьба «Виноградник». Общий вид остатков разобранного очага в центральной части Помещения 7. Вид с востока

имевших признаки сильного термического воздействия и залегавших на слое сильно прокаленного глинистого грунта красноватого цвета толщиной 3–4 см (рис. 10). Нельзя исключать, что это остатки более раннего очага, разобранного в процессе функционирования постройки.

Ближе к северо-западному углу Помещения 7 была выявлена Яма 12 (рис. 3). Она имела округлую в плане форму (1,12×1,1 м); стенки наклонены вовнутрь, дно (на 0,51 мниже уровня пола помещения) ровное горизонтальное (0,87×0,84 м). Заполнение ямы: глинистый грунт серо-коричневого цвета, в котором обнаружены фрагменты лепных сосудов.

Находки, сделанные при разборе заполнения котлована Помещения 7, немногочисленны, но, тем не менее, достаточно выразительны. Среди них следует отметить стенку «мегарской» чаши с рельефным орнаментом в виде мелких треугольных листиков (рис. 12, *4*), поддон чернолаковогоканфара (рис. 12, *6*) и археологически целую тарелочку, покрытую бурым лаком (рис. 12, *5*), а также фрагменты терракотовых статуэток (рис. 12, *8–9*). Тут же была найдена медная боспорская монета сер. III в. до н. э. (рис. 12, *7*) (На лицевой стороне изображение лука и стрелы, а на оборотной – заметно потертое изображение головы Сатира влево.) При расчистке золистого пятна на полу в юго-восточной части помещения найдены фрагменты лепных и гончарных сосудов (рис. 12, *1–3*). В северо-восточном углу, под крупной каменной плитой, упавшей на пол, была обнаружена железная тесловидная мотыжка (рис. 12, *10*).

С северо-запада к Помещению 7, по всей вероятности, примыкало еще одно помещение (№ 8), сохранившееся значительно хуже. Большая часть этого комплекса попала

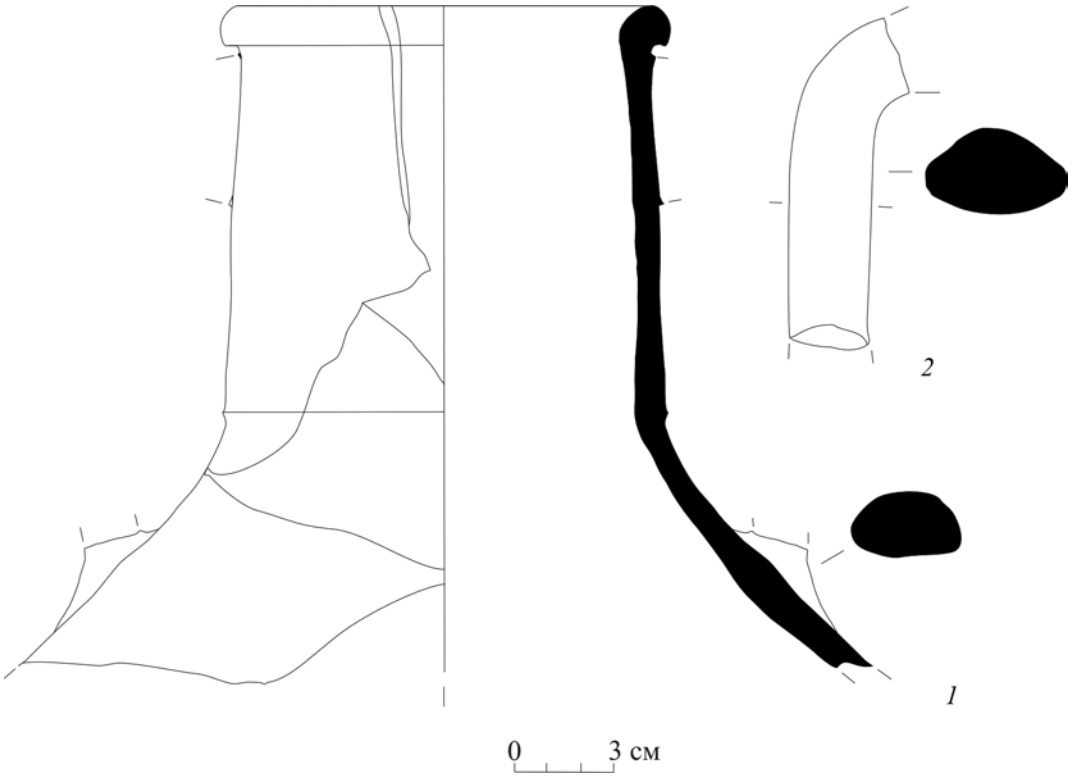


Рис. 11. «Усадьба «Виноградник». Находки из разобранного очага в центральной части Помещения 7. *1–2* - фрагменты амфор

в пределы площади, разрушенной при строительных работах. Тем не менее, в западной части раскопа прослежены стена XXI и участок стены XXV, расположенные параллельно друг другу. Разделяла эти помещения стена XXII, от которой сохранился один ряд однослойной постелистой кладки из всё тех же крупных мергелевых плит. Размеры уцелевшей части Помещения 8 составили 5,91×3,78 м. Следует отметить, что стена XXI, примыкавшая с запада под прямым углом к Стене XXII, имела в длину всего 1,10 м, между тем, как её а торцевая (западная) часть не была разрушена. Между окончанием стены и бортом раскопа оставалось свободное пространство. Не исключено, что здесь, по аналогии с планировкой Помещения 7, был также устроен вход.

В северной части Помещения 8 прослежен мощный каменный завал, образовавшийся в результате разрушения его северо-восточной стены (XXV). Возле этой стены была прослежена овальная в плане яма 11 (рис. 3) с сужающимися ко дну стенками. Дно ямы находилось на 0,94 м ниже уровня пола помещения. Заполнение перекрывалось упомянутым каменным завалом, частично просевшим внутрь ямы. Само заполнение представляло собой однородный, плотный гумусно-глинистый грунт серо-коричневого цвета. В нём было обнаружено 7 стенок красноглиняных пифосов.

Из находок внутри Помещения 8 отметим фрагмент горловины родосской амфоры (рис. 13, *1*), обломки флаконов, один из которых сероглиняный (рис. 13. *2*), другой – покрыт бурым лаком (рис. 13. *3*), фрагмент красноглиняной курильницы (рис. 13, *4*),

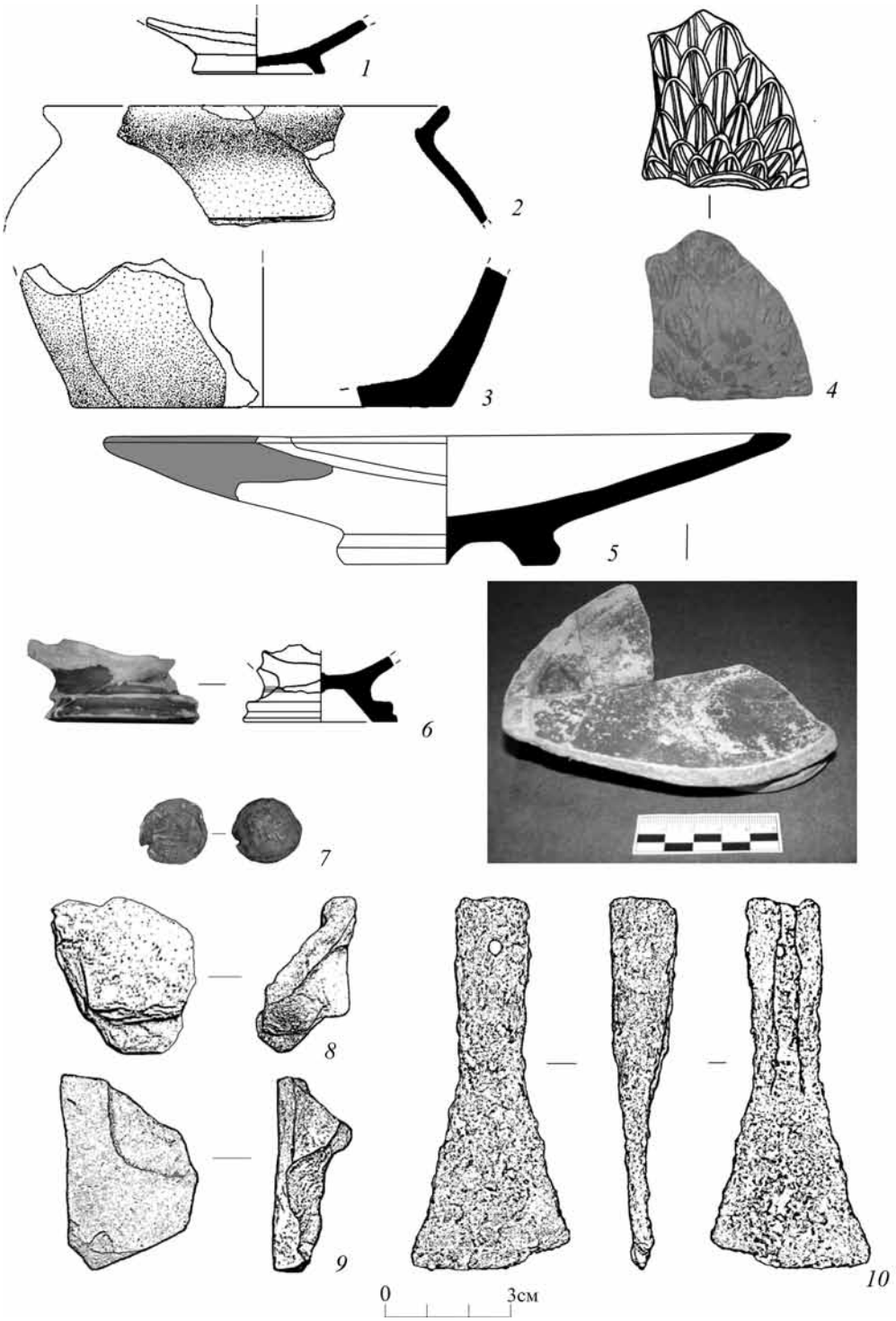


Рис. 12. «Усадьба «Виноградник». Находки из Помещения 7. *1–3* – фрагменты керамических сосудов, *4* – фрагмент стенки мегарской чаши, *5* – тарелка с лаковым покрытием бурого цвета, *6* – фрагмент чернолакового канфара, *7* – медная монета, *8–9* – фрагменты терракот, *10* – железная мотыжка

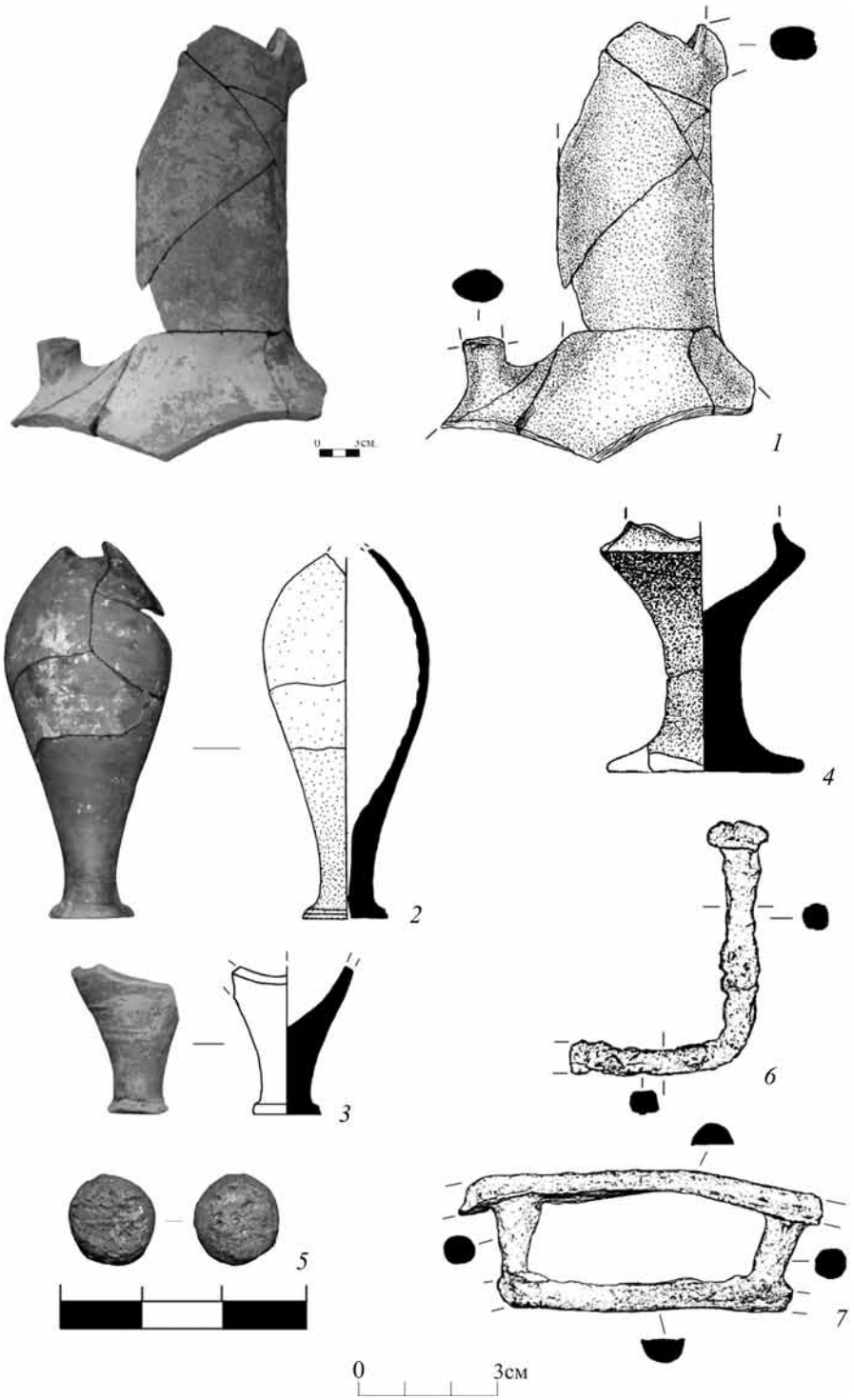


Рис. 13. «Усадьба «Виноградник». Находки из заполнения Помещения 8. *1* – фрагмент горловины родосской амфоры, *2* – фрагмент сероглиняного флакона, *3* – фрагмент флакона с лаковым покрытием бурого цвета, *4* – красноглиняная курильница, *5* – медная монета, *6* – железный гвоздь, *7* – свинцовая стяжка

железный гвоздь (рис. 13, *6*) и свинцовую стяжку (рис. 13, *7*). Здесь же была найдена медная боспорская монета с изображением лука и стрелы на лицевой стороне (рис. 13. *5*). Изображение на оборотной – не сохранилось.

Для понимания планировки всего комплекса построек важна стена XIX, южный участок которой сохранился в длину на 2,62 м и выходил за пределы Помещения 7. Можно предположить, что данная стена ограничивала пространство двора всей постройки (усадьбы). Остальная часть постройки, как уже писалось, была уничтожена при строительных работах или разрушена в результате естественных (оползневых) процессов.

Несмотря на незначительное в целом количество находок, представляется возможным наметить хронологические рамки существования исследованного строения. Так монеты вполне уверенно можно отнести к эмиссии первой половиной III в. до н. э. [Шелов, 1956, с. 217. Табл. VI, №№ 65, 66]. Для фрагментов флаконов, тарелочки с лаковым покрытием, а также кастрюли из заполнения очага 4 многочисленные аналогии представлены в комплексах III–II вв. до н. э. из Горгиппии [Алексеева, 1997. Табл. 83, *3, 4, 7, 8*; Табл. 81, *5–6*; Табл. 57, *44*; Табл. 56, *44–47*]. Поддон чернолакового канфара, по всей вероятности, можно отнести к концу III – 1-й четверти II в. до н. э. [Егорова, 2009, с. 150, рис. 35 А, № 549]. Аналогия для стенки «мегарской» чашки происходит из хорошо датированного комплекса последней четверти II в. до н. э. на поселении Голубицкая 2 [Журавлев, Захаров, 2016, с. 224, рис. 2, *2*]. Таким образом, датировка раскопанного строения: III – вторая половина II вв. до н. э., что вполне согласуется с хронологией построек, раскопанных в 2014 г. То же можно сказать и о строительных приёмах и традициях, в том числе принципах разбивки на местности и осях ориентации. Впрочем, были выявлены и некоторые «инновации», например: постелистые участки кладок и устройство основания для пода печей-очагов. Последние – находят аналогии в интерьере усадеб III–I вв. до н. э., раскопанных в районе пос. Джемите [Алексеева Е. М., 1980, с. 24–38, рис. 6]. А упомянутая железная мотыжка дополняет серию находок сельскохозяйственных орудий из раскопок 2014 г.

Несмотря на неполную сохранность, можно предположить, что это были отдельно стоящие одно- двухсекционные, прямоугольные помещения (дома), располагавшиеся как бы по периметру некоего свободного, также подпрямоугольного пространства – двора. Почти повсеместны остатки очагов в углах помещений или в их центре. Все эти постройки были, скорее всего, заглубленными в землю жилищами. Дно их котлованов залегало в среднем на 0,2–0,4 м ниже уровня материка. Не исключено, котлованы выкапывались с целью устранения естественных перепадов высот на площадках, предназначенных для обживания [Иванов, 2016, с. 255]. Скорее всего, площадь памятника (усадьбы?) была до начала строительных работ более значительной, нежели представлялось на начальном этапе его исследования.

Приведённые выше аналогии могут служить дополнительным аргументом в пользу отнесения данного памятника к числу сельских поселений земледельческой округи Горгиппии. Более того, раскопки поселения «Усадьба Виноградник» в 2014–2015 гг., позволили отодвинуть достаточно далеко к югу (в зону предгорий) предполагаемую границу дальней хоры этого важного боспорского центра, что расширяет наши представления о динамике её развития.

Список литературы

Алексеева, 1980. Алексеева Е. М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Под ред. Т. И. Кругликовой. Т. 1, Краснодар.

Алексеева, 1997. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.

Егорова, 2009. Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.

Журавлёв, Захаров, 2016. Журавлёв Д. В., Захаров Е. В. Свинцовая гиря с поселения Голубицкая 2 // Древности Боспора. Том 20, М.

Иванов, 2016. Иванов А. А. Охранно-спасательные исследования поселения эллинистического времени «Усадьба Виноградник» в 2014 г. // Древности Боспора. Том 20, М.

Шелов, 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.

Summary

O. F. Zhupanin, A. A. Ivanov, O. P. Kulikova.

The Hellenistic period construction from the excavations of « The Estate «Vinogradnik» in 2015

The article is devoted to the results of security and rescue studies conducted in 2015 by the expedition of NAO «NASLEDIE KUBANI» on the settlement of Hellenistic time of «The Estate «Vinogradnik» in the zone of the Hellenistic time construction of the coastal section of the gas pipeline « South stream», to the south of Varvarovka village in the resort city of Anapa, Krasnodar Territory.

In 2015 the remains of buildings buried in the ground space and well-preserved stone walls were discovered during the excavation of site II with the area of 133 sq. m. Two rooms with a revealed well - remained hearth were traced in total. Judging by findings, the investigated building complex can be carried to the III – second half of the II century BC. The results of the work of 2015 confirm the earlier assumption about the belonging of the monument to the rural settlements of the agricultural neighborhood Gorgippyia.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.54-66

А. А. Завойкин
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Котлован 744 на «Верхнем городе» Фанагории

В 2016 г. в Фанагории, на раскопе «Верхний город», который находится в районе исторического центра города, где располагался его акрополь, в ряду однотипных объектов, исследованных здесь в разные годы, был открыт и котлован, получивший порядковый номер 744. Мне показалось уместным сосредоточить на этом объекте внимание, прежде всего, в силу того, что он относится к числу позднейших сооружений подобного рода, известных на сегодняшний день в Фанагории. Поэтому вопрос о хронологии котлована 744 приобретает особый смысл в качестве объекта, «замыкающего» довольно длинный хронологический ряд сооружений подобного рода. Соответственно, закономерным становится и вопрос о причинах прерывания данной строительной традиции в изучаемом районе города.

Начать же, видимо, стоит все-таки с терминологических вопросов. Саму дефиницию «котлован» мы ввели в оборот после 2005 г. для выделения из ряда «обычных», округлых в плане, хозяйственно-бытовых ям углубленных структур подпрямоугольной формы с плоским дном. Изначально очевидно, что сама их форма и размеры (как правило, превышающие площадь круглых ям) предполагают использование «котлованов» в чем-то иначе, нежели круглых ям[1]. Функциональное предназначение этих котлованов не столь очевидно и, вероятно, разнообразно. В целом предполагается их использование в хозяйственных и, возможно, ремесленно-производственных целях. Самый наглядный пример – котлован 290Б, который представлял собой склад амфор (хиосских, вероятно, одной партии) [см.: Zavojkin, 2011, S. 91–110; Завойкин и др., 2013, с. 206–229]. Нередко в котлованах были найдены отдельные археологически целые амфоры in situ (например, в котлованах 274, 823 и др.), а не в качестве сброса при их засыпке. Впрочем, именно крупные обломки керамических форм – тоже одно из характерных свойств заполнения этих объектов[2].

[1] Те и другие в принципе представляют собой обустроенную в грунте полость для хранения чего-либо. Однако в самой их конструкции имеются существенные различия. Обычная круглая хозяйственная яма, как правило, (если не обрушилась ее устьевая часть) имеет колоколовидную или грушевидную форму, которая обеспечивает, с одной стороны, максимально возможную её емкость, а с другой,– легкость перекрытия устья. Форма котлована (параллепипид) предполагает более сложную и бóльшую по размеру конструкцию перекрытия. Очевидно, что это объясняется иным способом использования таких сооружений, возможностью спускаться в них человека.

[2] По всей видимости, этот факт (хотя бы с оговорками) можно интерпретировать как свидетельство разовой их засыпки (или несколькими близкими по времени сбросами).

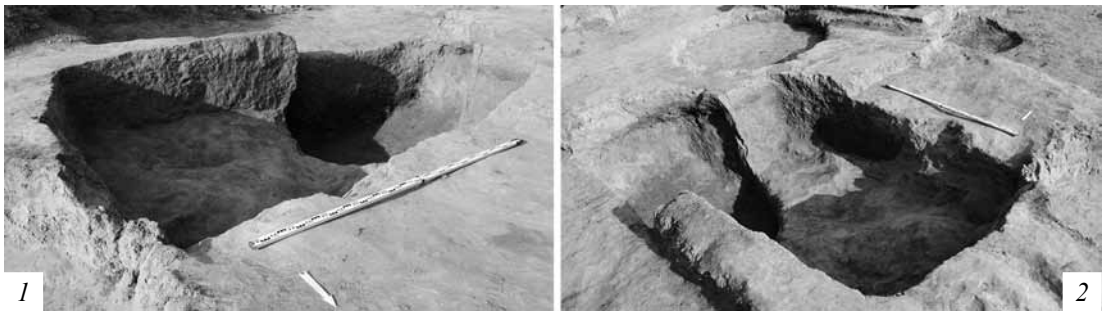


Рис. 1. Котлован 744. Виды с ССВ (а) и ЮВ (б)

Поскольку до наших дней сохранились только низы котлованов, сложно судить о том, каким образом была оформлена их наземная часть[3]. Редкие случаи, когда в заполнении этих объектов удалось проследить следы обрушения перекрытий, позволяют предполагать, что наземные конструкции были сделаны из легких органических материалов (дерево, камка, тростник). В пользу этого же говорят следы столбовых ямок в интерьере, которые, однако, прослеживались далеко не всегда. В некоторых случаях были выявлены небольшие в плане и неглубокие ямки на полах[4], отдельно лежащие камни, редко – светильники и другая керамика. Все это говорит об использовании полезной площади котлованов в различных хозяйственных целях.

Едва ли требует особых доказательств тезис, что эти простые земляные сооружения были недолговечны (Хотя достоверно определить с желаемой точностью продолжительность их функционирования, в силу недостаточно дробной хронологической дифференциации датирующих материалов, практически невозможно.[5]). В пользу этого свидетельствует, в частности, тот факт, что стенки их, вырезанные в материковом лессе, обычно не обнаруживают следов укрепления[6]. Но исключения всё же встречаются. Например, бортики котлована 496 были укреплены циновками, сплетенными из травянистых растений. Однако именно в этом случае хорошо фиксируется относительно короткий срок бытования объекта: его заполнение прорезано котлованом 494, засыпь которого, также как и 496-го, датируется в пределах последней четверти V в. до н.э.

[3] Очевидно, что площадь этих сооружений была перекрыта; иначе представить их использование невозможно.

[4] Неоднократно фиксировалась следующая ситуация: по мере выборки заполнения котлована, на уровне пола выявлялось пятно заполнения круглой ямы, часть которой была углублена относительно дна котлована, а часть – в виде «подбоя» (верхний край которого располагался ниже зафиксированного устья котлована) в его бортике (почему-то чаще всего – в южном). Складывалось впечатление, что эти ямы тоже были в интерьере котлована, как его составная часть. Однако впечатление это обманчивое: сохранилась только та часть круглой ямы, которая не была уничтожена прямоугольным котлованом (ниже пола и нижняя часть одного сектора нижней, расширяющейся к низу части ямы, устье которой попало в площадь котлована). Очевидна при такой интерпретации и стратиграфическая последовательность: ямы режутся котлованами.

[5] Косвенным аргументом в пользу короткого срока службы котлованов может служить тот факт, что в ряде случаев несколько близких по времени таких углублений, располагаясь на компактной площади, прорезают заполнение один другого. Например, котлован 290А, засыпанный в 70-е годы V в. до н.э., режет одновременно котлованы 290А и 290В.

[6] Здесь необходима оговорка. В тех случаях, когда заглубленные сооружения имеют стенки, обложенные кладками из сырцового кирпича (например, объекты 266 и 745) или камня (например, объекты 144, 678 и 686), мы именуем их «подвалами».

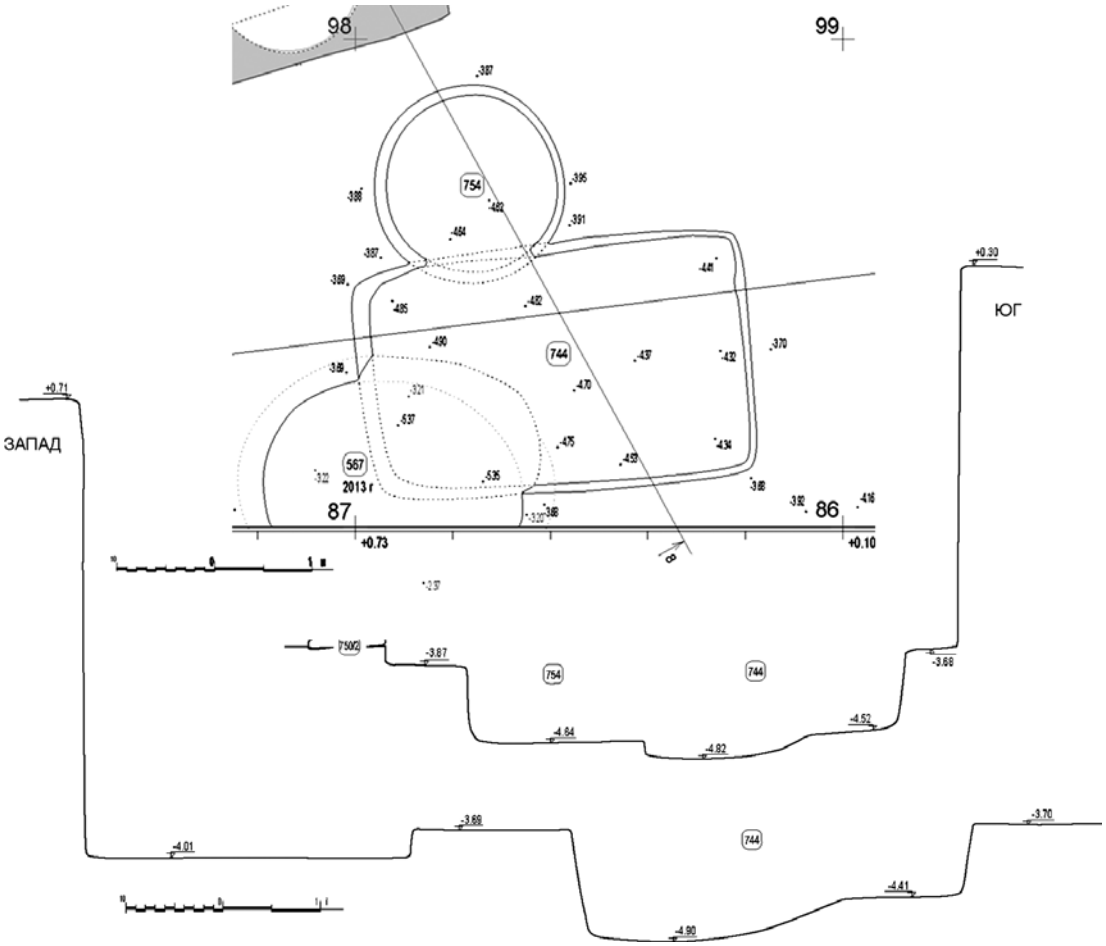


Рис. 2. Котлован 744. План и разрезы

Мы[7] «принципиально» отказались от использования применительно к этим объектам чрезвычайно распространенного термина «землянки»/«полуземлянки» (хотя если вкладывать в это определение тот лишь смысл, что имеются в виду углубленные в землю сооружения, – оно было бы вполне допустимым). И лишь потому, что, на наш взгляд, чрезмерное увлечение этой «темой» привело в отечественной (и не только) историографии к целому ряду необоснованных терминов, теорий и концепций («земляночное домостроительство», «земляночный период» застройки апойкий, «заимствование у варваров идеи земляночного домостроительства» и т. п.). Здесь неуместно вновь касаться этого вопроса в подробностях: свое отношение к нему мы неоднократно уже высказывали [Кузнецов, 1995, с. 99–126; 2009, с. 297; Кошеленко, Кузнецов, 2010, с. 387 сл.; Завойкин, 2009, 186–193; и др.].

В данной работе основное внимание будет сосредоточено на вопросах хронологии котлованов, но в особенности – самого позднего их них.

[7] Я употребляю в этой статье местоимение 1-го лица множественного числа в тех случаях, когда отражаю нашу общую, консолидированную с В. Д. Кузнецовым, точку зрения на тот или иной вопрос.

Всего несколько лет назад мы писали о том, что самые ранние открытые раскопками котлованы относятся к 70-м годам V в. до н. э., и что сооружения эти появляются на «Верхнем городе» Фанагории *после* того, как все древнейшие постройки (*первого периода*) этого района были разрушены в результате пожара примерно в начале – первые десятилетия этого столетия[8]. Выделяя *второй период* в истории исследуемого района Фанагории (первая половина V в. до н. э.), мы подчеркивали его специфичность: «котлованы "сосуществуют" с наземными постройками из сырцового кирпича (294 и 464), которые были построены (восстановлены. – *А. З.*) после разрушения всех домов второй половины 6 в. до н. э., а погибают вследствие военного (?) катаклизма во второй четверти следующего столетия», предполагая возможность, «… что синхронность объектов этих двух категорий – только следствие грубости наших датировок. В принципе можно допустить, что котлованы возникают вскоре после разрушения сырцовых домов (но в пределах той же второй четверти 5 в. до н. э.) и не были синхронны наземным сооружениям (предположительно, общественного характера)» [Завойкин, Кузнецов, 2013, с. 167]. Подчеркивалось, что «Нехарактерность котлованов для *первого периода* истории города оттеняет специфичность *второго*. Предположительно можно говорить о том, что котлованы появляются на руинах наземных домов, причем в тех случаях, когда разрушения имеют не локальный, а тотальный характер» [там же, с. 168]. Для второй половины V в. до н. э. характерны строительные объекты только одного вида – это грунтовые котлованы, которых было известно совсем не много (1 – третьей четверти столетия, 3 – последней); наземные постройки этого периода на «Верхнем городе» не сохранились (уничтожены при перепланировках) [там же, с. 168–169].

Результаты раскопок, проведенных в 2013–2016 гг., позволяют внести в эту схему существенные корректировки. *Во-первых*, под помещениями сырцового дома (802), бытование которого относится не позднее, чем к последней четверти VI – первой четверти V вв. до н. э., и под его мощным основанием из стерильной глины был открыт котлован (826), засыпанный еще в третьей четверти VI в. до н. э. *Во-вторых*, был исследован котлован (815), который прорезал остатки упомянутого сырцового дома, датируемый ок. 480–470 гг. до н. э., а поверх его заполнения зафиксирована стена дома (819), построенного из сырцового кирпича (в северной части – на каменном основании), разрушенного, по всей видимости, одновременно с другими постройками этого района Фанагории ок. 460–450 гг. до н. э. [см. Завойкин, 2915, с. 110–113, рис. 1, 2]. И *в-третьих*, у южной границы Северного участка раскопа в 2016 г. был раскопан котлован (744), материалы из засыпи которого датируются уже следующим столетием.

Пятно заполнения котлована было зафиксировано на уровне –3,68 м от репера, дно –4,32–4,9 м, т. е. сохранившаяся глубина колеблется между 0,64 и 1,22 м (что объясняется неровностями пола). Уцелевшая часть сооружения углублена в материковый песок и прорезает нижний горизонт культурного слоя. В плане котлован имеет прямоугольную форму (со слегка закругленными углами); ориентирован длинными сторонами

[8] «На рубеже первой и второй четвертей 5 в. до н. э. Именно ко времени после этой катастрофы относятся несколько конструкций, заглубленных в грунт, которые мы называем котлованами. Как они соотносились с синхронными домами и зданиями, пока остается не совсем понятным» [Завойкин, Кузнецов, 2013, с. 169].

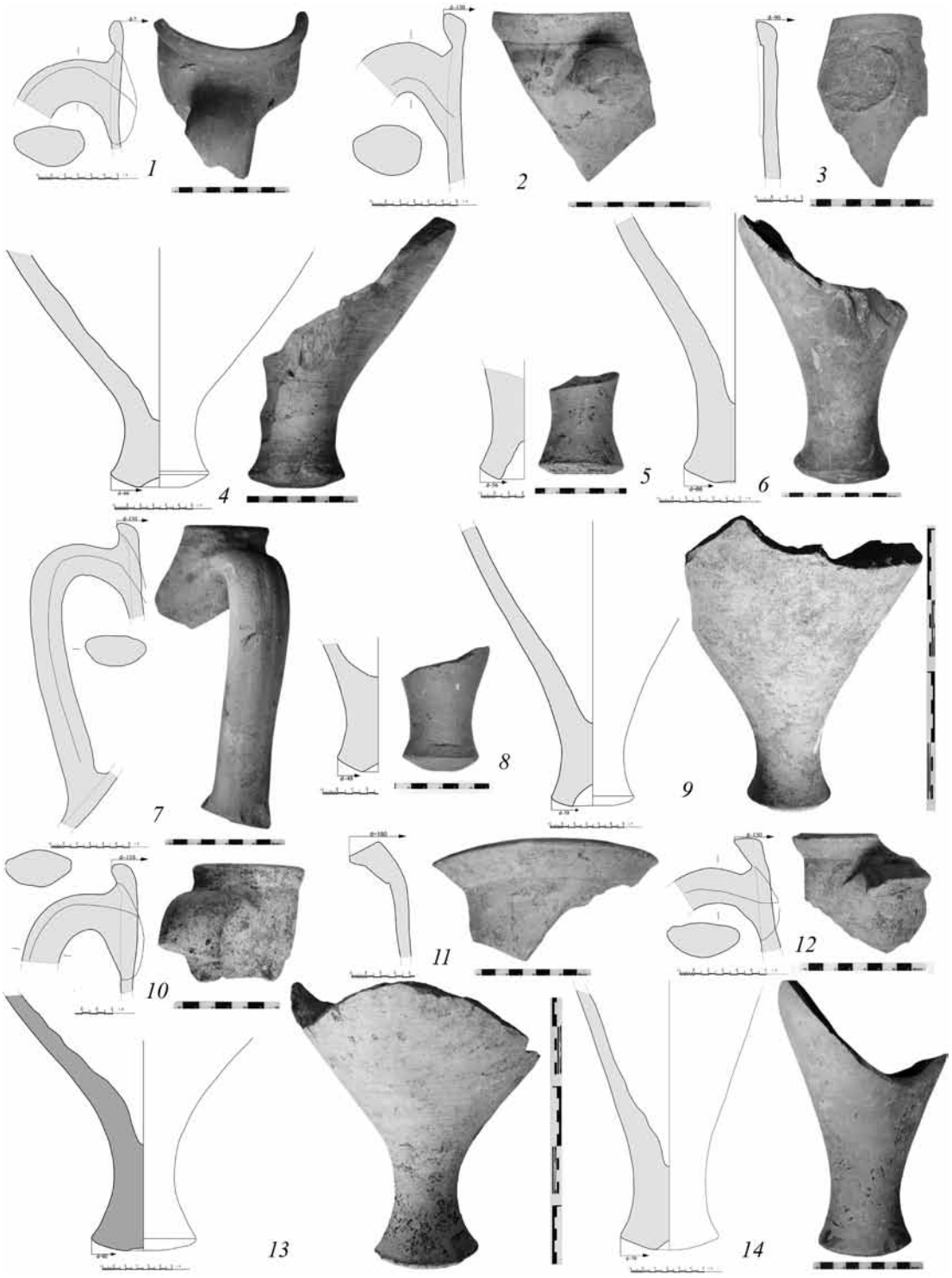


Рис. 3. Фрагменты амфорной тары из котлована 744: неустановленного центра, напоминающего Пепарет (*1, 4, 6*); Хиоса (*2, 3*); «Муригиоль» (*5, 7*); Менды (*10, 13*); Книда («Солоха I») (*11*); Фасоса (*12, 14*)

с востока на запад с незначительным отклонением к югу[9]. Размеры котлована 4,05×2,55 м (площадь 19,3 м²). Борта отвесные, относительно ровные. Хуже всего сохранились северный и западный борта. Дно песчаное, крайне неровное. Фактический уровень дна сохранился около северо-западного угла объекта, в остальных местах оно засыпано песком, рухнувшим с бортов (складывается впечатление, что котлован какое-то время стоял открытым, и осадки размывали его борта, в основном в направлении с СВ на ЮЗ).

Котлован заполнен суглинистым темным и влажноватым[10] грунтом, насыщенным обломками керамики, преимущественно – тарной (см. ниже). Кроме того, здесь найдены[11] обломки черепицы (96 фр.[12]), лутериев (2 фр., рис. 4. *14*); в относительно небольшом количестве – фрагменты столовой и кухонной посуды: кувшинов (25 фр.), ойнохой (4 фр.), мисок (16 фр.), тарелок (6 фр.), кастрюль (5 фр.), горшков, сделанных на гончарном круге (2 фр.) и лепных (9 фр., рис. 4. *12*, *13*); светильника открытого типа (1 фр., рис. 4. *10*), светильника лепного (1 фр.). Учитывая обычное в подобных случаях обрушение нижней части стенок (над материком) углубленных объектов [см. Завойкин, 2018, в печати], не должно удивлять присутствие находок, относящихся к более раннему времени. Это стенки ионийской керамики (11 фр.), фрагменты ионийских кувшинов (28 фр.), киликов (1 фр.), мисок (25 фр.), блюд (4 фр.). Не менее разнообразны в типологическом отношении, но не очень многочисленны фрагменты аттической чернолаковой керамики: непрофилированные стенки сосудов (85 фр.), амфоры (1 фр.), кратера (1 фр.), кувшинов (21 фр.), киликов (48 фр.[13], рис. 4. *2*), чаши-скифоса и кружки с рифлеными туловами[14] (2 фр., рис. 4. *1* и *9*), мисок (25 фр.), тарелок (4 фр.), леканы (1 фр.), «солонок»[15] (2 фр., рис. 4. *6*, *7*), небольшого сосуда закрытого типа (1 фр., рис. 4. *3*). Стоит отметить присутствие фрагментов сероглиняных чернолощеных сосудов (6 фр.). Изделия из металла представлены сильно окисленными бронзовым трехгранным наконечником стрелы и бронзовым «предметом неправильной (овальной) формы со сквозным отверстием посередине неясного предназначения» (рис. 4. *4* и *5*).

Фрагменты амфорной тары, как было отмечено, содержались в котловане в наибольшем количестве, в том числе – довольно крупные обломки. Стенки амфор разных центров и типов насчитывают 6370 фр.

---

[9] Юго-западный угол объекта поврежден ямой 567, часть северного борта – ямой 754.

[10] Повышенная влажность грунта связана с включениями золы и угольков, обладающих высокой гигроскопичностью.

[11] Описание находок даю согласно полевой описи (без указания п. о.); все отклонения от нее оговорены в тексте.

[12] Из них лишь один обломок достоверно определим как солен, остальные – небольшие непрофилированные фрагменты.

[13] В том числе фрагмент донца краснофигурного килика: изображение в *тондо* утрачено, по краю сохранился фрагмент надписи глиной по лаку […]ΒΑΙΩΝ, начало V в. до н. э. (?).

[14] В описи ошибочно атрибутированы как фр-ты канфаров. Чаша-скифос по аналогии с материалами афинской агоры датируется ок. 420 г. до н. э. (Agora XII, p. 279, nos. 612, 613, fig. 3, pl. 55). Примерно тем же временем может быть датирован и фрагмент кружки, но не позднее конца V в. до н. э. (Agora XII, p. 73, 251, no. 217, fig. 3, pl. 11).

[15] Маленьких чаш с вогнутыми стенками двух типов: с утолщенным венцом, на поддоне (ср. Agora XII, p. 298, nos. 870, 876, fig. 9, pl. 9: ок. 425–400 и ок. 380 гг. до н. э.) и с заостренным венцом на плоском дне (ср. Agora XII, p. 301, nos. 913, 914, fig. 9, pl. 34: ок. 430/425–400 гг. до н. э.).

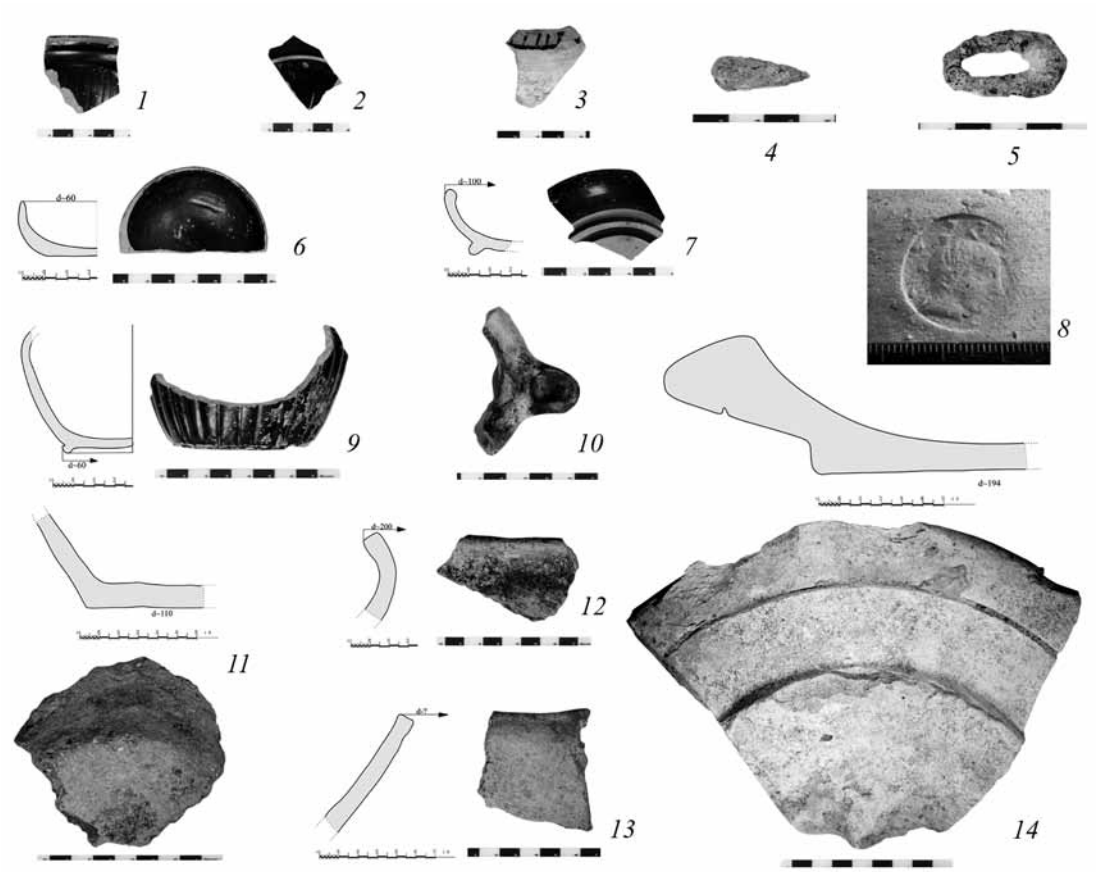


Рис. 4. Находки из котлована 744. Фрагменты посуды: аттической чернолаковой (*1–3, 6, 7, 9, 10*), лепной (*11–13*), гончарной толстостенной (*14*); клеймо на ручке мендейской амфоры (*8*); изделия из бронзы (*4, 5*)

Хиосские амфоры представлены разновременными типами и вариантами: от «ранненепухлогорлой» (1 фр.) и «развитых пухлогорлых» (8 фр.)[16] до «прямогорлых» (62 фр.: венцы – 27, ручки – 33, ножки – 2) и амфор с «колпачковой ножкой» (14 фр.: венцы – 7, ручки – 7, ножки – 0). Очевидно, что для датировки котлована (определения времени его засыпки) имеют значение только последние два типа, а все остальные являются «примесью» (также, как фрагменты амфор: лесбосских (эолийских) красноглиняных (3 фр.), лесбосских сероглиняных (3 фр.) и «протофасосских» (7 фр.), которые вышли из употребления значительно раньше). Амфоры «*Пепарета*, типа I» представлены в комплексе 38 фрагментами (венцы – 10, ручки – 19, ножки – 9); *Менды* – 44 фр. (венцы – 14, ручки – 26[17], ножки – 4); *Фасоса* – 28 фр. (венцы – 20, ручки – 7, ножка – 1); типа «*Муригиоль*» – 19 фр. (венцы – 13, ручки – 4, ножки – 2); *Гераклеи Понтийской* – 17 фр. (венцы – 10,

[16] Если не принимать в расчет ручки пухлогорлых амфор, которые не могут быть датированы иначе как интервалом вторая – третья четверти V в. до н. э. (10 фр.).

[17] В т. ч. одна – с анэпиграфным клеймом: в круглом оттиске голова юноши в профиль, вправо (ср. Кац, 2007, с. 171; определение Н. А. Павличенко – см. Кузнецов, 2017, т. 2, Прилож. 2, л. 47, № 59).

ручки – 3, ножки – 4); *Книда*, типа «Солоха I» – 6 фр. (венцы – 2, ручки – 4, ножки – 0); *неустановленных центров производства* – 59 фр. (венцы – 19, ручки – 38, ножки – 2).

Первый момент, обращающий на себя внимание, который позволяет сразу же грубо определить хронологию комплекса, – это состав центров-экспортеров товаров в амфорной таре. Их сочетание свидетельствует о том, что засыпка котлована произошла где-то в пределах первой половины IV в. до н. э.

Второе, что «бросается в глаза» при беглом знакомстве с амфорным комплексом – это отсутствие клейм на амфорах Фасоса и Гераклеи, которые в IV в. до н. э. систематически клеймили значительную (хотя и точно не установленную в пропорциональном отношении) часть своей продукции. (Также отсутствуют следы клеймения на фрагментах боспорской черепицы, хотя это и не столь показательно с учетом размеров ее фрагментов в котловане.) Единственное анэпиграфное клеймо на ручке мендейской амфоры ситуацию не спасает и, к сожалению, не дает дополнительной информации о дате засыпки котлована в качестве terminus post quem. Пожалуй, к этому обстоятельству можно было бы относиться без внимания, если бы не вполне представительное количество и состав находок. В данном же случае сложно (хотя и возможно) объяснять ситуацию «случайным непопаданием» клейм в засыпь котлована. Если же не игнорировать это «первое наблюдение», неизбежно встает вопрос: не обусловлено ли отсутствие клейм Гераклеи и Фасоса хронологией комплекса?

Такая постановка вопроса выглядит почти абсурдной, хотя бы уже потому, что начало регулярного клеймения Гераклеи Понтийской В. И. Кац относит еще к концу V в. до н. э. [*см.*: Кас, 2003, p. 267, tabl.[18]; Кац, 2007, с. 238, табл. 7[19]; *ср*. Федосеев, 2016, с. 30–34]. Логику обоснования В. И. Кацем ранней датировки начала клеймения гераклейской продукции я кратко уже излагал [см. Завойкин, 2014, с. 102–103]. Там же было указано, что предложенная исследователем дата находится в непримиримом противоречии с традиционной датировкой автономной чеканки серебра Фанагорией (первые десятилетия IV в. до н. э.), поскольку в комплексах «Южного города», связанных с разрушениями этого района города (по моей интерпретации, обусловленными насильственным захватом полиса Сатиром I), не было обнаружено не только гераклейских клейм (как и фасосских), но и фрагментов амфор этого центра. Из этого факта следует, что отмеченное событие произошло раньше, чем сюда стала поступать винодельческая продукция южнопонтийского центра, и это могло иметь место не ранее последнего десятилетия V в. до н. э., но лишь в том случае, если принять соответствующую поправку для хронологии фанагорийской чеканки [см. Завойкин, 2004, с. 96–102].

Что же касается начала регулярного клеймения амфор Фасоса, то датировка этого события приходится на интервал примерно в десятилетие – между 400 и 390 гг. до н. э. [см.: Кац, 2007, с. 185–186; Lawall, 2005, p. 37–53[20]; ср. Garlan, 1999, p. 48 f., 104[21]].

[18] Раннюю фабрикантскую группу (РФГ) гераклейских клейм относит к 415–400 гг. до н. э.

[19] Датирует РФГ концом V – началом IV вв. до н. э.

[20] Здесь, помимо прочего, дан анализ археологических комплексов, датировка которых определяет представления о начальной дате массового клеймения фасосской тары.

[21] Ранее И. Гарлан начало массового клеймения относил к рубежу V и IV вв. до н. э. [Garlan, 1986, p. 268], но затем сдвинул дату этого события ко второй половине – концу 90-х годов IV в. до н. э.

Сказанное заставляет более тщательно присмотреться к датирующим находкам из анализируемого комплекса. Дифференциация фрагментов венцов и ручек хиосских «прямогорлых» и «с колпачковой ножкой» амфор ранней серии в целом имеет довольно условный характер (ср. рис. 3. *2* и *3*), если речь не идет о целых ручках, вертикальный размер которых позволяет отделять одни от других более уверенно. Обратим также внимание на отсутствие «колпачковых» ножек в коллекции (фиксируется только пара ножек амфор с прямым горлом[22]).

Более диагностичны в хронологическом плане ножки амфор Менды (рис. 3. *13*), ствол которых довольно короткий, а диаметр подошвы достигает 90 мм. На мой взгляд, ножки, найденные в котловане 744, должны датироваться *не позднее* первых десятилетий IV в. до н. э., а, может быть, и несколько более ранним временем [ср. Монахов, 2003, 91–92, табл. 62. *1–3* и *5, 6*: варианты II-A и II-B – рубежа V – начала IV вв. до н. э.].

Книдские амфоры типа I («с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом») «Елизаветовского» варианта (I-A) датируются в пределах первой половины IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 102, 103, табл. 71; Монахов и др., 2017, с. 110, Kn. 1].

Фрагменты гераклейских амфор (рис. 3. *8*, *9*) могут быть уверенно отнесены к сосудам типа I по классификации С. Ю. Монахова [ср.: Монахов, 2003, с. 130, табл. 89; Монахов и др., 2016, с. 130–138; Монахов и др. 2017, с. 119, HP.3[23]] и должны датироваться концом V – началом IV вв. до н. э.

Ножка и венцы фасосских амфор (рис. 3. *12*, *14*) не противоречат такой датировке: они относятся к финалу так называемой «протобиконической» (II-A-3) – началу «раннебиконической» (II-B-1) серий [Монахов, 2003, с. 66, табл. 41. *5–7*], но менее показательны в хронологическом отношении. В качестве диагностического признака можно лишь отметить отсутствие боковой грани на расширенном основании ножки. В качестве близкой аналогии уместно указать амфоры (и их ножки) из котлована последних десятилетий V – начала IV вв. до н. э. (см. ниже), открытого на г. Митридат в 2004 г. [Толстиков, Ломтадзе, 2005, с. 396, 407, рис. 5. *1*, *2*, *4*].

Своеобразные амфоры типа «Муригиоль» (рис. 3. *5*, *7*) являются ярким индикатором комплексов первой половины IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 285, табл. 55. *6*], хотя вопрос о финале импорта товаров в этой таре в Причерноморье остается открытым[24].

Если попытаться найти близкие по времени комплексы амфор, в первую очередь стоит остановиться на тех, в которых присутствовали наиболее ранние амфоры Гераклеи Понтийской. Это единовременно засыпанный подвал (котлован 325), открытый

[22] Ср. [Lawall, 2005, p. 43, fig. 3a, b] из «Полигонального водостока» J13–14 афинской агоры, одного из двух (другой – цистерна D19:1) с фасосскими клеймами, которые послужили археологическим основанием для B. Грейс датировать начало клеймения с конца V в. до н. э. [Grace, 1946]. Ревизия находок из комплексов, проведенная М. Лаваллем, показала, что terminus ante quem для этих комплексов – 380 г. до н. э.

[23] Эта амфора из Херсонесского музея имеет на горле клеймо Гераклида (РФГ), датируемое В. И. Кацем 390-ми гг. до н. э. [Кац, 2007, с. 429, прилож. V].

[24] Ср. [Монахов и др., 2017, с. 86, Mr.1]. Исследователи датируют эту амфору первой четвертью IV в. до н. э. Она была найдена в Херсонесе, в засыпи колодца на Продольной улице, у базилики Крузе, вместе с амфорами Гераклеи (HP.13, 14, 17, 22–25, 32–34, 36, 39–1-й четверти – середины – 3-й четверти IV в.), Икоса (Ik.3–2-й четверти IV в.), Книда (Kn.1 –, 4, 5–1-й половины – середины – 3-й четверти IV в., Коса (Ks.3–2-й половины IV в.), Менды (Md.4, 6, 10–1-й трети – 3-й четверти IV в.), Пепарета (Pp.5–340–320-х гг.), Синопы (Sn.2–6–2-й четверти – середины IV в.), Фасоса (Th.3–1-й трети IV в., «порфмийский» тип).

в Пантикапее на раскопе Ц.-С. (2004 г.) [см.: Толстиков, Ломтадзе, 2005, с. 395, рис. 4–8; Монахов и др., 2016, с. 36–38, рис. 2 – «последние два десятилетия V в. до н. э.»]. В нем были найдены амфоры Гераклеи (целая)[25], Фасоса (две)[26], Хиоса, «прямогорлые» (две, одна без ножки)[27], «Самос-Милет» (одна, без горла и ножка другой[28]); крупные фрагменты – амфор Менды («ранний вариант II типа») и ножка лесбосской сероглиняной. По амфорам дата комплекса – «последняя четверть V – рубеж V–IV вв. до н. э., что подтверждается и набором чернолаковой керамики из котлована» [Толстиков, Ломтадзе, 2005, с. 398–399].

Другой комплекс – ольвийский «ботрос 1979 г. », который С. Ю. Монахов датирует ок. 415–400 гг. до н. э. (позднейший в его подборке комплексов V в. до н. э.) [Монахов, 1999, с. 148–153]. В нем была представлена керамическая тара следующих центров: Фасоса (ранний вариант биконической тары[29] – три; тип «фанагорийский холм Г»[30]), Хиоса (две амфоры[31]), Самоса (одна[32]), Гераклеи (одна[33]), «Менда» (одна, без ножки, типа «ворота Силена»[34]), «фасосского круга» (одна[35]). Засыпку ямы С. Ю. Монахов относит к концу V, «может быть», рубежу V–IV вв. до н. э. [Монахов, 1999, с. 152–153].

Отмеченные комплексы по факту их засыпи в пределах даты «конец V – начало IV вв. до н. э.» синхронизуются с засыпью фанагорийского котлована 744, хотя последний объект производит впечатление (прошу прощения за этот не совсем научный термин) чуть более молодого образования. Однако хронологические возможности археологического материала здесь уже исчерпаны. Остается разве что обратить внимание на тот факт, что в комплексах из Пантикапея и Ольвии, наряду с гераклейскими амфорами, представлена тара Самоса[36]. Фрагментированные амфоры этого же центра, как было указано, встречаются в комплексах южной окраины Фанагории, связанных

[25] «На сегодняшний день её можно считать самым ранним образцом тары этого центра. От более поздних амфор данный экземпляр отличается невысоким горлом, массивным пифоидным туловом и невысокой остроребернoй профилированной ножкой с глубокой конической выемкой (рис. 2 –*1*)» [Монахов и др., 2016, с. 37].

[26] «По общему мнению названных исследователей (С. Ю. Монахова и А. П. Абрамова. – *А. З.*), датировка их укладывается в пределы последней четверти V – начала IV вв. до н. э.» [Толстиков, Ломтадзе, 2005, с. 396].

[27] «Скорее всего, эта амфора является переходным вариантом от прямогорлых сосудов к амфорам IV в. до н. э. “с колпачковой ножкой”» [Толстиков, Ломтадзе, 2005, с. 396].

[28] Находят соответствия в материалах, отнесенных к производству Самоса, из комплексов последней четверти V в. до н. э. Фанагории [см. Завойкин, 2004, с. 27–30, табл. XVII. 2, 4; XVII. 1].

[29] «Который осуществлялся накануне введения практики регулярного клеймения» [Монахов, 1999, с. 149, табл. 52. *1–3*].

[30] Там же, табл. 52. *4*.

[31] Аналогии им издатель датирует концом V в. до н. э. [Там же, с. 149, табл. 53. *2, 3*].

[32] Аналогии ножке и венцу находит в фрагментах с «Южного города» Фанагории [там же, с. 149, прим. 59, табл. 53. *1*], хотя ближайшую аналогичную амфору из Херсонеса (погреб. № 17/1937 г.) датирует уже IV в. до н. э. [см. Монахов и др., 2017, с. 94, Er.3]. Эта заведомо более поздняя амфора определяется теперь исследователями как продукция Эрифр, вариант I–C.

[33] «Раннего I типа, который представлен в Причерноморье массой находок в комплексах с рубежа V–IV веков по начало второй четверти IV века до н. э.» [Монахов, 1999, с. 151, табл. 54. *2*].

[34] Характерны для комплексов второй половины V в. до н. э., но амфора из «ботроса» имеет специфические черты профилировки [Там же, с. 151, табл. 54. *1*].

[35] «Несмотря на некоторые отличия (валикообразный венец. – *А. З.*), может быть включена в группу “Нф.-119–121”» [Там же, с. 151, табл. 54. 3].

[36] Здесь не место касаться разночтений в локализации подобного типа амфор (Самос, Милет, Самос-Милет, Эрифры). Мое мнение по этому вопросу см. [Завойкин, 2014, с. 161–165].

с разгромом города в конце V в. до н. э. (предположительно, перед 404 г. до н. э., когда Самос капитулировал). Если этот признак считать диагностичным, засыпку котлована 744 следует отнести к последним годам V или к первым годам IV в. до н. э. Датировки немногочисленных фрагментов аттической керамики этой дате не противоречат.

Приблизительно к этому же времени относится еще один амфорный комплекс неясного происхождения и характера, открытый частично в 2016 г. у самого склона верхнего плато, в северо-восточной его части, в котором зафиксированы фрагментированные амфоры Хиоса, амфора Фасоса («порфмийского» типа) и крупные обломки мендейской амфоры [см. Завойкин, 2018а, рис. 2. *1–4*].

Подведем итоги. Рассмотренный комплекс – котлован 744 – в хронологическом отношении примыкает к серии котлованов второй половины V в. до н. э., являясь наиболее поздним из них. Его датировка примерно совпадает с датой, которая ранее была установлена как время постройки общественного здания (460) и комплекса единовременных ему сооружений, расположенных к ЗЮЗ от котлована [Завойкин, 2018, с. 138]. Стоит особо отметить тот факт, что в составе многочисленных керамических находок из вымостки (474), примыкавшей к этому зданию с западной стороны, тоже не было найдено амфорных клейм. Иными словами, засыпка котлована 744 и новый этап строительства на «Верхнем городе» – события весьма близкие по времени. Поскольку мы исходим из предположения, что такие специфические объекты, как котлованы появлялись на акрополе Фанагории в периоды нарушения нормальной его жизнедеятельности, следует полагать, что к началу IV вв. до н. э. очередной «кризис» был преодолен. Или все-таки правильнее говорить, что рассмотренный здесь комплекс маркирует начало нового этапа строительной активности?

И в заключение еще несколько строк. Если не считать котлована 683 (от которого сохранился лишь небольшой СВ уголок), засыпанного, по-видимому, уже в середине IV в. до н. э. (как и ряд ям и подвалов этого района), подобного рода объекты в более позднее время в Фанагории уже не встречаются (не известны). И этот факт еще требует своего осмысления.

Список литературы

Завойкин, 2004. Завойкин А. А. Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам «Южного города»). М.

Завойкин, 2009. Завойкин А. А. О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. 13.

Завойкин, 2014. Завойкин А. А. Амфоры «Самос/Милет» в Фанагории: некоторые проблемы хронологии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии (XV Боспорские чтения). Керчь.

Завойкин, 2015. Завойкин А. А. Фанагория. «Верхний город». Объект 815 // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М.

Завойкин, 2018. Завойкин А. А. Общественное здание 4 в. до н. э. на акрополе Фанагории // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3 (Фанагория. Т. 6). М.

Завойкин, 2018а. Завойкин А. А. Торговые связи Фанагории по керамической таре и археологическая периодизация «Верхнего города» (6–3 вв. до н. э.) // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4 (Фанагория. Т. 7). М. (в печати).

Завойкин, Кузнецов, 2013. Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н. э. (проблемы периодизации и урбанистики) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики. (XIV Боспорские чтения). Керчь.

Завойкин и др., 2013. Завойкин А. А., Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. Склад амфор 290Б из Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 (Фанагория. Т. 1.). М.

Кац, 2007. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) (БИ. Т. XVIII). Симферополь; Керчь.

Кошеленко, Кузнецов, 2010. Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. I. М.

Кузнецов, 1995. Кузнецов В. Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 6.

Кузнецов, 2009. Кузнецов В. Д. Причерноморские греки в варварской земле // ДБ. 13.

Кузнецов, 2017. Кузнецов В. Д. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2016 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). В 9 томах. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 51943–51951.

Монахов, 1999. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов.

Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог-определитель. Москва; Саратов.

Монахов и др., 2016. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог-определитель. Саратов; Керчь.

Монахов и др., 2017. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов.

Толстиков, Ломтадзе, 2005. Толстиков В. П., Ломтадзе Г. А. Акрополь Пантикапея во второй половине V в. до н. э. (новые материалы по хронологии и истории) // ДБ. 8.

Федосеев, 2016. Федосеев Н. Ф. Гераклея Понтийская. Керамические клейма. Т. II. (Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника). Керчь.

Garlan, 1986. Garlan Y. Quelques nouveaux ateliers amphoriques à Thasos // BCH. Suppl. XIII.

Garlan, 1999. Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens (Études Thasiennes. Vol. XVIII). Paris.

Grace, 1946. Grace V. R. Early Thasian Stamped Amphoras // AJA. Vol. 50.

Kac, 2003. Kac V. I. A New Chronology of the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // The Caldron of Ariantas. Studies presented to A. N. Sceglov on the occasion of his 70th birthday (BSS. Vol. 1). Aarhus.

Lawall, 2005. Lawall M. Negotiating Chronologies: Aegean Amphora Research, Thasian Chronology, and Pnyx III // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC (BSS. Vol. 3). Aarhus.

Zavojkin, 2011. Zavojkin A. Das sog. Amphorenlager Nr. 290B im Ereigniskontext der frühen Geschichte Phanagoreias // Altertümer Phanagoreias. Bd. 2. Phanagoreia und seine historische Umwelt. Von den Anfängen der griechischen Kolonisation (8. Jh. v. Chr.) bis zum Chasarenreich (10. Jh. n. Chr.). Internationale Konferenz 25–28. November 2009, Göttingen. Göttingen.

Summary

A. A. Zavoykin

The ditch No. 744 on "The Upper City" of Phanagoria

The article is devoted to the chronological analysis of finds from the ditch (No. 744), found out inside of the trench "The Upper City" at Phanagoria in 2016. First of all, the ditch is interesting to that it is the latest constructions of the such sort, which were characteristic for this district of the city (*acropolis*) in the second half of the VI–V centuries BC.

It is obvious that the such short-lived objects of utility purpose digging in the earth, couldn't be simultaneous to land constructions (including public houses). Therefore it is possible to assume that generally they appear here during the periods after destruction of houses or on the eve of construction of new buildings. In some cases the thesis can be confirmed with a stratigraphy. The ditches of 470th years BC divided houses of the most ancient construction period (the 2nd half of VI – the first decades of the V centuries BC) and houses of the 2nd quarter – the middle of the V century BC.

The ditch No. 744 was filled up at a boundary of the V–IV centuries BC or in the first years of the IV century BC. This dating probably marks the beginning of a new building stage on "The Upper City" in Phanagoria.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.67-71

Н. В. Завойкина
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Два граффити частного характера позднеархаического времени из Фанагории

В последние десятилетия планомерные и широкомасштабные раскопки «Верхнего города» Фанагории привели к открытию археологических слоев, содержащих строительные остатки и многочисленные находки позднеархаического времени. Среди них имеются граффити, которые приобретают особую значимость, учитывая ограниченность сведений о жизни населения города в ранний период его истории. В настоящей публикации представлены два граффити частного характера.

1. Стенка амфоры в форме прямоугольника, найдена при раскопках «Верхнего города» Фанагории в 2009[1]. На ней аккуратно процарапано в правом верхнем углу двухстрочное граффито (рис. 1). Палеография граффито обнаруживает аналогии в надписях позднеархаической эпохи [Jeffery, 1990, p. 324]. Обращает внимание узость и угловатость в начертании букв, а также несовпадение их размеров по высоте. Среди знаковых форм отметим *эпсилон* с неравными по длине и скошенными книзу горизонтальными гастами; *ипсилон* в форме латинского «V» с плавно изогнутыми наружу боковыми линиями[2], *омикрон* – в форме небольшого овала, расположенного в центре строки; *бета* показана с сегментами подтреугольной формы; *пи* процарапана с очень короткой правой ножкой; *сигма* – четырехчастная, узкая и компактная; *альфа* с прямой перекладиной также процарапана «узкой». *Ипсилон* и *омикрон* расположены в центре строки, по размерам меньше остальных букв. Употребление *эпсилон* со скошенными книзу горизонталями не выходит за пределы начала V в. до н. э. [Jeffery, 1990, p. 325, ε4][3]. В целом начертания букв характерны для последней четверти VI в. до н. э. и находит аналогии: в *абецедарии* последней четверти VI в. до н. э. из Фанагории [Завойкина, 2017, с. 145–149], дарственной надписи Симон на поддоне килика из Фанагории [Виноградов, 2001б, с. 103–104], в двух граффити последней четверти VI в. до н. э. из Пантикапея [Завойкина 2015, с. 68–71].

[1] Квадрат и штык не указаны в шифре. Место хранение ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория». Номер в Госкаталоге: 9180301; номер по ГИК (КП): ФМ-КП 10/2. Инвентарный номер: А 1501.

[2] Вертикальная черта у *ипсилон* во 2-й стк., напоминающая ножку буквы, более позднего происхождения.

[3] Вывод Л. Джеффри подтверждают палеография позднеархаических надписей Ольвии [Виноградов, 2001а, с. 6–11] и граффито конца VI в. до н. э. из Гермонассы [Treister, Shelov-Kovedyayev, 1989, p. 292–295].

Рис. 1. Граффито с упоминанием Эвбия

Граффито: ΕΥΒΙΟΣ | ΠΥΓΙΣΑΙ

Чтение: Εὔβιος | πυγίσαι – Содомитствуй Эвбий.

Личное имя Εὔβιος было популярно в греческом мире. В Боспорском царстве оно засвидетельствовано в посвятительной надписи императору Андриану из Пантикапея (КБН 48). В регионе Северного Причерноморья оно отмечено в Скифии (Ольвия–Борисфен, III–II вв. до н. э.) [LGPN IV, s. v.], во Фракии (Византий, II–I вв. до. э.; Маронея, II в. до н. э.) [LGPN IV, s. v.]. В антропонимии Фанагории засвидетельствовано впервые.

Слово πυγίσαι представляет собой 3 sing. aorist. activ. optativ. от πυγίζω. Оптативный аорист в независимых предложениях может выражать пожелание или вежливый приказ, поэтому перевод должен подразумевать сильное желание автора граффито об участии Эвбия в paiderastia. Глагол πυγίζω из сферы обсценной лексики древних греков применялся в быту, нередко, в оскорбительном значении, и широко употреблялся как в частных надписях, так и в литературных сочинениях [LSJ, πυγίζω; Bain, 1991, p. 67–68]. Из близких фанагорийскому граффито по времени упомянем две надписи. Одно из самых ранних граффито, в котором встречается гл. πυγίζω, сделано на вазе начала V в. до н. э. и происходит из Гелы (Сицилия): ὁ γράψας τὸν ἀννέμο<ν>το πυγίξει [Masson, Taillardat 1985, p. 140; SEG 31.824]. Другое, из Ольвии Понтийской по краю чернолакового скифоса V в. до н. э., сообщает о предоставлении определенных интимных услуг мальчиком Гефестидором: ὅς ἐθέλει βενῆν (= βινεῖν) δέκ’ ἄρδις καταβαλῶμ | πυγιζέτω | Ἡφαιστόδωρον (παίδιον) [Граков, 1968, с. 115; Виноградов, 1969, с. 147, прим. 55][4]. В граффити из городов Боспора употребление πυγίζω отмечается не раз, но все они достаточно поздние. Так, на стене храмового комплекса из Нимфея, датированного в пределах 250/249–240 гг. до н. э., имеется ряд непристойных выражений: Διονυσίο<υ> (или <ς>) πυγίεται [ὑ]πὸ Μυρίσκου τοῦ κιναίτου; Δειοσκουρίτης πατέρα ἐπύγειζε καὶ αὐτὸς ἔλεγε καλῶς καλῶς, – Диоскурид содомитствовал с отцом, и сам говорил: «прекрасно, прекрасно» [Тохтасьев, 2006, с. 294, 298]. На остраконе I в. н.э. с городища Артазиан сохранились школьные непристойности с использованием гл. πυγίζω [Сапрыкин, Винокуров, Белоусов, 2014, с. 146–147].[5]

[4] В статье Ю. Г. Виноградова приведена конъектура Н. В. Шебалина, которую принял Д. Байн [Bain, 1991, p. 56].

[5] Здесь же см. еще примеры употребления обсценной лексики в граффити античного Северного Причерноморья.

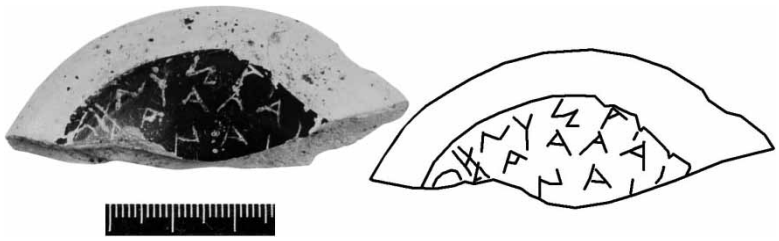


Рис. 2. Граффито с упоминанием Нисы

Можно заключить, что в настоящее время фанагорийское граффито является одним из самых ранних примеров употребления гл. πυγίζω не только в полисах Северного Причерноморья, но и Средиземноморья. Обращает на себя внимание форма черепка в виде прямоугольника и аккуратная ровная надпись в его левом верхнем углу. Верхняя, нижняя и правая грани остракона специально обработаны для придания ему определенной формы. Однако делать на этом основании вывод о возможной связи надписи с социально-политической жизнью Фанагории, пока, пожалуй, нет достаточных оснований, поскольку граффито с пожеланием Эвбию – всего лишь единичная находка, а не целый комплекс схожих по смыслу надписей на «Верхнем городе» Фанагории. Скорее содержание граффито указывает, что оно относится к группе частных посланий с интимным предложением.

2. Фрагмент поддона чернолакового килика, Аттика, тип «С», последняя четверть VI – первая четверть V вв. до н. э. [Sparkes, Tallcott, 1970, p. 91–92][6]. Найден при исследовании «Верхнего города» в 2013 г. (объект 294, помещение 1). Длина – 4,8 см, высота – 2,6 см. На внешней стороне поддона сохранились три строки граффито (рис. 2). Высота букв 0,4–0,5 мм. Расстояние между строк 0,3 мм, между буквами – 0,4 мм. Межстрочный интервал позволяет сделать очевидное заключение, что 4-й строки в надписи не было.

Граффито: - ? -ΘΗΝΥΣΑ | A A A A A | NAI.

Реконструкция: 1. [Ἦ ἀγα]θὴ Νῦσα. | Ἂ, Ἂ, Ἂ, Ἂ, Ἂ. | Ναί.

Перевод: «Милая Ниса! Ах! Ах! Ах! Ах! Ах! Подлинно так».

В начале 1-й стк. верхнее полукружье перед *этой*, уничтоженное частично сколом, принадлежит, скорее всего, *тхете*. После *альфы* в этой же строке видна царапина, которую можно принять за нижнюю часть *йоты*. Однако эта линия – продолжение скола чернолакового покрытия, расположенного чуть выше. Схожая царапина присутствует в конце 3-й стк. после *йот*. Она выходит из правого нижнего скола. Во 2-й строке от первой *альфы* видна верхняя часть с прямой перекладиной (ср. различное написание альфы в этой строке). В 3-й стк. видны полностью две буквы: *ню*, *альфа*, от следующей – верхняя часть *йот*.

Νῦσα – voc. sing. женского имени Νύση (= Νίση). Это имя проникло в античную антропонимию, вероятно, из Ликии или Фригии вместе с его носителями [Zgusta, 1964, № 1042]. Замена *йот* на *ипсилон* в нем является результатом перестановки этих гласных

6 Место хранение ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория». Номер в Госкаталоге: 9180325; номер по ГИК (КП): ФМ-КП 10/4; инвентарный номер: А 1503.

на письме вследствие, видимо, их совпадения в произношении. Это явление встречается в боспорских надписях в II–I вв. до н. э. (КБН 748: Εὐθίνου вместо Εὐθύνου). Однако в ионийских и аттических надписях такая перестановка гласных в словах отмечается уже в V в. до н. э. [Buck, 1968, p. 26, § 20]. Перед Νῦσα сохранились две буквы предшествующего слова –θη, которые восстанавливаем как [Ὦ ἀγα]θή, voc. sing. от ἀγαθή, adj. fem. (добрая, милая). Обращение ἀγαθέ, мой добрый друг, встречено у Платона (Pl. Prt. 311a etc.). Оно позволило предложить указанное чтение.

Многократное повторение *альфы* может навести на мысль, что граффито содержит магический текст. Против такой интерпретации выступает утвердительная частица ναί (да, так) завершающая надпись. Эта частица часто используется для выражения утверждения, например: σὲ κρίνω, ναὶ σέ (S. El. 1445); ναὶ τὰν Κόραν (Ar. V.1438). В граффито она стоит отдельно, вероятно, для усиления эмоциональной стороны утверждения. Аналогии такому употреблению встречаются у Эсхила: Атосс отвечает Дарию – ναί: λόγος κρατεῖ σαφηνὴς τοῦτό γ’, οὐδ’ ἔνι στάσις – «Да, это так, и проверенный отчет основан на этом. Не подлежит сомнению» (A. Pers. 738). У Софокла хор отвечает кратко ναί, на вопрошание Электры (S. El. 845). У Платона встречается выражение: ναί, ἀληθῆ γε – «Да, истинно так» (Pl. Tht. 193a). Сказанное позволяет понимать пятикратное повторение *альфы* как восклицание ἆ, ах. Неоднократное повторение в записке этого восклицания, дополненное усилительным утверждением ναί, призвано передать, сколь сильно её автор за что-то порицает Нису[7].

Список литературы

Виноградов, 1969. Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы из Ольвии // ВДИ. 3.

Виноградов, 2001а. Виноградов Ю. Г. Палеография ранних лапидарных надписей Ольвии (VI–V вв. до н. э.) // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Ю. Г. Виноградова. Севастополь.

Виноградов, 2001б. Виноградов Ю. Г. Визит эвбейца в Фанагорию // ВДИ. 1.

Граков, 1968. Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии. М.

Доватур, 1965. Доватур А. И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей. Москва–Ленинград.

Завойкина, 2015. Завойкина Н. В. Два новых граффити из Пантикапея (из архива В. Д. и Т. В. Блаватских) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М.

[7] В 3-й стк. после *ню* видны две точки, расположенные друг над другом. Однако они не являются интерпункцией, как это может показаться по фотографии. Эти углубления свежие и глубокие, очевидно, позднего происхождения и к надписи отношения не имеют.

Завойкина, 2017. Завойкина Н. В. Два *abecedaria* позднеархаического времени из Фанагории // ПИФК. 4.

Сапрыкин, Винокуров, Белоусов, 2014. Сапрыкин С. Ю., Винокуров Н. И., Белоусов А. В. Городище Артезиан в Восточном Крыму // ВДИ. 3.

Тохтасьев, 2006. Новые материалы по истории койне // Индоевропейское языкознание и классическая филология – X. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. 19–21 июня 2006. СПб.

Bain, 1991. Bain D. Six Greek Verbs of Sexual Congress (βινῶ, κινῶ, πυγίζω, ληκῶ, οἴφω, λαικάζω) // The Classical Quarterly. 41. 1.

Buck, 1968. Buck C. D. The Greek Dialects: Grammar, Selected Inscriptions, Glossary. 2d ed. Chicago.

Jeffery, 1990. Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eight to the Fifth centuries B. C. Revised edition with supplement by A. W. Johnston. Oxford.

Masson, Taillardat, 1985. Masson O., Taillardat J. Un vase parlant de Sélinonte (SEG XXIX, 938) // ZPE. 59.

Sparkes, Tallcott, 1970. Sparkes, B. A., Tallcott, L. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th centuries BC (The Athenian Agora. Vol. XII. Pts. 1, 2). Princeton.

Treister, Shelov-Kovedyayev, 1989. Treister M. Ju., Shelov–Kovedyayev Th. V. An Inscribed Conical Clay Object from Hermonassa // Hesperia. 58. 3.

Zgusta, 1964. Zgusta L. Kleinasitische Personennamen. Prag.

Summary

N. V. Zavoykina

Two New Graffiti of the Late Archaic Time from Phanagoria

Two new graffiti found out in the course of archaeological researcher in "The Upper City" at Phanagoria are published in the article. Both they are dated to the Late Archaic time and relate to private life of the city. The first one is cut on an amphora wall in the shape of rectangle and consists of two lines: 1. Εὔβιος | πυγίσαι – Eubios has indulged in pederasty. It includes one of the earliest case in using of πυγίζω in the ancient Greek world. The second graffito is a private note, cutting on the bottom of black-ware cylix. Its author blames Nysa for something: 1. [Ὦ ἀγα]θὴ Νῦσα. | Ἂ, Ἂ, Ἂ, Ἂ, Ἂ. | Ναί, – Pretty Nysa. Ah! Ah! Ah! Ah! Ah! Yes, exactly! The graffiti have enriched the epigraphical collection in Phanagoria new evidence concerning to anthroponomical data and private relations in the city in the late VI – the first quarter V BC.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.72-89

А. В. Иванов*, В. В. Трубников**
(Южный региональный центр археологических исследований, г. Краснодар;*
*** ЗАО «ОКН-проект», г. Ростов-на-Дону)*

Поселение «Псиф-3» в Западном Закубанье

Поселение «Псиф 3» расположено в 1,7 км к юго-западу от южной окраины с. Кеслерово в Крымском районе на склоне высокой коренной террасы левого берега реки Псиф (рис. 1, *1*). Судя по границам распространения подъемного материала, визуальному обследованию и шурфовочным работам, его площадь составляет приблизительно 8 га. С юга памятник вплотную примыкает к глубокой, с крутыми склонами балке, на западе упирается в высотку 90,7 м, один из спусков которой плавно огибает поселение с севера. К востоку находится русло р. Псиф. Таким образом, границы поселения ограничены рельефом. На территории поселения визуально прослеживается несколько слабо выраженных зольников [Иванов, 2011, с. 65]. Никаких следов укреплений не выявлено.

Памятник был открыт всего несколько лет назад[1], но уже имеет довольно содержательную историю исследования [Иванов, 2011]. В 2010 г. экспедицией А. А. Нечипорука, на периферии поселения «Псиф-3», примыкавшей к реке, был заложен небольшой раскоп площадью 256 м[2]. Материалы, полученные в результате этих работ – невыразительны. Основную массу находок составляла керамика (рис. 1, *2*). Доминировали фрагменты амфор Синопы, Гераклеи и Фасоса. На втором месте стояла кружальная серо и красноглиняная столовая посуда; лепная керамика составляла менее 20%. Общая предварительная датировка: IV в. до н. э. Не противоречит ей и находка единственной хорошо сохранившейся медной монеты – тетрохалк, чеканки Пантикапея, около 314–310 гг. до н. э. (рис. 1, *2*) [Анохин, 1986, с. 140, таб. 3, 111]. Упомянем также мелкие фрагменты горелой обмазки.

В 2012 г. И. Б. Тищенко при проведении археологических разведок на территории поселения было обнаружено погребение, возможно связанное с неизвестным ранее грунтовым могильником. Оно сопровождалось довольно богатым инвентарем, среди которого отметим перстень «птолемеевского типа» с профильным изображением женской головы, фрагментированный наконечник железного копья, два обломка железный ножа; проволочный бронзовый литой браслет, орнаментированный стилизованными симметричными головками змей с чётко проработанными полушаровидными

[1] Поселение выявлено в 2009 году В. А. Крутоголовенко и В. А. Токаревым.

[2] Благодарим А. А. Нечипорука за любезное позволение ознакомиться с материалами его раскопок.

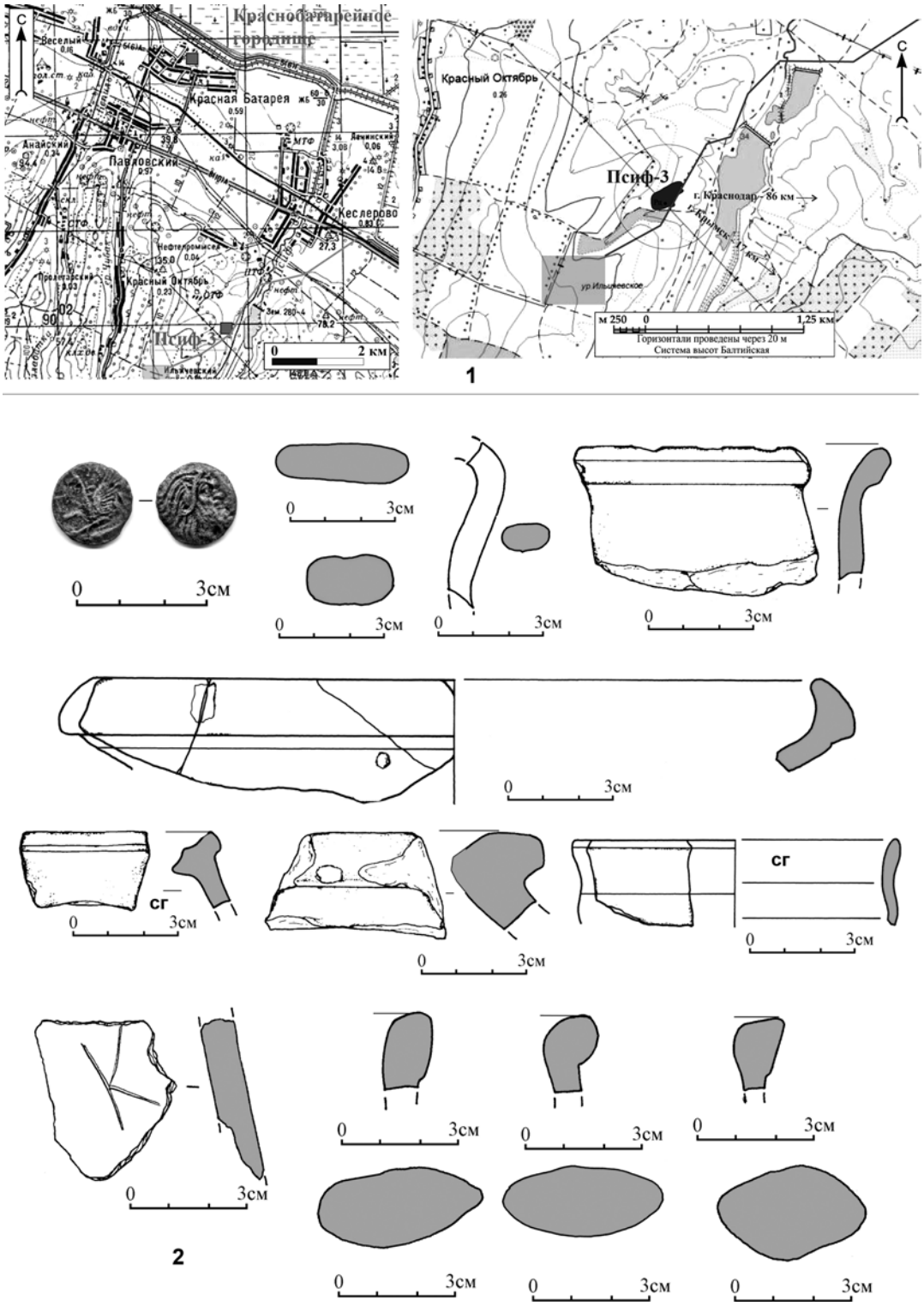


Рис. 1. *1* – местоположение поселения «Псиф-3»;
2 – материал из раскопок А. А. Нечипорука

глазами, вытянутой мордой и ушами; бронзовая подвеска из пронизей (4-х круглых в плане и сечении проволочных колечек с сомкнутыми краями) и одной пронизи, скатанной из фольги, а также нескольких красноглиняных кружальных сосудов. Погребение датируется III–II вв. до н. э..

Наконец, в 2013 году[3], на восточной окраине поселения был заложен большой раскоп площадью чуть более 5000 кв. м. Характер культурных напластований мощностью до 0.4 м повсеместно был достаточно однородным и в целом характерным для варварских памятников региона (при крайне ограниченной стратификации слой содержал значительное количество находок). Та же картина, например, наблюдается на поселении «Посегун»[4], и на наиболее полно исследованном – «Виноградный-1»[5], где общая вскрытая площадь превысила гектар.

Находки (всего около 10 000 номеров) представлены развалами и фрагментами лепной кухонной и столовой посуды (горшки, корчаги, сковородки, кимис), амфорной тары и пифосов, простой и чернолаковой столовой керамикой (миски, кувшины, лекифы, скифосы, рыбные блюда), обломками керамид (!), лепными пряслицами, редкими бронзовыми и железными изделиями, в том числе монетой, а также немногочисленными костями животных. Распределение посуды по категориям[6] (Приложение 1) выявило следующую картину. Фрагменты гончарной столовой посуды (рис. 3, *1, 6*) с учетом чернолаковых изделий составили 24,8%. При этом на долю красноглиняных сосудов преимущественно боспорского производства приходится более 50% указанной массы. Отметим значительную долю коричневоглиняных изделий, и неожиданно низкая доля (чуть менее 15%) сероглиняной керамики. Лепная посуда (рис. 3, *7*) встречалась ещё реже: 7,6%. Пифосы – порядка 3,4%. Подавляющее же большинство керамических обломков (63%) принадлежало амфорам.

Среди последних – преобладает импорт с Хиоса – 26,5%. Затем «по убывающей» следует продукция Гераклеи – 22,7%, Менды – 21,86% и Фасоса – 21,43%. Кроме того, в слое присутствовали фрагменты синопских амфор – 6,69%, колходских коричневоглиняных – 0,58%, книдских амфор – 0,12%, амфор круга Фасоса – 0,1% и амфор Икоса – 0,03%.

Среди профильных фрагментов амфор лидируют хиосские – конического типа с колпачковой ножкой, вариант V-B[7] (рис. 2, *1*), датируемые первой – третьей четвертями IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 24].

Гераклейские амфоры представлены основными типами и вариантами, бытовавшими на протяжении IV в. до н. э.: пифоидного типа I (рис. 2, *2, а*), в основном варианта I-4 относящиеся к первой четверти IV в. до н. э.; типа I-A (рис. 2, *2, б*), второй-третьей четвертей IV в. до н. э.; варианта I-A-2 70–40-е гг. IV в. до н. э. (рис. 2, *2, в*); биконического

[3] Раскопки Трубникова В. В.

[4] Раскопки П. А. Ларенка в 2010 г.

[5] Краткий анализ работам на поселении «Виноградный 1» приведен в ряде сообщений и публикациях Н. Ф. Шевченко (Шевченко, 2004, с. 414–419; 2009, с. 414–419; 2013а, с. 462–465; 2013б, с. 97–113).

[6] Составлением коллекционной описи и ведением статистики археологического материала занималась С. А. Бейлина.

[7] Типы и варианты амфор даны по типологии С. Ю. Монахова.

типа варианта III-1 и III-2 второй – последней четвертей IV в. до н. э. (рис. 2, *2, г*); конического типа II-1 и II-2 (рис. 2, *2, д*) второй-третьей четвертей IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 143–144].

Вся мендейская тара (рис. 2, *3*) – это амфоры на рюмкообразной ножке, варианта Портичелло II-B, первой половины IV в. до н. э. и мелитопольского варианта II–C второй-третьей четвертей IV в. до н. э. Отметим фрагмент ручки амфоры мелитопольского варианта с клеймом в виде буквы «Δ».

Наибольшее типовое разнообразие наблюдается среди амфор Фасоса (рис. 2, *4*). Здесь представительная выборка принадлежит таре коническо-биконического типа, биконического варианта II-B, существовавшего на протяжении всего IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 76]. Среди него выделяется раннебиконическая серия II-B-1 первой половины IV в. до н. э. Два фрагмента, относящиеся к этой серии, имеют клейма. Первое – безэмблемное, сохранилась нижняя часть верхней строчки и первые четыре буквы нижней: ΘΑΣΙ […] ΦΙΛΟ […][8] (рис. 2, *4, а*), магистрат Дамастис 1[9], 391–365 гг. до н. э. Второе – также безэмблемное клеймо, трехстрочное (рис. 2, *4, б*). Верхняя и нижняя строчки смазаны, средняя строчка: ΘΑΣΙΩ[10]. Магистрат Мнимеас, 391–365 гг. до н. э. Также присутствуют фрагменты амфор развитой биконической серии II-B-2 второй-третьей четвертей IV в. до н. э. и поздней биконической серии II-B-3 второй половины IV в. до н. э. Следующая группа фасосских амфор – коническо-биконический тип. Он отображен двумя вариантами: конический вариант серии Топраисара II-C-2 первой половины IV в. до н. э. и позднеконической серии II-C-3, бытовавшей в последней четверти IV – первой половине III в. до н. э.

Книдские амфоры наоборот, демонстрируют типовую устойчивость (рис. 2, *5*). Доминируют фрагменты амфор с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом типа I второй-третьей четвертей IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 110]. В одном случае удалось определить вариант – это елизаветинский I-A, амфоры которого были распространены во второй четверти IV в. до н. э. Надёжно атрибутирован лишь один фрагмент амфоры с коническим горлом и кубаревидной ножкой пифоидного варианта II-B последней трети IV – начала III вв. до н. э.

Так же, на памятнике были встречены (рис. 2, *6*): фрагмент ручки лесбосской красноглиняной амфоры, скорее всего, V в. до н. э., фрагмент амфоры с раздутым горлом второй половины V в. до н. э. (рис. 2, *6, а*), горло амфоры Икоса середины – третьей четверти IV в. до н. э. (рис. 2, *6, б*), фрагмент коричневоглиняной, средиземноморской с грибовидным венцом (рис. 2, *6, в*), судя по морфологии IV в. до н. э., ножка амфоры круга Фасоса, видимо, производста Самофракии (рис. 2, *6, г*), и наконец, ножка амфоры круга Фасоса типа Муригиоль первой половины IV в. до н. э. (рис. 2, *6, д*).

На фоне разнообразия амфорного материала весьма странным выглядит очень скромная коллекция чернолаковой посуды – всего пять невыразительных фрагментов (рис. 3, *1*). Все они принадлежат сосудам аттического производства. Отметим два

[8] Δαμασ(της)|Θάσιος|Φιλων(ίδης)

[9] Здесь и ниже определения клейм Н. Ф. Федосеева.

[10] Μνημε( )|Θασίω(ν)|Σκύμν(ος)

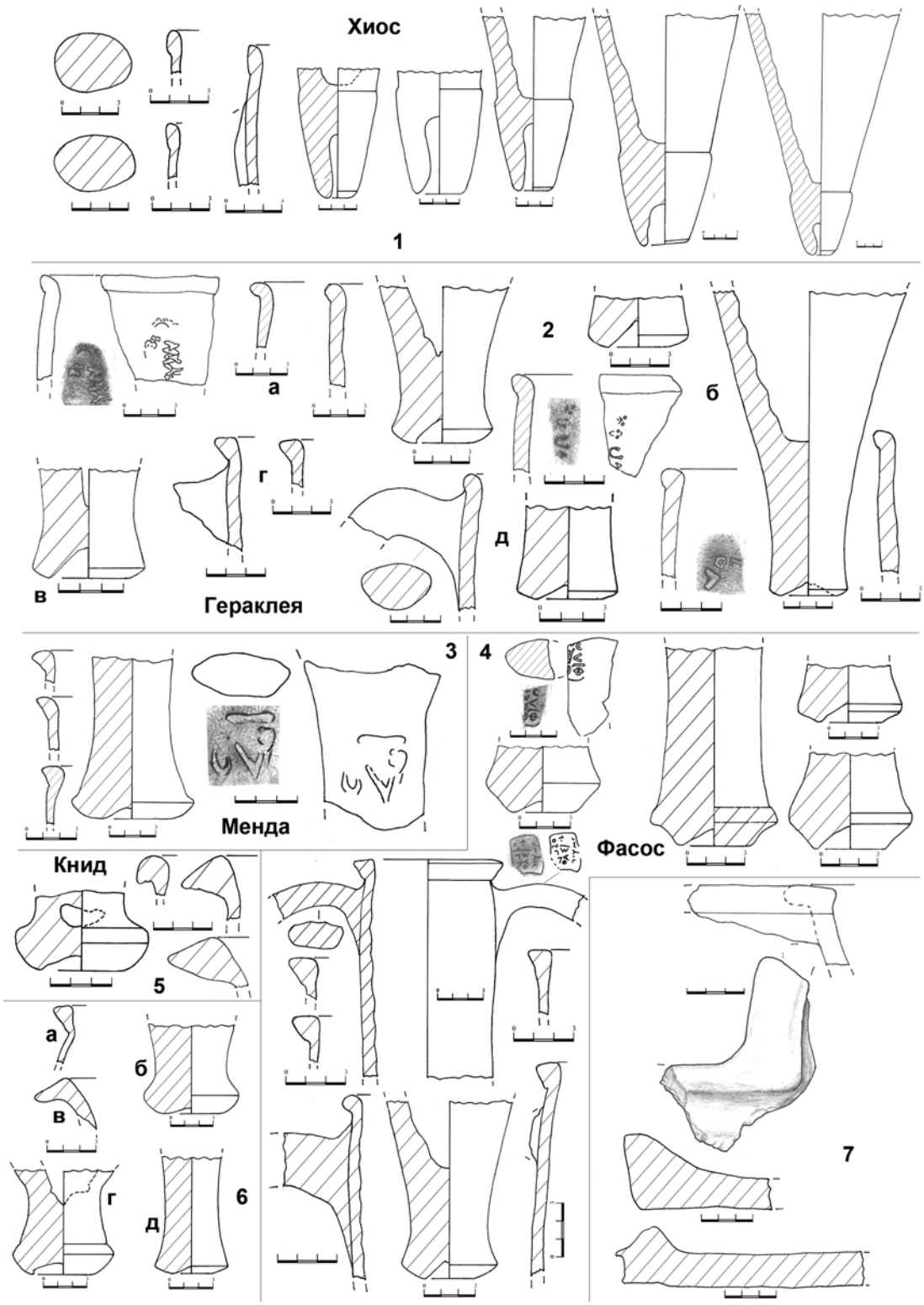


Рис. 2. Амфорный материал из слоя поселения «Псиф-3»

венчика скифосов 420–380 гг. до н. э. и второй половины IV в. до н. э., а также во вторичном использовании – донце чернолаковой миски, дно которой украшено пальметтами. Последний образец принадлежит весьма распространённому типу (Small bowl: broad base), и датируется 350–325 гг. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, Fig. 33, pl. 9].

Обращает на себя внимание неожиданное разнообразие различных глин и присадок обломков черепицы (рис. 2, *7*), хотя их количество сравнительно невелико – 24. Помимо образцов распространенных в этом регионе черепицы, боспорской и других центров, некоторые фрагменты имеют обжиг, а также тесто аналогичное материалу, из которого изготовлялась посуда, традиционно отождествляемая с продукцией меотских гончаров. Особенно любопытно, что в качестве отощителя в формовочной массе были использованы крупные железистые частицы. Такая редко-встречающаяся присадка была зафиксирована лишь в местной посуде могильника «Фурожан», на поселении «Посегун» и «Псиф-3». Отсутствие этого отощителя в керамике других варварских памятников региона даёт возможность ограничить ареал распространения продукции какого-то производственного керамического центра, существовавшего на этих землях, и обеспечивавшего местное население не только посудой, но, как выясняется, и черепицей. Правда здесь стоит оговориться, что вопрос о том кому принадлежало это производство, остаётся открытым и, скорее всего, связан с атрибуцией сероглиняной керамики.

Из прочих находок отметим крупную бочковидную бусину глухого белого стекла с шестью диагональными рядами плоских глазков синего полупрозрачного стекла и белым колечком в центре (рис. 3, *2*). В каждом ряду размещено по 7 глазков, разного диаметра. Бусина близка к типу 86 по классификации Е. М. Алексеевой и датируется III–I вв. до н. э. [Алексеева, 1975, с. 69, таб. 14, *8*]. Медная пантикапейская монета – это обол, тип: AV – голова бородатого сатира в плющевом венке. RV – лук, стрела влево, ΠΑΝΤΙ (рис. 3, *3*). 345–310 гг. до н. э. [Анохина, 2011, № 1022]. Предметы быта представлены фрагментами железной проколки, ножа, несколькими пряслицами (рис. 3, *4*), керамическим ткацким пирамидальным грузилом и фрагментом ножевидной кремневой пластины (рис. 3, *5*).

Объекты (рис. 4, *1*), открытые на поселении можно разбить на несколько категорий. В первую вошли тринадцать небольших ям, как правило, округлых в плане с довольно четкими границами (рис. 4, *2*). Вероятно, первоначально они имели какое-то хозяйственное назначение, а впоследствии, также как и другие объекты, о которых будет сказано ниже, использовались в качестве мусорных ям. Ко второй категории относятся две округлых в плане и конусовидные в разрезе, резко сужающиеся ко дну ямы с хорошо отбивающимися, специально обмазанными глиной стенками. Находки в этих ямах отсутствовали. Вероятно, все они являлись зернохранилищами.

В третью категорию включён один объект (рис. 5). Он представлял собой крупную, подовальную в плане яму, размерами 3×2,4 м, с сужающимися к дну стенками, на которых прослежена обмазка желтой глиной. В ней имелся очаг из плоских обожженных камней, уложенных на «подушку» из плотного желтого суглинка. Вокруг встречены многочисленные включения речной обкатанной гальки, а так же локальное скопление серого пепла толщиной до 30 см. В печной конструкции, помимо камней

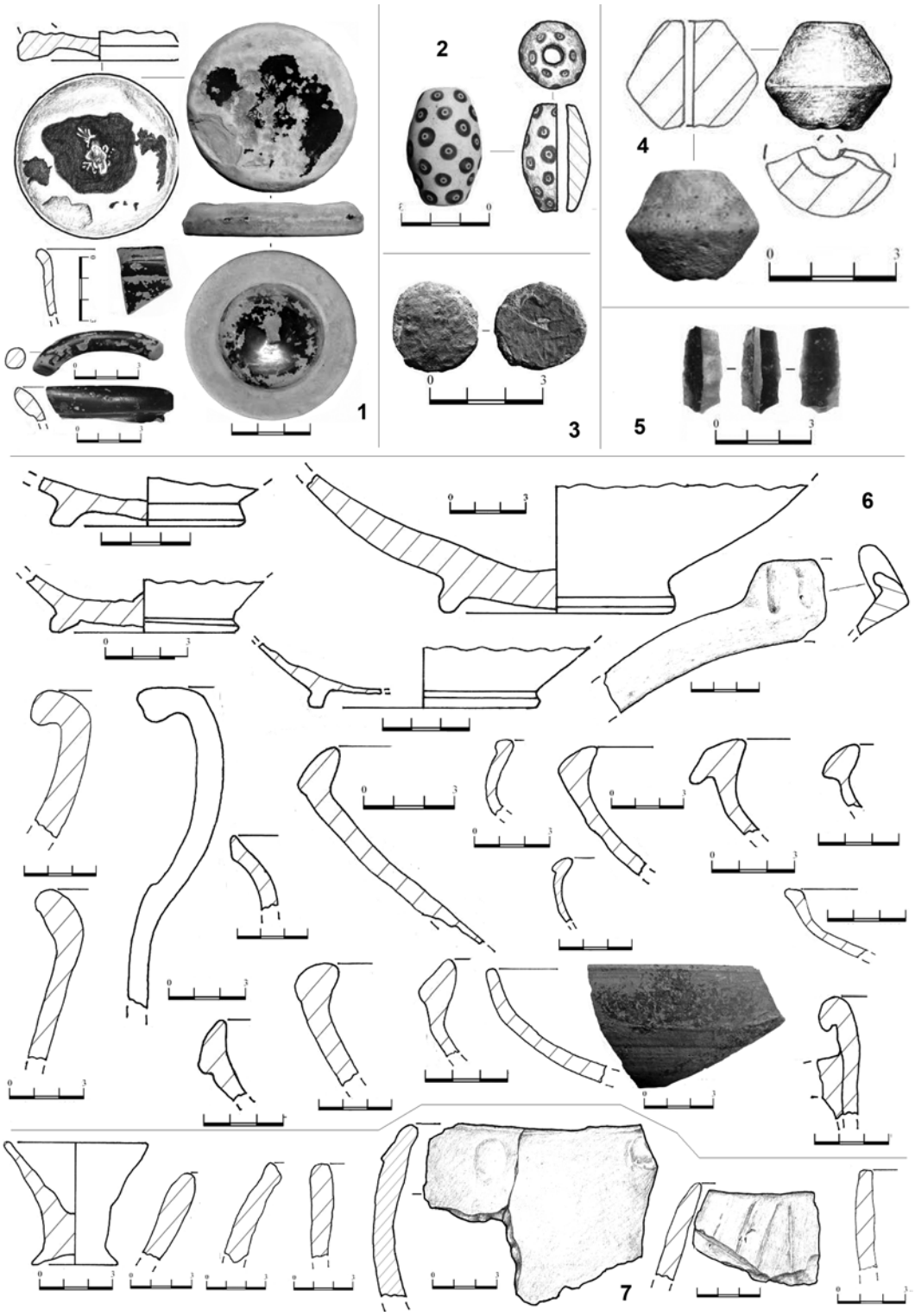


Рис. 3. Столовая, кухонная посуда и индивидуальные находки
из материала поселения «Псиф-3»

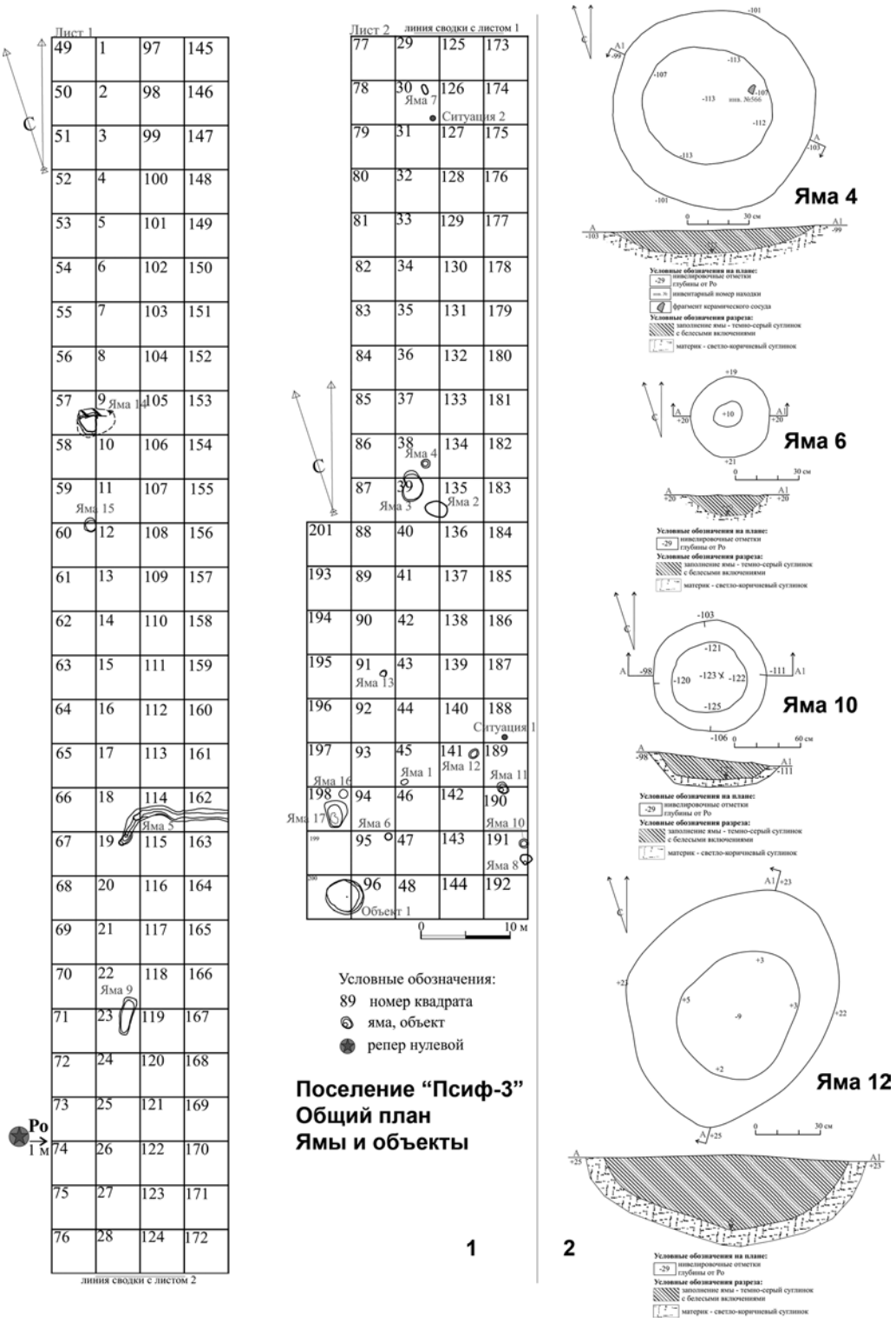


Рис. 4. Общий план раскопа, ямы и объекты

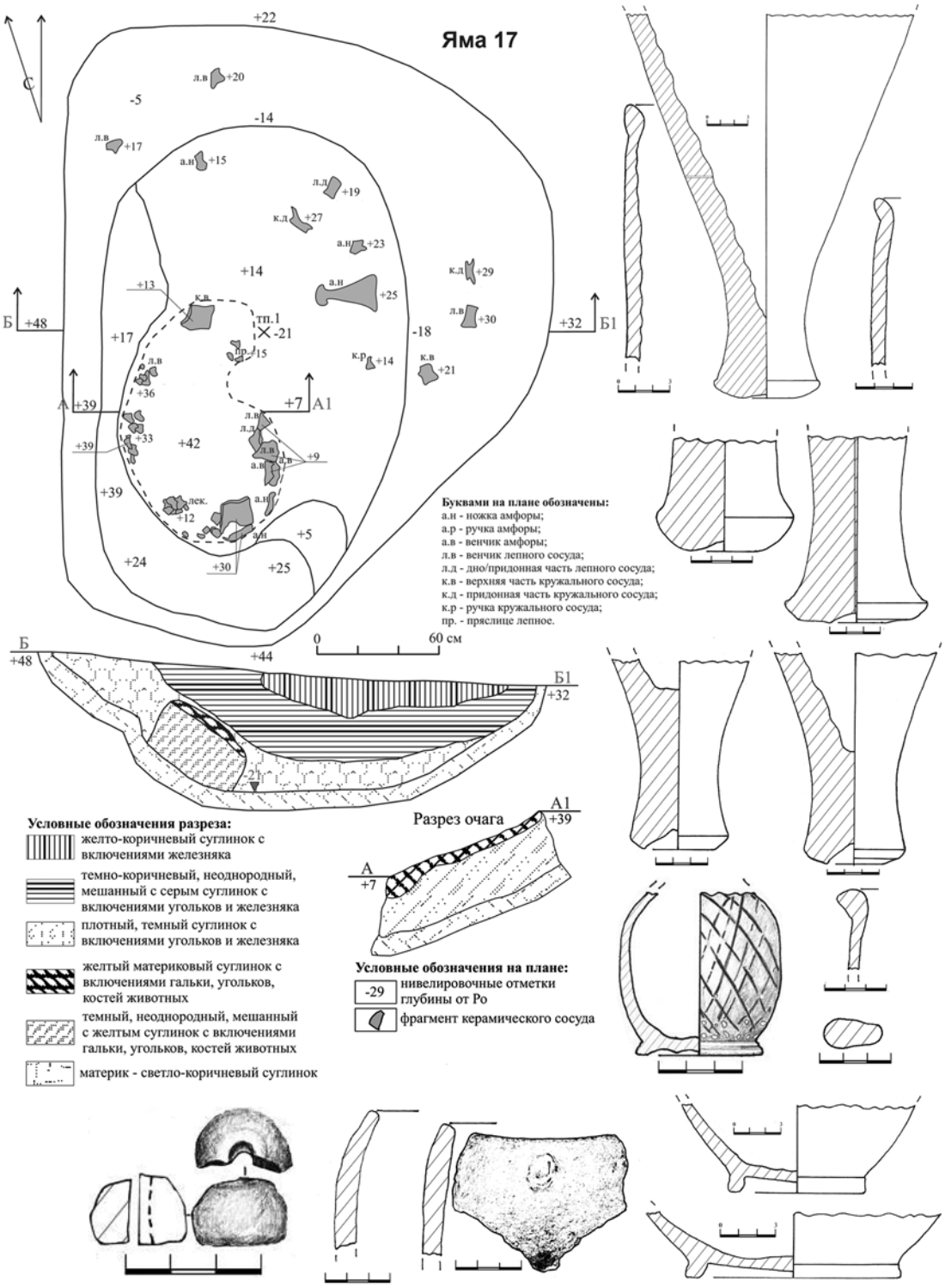


Рис. 5. Яма №17, чертеж и материал

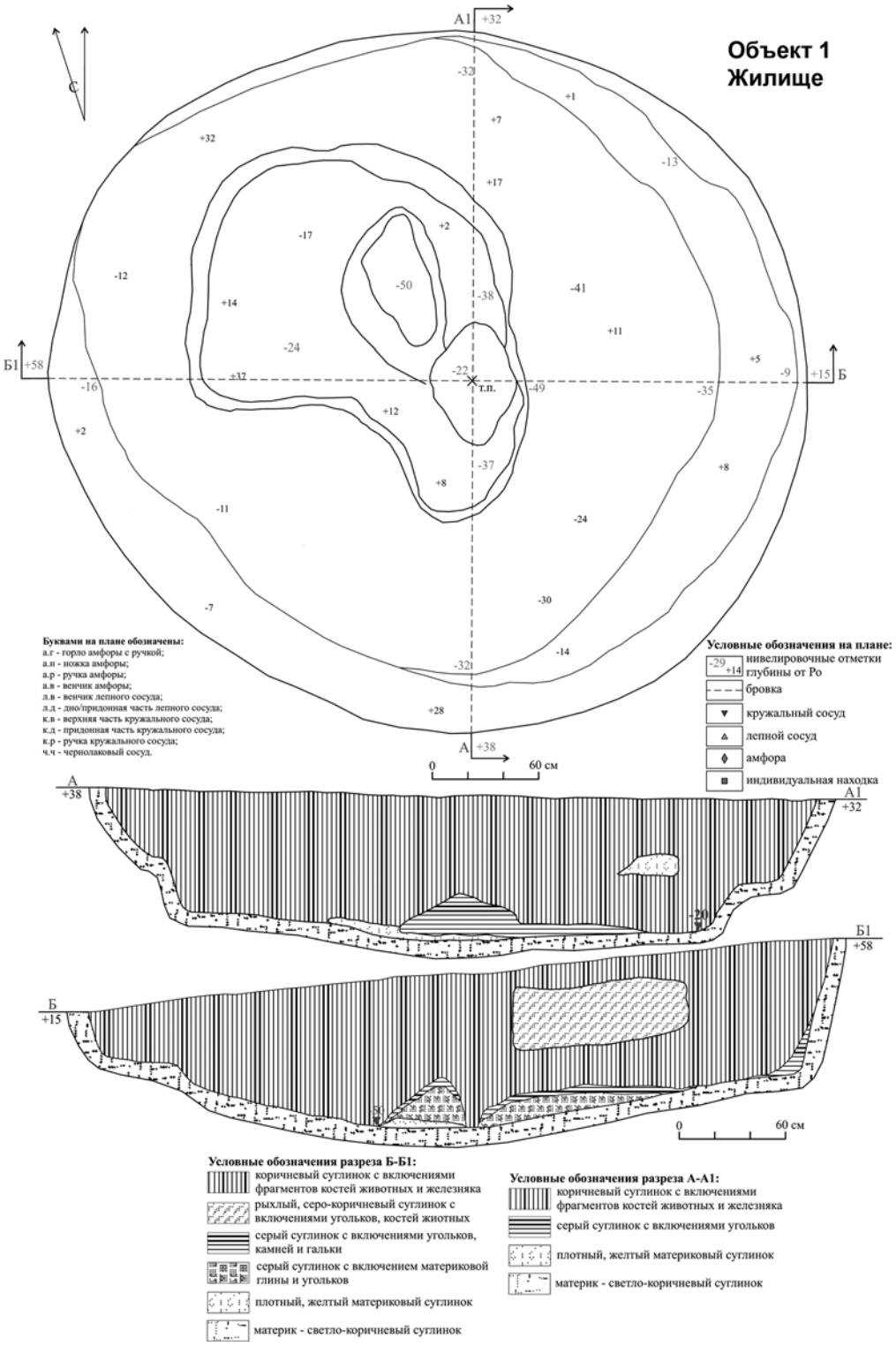


Рис. 6. Жилище, чертеж объекта

использованы немногочисленные фрагменты амфор и лепных сосудов, со следами пребывания в огне. Среди материала заполнения отметим фрагменты амфор Менды варианта портичелло первой половины IV в. до н. э., мелитопольского варианта, и конического типа второй-третьей четвертей IV в. до н. э., колпачкового Хиоса V-B, гераклейских амфор первой половины – середины IV в. до н. э., а так же нижнюю часть чернолакового сетчатого лекифа начала третьей четверти IV в. до н. э. [Рогов, Тункина, 1998, с. 173; Рогов, 2011, с. 49; Егорова, 2009, с. 43].

Наконец, один из объектов был интерпретирован как жилище (рис. 6). Оно представляло собой углубленную в землю постройку округлой формы размерами 3,94×4,14 м. Неровные стенки сужались к центру; в восточной части, вдоль всей стенки имелась ступенька-полка, шириной до 0,44 м. Видимо здесь находился вход. В центре жилища располагалась конусообразная «подушка» из серого, золистого суглинка с включениями желтой материковой глины и углей, размеры 0,52 м х 0,70 м, которая являлась очагом. Пятно из такого же суглинка прослеживалось и к северу от него. Планировка и конструкция жилища по многим параметрам чрезвычайно близки к традиционным меотским домам [Шевченко, 1995, с. 134–137], возводившимся из турлука.

Интересно, что с площади вблизи жилища происходило более 50% всех находок с раскопа. Это обстоятельство вполне может быть объяснением отсутствия на территории поселения полноценных хозяйственных ям. Видимо жители не особо утруждали себя санитарными нормами, предпочитая осваивать пространства вокруг жилища и заглубленные объекты, вышедшие из употребления.

После оставления жилища (вероятно после пожара), оно также заполняется мусором, причем эта свалка функционировала довольно долго, начиная с первый десятилетий. IV в. до н. э. Наиболее ранние находки: фрагменты амфоры круга Фасоса с раздутым горлом конца V в. до н. э. (рис. 7, *1*), а так же гераклейской амфоры пифоидного типа варианта I-1/I-3 конца V – начала IV вв. до н. э. (рис. 7, *2*). К первой четверти – трети столетия относятся фрагменты фасосских амфор серии II-B-1, гераклейских пифоидного типа, варианта I-4 и синопской тары конического типа, варианта I-A. Среди амфор первой половины IV в. до н. э. выделим мендейские – варианта портичелло II-B и фрагмент эрифрской варианта I-C/I-D [Монахов, 2012, с. 114–116] (рис. 7, *5*). Подавляющее большинство амфор относятся ко второй – третьей четвертям IV в. до н. э. В целом, это уже упомянутые выше по тексту типы фасосских, гераклейских, мендейских, хиосских и синопских амфор. Многие – были клейменными. Клейма Фасоса: клеймо безэмблемное в овальной рамке, сохранилось окончание первой и второй строк: […]HNI | […]AM – серии II-B-1, первой четверти IV в. до н. э. (рис. 7, *3, в*); клеймо в прямоугольной рамке (рис. 7, *3, а*) ΘΑΣΙ | ΒΑΤΩΝ | ΠΥΛΔΗ[11] палица, магистрат Ватон, 364–338 гг. до н. э. [Tzochev, 2016, с. 65a]; клеймо в прямоугольной рамке[12], поставлено неровно ΚΑΛΙΦΩΝ | ΘΑΣΙ, Лабрис, магистрат Мегон, 364–338 гг. до н. э. (рис. 7, *3, б*); клеймо, сохранился отпечаток эмблемы – лист винограда, надпись и рамка не сохранились – серии II-B-240–30-е гг. IV в. до н. э. (рис. 7, *3, г*). Клеймо Гераклеи (рис. 7, *4*) – фрагмент оттиска в прямоугольной

[11] Θασι(…) Βά|τω|ν Πυλά|δη(ς)

[12] Καλι|φῶν| Θα(σι) | Μέ(γων)

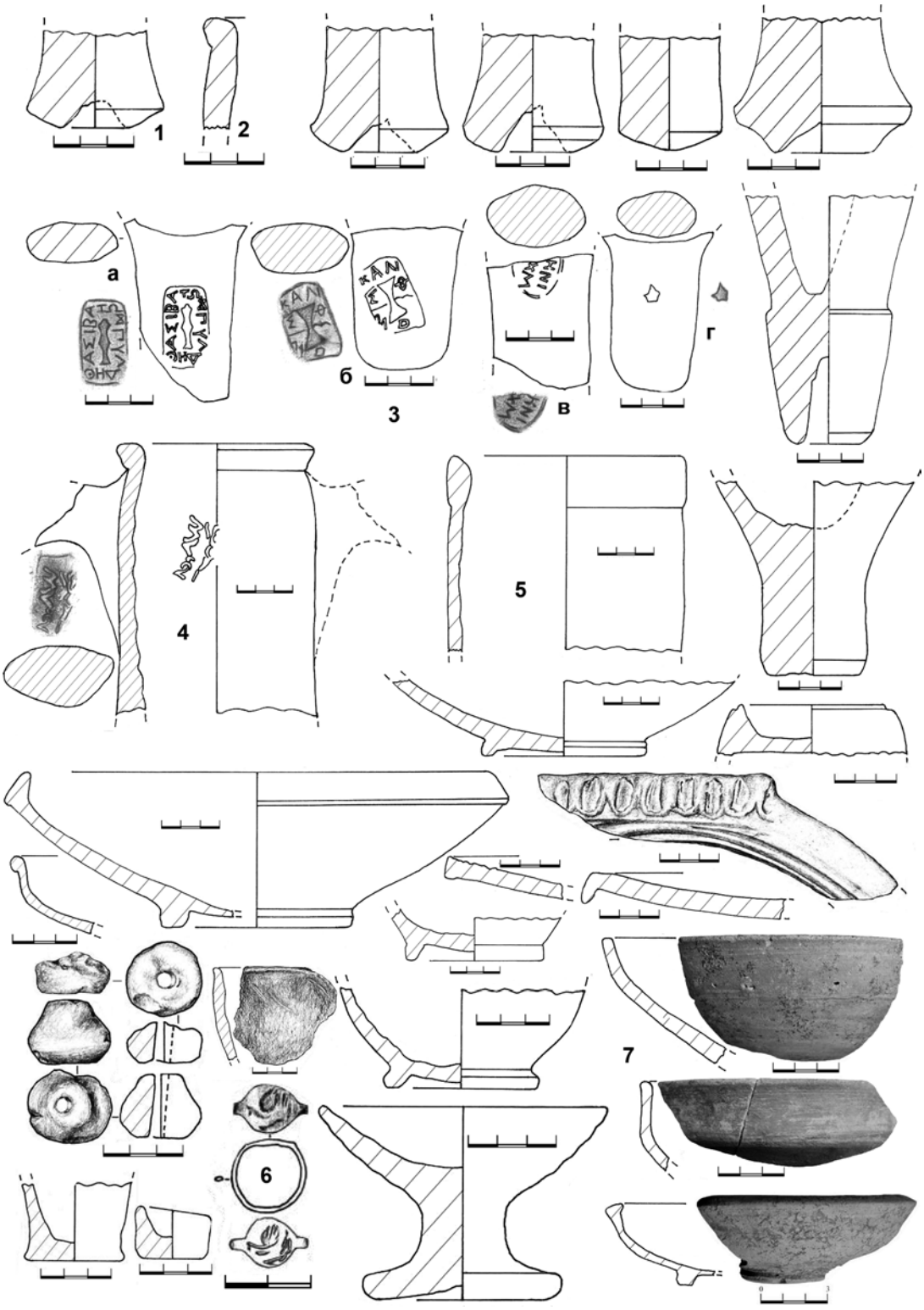


Рис. 7. Материал из жилища

рамке в верхней части горла под венчиком, сохранились начало и конец верхней строчки: Μ […]ΟΛΝ[13]. Амфора пифоидного типа варианта I-4 первой четверти IV в. до н. э., магистрат Стифон, принадлежит к группе II Б и датируется 370-ми гг. до н. э.

Из других находок, сделанных в яме-жилище, отметим бронзовый перстень (рис. 7, *6*) морфологически близкий к отделу 3 типу 1 варианту 2 по классификации В. Ю. Кононова, датирующийся третьей четвертью V–IV в. до н. э. [Кононов, 2006, с. 128, рис. 1]. Правда, в нашем случае щиток не овальный, а скорее – округлых пропорций. Стоит заметить, что в яме, видимо благодаря созданным внутри неё особым условиям, на многих фрагментах красноглиняной столовой посуды, сохранился красное и бурое покрытие – лак либо краска (рис. 7, *7*).

Таким образом, амфорный материал показывает, что яма заполнялась отходами на протяжении примерно семидесяти лет – вплоть до третьей четверти IV в. до н. э. Датировка появления жилища археологически не улавливается. Редкие находки в слое материалов V в. до н. э. и то, что меотские жилища были конструкциями легкими, быстровозводимыми и недолговечными позволяет предположить, что период между сооружением жилища и оставлением его людьми был непродолжительным, и вряд ли сильно удаленным от рубежа V–IV вв. до н. э.

Итак, совокупность большей части материала из слоя поселения «Псиф-3» датируется в пределах IV в. до н. э., причем довольно внятно обозначен этап, укладывающийся в период от начала IV в. до н. э. до последней четверти этого столетия. Его основание и начальные этапы существования связанны с концом V в. до н. э. Отсутствие среди находок артефактов, которые надежно увязываются с III в. до н. э., впрочем, как и редкий материал последних десятилетий IV в. до н. э. свидетельствуют, что в пределах этого временного отрезка оно прекращает своё существование. Чрезвычайно заманчиво предположить, что конец жизни поселения мог быть связан с событиями междоусобной войны сыновей Перисада I, около 310/309 гг. до н. э. В таком случае легко объяснимо появление зольников от пожаров на поверхности памятника.

Наконец, кратко остановимся на самом главном вопросе – культурной характере памятника. Отметим, что ответ на него не выглядит однозначным. Как уже говорилось, морфология этого поселения, его структура, ничем не отличаются от одновременных сельских поселений региона. Остатки жилищ, возведенных в местной строительной традиции, указывает, что население было варварским, скорее всего, меотского «круга». Однако керамический комплекс в сопоставлении с аналогичным набором близлежащих меотских памятников, показывает существенные различия и, напротив, близость к античным поселениям Боспора. Обращает на себя внимание очень низкий процент местной сероглиняной посуды и малое количество лепной, и, наоборот, массовое использование красноглиняной столовой боспорский посуды. Причем тех форм и категорий (например, много лутериев, рыбных блюд, посуды с красным покрытием), которые дальше на Кубань не распространялись. Ко всему этому стоит добавить довольно значительное количество черепицы. Весьма примечательный факт – присутствие и даже доминирование на поселении хиосских амфор (26%). Как известно в IV в.

[13] [Δαμ]οφῶν [Στύφων]ος??

до н. э. продукция Хиоса на памятниках кубанских меотов практически не представлена, по крайней мере, такие выводы были сделаны В. В. Улитиным после обработки данных из тридцати шести памятников [Улитин, 2006, с. 22, 139]. Между тем, как сообщали Афиней и Плиний хиосское вино в античную эпоху весьма ценилось [Whitbread, 1995. p. 138], что в целом и отражает амфорная статистика второй – последней четвертей IV в. до н. э. из боспорских поселений Крыма [Ломтадзе, 2005]. Еще более убедительную картину дают материалы поселений Азиатского Боспора. В Патрее доля фасосских и хиосских амфор была приблизительно одинакова, а согласно подсчетам, проведенным по материалам поселения «Береговой 4», во второй-третьей четвертях IV в. до н. э. хиосская продукция доминировала и составляла около 24% от общего количества амфор [Ломтадзе, 2005, с. 100–105]. Основываясь на этих данных, В. В. Улитин отмечал резкое отличие в торговом балансе между поселениями Азиатского Боспора, с одной стороны, и Прикубаньем, с другой [Улитин, 2006, с. 139].

Некая двойственность, которая довольно ярко выражена на поселении «Псиф-3», сочетание в себе черт варварства и греческой культуры, весьма характерна для данного региона, который находится в географических рамках контактной зоны, и является своеобразным порубежьем. Непременно напомним, что описываемое нами поселение – это ближайший южный сосед Краснобатарейного городища, помимо того и расположены они по одну сторону реки Псиф. Если говорить о том, что представляет собой городище, то на сегодняшний день большей частью исследователей памятник признается как пограничный форпост Боспорского царства на его восточных рубежах [Анфимов, 1948; Шилов, 1950; Каменецкий, 2000, 2001; Шевченко, 2009; Требелева, 2010; Крутоголовенко, 2013, Гарбузов, Сударев, 2015; Иванов, 2011, 2016]. Остается добавить: ранее один из авторов этой работы связывал гибель «Псиф-3» с расширением жизненного пространства Краснобатарейного городища [Иванов, 2011, с. 67, 2011а, с. 278–280], однако надо полагать, что эти населенные пункты, ввиду вновь открывшихся обстоятельств, были не конкурентами, а сателлитами. Вне зависимости от того, кто населял поселения «Псиф-3», а по нашему глубокому убеждению это были варвары, облик материальной культуры демонстрирует античный характер этого памятника. Вроде бы возникшие противоречия снимает тот факт что подобную структуру имело и Краснобатарейное городище, по крайней мере у нас нет оснований исключать участие варваров в жизни городища в элинестический период, да и в последующее время тоже. Более того, все поселения, расположеные к западу от Краснобатарейного городища и которые на настоящее время отождествляются с варварским населением региона Анапы-Новороссийска, имеют ту же конфигурацию: население – варвары, культура – античная [Иванов, 2016а, с. 266]. Как нам кажется узловым моментом возникшей проблемы является не кто населял эти земли, а кем они себя считали. О том, что граница Боспора в интересующее нас время могла проходить по реке Псиф уже писалось [Иванов, 2011а, с. 280], но здесь видимо необходимо говорить не о границе государства как такового, а о границе ментальной, разделяющей два культурных кластера – варваров и боспорян, причем последние далеко не факт что были эллинами. И здесь, надо признать, что поселение «Псиф-3» как нельзя лучше подходит для понимания этой ситуации.

Приложение 1

Керамический материал поселения «Псиф-3»

Наименование		*всего*	*итого*	
Сосуды кр/г	венчики	6		
	стенки	784		
	ручки	30		
	ложн-кольц	2		
	кольц. поддон	10		
	дно плоское	6		
Миски кр/г	бортики	11		
	кольц. поддон	7		
Блюдо рыбное кр/г	бортики	1		
Лекифы кр/г	ручки	1		
Лутерий кр/г	бортики	2		
	кольц. поддон	4		
	стенки	4	868	51,7%
Сосуды кор/г	венчики	15		
	ручки	16		
	стенки	419		
	ложн-кольц	5		
	кольц поддон	7		
	дно плоское	25		
Миски кор/г	бортики	58		
	кольц. поддон	6		
Лутерий кор/г	бортики	2		
	ручки	1	554	33,0%
Сосуды с/г	венчики	10		
	ручки	10		
	стенки	175		
	ложн-кольц	5		
	кольц. поддон	22		
	дно плоское	8		
Миски с/г	бортики	19		
Амфориск с/г	дно	1	250	14,9%
Кувшин св/г	стенка орн.	1	1	0,1%
Сосуды чернолак.	венчик	2		
	ручки	1		
	стенки	1		
	кольц. поддон	1	5	0,3% 24,8%
Сосуды лепные	венчики	31		
	ручки	4		
	стенки	430		
	дно плоское	38		
Миски лепные	бортики	7		
Вазочки лепные	целая	1	511	7,6%
Амфоры кр/г неустановленных центров производства	венчики	12		
	ручки	27		
	стенки	1015		
	ножки	6	1059	

Амфоры кр/г неустановленных центров производства	венчики	12		
	ручки	27		
	стенки	1015		
	ножки	6	1059	
Амфоры Менды	венчики	14		
	ручки	108		
	стенки	576		
	ножки	11	709	21,8%
Амфоры Фасоса	венчики	17		
	горло	1		
	ручки	74		
	стенки	574		
	ножки	29	695	21,4%
Амфоры круга Фасоса	венчик	1		
	ножка	2	3	0,1%
Амфоры Хиоса	венчики	18		
	ручки	86		
	стенки	744		
	ножки	10	859	26,5%
Амфоры Гераклеи	венчики	25		
	горло	2		
	ручки	86		
	стенки	603		
	ножки	20	736	22,7%
Амфоры Синопы	венчик	3		
	горло	2		
	ручки	25		
	стенки	186		
	ножки	1	217	6,7%
Амфоры Колхиды	венчики	1		
	ручки	6		
	стенки	12	19	0,58%
Амфоры Книда	венчик	4	4	0,12%
Амфоры Икоса	ножки	1	1	0,03%
Амфоры Лесбоса	ручки	1	1	0,03% 63,6%
Пифосы кр/г	венчики	4		
	стенки	16		
	дно плоское	5	25	
Пифосы кор/г	венчики	1		
	стенки	176		
	дно плоское	1		
	ложнокольц.	1	179	
Пифосы с/г	венчики	2		
	стенки	40	42	3,6%
Черепица	фр-т	24	24	0,4%
всего			6762	100%

Список литературы

Алексеева, 1975. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Бусы с пятнистым и глазчатым орнаментом. Определитель. АС САИ. Выпуск Г1–12. М.

Анфимов, 1948. Анфимов Н. В. Городища восточной окраины Боспорского государства // Историко-археологический сборник. М.

Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.

Анохин, 2011. Анохин В. А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев.

Гарбузов, Сударев, 2015. Гарбузов Г. П., Сударев Н. И. Немецкие аэрофотоснимки времен ВОВ как источник данных по археологии Азиатского Боспора // ДБ. Том. 19. М.

Егорова, 2009. Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.

Иванов, 2011. Иванов А. В. О двух меотских поселениях у границ Азиатского Боспора // Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир-Краснодар-Москва.

Иванов 2011 а. Иванов А. В. О восточной границе Боспорского царства // БФ: Население, языки, контакты. СПб.

Иванов, 2016. Иванов А. В. О времени основания и культурной атрибуции Краснобатарейного городища // БЧ. Вып. XVII. Керчь.

Иванов, 2016а. Иванов А. В. Племена региона Анапы-Новороссийска и меоты. Сопоставление // ДБ. Том. 20. М.

Каменецкий, 2000. Каменецкий И. С. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар.

Каменецкий, 2001. Каменецкий И. С. У границ Азиатского Боспора // МИАК. Вып. 1. Краснодар.

Кононов, 2006. Кононов В. Ю. Типология и хронология перстней и колец из меотских и сарматских памятников Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар.

Крутоголовенко, 2013. Крутоголовенко В. А. К вопросу о боспорских оборонительных сооружениях Западного Закубанья // II-е «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья. Краснодар.

Ломтадзе, 2005. Ломтадзе Г. А. Античный импорт на Боспоре в IV – начале III вв. до н. э. (опыт количественного анализа по материалам керамической тары). Дис. … канд. ист. наук. М.

Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М. – Саратов.

Монахов, 2012. Монахов С. Ю. Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н. э.: дополнения к классификации // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь.

Рогов, 2011. Рогов Е. Я. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. Симферополь. (Серия: МАИЭТ. Supplemenum. Вып. 10).

Рогов, Тункина, 1998. Рогов Е. Я., Тункина И. В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское // Археологические вести. № 5. СПб.

Требелева, 2010. Требелева Г. В. Контроль над территорией // Античное наследие Кубани. Т. 2. М.

Улитин, 2006. Улитин В. В. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н. э. (по данным амфорной тары). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.

Шевченко, 2004. Шевченко Н. Ф. Виноградный 1 – поселение эпохи эллинизма в степном Закубанье // V БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь.

Шевченко, 2009. Шевченко Н. Ф. Краснобатарейное городище. Старые проблемы, новые исследования // Пятая международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Шевченко, 2013а. Шевченко Н. Ф. Могильник поселения «Виноградный-1» в свете его необычного обряда // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Шевченко, 2013б. Шевченко Н. Ф. Культовые сооружения типа ботросов на поселении Виноградный-1 // Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар.

Шевченко, 1995. Шевченко Н. Ф. Строительные традиции у меотов // ИАА. Вып. 1. Армавир – М.

Шилов, 1950. Шилов В. П. К вопросу о расселении меотских племен // СА. XIV. М.

Tzochev, 2016. Tzochev C. Amphora Stamps from Thasos. The Athenian Agora. Vol. XXXVII. Princeton. New Jersey.

Sparkes, Talcott, 1970. Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. // The Athenian Agora. – Vol. XII. Princeton, New Jersey.

Whitbread, 1995. Whitbread I. K. Greek Transport Amphorae. A petrological and archaeological study. Athens.

Summary

A. V. Ivanov, V. V. Trubnikov
Settlement «Psif-3»

In the article presented to the attention of the reader, the results of the work done at the settlement «Psif-3» located in the Crimean region of the Krasnodar Territory, near the Krasnobatareiny settlement. The description of the monument, its place among the antiquities of the region, as well as the analysis of archaeological material, on the basis of which the chronological framework of the settlement - IV c. BC. An attempt at cultural attribution of the monument leads the authors to the conclusion that the «Psif-3» settlement not only combines features of both barbaric and Greek culture, and may be the key to understanding the processes taking place in the region as a whole.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.90-108

М. Е. Клемешова
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Комплекс лепной керамики из сторожевой башни Казан II на Узунларском валу (морфология и технико-технологический анализ)

В данной работе излагаются результаты изучения лепной керамики, обнаруженной при раскопках дозорно-сторожевой башни I в. до н. э. Казан II (Южной) в 2017 г. Восточно-Крымской экспедицией Института археологии РАН. Время ее постройки – ближайшие годы после 48/47 гг. до н. э., окончание функционирования – вероятно, ок.14/13 гг. до н. э. (см. статью А. А. Масленникова в этом же сборнике).

Лепная керамика из этого сооружения является самой массовой категорией находок – 80% всего керамического материала. Количественно преобладают крупные тарные сосуды – различной формы корчаги и, вероятно, кувшины. Учитывая характер объекта, это, видимо, объясняется тем, что в башне хранился запас продовольствия и, возможно, воды. В связи с этим нужно отметить одно важное обстоятельство.

В силу специфического назначения постройки большая часть обнаруженной в ней лепной керамики, вероятнее всего, была изготовлена не в ней ее обитателями (гарнизоном башни), а где-то в ином месте, в каком-то селении, возможно, в ближайшем, и привозилась оттуда по мере необходимости, может быть, сразу вместе с припасами. Эта башня являлась одним из многих аналогичных сооружений, построенных вдоль линии Узунларского вала на протяжении нескольких десятков километров. Внутри нее возможно было изготовить, высушить и обжечь в обнаруженном там очаге небольшие горшки и миски, но обжечь крупные сосуды высотой не менее 80 см, а некоторые, возможно, и больше, там нереально. Теоретически это можно было делать где-то рядом с башней в большой очажной яме или на костре, но тогда возникала бы проблема с возможным принятием дыма обжигательного сооружения за дымовой сигнал соседними гарнизонами. Никаких признаков хозяйственных дворов вокруг этой и ранее исследованных башен обнаружено не было. Обжиг можно было бы производить на определенном удалении, вероятно, не менее нескольких сотен метров, но это представляется слишком трудо- и времязатратным процессом, поскольку в это место нужно было бы носить дрова, доставлять тяжелые сосуды, до нескольких часов обжигать их, а затем везти обратно. Все это требовало бы участия, возможно, не одного человека. Учитывая, что основной функцией солдат из гарнизона было все-таки несение

службы, а не занятие хозяйственной деятельностью, отнимающей много времени, такие мероприятия представляются маловероятными. Более логичным кажется допустить изготовление и привоз тарной посуды из какого-то места, где для этого были надлежащие условия.

Таким образом, комплекс лепной керамики башни Казан II является прежде всего источником для изучения населения, производившего большую часть обнаруженной там керамики, а не только источником для реконструкции жизни военного гарнизона – пользователя этой гончарной продукции.

Были изучены фрагменты от 93 различных сосудов (92 из помещений башни и 1 горшок из погребения эпохи бронзы из кургана, на котором она была построена). На основании форм верхних профильных частей они были распределены по категориям, видам и типам. Венчики этих сосудов были исследованы методами технико-технологического анализа, разработанного А. А. Бобринским для получения информации о традициях изготовления керамики различными группами древнего населения [Бобринский, 1978; Бобринский, 1999].

Сосуды представлены следующими категориями: тарная (корчаги и, возможно, большие кувшины), кухонная (небольшие горшки различных форм), столовая (миски, кружки?), культово-вотивная (чаши на ножках, миниатюрные мисочки). Керамика в основном плоскодонная (рис. 7, *1–10*, *12, 13*), но встречено и несколько фрагментов круглых днищ (рис. 7, *11*), относящихся, вероятнее всего, к одному из вариантов горшков без выделенного горла. У 14 сосудов (15,2%) поверхности лощеные. Орнамент присутствует на трех горшках (3,3% всей исследованной керамики), орнаментированы также ручки некоторых корчаг (кувшинов?). В данном исследовании рассмотрены ручки двух таких сосудов (вероятнее всего, двуручных), в целом при раскопках обнаружены фрагменты по крайней мере от трех изделий. Выделены следующие типы сосудов:

1. Корчаги, тип 1 – 7 экз. (7,6%). С небольшим, слегка отогнутым, уплощенным сверху венчиком, пологими плечами и сильно расширяющимися стенками тулова (рис. 1, *1–6*). В одном случае внешняя поверхность полностью залощена. Диаметр венчика – 16–30 см, толщина стенок 6–11 мм. Стенки одного сосуда снаружи закопчены. Аналогии: Кутлакская крепость [Ланцов, Юрочкин, 2001, с. 267, рис. 6, *1*; 7, *2*], поселение Красное [Дашевская, 1991, с. 15–16, табл. 12, *3*, 10, *22*], городище Альма-Кермен [Дашевская, 1991, с. 19, табл. 26, *1, 4, 9, 11*], Южно-Донузлавское [Дашевская, 1991, с. 18, табл. 19, *7*], Чайка [Яценко, 1983, с. 57, рис. 5, *10*], Неаполь Скифский [Дашевская, 1958, с. 257, рис. 4, *1*], Булганакское городище [Власов, 1997, с. 220, табл. I. *4*].

2. Корчаги, тип 2 – 6 экз. (6,5%). С венчиком той же формы, но с цилиндрическим, очень слабо расширенным туловом с практически вертикальными стенками (рис. 1, *7–10*). Три сосуда полностью лощеные снаружи. Диаметр венчика 18–37 см, толщина стенок 6,5–12 мм. Аналогии: поселение Красное [Дашевская, 1991, с. 15, табл. 10, *20*], Неаполь Скифский [Дашевская, 1991, с. 16, табл. 14, *7*], Альма-Кермен [Дашевская 1991, табл. 26, *13*, с. 19], Чайка [Попова, 1991, с. 50, рис. 4, *5*], Неаполь Скифский [Дашевская, 1958, с. 259, рис. 4, *37*], Восточный некрополь Неаполя Скифского, могила 93 [Сымонович, 1983, с. 74, 80, табл. II. *5*], Булганакское городище [Власов, 1997, с. 214, табл. I. *1*], Кутлакская крепость [Ланцов, Юрочкин, с. 268, рис. 9, *2*].

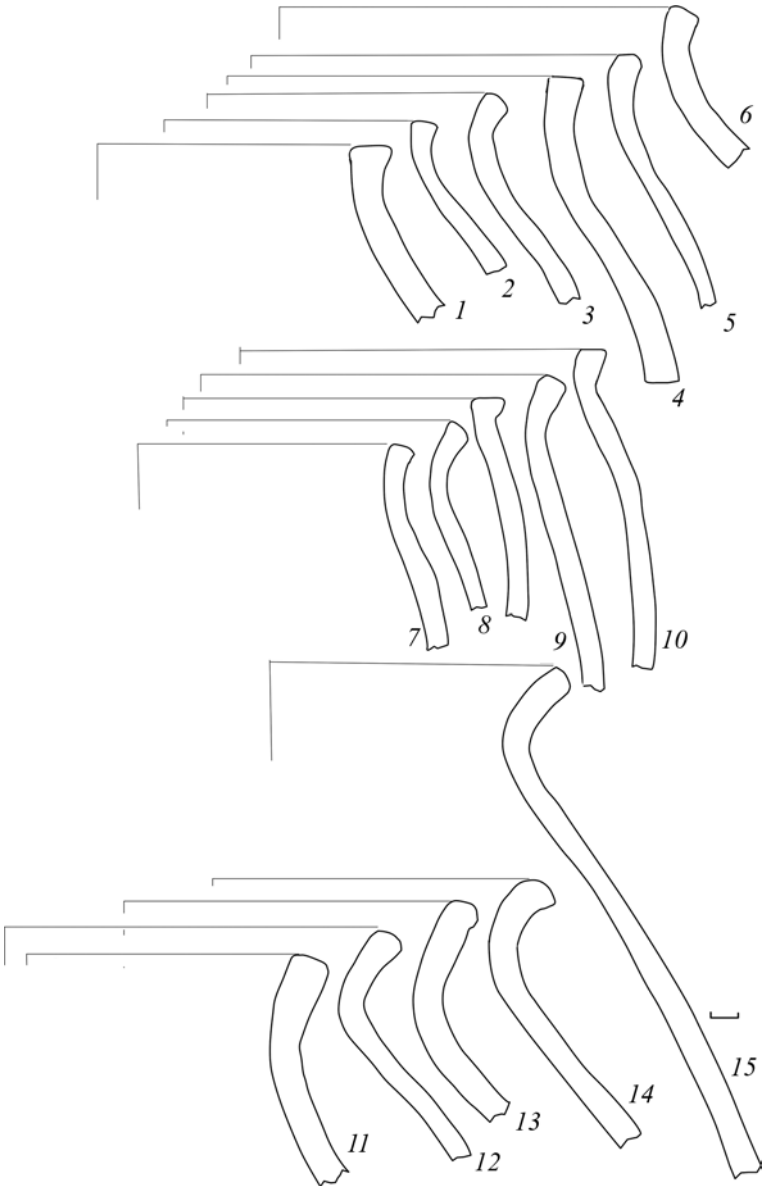


Рис. 1. Венчики лепных корчаг из башни Казан II

3. Корчаги, т. 3 – 9 экз. (9,8%). С небольшим отогнутым прямым или дугообразно изогнутым наружу венчиком, покатыми плечами и сильно расширяющимися стенками тулова (рис. 1, *11–15*). Диаметр венчика 21–23 см (5 сосудов) или 30–37 см (4 сосуда), толщина стенок 10–13 мм. Аналогии: поселение Красное [Дашевская, 1991, с. 15, табл. 10, *21*], Неаполь Скифский [Дашевская, 1991, с. 16, табл. 14, *19–20*], Южно-Донузлавское поселение [Дашевская 1991, с. 17, табл. 17, *4, 7*], Заветнинский могильник [Дашевская, 1991, с. 30, табл. 50, *10*], Калос-Лимен [Дашевская 1991, с. 18, табл. 19, *2*], Кутлакская крепость [Ланцов, Юрочкин 2001, с. 267, рис. 5, *2–3*; 7, *2*], Булганакское городище [Власов 1997, с. 220, 221, 231, табл. I. *8–9*, II. *15*], Чайка [Яценко, 1983, с. 55, рис. 5, *9*].

4. Кувшины, т. 1 – 4 экз. (4,4%). С трапециевидным горлом, с небольшим, слегка отогнутым венчиком и удлиненной линией плеч без выраженного места перехода горла в плечи (рис. 2, *1–3*). Три сосуда полностью лощеные снаружи. Диаметр венчика 12–16 см, толщина стенок 7–10 мм. Судя по ближайшим аналогиям – двуручным кувшинам Кутлакской крепости [Ланцов, Юрочкин, 2001, с. 266, рис. 3, *1–5, 7*], к ним относятся зооморфные круглые в сечении ручки с поперечными насечками по всей длине, возможно, имитирующие витые. Они имеют небольшие вертикальные выступы у верхнего прилепа и рельефные налепы в виде трехпалых (птичьих?) лап, иногда с закругленными рельефными завитками у нижнего края (рис. 2, *4–7*; 3, *1–5*). Близкие по форме горла сосуды происходят с Южно-Донузлавского поселения и городища Беляус [Дашевская, 1991, с. 18, табл. 21, *4, 6, 7*].

5. Кувшины, т. 2 – 4 экз. (4,4%). С высоким прямым или немного сужающимся кверху горлом и слегка отогнутым маленьким венчиком (рис. 2, *8–10*). Один сосуд полностью лощеный снаружи. Диаметр венчиков 12–25 см. толщина стенок 6–8 мм. Аналогии: по форме горла – некоторые кувшины из Кутлакской крепости [Ланцов, Юрочкин, 2001, с. 266, рис. 3, *5, 7*], Неаполь Скифский [Дашевская, 1991, с. 16, 17, табл. 12, *13, 15, 18*; 15, *11, 15*], поселение Красное [Дашевская, 1991, с. 17, табл. 15, *14*], Беляус [Дашевская, 1991, с. 18, табл. 21, *6*].

6. Горшки, т. 1 – 30 экз. (32,6%). С слегка расширяющимся горлом, прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, плавно, без выраженного перегиба переходящим в незначительно расширяющиеся стенки тулова (рис. 4, *1–17*). В одном случае сплошное лощение внешней поверхности. Диаметр венчика 10–18 см, толщина стенок 2,5–7 мм. Данный тип по классификациям Н. А. Гаврилюк и А. А. Масленникова, основывающихся на типологии лепной керамики Каменского городища Б. Н. Гракова [Граков, 1954, с. 70–72], относится к горшкам с дуговидной в разрезе шейкой [Гаврилюк, 2013, с. 68, 71, рис. 10, 11, 17; 2013а, с. 350–351, рис. 3; 2016, с. 144, 152–154, рис. 4; Масленников, 1992, с. 286]. Он в целом соответствует типу 3 горшков поселения Полянка [Клемешова, в печати] с той разницей, что у некоторых горшков башни Казан II венчик не абсолютно прямой, может быть слегка отогнут наружу, и иногда достаточно отчетливо выражено место перехода венчика в плечи, образуя промежуточную форму между горшками «с горлом в виде раструба» и «с дуговидной в разрезе шейкой». При этом надо отметить существенную, как представляется, особенность комплекса горшков этого типа из башни. У большинства экземпляров наблюдается отсутствие единого образца формы, фактически стандартизированы только около четверти из них (8 сосудов). Для пяти из них (рис. 4, *1–4*) характерен удлиненный прямой или слегка изогнутый наружу венчик, приблизительно одинаковая степень его отогнутости и расширения стенок тулова, тонкие стенки (2,5–5 мм) и обжиг в восстановительной атмосфере (черно-серый цвет поверхностей и изломов). У трех других (рис. 4, *9, 14*) венчик также удлинен, место перехода в плечи очень слабо выражено, тулово слабо расширено, стенки толщиной 4–6 мм, обожжены в окислительной атмосфере (светло-рыжие поверхности). Забегая вперед, отмечу, что сходство наблюдается также и в составах формовочных масс. Для остальных характерны совершенно различные пропорции, размеры и степень изогнутости и отогнутости венчиков, а также

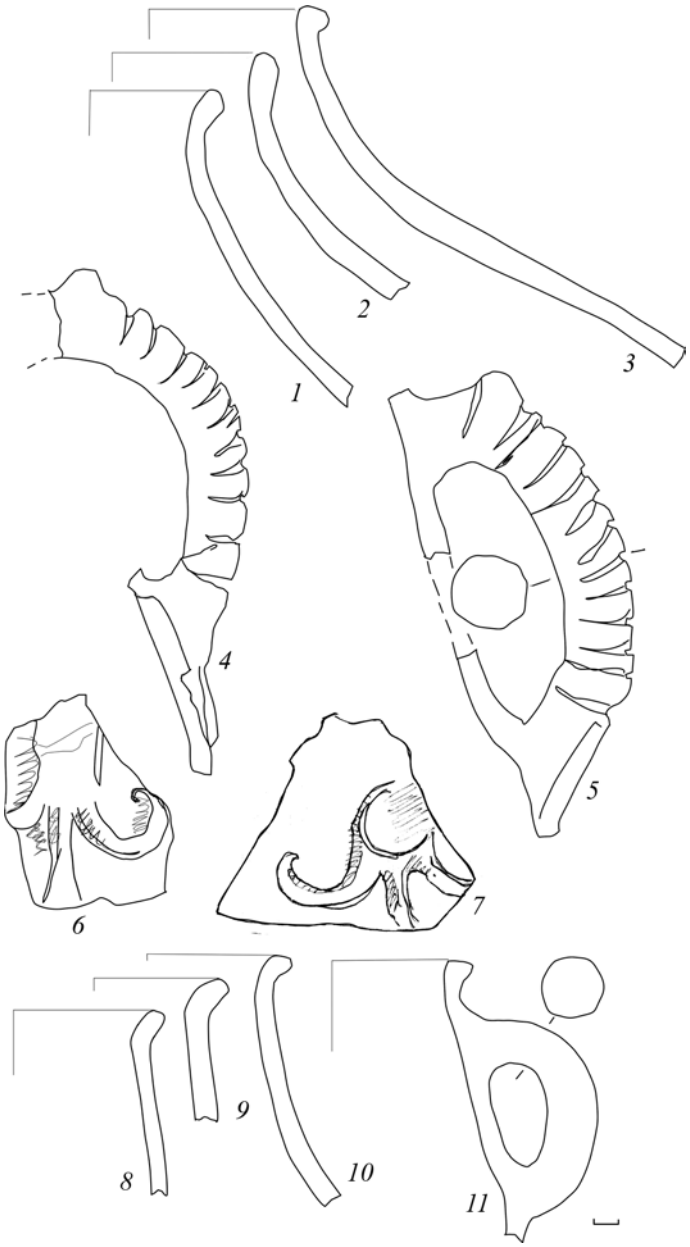


Рис. 2. Венчики лепных кувшинов (*1–3, 8–10*), зооморфные ручки и их фрагменты (*4–7*), кружка из башни Казан II (*11*)

степень расширения тулова и выраженности перехода венчика в плечи. То есть, фактически, среди них нельзя найти двух одинаковых сосудов. При этом неверно, думается, было бы считать, что это явление связано с низкой квалификацией их изготовителей. Сделано большинство из этих горшков очень аккуратно и, как кажется, следуя определенным стандартам формы, известным каждому конкретному мастеру. Более вероятным представляется объяснение, что все эти сосуды были изготовлены

Рис. 3. Лепные зооморфные ручки кувшинов и их фрагменты из башни Казан II

в различных местах, может быть, в разных селениях, хотя и с населением с близкими культурными традициями изготовления керамики и, вероятно, близким по культурному составу. Неясными при этом остаются причины появления в башне такого «разрозненного сервиза». Хотя именно эти детали могут позволить уточнить особенности быта военных гарнизонов подобных объектов и порядка обеспечения их государством. Аналогичные горшки массово представлены на сельских поселениях и святилищах античного времени Восточного Крыма [Масленников, 1992, рис. 187–231; 2007, с. 50–52, рис. 28, *1–10;* с. 105–106, рис. 42, *11, 14, 15, 17, 20, 21, 24*; с. 141, рис. 68, *7–8*; с. 150, рис. 71, *2, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 12, 15*; с. 193, рис. 85, *3, 5, 9, 10*; с. 240, рис. 105, *13, 15*; с. 291, рис. 125, *9–21*; с. 317–318, рис. 135, *7, 10–11*; рис. 139, 2, 15; с. 336, рис. 143, *1–35*; с. 365, рис. 157, *1–13*; с. 170, рис. 167].

7. Горшки, т. 2 – 3 экз. (3,3%). С горлом в виде раструба. Один – с орнаментом из вертикальных насечек по внешнему краю венчика (рис. 4, *18–20*). Диаметр венчиков 15 и 17 см, толщина стенок 7,5–9 мм. Подобную форму и орнамент обычно связывают прежде всего со скифской керамикой. Аналогии им очень многочисленны [Гаврилюк, 2013а, с. 346–347, рис. 1].

8. Горшок, т. 3 – 1 экз. (1,1%). Полностью повторяет форму корчаг типа 1 (рис. 4, *21*). Диаметр венчика 13 см, толщина стенки 6,5 мм.

9. Горшок, т. 4 – 1 экз. (1,1%). С маленьким, слегка отогнутым венчиком, шаровидным туловом и единственной вытянутой ручкой, прикрепленной только одним концом к тулову сосуда (рис. 4, *22*). Диаметр венчика 7,7 см, диаметр тулова 10 см, диаметр дна 7,6 см, высота 8 см. Полная аналогия происходит из раскопок поселения Полянка 2017 г., раскоп Верхняя Терраса, пом. 87 (рис. 4, *23*).

10. Горшки, т. 5 – 9 экз. (9,8%). Горшки без выделенного горла.

Вариант 1 – 7 экз. (7,6%): с округлыми в верхней части стенками и закругленным краем венчика (рис. 5, *1–5*). Четыре сосуда полностью лощеные изнутри и снаружи.

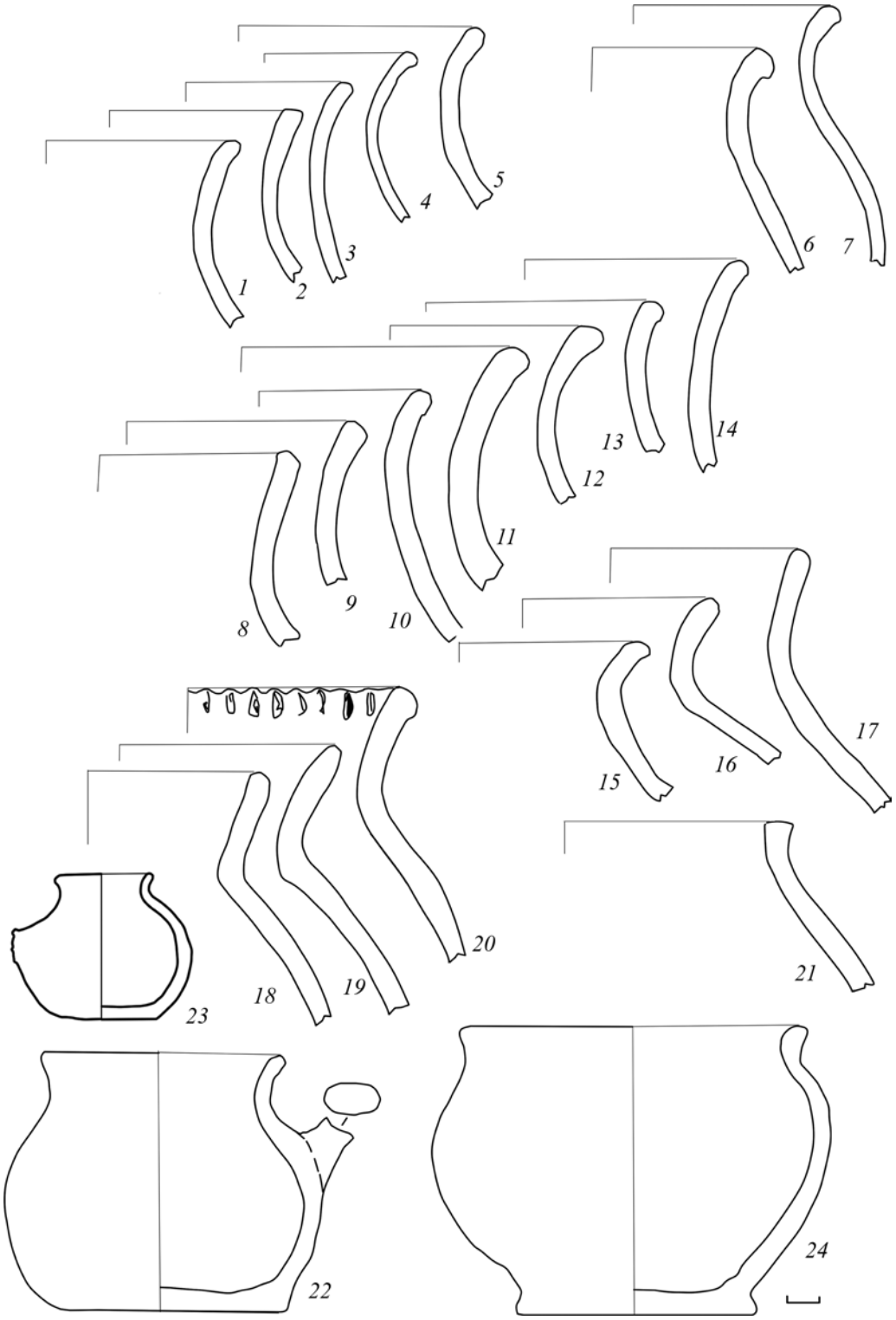


Рис. 4. Лепные горшки, типы 1–4 из башни Казан II (*1–22*), лепной одноручный горшок с поселения Полянка (*23*). Лепной горшок из погр. 1 эпохи поздней бронзы (*24*)

У двух имеются вертикальные налепы: в одном случае – рельефные выступы, сгруппированные по три, длиной 3 см, вытянутые вниз от края венчика и образованные вытягиванием порций глины из тулова сосуда, в другом единичный, треугольный в сечении налеп сформован из отдельной порции материала. Диаметр венчиков 28–30 см, толщина стенки 7–10 мм. Подобной формы горшки встречаются на различных крымских памятниках, хотя и не относятся к распространенному типу сосудов: Южно-Донузлавское [Дашевская, 1991, с. 18, табл. 22, *2*], Альма-Кермен [Дашевская, 1991, с. 19, табл. 26, *5*], Булганакское городище [Власов, 1997, с. 224, табл. II. *1*], Чайка [Яценко, 1983, с. 49, 59–60, рис. 3, *1*], Кутлакская крепость [Ланцов, Юрочкин, 2001, с. 268, рис. 10, *1–2*], Неаполь Скифский [Дашевская, 1958, с. 260, рис. 4, *23*], Альминское городище [Дашевская, 1958, с. 268, рис. 6, *8*], Красное [Дашевская, 1958, с. 268, рис. 7, *10*], Илурат [Кастанаян, 1981, с. 87, табл. XXVII. *3*], Тиритака [Кастанаян,1981, с. 63, табл. XVIII. *6*]. Некоторые из них из-за небольшой высоты иногда относят к мискам. Рельефные выступы и налепы подобной формы обычно связывают с заимствованиями из фракийской керамики [Вязьмитина, 1969, с. 119–134].

Вариант 2 – 1 экз. (1,1%): с прямыми, почти вертикальными в верхней части стенками и уплощенным и вытянутым внутрь клювообразным краем венчика (рис. 5, *6*). Диаметр венчика 31 см, толщина стенки 7,5 мм. Сосуд полностью лощеный изнутри и снаружи. Аналогии не найдены.

Вариант 3 – 1 экз. (1,1%). Круглодонный (?), с невыделенным венчиком с закругленным краем и шаровидным туловом (рис. 5, *7*). Диаметр венчика ок. 25 см, толщина стенок 7–12 мм. Круглодонные формы иногда встречаются на памятниках античного времени: Кутлакская крепость [Ланцов, Юрочкин, 2001, с. 268–269, рис. 10, *3*; 12, *2*], Тиритака [Кастанаян, 1981, с. 62, табл. XIV, *9*].

11. Кружки (?) – 2 экз. (2,2%). С небольшим отогнутым, уплощенным сверху венчиком и удлиненным, слегка выпуклым туловом. Верхний корень круглой в сечении ручки прикреплен к плечу (рис. 2, *11*). Диаметр венчиков 15 и 11 см, толщина стенок 7 мм. Форма, часто присутствующая на греческих и варварских памятниках, например: Илурат [Кастанаян, 1981, с. 87, 88, табл. XXVIII. *1, 9*], Китей [Гаврилюк, Молев, 2013а, с. 74, 83, 85, рис. 5, *2, 4, 5, 9*; 10, *10*; 12, *1–4*], Неаполь Скифский [Дашевская, 1991, с. 17, табл. 15, *8*], Южно-Донузлавское городище [Дашевская, 1991, с. 18, табл. 20, *13–14*), поселение Альма-Кермен [Дашевская, 1991, с. 19, табл. 27, *6–8, 10*].

12. Миски, т. 1 – 2 экз. (2,2%). С невыделенным, закругленным сверху венчиком и очень слабо выпуклыми стенками, дно с закраиной (рис. 5, *8–9*). Диаметр дна 8–9 см, венчика 15 см, высота 3,3 и 4,5 см, толщина стенок 8 мм. Такая форма была распространена в Восточном Крыму: [Гаврилюк, Молев, 2013а, с. 97, рис. 21, *6*; Масленников, 2007, с. 53, 335, рис. 29, *3*; 142, *21*].

13. Миска, т. 2 – 1 экз. (1,1%). Глубокая, с невыделенным, закругленным сверху венчиком и очень слабо выпуклыми стенками, дно без закраины (рис. 5, *10*). Диаметр дна 9 см, венчика 21 см, высота 7,5 см, толщина стенок 6,5–7 мм. По форме близка мискам т. 1 поселения Полянка [Клемешова, в печати], но с более тонкими стенками. Аналогии: святилище около поселения Сиреневая бухта [Масленников, 2007, с. 234, рис. 102, *3*], поселение Кульчук [Гаврилюк, 2013а, с. 355, рис. 9, *3, 4*].

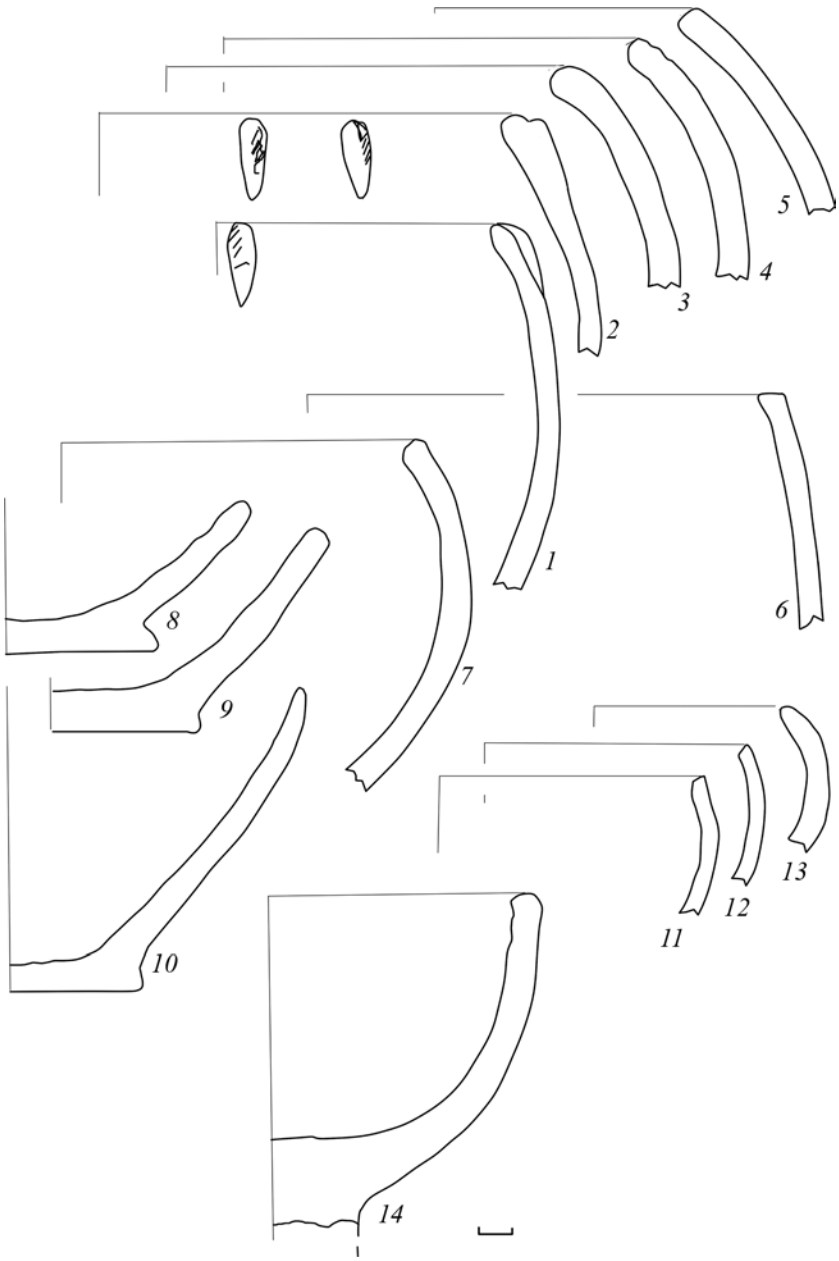


Рис. 5. Лепные горшки т. 5 (*1–7*), миски, типы 1–3 (*8–13*), чаша на ножке (?) (*14*)

14. Миски, т. 3 – 3 экз. (3,3%).

Вариант 1 – 1 экз. С невыделенным венчиком с закругленным краем и стенками тулова со значительной выпуклостью в верхней части (рис. 5, *13*). Диаметр венчика ок. 11 см. толщина стенок 7–9 мм. Аналогичен мискам т. 2 вар. 1 поселения Полянка [Клемешова, в печати]. Распространен на памятниках Восточного Крыма [Масленников, 2007, с. 150, 319, 335, 392, рис. 71, *20*; 135, *30*; 139, *9*; 142, *12, 14, 15, 23*; 168, *22, 24, 49, 53*].

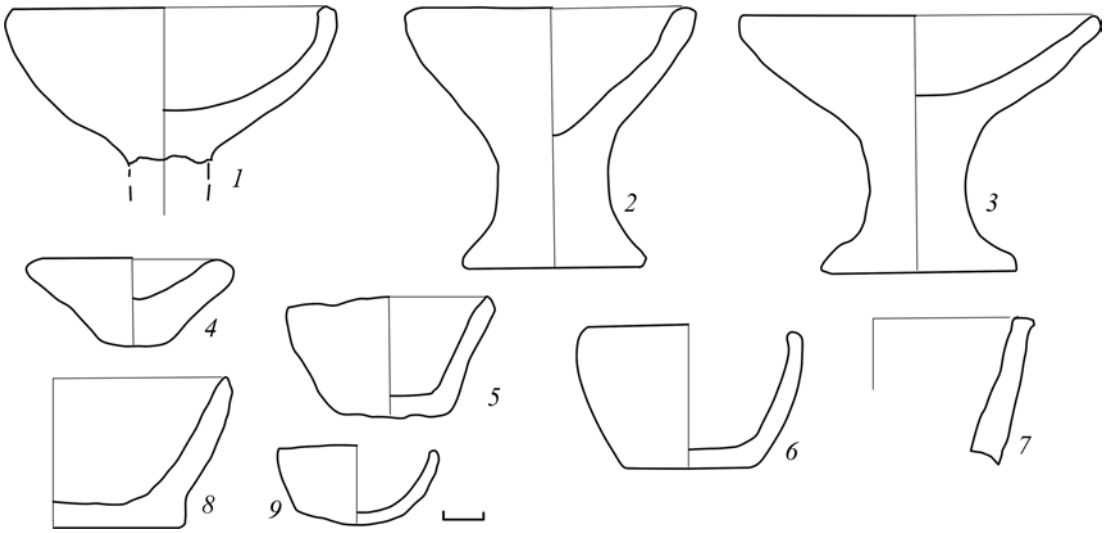


Рис. 6. Лепные чаши на ножке (курильницы или светильники) (*1–3*) и вотивные мисочки из башни Казан II (*4–9*)

Вариант 2 – 2 экз. То же, но с более тонкими стенками (рис. 5, *11–12*). Диаметр венчика 20 и 22 см, толщина стенок 4,5 мм. Аналогичен мискам т. 2 вар. 2 поселения Полянка [Клемешова,в печати]. Ближайшие аналогии на том же круге памятников, что и у варианта 1.

15. Чаша на ножке (?) – 1 экз. (1,1%). С невыделенным венчиком с закругленным краем и шаровидным туловом (рис. 5, *14*). Диаметр венчика 16 см, толщина стенок 9–10 мм.

16. Культово-вотивная керамика.

1. Рюмковидные чаши на ножке (курильницы или светильники) – 3 экз (3,3%). Они различаются по форме вместилища – округлое чашеобразное (рис. 6, *1, 3*) или конусовидное (рис. 6, *2*). Диаметр венчиков 8,4–8,5 см, общая высота 6,7–7,1 см, диаметр цилиндрической ножки 1,9–2,7 см, диаметр основания ок.4,5 см. Этот вид керамики встречается на многих памятниках античного времени Северного Причерноморья, начиная с эпохи эллинизма. Ряд исследователей отмечают его как использовавшийся прежде всего в различных культовых обрядах [Зайцева, 2001; Гаврилюк, 2007; Масленников, 2007, с. 158–159, 520–521]. Большое количество их найдено при раскопках сельских святилищ Европейского Боспора [Масленников, 2007].

2. Миниатюрные (вотивные?) мисочки – 6 экз. (6,5%). Диаметр венчиков 4–10 см, диаметр донцев 2,4–7 см, высота 1,4–3,6 см, толщина стенок 4,5–5 мм (рис. 6, *4–9*). Форма с цилиндрическими или слабо расширяющимися стенками (рис. 6, *5–9*) характерна для территории Европейского Боспора [Масленников, 2007, с. 105, 335–336, 392, рис. 52, *6*, 140. *26*, 169. *18, 20*; Клемешова, в печати, рис. 4, *4–7*). Мисочка в виде усеченного конуса (рис. 6, *4*) имеет аналогии среди керамического комплекса Кутлакской крепости [Ланцов, Юрочкин, 2001, с. 269, рис. 12, *12, 13*].

Обращает на себя внимание количественное соотношение кухонно-столовой посуды: 6 мисок, из которых не все по размеру и форме подходят для еды (по крайней мере, одна

из них (рис. 5, *8*), скорее, употреблялась как крышка) и 34 близких по размеру и форме горшка (типы 1–3). Столь значительное число последних при малом количестве лепной столовой посуды и в целом сравнительно небольшом соответствующей круговой [Масленников, в печати] позволяет предположить, что такие горшки могли использоваться непосредственно для принятия пищи и в результате этого чаще бились и нуждались в замене.

Исследование керамики методами технико-технологического анализа дало следующие результаты. Для изготовления обнаруженных в башне сосудов использовались три вида исходного пластичного сырья: обычная глина, илы и илистые глины морских лиманов[1]. На основе ила[2] сделаны 3 сосуда (3,3%), илистой глины 82 (90,1%) и обычной глины – 6 сосудов (6,6%). Илы отбирались слабоожелезненные, слабо – и сильнозапесоченные, с примесью пылевидного кварцевого песка. Илистые глины отбирались слабо- и среднеожелезненные, слабо-, средне- и сильнозапесоченные. По этим признакам, а также количеству и размеру естественной примеси раковины и присутствию иных естественных включений они делятся на две группы. Часть сосудов была изготовлена из слабоожелезненных от слабо- до сильнозапесоченных илистых глин с естественной примесью пылевидного кварцевого песка, слегка окатанных фрагментов раковины 0,1–3 мм в концентрации от менее 1:10 до, в основном, 1:4–1:7, окатанных, редко обломочных железистых включений, как правило, до 1 мм, редко крупнее, до 2–3 вкл. х кв.см, единичных фрагментов растительности до 4×0,4 мм. Другая группа керамики была сделана из слабо- и среднеожелезненных средне- и сильнозапесоченных илистых глин, но с более грубыми минеральными включениями и минимальной естественной примесью раковины. Помимо пылевидного, в них присутствует песок размерностью 0,1 мм, изредка – обломочные и слегка окатанные друзы кальцита и кварца, обломочный известняк, кварцевый песчаник. Железистые включения в том же количестве и тех же размеров, что и у первой группы, встречаются чаще обломочные, чем слегка или сильно окатанные. Главное отличие заключается в количестве примеси раковины. В основном число ее включений размером до 0,1–0,3 мм не превышает 10–15, максимум до 30 вкл. х кв. см, в некоторых случаях оно составляет 0–2 вкл. х кв. см, при этом единично могут встречаться частицы 1–2,5 мм. По результатам исследований образцов природных илистых глин [Клемешова, 2017, с. 233–234], залежи сырья первой группы располагаются в непосредственной близости от уреза воды, в недавно освобожденных от заливания, еще влажных местах, сырье второй группы обнаруживается, напротив, на более отдаленных от края водоема участках, пересохших продолжительное время назад и более сухих. То есть, в первом случае материал добывался в очень влажном состоянии, непосредственно готовый к использованию, во втором – значительно суше, требующий дополнительного размачивания и переминания. Данные обстоятельства указывают на две различные традиции отбора исходного пластичного сырья и, по крайней мере, два различных района его добычи. Фактически второй вид

[1] Илистая глина – сырье, образующееся на кромках берега водоемов со стоячей водой или очень слабым течением, в местах, недавно освобожденных от заливания водой и состоящее из смеси ила и прибрежных глины и песка. Характерная особенность ее состава – значительная естественная примесь фрагментов раковины и водной растительности, присущих илам. Выделена И. Н. Васильевой по материалам энеолитических памятников Поволжья, историографию вопроса см. [Клемешова, 2017, с. 228–231]. Признаки илистой глины приморских лиманов – там же, с. 231–234.

[2] Признаки выделения морских илов в археологической керамике описаны [Клемешова, в печати].

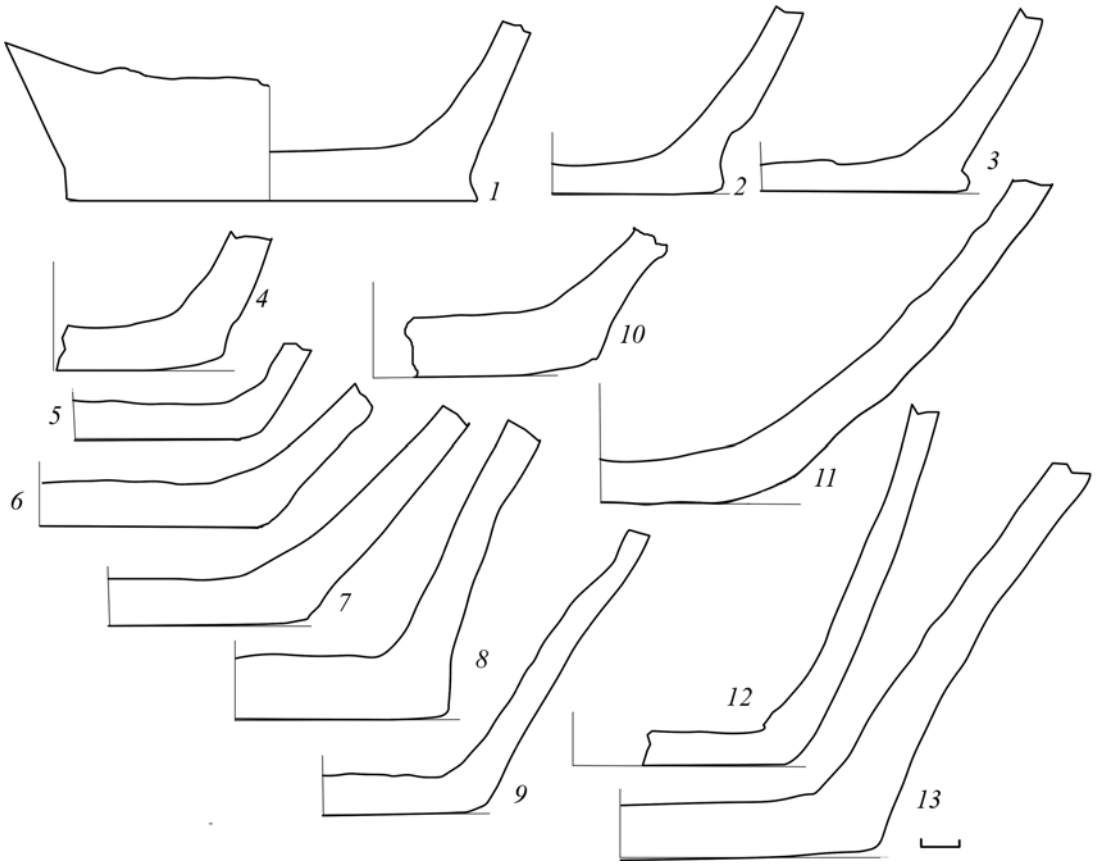


Рис. 7. Донца лепных сосудов из башни Казан II

сырья по внешнему виду и составу не имеет выраженных отличий от обычных запесоченных глин, крайне незначительная примесь раковины не могла оказывать влияния на его пластичность и другие физико-химические свойства. Такое малое ее количество и размеры в большинстве случаев не было бы определимо мастерами при ее добыче визуально и на ощупь. Однако надо отметить, что во всех этих случаях добыча сырья ассоциировалась с близостью водного источника, т.е. представление об исходном сырье у населения, делавшего те и другие сосуды, было одним и тем же. Из илистых глин первой группы изготовлены большинство небольших горшков, почти все миски, все культово-вотивные сосуды, из второй – практически все тарные сосуды и половина горшков без выделенного горла. Глины использовались слабо- и среднеожелезненные, слабо- и среднезапесоченные. с примесью пылевидного и размером 0,1–0,2 мм кварцевого песка, единичных обломочных железистых включений до 1,4 мм и обломочного известняка до 0,8 мм.

По исследованной керамике[3] выделены следующие рецепты формовочных масс (табл. 1):

[3] Технико-технологическому анализу было подвергнуто 92 сосуда (91 из помещений башни и 1 из погребения эпохи бронзы), не исследовалась 1 вотивная мисочка.

1. Ил без искусственных примесей – 1 сосуд (1,1%).
2. Ил + органический раствор – 1 сосуд (1,1%).
3. Ил + песок-ракушечник + органический раствор – 1 сосуд (1,1%).
4. Илистая глина без искусственных примесей – 8 сосудов (8,8%).
5. Илистая глина + органический раствор – 3 сосуда (3,3%).
6. Илистая глина + дробленая раковина – 21 сосуд (23,1%).
7. Илистая глина + дробленая раковина + органический раствор – 4 сосуда (4,4%).
8. Илистая глина + песок-ракушечник + органический раствор – 2 сосуда (2,2%).
9. Илистая глина + шамот – 24 сосуда (26,4%).
10. Илистая глина + шамот + органический раствор – 17 сосудов (18,7%).
11. Илистая глина + дробленая раковина + шамот – 1 сосуд (1,1%).
12. Илистая глина + дробленая раковина + шамот + органический раствор – 1 сосуд (1,1%).
13. Илистая глина + шамот + дресва (кварцевый? песчаник) + органический раствор – 1 сосуд (1,1%).
14. Глина + шамот – 2 сосуда (2,2%).
15. Глина + шамот + органический раствор – 4 сосуда (4,4%).

Таблица 1. Соотношение видов исходного сырья и составов формовочных масс

Состав формовочных масс	Исходное сырье			Всего
	Ил	Илистая глина	Глина	
Без примесей	1 (1,1 %)	8 (8,8 %)	–	9 (9,9 %)
Органический раствор	1 (1,1 %)	3 (3,3 %)	–	4 (4,4 %)
Дробленая раковина	–	21 (23,1 %)	–	21 (23,1 %)
Дробленая раковина + ОР	–	4 (4,4 %)	–	4 (4,4 %)
Песок-ракушечник + ОР	1 (1,1 %)	2 (2,2 %)	–	3 (3,3 %)
Шамот	–	24 (26,4 %)	2 (2,2 %)	26 (28,6 %)
Шамот + ОР	–	17 (18,7 %)	4 (4,4 %)	21 (23,1 %)
Р + Ш	–	1 (1,1 %)	–	1 (1,1 %)
Р + Ш + ОР	–	1 (1,1 %)	–	1 (1,1 %)
Ш + Др (песч.) + ОР	–	1 (1,1 %)	–	1 (1,1 %)
Всего	3 (3,3 %)	82 (90,1 %)	6 (6,6 %)	91 (100 %)

Примечания: ОР – органический раствор, Р – дробленая раковина, Ш – шамот, Др (песч.) – песчаниковая дресва

Шамот использовался в основном средний и крупный (с размером частиц до 2 мм и свыше 3 мм), как правило, некалиброванный: часто встречаются частицы до 4 и 5 мм. Только в 6 сосудах встречен мелкий (до 1 мм) шамот. В большинстве случаев (36 сосудов из 50) в его частицах присутствует примесь шамота и (или) единичных включений раковины, т. е. на шамот дробились фрагменты сосудов, сделанных в той же традиции составления формовочных масс – из илистой глины с шамотом. Это указывает на устойчивость ее существования. В 7 случаях зафиксировано использование в одном и том же сосуде шамота с шамотом и шамота с большим количеством примеси раковины, т. е. на шамот брали горшки, изготовленные в различных традициях составления ФМ

(из илистой глины с примесью дробленой раковины и из илистой глины с шамотом). В 1 случае в сосуде, сделанном из глины с шамотом, некоторые частицы последнего состоят из илистой глины со значительным количеством раковины. Это позволяет предполагать совместное проживание носителей этих традиций. Шамот вводился в концентрации 1:4–1:10, в основном 1:5–1:8, т. е. в целом традицию его использования у этой группы населения можно оценить как близкую к угасающей.

Примесь песка-ракушечника[4] использована в 3 сосудах в концентрации 1:3–1:5. При этом в одном случае он состоит из раковины и гальки темно-серого цвета до 3 мм, в другом – раковины и сильно окатанных железистых включений 1–4 мм в концентрации ок. 1:5, в третьем – раковины, единичных кварцевых песчинок до 0,3 мм, серой гальки до 1,5 мм и сильно окатанных включений известняка до 1,5 мм 2–3 вкл. х кв. см. Примесь дробленой раковины добавлялась в концентрациях 1:3–1:8, в основном 1:4–1:6, размер частиц до 4 мм, в основном 1–1,5 мм. Примесь песчаниковой дресвы до 2 мм (известняковая основа с включениями песчинок 0,1–0,2 мм) в одном сосуде вводилась в концентрации 1:8–1:9 (2 вкл. х кв.см). Присутствие органического раствора фиксировалось по наличию в изломе темно-коричневого или черного налета, от очень густого до слабого незначительного, обычно с жирноватым блеском, и отдельных сгустков блестящего стекловидного вещества того же цвета. В одном случае обнаружен прозрачный бесцветный или очень светло-коричневый слабо блестящий налет.

Для изготовления горшка эпохи бронзы из погр. 1 (рис. 4, *24*) использовалась слабоожелезненная слабозапесоченная глина с естественной примесью пылевидного кварцевого песка. Рецепт ФМ – глина + шамот + дресва (кварц) + навоз. Шамот вводился средний (до 2 мм), некалиброванный (много частиц до 1, есть до 3 мм) в концентрации 1:4, дресва из серого кварца до 2 мм, ок. 1:8–1:10 (1–2 вкл. х кв.см), навоз (вероятнее всего, мелкого рогатого скота) в концентрации менее 1:2.

Рецепты формовочных масс соотносятся с типами сосудов следующим образом (см. табл. 2).

Из нее видно, что почти все тарные сосуды (24 из 29 экземпляров – 82%) сделаны из илистой и простой глины с шамотом, 63% небольших горшков типов 1–4 (22 из 35 экземпляров), почти все миски и все культово-вотивные сосуды изготовлены из ила, илистой глины с раковиной или с примесью песка-ракушечника. При этом керамика с шамотом сделана из илистой глины второй группы (добываемой в отдалении от берега водоема, с минимальной естественной примесью раковины), керамика с искусственной примесью дробленой раковины и песка-ракушечника изготовлена из илистой глины первой группы (добываемой во влажном состоянии на краю берега, со значительной естественной примесью раковины). У группы сосудов с шамотом преобладает обжиг в окислительной атмосфере (светло-рыжий и красно-рыжий цвет поверхностей) – 60,9% керамики, в восстановительной атмосфере (черно-серый и светло-серый цвет поверхностей и изломов) обожжено 17,4% изделий, в полувосстановительной атмосфере (серо-бежевый,

[4] Этот песок очень распространен на пляжах азовского побережья, состоит обычно из смеси естественно измельченной морем, сильно окатанной раковины размером не более 2,5 мм, в основном до 1,5 мм и сильно окатанных зерен кварцевого песка 0,3–0,4 мм, Доля кварцевых частичек при этом очень мала, не превышает 25% от общего объема смеси.

Таблица 2. Соотношение типов сосудов с рецептами формовочных масс

рецепт ФМ / типы сосудов	ил	ил+ОР	ил+П рак.+ +ОР	ил.гл.	ил.гл.+ ОР	ил.гл.+Р	ил.гл.+Р+ОР	ил.гл.+П рак. +ОР	ил.гл.+Ш	ил.гл.+Ш+ОР	ил.гл.+Р+Ш	ил.гл.+Р+Ш+ОР	ил.гл+Ш+Др+ОР	гл+Ш	гл+Ш+ОР	всего
корчаги, т. 1	–	–	–	–	–	–	–	–	4	3	–	–	–	–	–	7
корчаги, т. 2	–	–	–	–	–	–	–	1	2	1	–	–	1	–	1	6
корчаги, т. 3	–	–	–	1	1	1	–	–	4	2	–	–	–	–	–	9
кувшины, т. 1	с	–	–	–	–	–	–	–	–	4	–	–	–	–	–	4
кувшины, т. 2	–	–	–	–	–	1	–	–	2	–	–	–	–	–	1	4
горшки, т. 1	–	1	–	1	1	11	4	1	5	4	–	1	–	–	1	30
горшки, т. 2	–	–	–	–	–	1	–	–	1	1	–	–	–	–	–	3
горшки, т. 3	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
горшки, т. 4	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
горшки, т. 5 вариант 1	–	–	–	1	–	3	–	–	2	1	–	–	–	–	–	7
горшки, т. 5 вариант 2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
горшки, т. 5 вариант 3	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
кружки	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2		2
миски, т. 1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	2
миски, т. 2	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
миски, т. 3 вариант 1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
миски, т. 3 вариант 2	–	–	–	1	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	2
чаша на ножке	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
чаши на ножке (курильницы-светильники	1	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3
вотивные мисочки	–	–	–	2	–	2	–	–	1	–	–	–	–	–	–	5

Примечания: ил.гл. – илистая глина, гл. – глина, ОР – органический раствор, П рак. – песок-ракушечник, Р – дробленая раковина, Ш – шамот, Др – дресва (песчаник).

слегка осветленный цвет поверхностей и изломов) – 21,7%. Керамика с раковиной и песком-ракушечником, напротив, в основном обжигалась в восстановительной атмосфере (48,7% сосудов), в окислительной – 23,1% и в полувосстановительной – 28,2%.

Подводя итоги анализа исходного пластичного сырья, состава формовочных масс и представленных на памятнике типов сосудов, можно сказать следующее. В башне Казан II присутствует керамика, сделанная в соответствии с двумя основными культурными

традициями: из илистой глины с шамотом и из илистой глины с примесью дробленой раковины. Качественные характеристики исходного пластичного сырья при этом у них различны. Эти две традиции маркируют две основные различные культурные группы древнего населения [Бобринский, 1978, с. 71–72, 92–93]. Первой, изготавливающей посуду из илистой глины с шамотом, возможно, родственны группы населения, изготавливавшие керамику из простой глины с шамотом (рецепты 14, 15) поскольку им присуще не только использование того же вида примеси, но и отбор исходного пластичного сырья с практически одинаковым качественным составом и аналогичные формы сосудов. К этой группе относится 47 сосудов или 51,7% керамики (рецепты 9, 10, 14, 15). Со второй, делавшей посуду из илистой глины с примесью дробленой раковины, вероятно, единую большую группу населения, в состав которой входят отдельные родственные культурные группы, составляют изготовители керамики из ила, илистой глины с такими же характеристиками без искусственных примесей, с органическим раствором, с песком-ракушечником. На возможность такого вывода указывает, во-первых, анализ лепной посуды того же времени поселения Полянка [Клемешова, в печати], на котором единый по морфологии керамический комплекс изготовлен как в традициях использования ила, так и илистой глины с различными сочетаниями примеси дробленой раковины, органического раствора и использования илистой глины как моносырья. Во-вторых, об этом позволяют говорить результаты исследований керамики из аналогичных видов сырья в Поволжье И.Н. Васильевой, обнаружившей единовременность и преемственность в использовании илов и илистых глин у одних и тех же групп населения [Васильева, 2009, с. 72–73]. В-третьих, это дает возможность предполагать значительная морфологическая близость большинства форм посуды из башни Казан II, изготовленной по вышеуказанным рецептам ФМ. К этой группе относится 39 сосудов или 42,9% керамики (рецепты 1–8[5]). Эта группа населения, видимо, составляет единое целое с представителями варварского населения поселения Полянка, поскольку для них характерен ряд полностью аналогичных типов горшков, мисок и культово-вотивной керамики, изготовленных в тех же традициях составления формовочных масс.

Три сосуда (3,3%) из обнаруженной в башне керамики изготовлены в смешанных традициях составления формовочных масс (рецепты 11–13). Существование таких рецептов указывает на наличие процессов смешения [Бобринский, 1978, с. 71–73, 93, 96–99, 247–255] между носителями двух основных вышеуказанных традиций (изготавливающих керамику из илистой глины с шамотом и из илистой глины с дробленой раковиной). Один из них (рецепт 13) носит следы смешения с традицией использования песчаниковой дресвы. Небольшая доля посуды, изготовленной по смешанным рецептам, показывает незначительность процессов смешения между соответствующими группами населения, но, поскольку данный керамический комплекс является в определенной степени искусственно сформированным, то может не в полной мере отражать соответствующие процессы, происходящие в поселенческих структурах. Наличие же ряда сосудов с шамотом, сделанным из керамики, изготовленной в различных традициях

[5] Два сосуда, относящиеся к рецепту 4 (горшок т. 5 вар.3 и миска т. 3 вар.2), сделаны из илистой глины 2-й группы.

составления формовочных масс, позволяет говорить о конгломератности проживания, по крайней мере, в отдельных случаях, их носителей [Бобринский, 1978, с. 93].

Тот факт, что преобладающая часть тарных сосудов изготовлена представителями одной культурной группы населения, а более 60% небольших горшков, миски и вся культово-вотивная керамика – представителями другой, видимо, не случаен и отражает какие-то процессы организации военной службы и снабжения продовольствием воинских единиц на боспорской границе во времена Асандра, а не просто культурный состав производителей этой посуды. Однозначно истолковать это явление затруднительно, но, в качестве рабочей гипотезы, можно предположить, что снабжение продовольствием гарнизона данной сторожевой башни осуществлялось прежде всего варварским населением, изготавливавшим керамику из илистой глины с шамотом, и члены этой же культурной группы составляли значительную часть несущих в этом месте службу солдат. Учитывая значительное морфологическое сходство керамики, изготовленной в этой традиции, с посудой позднескифских памятников Северо-Западного, Центрального и Юго-Западного Крыма, видимо, ее производители также относятся к поздним скифам или очень близки им. Возможно, что наибольшую часть рассматриваемого воинского контингента при этом образовывали представители другой группы населения – изготовителей керамики из илистой глины с дробленой раковиной, поскольку, помимо преобладания вылепленных в этой традиции горшков и мисок, именно в ней сделана вся культово-вотивная посуда. Во всяком случае, представляется очень вероятным, что гарнизон башни состоял прежде всего из представителей именно этих культурных групп. Разнообразие же небольших горшков, возможно, связано с происхождением отдельных солдат из различных селений, или же из таковых могли периодически поступать какие-то неосновные запасы продовольствия или других необходимых припасов.

Дальнейшее исследование материалов из башни Казан II и других объектов на Узунларском валу, вероятно, позволит расширить представление о системе организации и функционировании подобных образований на территории Боспора.

Список литературы

Бобринский, 1978. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.

Бобринский, 1999. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара.

Васильева, 2009. Васильева И. Н. Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург.

Власов, 1997. Власов В. П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь.

Вязьмитина, 1969. Вязьмитина М. И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.

Гаврилюк, 2007. Гаврилюк Н. А. Культовая лепная керамика из Тиры, Ольвии, Нимфея // Боспорский феномен. 2007. Ч. 2.

Гаврилюк, Молев, 2013. Гаврилюк Н. А., Молев Е. А. Лепная керамика Китея // ДБ. 17.

Гаврилюк, 2013а. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика из башни на поселении Кульчук в Северо-Западном Крыму // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону.

Гаврилюк, Винокуров, 2016. Гаврилюк Н. А., Винокуров Н. И. Лепная керамика из слоя пожара городища времени боспоро-римской войны 44/45–49 гг. городища Артезиан // ДБ. 20.

Граков, 1954. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 36.

Дашевская, 1958. Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма // МИА. 64.

Дашевская, 1991. Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Д1–7.

Зайцева, 2001. Зайцева К. И. Лепные чаши на ножках I в. до н. э. – VI в. н. э. из Северного Причерноморья // АСГЭ. 35.

Кастанаян, 1981. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов // Л.

Клемешова, 2017. Клемешова М. Е. О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // ДБ. 21.

Клемешова, в печати. Клемешова М. Е. Лепная керамика поселения Полянка в Крымском Приазовье из раскопок 2016 г. // В печати.

Ланцов, Юрочкин, 2001. Ланцов С. Б., Юрочкин В. Ю. «Варварская» посуда Кутлакской крепости // ДБ. 4.

Масленников, 1992. Масленников А. А. Сельская территория античного Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения) // Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. Архив ИА РАН. Ф.1. Р. 2. № 2522.

Масленников, 2001. Масленников А. А. К истории Узунларского вала в Восточном Крыму // КСИА. 212.

Масленников, 2007. Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. М.

Масленников, в печати. Масленников А. А. Ещё одна башня у Узунларского вала // в печати.

Попова, 1991. Попова Е. А. Юго-западный квартал скифского поселения у санатория «Чайка» близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.

Сымонович, 1983. Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства // Киев.

Яценко, 1983. Яценко И. В. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев.

Summary

M. E. Klemeshova
The complex of hand-made pottery from the watch-tower Kazan II near Uzunlar earth bank (morphology and technological analysis)

The paper presents the description of hand-made pottery from the excavation of the watch-tower Kazan II near Uzunlar earth bank in 2017. The tower is dated to the second half of the I c. B.C. Technological analysis of 92 vessel rims of was carried out, using the method developed by A. A. Bobrinsky. The information about the raw material and paste composing was obtained. The analysis results demonstrate two clearly distinguishable pottery-making traditions: one with the paste composed of silty clay and grog and the other, with the paste composed of silty clay and crushed shell. Morphologically, the pottery with grog is similar to the vessels from the late-scyphian sites of North-West, Central and South-West Crimea. Most of the big container vessels and some of the small pots are made according to this pottery making tradition. The pottery with crushed shell is similar to vessels from Polyanka settlement in morphology and paste. Most of the small pots, bowls and cultic and votive ceramic are made according to this pottery making tradition. The author supposes that the tower garrison consisted of members of two cultural groups who made pottery according to the abovementioned traditions. The group producing ceramic with grog might be similar to late scyphian population of Crimea.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.109-114

А. В. Ковальчук*, В. А. Дикарев**
(Институт археологии РАН, г. Москва;*
*** МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва)*

ЧЕРЕПИЦА С ЛЕГЕНДОЙ «ΙΔΙΩΤΙΚΗ». К ВОПРОСУ О ВИДАХ ЦАРСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА БОСПОРЕ*

В 1955 году в Фанагории при исследовании участка IX–XII на раскопе «Северный город» был найден фрагмент черепицы с клеймом ΙΔΙΩΤΙΚΗ (рис. 1, 1, кол. оп. № 6, IosPE III № 1797). В настоящее время он хранится в фондах ГМИИ им. А. С. Пушкина (Дворянское собрание, л. 67). Черепица была обнаружена при зачистке вымостки № 359. Из нее происходят следующие находки: фрагмент боспорской черепицы с клеймом [ΠΑΝΘΗΡΟ]Σ | [ΝΕΟΚΛΕΟΥ]Σ (кол. оп. № 47), два клейма на синопских ручках: в легенде одного читается имя астинома Антипатра сына Никона (кол. оп. № 9), датирующееся 280–250 гг. до н. э.; от второго сохранился только кусок рамки (кол. оп. № 50).

При разборе «попа» под вымосткой были обнаружены четыре родосских клейма (кол. оп. №№ 8, 13, 14, 38), из которых вследствие плохой сохранности восстанавливается только оттиск магистрата Ксенофанта (кол. оп. № 13, ЭФ-200), работавшего в 224–206 гг. до н. э.

Таким образом, материал из вымостки и подстилающего ее слоя датируется довольно широко – в пределах III в. до н. э. Некоторые данные, позволяющие более точно определить время производства оттиска с легендой ΙΔΙΩΤΙΚΗ, дает нам сравнение его с другими клеймами на боспорской черепице. Рассмотрим данный фрагмент черепицы и особенности палеографии клейма.

Найденная черепица представляет собой небольшой фрагмент (длина 14,5 см, ширина 10,4 см) нижней части плоской черепицы – керамиды, изготовленной из пантикапейской глины. В нижней части у «зуба» отпечатано клеймо размером 8, 9 × 2, 4 см. Высота букв достигает 1,3–1,4 см, они располагаются по середине поля клейма, с равными отступлениями со всех сторон от внешней рамки. Можно отметить следующие характерные особенности исполнения букв. Они вырезаны тонко и четко. Широкие *дельта*, *эта* и *тау* (у последней удлинена горизонтальная черта). Узкая *каппа* имеет укороченные косые линии, выходящими из одной точки. *Омега* меньше остальных букв

* Статья написана в рамках работы над грантом РГНФ № 16-31-01101 «Организация производства строительных материалов на Боспоре в IV – II вв. до н. э.»

1

2

Рис. 1. Клейма на черепицах

и выполнена курсивно. Окончания букв апецированны, что хорошо заметно на примере *альфы*, *йоты*, *каппы*, *лямбды*, *тау* и *сигмы*. В целом, отмеченные детали характерны для III в. до н. э. [Болтунова, Книпович, 1962, с. 14].

Следует упомянуть появление курсивной *омеги* в данном оттиске. На первый взгляд, это необычно, так как в близком по времени клейме с именем фабриканта Сатириона *омега* имеет еще полуциркульную форму (IosPE III № 817–1065). Однако именно в III в. до н. э. и в некоторых лапидарных боспорских надписях появляются отдельные буквы, заимствованные из курсивного письма (лунарные *омега*, *сигма* и *эпсилон*) [там же, с. 16].

С точки зрения палеографии, оттиск с легендой ΙΔΙΩΤΙΚΗ похож на клейма с легендой ΒΑΣΙΛΙΚΗ (IosPE III № 1370–1637, рис. 1, 2): буквы выполнены тонко, короткие горизонтальные гасты у *каппы*, выходящие из одной точки, внешние линии *альфы*, *эты*, *йоты*, *каппы*, *лямбды* и *сигмы* слегка изогнуты, заметны утолщения на концах, буквы располагаются по середине поля клейма, с равными отступлениями со всех сторон от внешней рамки.

Целый ряд сходных черт позволяет утверждать, что оба клейма выполнены одним и тем же резчиком. Об этом свидетельствуют как метрические размеры клейм (ширина обоих клейм – 2,4 см, буквы расположены по середине поля клейма, с отступлением от рамки на 1,3–1,4 см), так и идентичный шрифт (четкий, с широкими буквами), и сходное исполнение ряда букв (*каппа* с короткими горизонтальными гастами, выходящими из одной точки, апецированная внизу и сверху *йота*, широкая *эта*, по своему исполнению и размерам совпадают *дельта* в клейме ΙΔΙΩΤΙΚΗ и *лямбда* в клейме ΒΑΣΙΛΙΚΗ). Полностью идентично исполнение второй части клейма – ΙΚΗ.

В Каталоге Боспорских черепичных клейм из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника упоминается обломок калиптера с частично сохранившемся клеймом – [ΑΡΧΟΝ?]ΤΙΚΟΣ (рис. 1, 3) [Федосеев, 2012, с. 35, № 235]. Этот фрагмент черепицы был найден на южном склоне горы Митридат и впервые введен в научный оборот еще В. В. Веселовым [Веселов, 1962, с. 350, № 4, рис. 6]. Автор, отталкиваясь от сходства шрифта надписи с клеймами архонта Гигиэнонта и сравнивая его с известными на калиптерах клеймами βασιλικός, предполагает изготовление данного оттиска также в царских мастерских во времена архонтства Гигиэнонта и, соответственно, восстановление легенды как ʼαρχοντικός [там же, с. 350, прим. 3]. Такая же реконструкция легенды приводится и Н. Ф. Федосеевым [Федосеев, 2012, с. 35, № 235].

В рецензии на публикацию боспорских черепичных клейм из Керченского музея [Ковальчук, 2015, с. 210] с учетом того факта, что клеймо отпечатано на боковой грани калиптера, и зная о существовании керамиды с легендой ʼιδιωτική, мною было предположено чтение –ʼιδιωτικός. Н. Ф. Федосеев сомневается в верности подобного восстановления легенды, так как фрагмент калиптера найден в Пантикапее, «а не в Фанагории, которой присущ штамп ΙΔΙΩΤΙΚΗ, и изготовлен он из типично пантикапейской глины» [Федосеев, 2016, с. 15]. Отметим, что черепица с оттиском ʼιδιωτική изготовлена, как и упомянутый калиптер, из пантикапейской глины, а утверждение о «присущести» этого клейма Фанагории только на основании находки здесь одного клейма не имеет под собой оснований.

В процессе работы над настоящей статьей выяснилось, что высказанное мной предположение не является новым. Еще в 1964 году Ю. А. Савельев пришел к такому же заключению. Он пишет: «На обломке калиптера, найденного В. В. Веселовым на южном

склоне г. Митридат, читается: … τικος. Очень вероятно, что это конец надписи ʼιδιωτικός. По шрифту она очень близка надписи ʼιδιωτική» [Савельев, 1964, с. 204, прим. 68].

Судя по фотографии, опубликованной Н. Ф. Федосеевым [Федосеев, 2012, с. 106, № 235], действительно наблюдается сходство в общем характере шрифта и исполнении отдельных букв. Буквы тонкие, апецированные, *тау* с удлиненной горизонтальной чертой, *каппа* с короткими горизонтальными гастами, уменьшенный *омикрон*, *сигма* с прогнутыми горизонтальными гастами. Это сходство объясняется временной близостью двух оттисков, то есть данный штамп относится также к середине III в. до н. э.

Б. Н. Граков в каталоге IosPE III поместил этот оттиск в раздел клейм необычного содержания. Буквальный перевод – «частная» мало что объясняет. По классификации В. Д. Кузнецова, который считает дословное прочтение легенды достаточным [Кузнецов, 2008, с. 403, прим. 36], данный оттиск относится к категории клейм, в которых указан заказчик [там же, с. 400]. Возникает закономерный вопрос, почему тогда в легенде указано не собственное имя, а категория собственности, не дающая никакой объективной информации о заказчике.

Ю. А. Савельев отмечает, что данная легенда «явно противопоставляется по смыслу понятию βασιλική и связана в первую очередь именно с ним» [Савельев, 1964, с. 203]. Это намеренное противопоставление, по его мнению, подтверждается также посредством тождества грамматических форм данных оттисков [там же]. Это утверждение отчасти повторяет комментарий Б. Н. Гракова к публикации черепицы с клеймом ʼιδιωτική: «Единственная в своем роде легенда, как бы противопоставление – βασιλική» [Граков, 1957, с. 91, № 1797]. Слова же о тождестве грамматических форм как инструменте, подчеркивающем противопоставление, не имеет под собой оснований, это тождество связано с тем, что оба оттиска отпечатаны на плоской черепице – керамиде.

Пытаясь объяснить значение клейма, Ю. А. Савельев проводит аналогию с формированием царской казны в Египте, где в эллинистическое время в ее составе помимо βασιλικόν, существовал специальный раздел – ʼίδιος λόγος, куда поступали средства от уплаты штрафов за захват царских земель, деньги, полученные при конфискации имущества, оставшегося без хозяина и т. д. [Савельев, 1964, с. 203]. По мнению автора, клеймо с легендой ʼιδιωτική является свидетельством существования «такой же категории царской собственности на Боспоре в начале или середине III в. до н. э.» и отражает «попытки наиболее точно фиксировать различные оттенки царской собственности и владения ею» [там же, с. 204, 206].

Отметим несколько спорных моментов. М. И. Ростовцев, на мнение которого при описании института *идиос логос* неоднократно ссылается Ю. А. Савельев, отмечает, что, судя по данным эпиграфики, этот институт возникает и получает большое значение при Филопаторе [Rostovcev, 1944, p. 771]. Одно из самых ранних свидетельств, где фигурирует этот термин, относится к 179 г. до н. э. (Teb. 874), еще одно, следующее по времени упоминание – к 167 г. до н. э. (B. G.U. 992). Во II в. до н. э. в Египте, в период экономической нестабильности, общей бедности и вымирания деревень, проблема отсутствия собственника и конфискации земель стала особо актуальной. Ростовцев предполагает существование сходного департамента также в Персии, государстве Селевкидов и других частях империи Александра [ibid. p. 444].

Пантикапейская черепица с легендой ʼιδιωτική относится, безусловно, еще к III в. до н. э. Несмотря на то, что это было время экономической и социально нестабильности в регионе, в чем-то сходным с описанным выше периодом в истории Египта, если предположение Ю. А. Савельева считать верным, то возникновение института ʼιδιός λόγος на Боспоре документально фиксируется, по крайней мере, на столетие раньше, чем в остальной части эллинистического мира. И это вызывает закономерные сомнения.

На наш взгляд, куда интересней выглядит интерпретация термина τά ʼίδια «Экономики» Псевдо-Аристотеля, относящейся к IV в. до н. э. М. И. Ростовцев, отталкиваясь от целого ряда эпиграфических документов II–I вв. до н. э., происходящих из Египта, предлагает трактовать его как вид царской собственности, отличающейся от idios logos (сельскохозяйственная земля). К этой категории, по его мнению, относятся, прежде всего, рудники, затем каменоломни, соляные прииски, леса, озера и тому подобное [ibid., p. 444]. С большой долей вероятности этот список можно дополнить и собственностью царя на глинища.

В связи с этим, мы согласны с выводом Ю. А. Савельева [Савельев, 1964, с. 204] о том, что оба термина βασιλική и ʼιδιωτική отражают существование различных видов царской собственности на Боспоре. Однако, по нашему мнению, черепицы с клеймами βασιλική указывают не на монополизацию производства керамических строительных материалов государством [Ковальчук 2018; Кузнецов, 2008, с. 392, 395–396], и не на производство их на царских заводах, а именно на тип собственности, на изготовление их по заказу и для нужд государства. Подобная точка зрения отчасти согласуется с недавними интерпретациями назначения черепичных клейм [Кузнецов, 2008, с. 400; Федосеев, 2013, с. 21].

Однако изготовление партии черепиц по заказу царя не означает автоматически, что постройки, перекрытые данными черепицами, принадлежали царю [Федосеев, 2012, с. 21]. Оттиск ʼιδιωτική, вероятно, свидетельствует о производстве черепицы и ее оплате из личной казны царя. В связи с малочисленностью данных оттисков, возможно, данный штамп был указанием на источники финансирования возведения какой-то конкретной постройки.

Список литературы

Болтунова, Книпович, 1962. Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика. III. С. 3–31

Веселов, 1962. Веселов В. В. Новые формы и варианты клейм боспорских кровельных черепиц // Археология и история Боспора. II. С. 349–358.

Ковальчук, 2012. Ковальчук А. В. Н. Ф. Федосеев. «Керамические клейма. Боспор» // ДБ. № 19. С. 207–213.

Ковальчук, 2018. Ковальчук А. В. К вопросу об участии Спартокидов в производстве черепицы в III в. до н. э. // БЧ. № 19. (в печати).

Кузнецов, 2008. Кузнецов В. Д. Боспорские черепичные клейма (некоторые вопросы интерпретации) // ПИФК. № 21. С. 392–403

Савельев, 1964. Савельев Ю. А. Боспорские черепичные клейма из раскопок Пантикапея и Фанагории в 1950–1960 гг. // СА. № 3. С. 196–206.

Федосеев, 2012. Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Боспор. Т. 1. Киев.

Федосеев, 2016. Федосеев Н. Ф. Еще раз о боспорских клеймах // ПИФК. № 2. С. 247–259.

Rostovcev, 1944. Rostovcev M. I. The social and economic history of the Hellenistic world. Oxford.

Summary

A. V. Kovalchuk, V. A. Dikarev
The tile stamp with a legend ΙΔΙΩΤΙΚΗ.
Towards to the types of Royal property at the Bosporus

The article examines a stamp on a tile of Bosporus, which was found in 1955 at Phanagoria. The stamp with a legend «ΙΔΙΩΤΙΚΗ» comes from the pavement № 359 at the exavation «North Town». Comcomitant material from the exavation complex allows to define this stamp not earlier than III century B. C. The same date is confirmed by the paleographic particularity of the stamp.

The comparison of this stamp with other tiles of Bosporus indicates its proximity to the stamps with legend ΒΑΣΙΛΙΚΗ (IosPE III № 1370–1637) and allows us to conclude that they were manufactured by the same stamp-graver.

Literature analysis leads us to conclusion that the adjectives βασιλική and ᾽ιδιωτική written on the stamps define different types of Royal property at the Bosporus. The tiles were produced for the government order and in case of ΙΔΙΩΤΙΚΗ legend (due to small number of stamps) was made obviously for a definite building.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.115-132

А. М. Корженков*, А. Н. Овсюченко*, А. С. Ларьков*,
А. В. Мараханов*, Е. А. Рогожин*, Н. И. Сударев**
(Институт физики Земли РАН, г. Москва;*
*** Институт археологии РАН, г. Москва)*

Следы сильных землетрясений на Михайловском городище (Керченский полуостров, Крым)

За последние 250 лет Керченский полуостров, как будто бы не подвергался сильным землетрясениям. В связи с крайней ограниченностью письменных свидетельств о более раннем периоде местной истории палео- и археосейсмологические изыскания являются, по сути дела, единственным источником соответствующей информации. Благоприятные условия для широкого применения методов археосейсмологии в Крыму созданы обилием древних и старинных архитектурных памятников. Суть их заключается в выявлении и изучении необычных деформаций построек: наклонов, изгибов, разрывов, падений, смещений верхних или нижних частей стен, вращения участков стен вокруг вертикальной оси, сквозного растрескивания и других следов, вероятнее всего, связанных с сейсмическими сотрясениями. Эти исследования позволяют установить структурные особенности разрушений, зависящие от положения сейсмического очага. По величине и направлению смещения строительных элементов можно определить кинематические характеристики сейсмического события и рассчитать их численные параметры. Время события определяется по возрасту археологических артефактов и по данным определения абсолютного возраста. Таким образом, находятся ответы на три главных вопроса сейсмологической науки: где, когда и какой силы. Систематическая ориентация сейсмических разрушений в древних зданиях позволяет создать банк данных для оценки интенсивности исторических землетрясений и реконструкции очагов максимальных сейсмических воздействий. Исследования в этом направлении были начаты сравнительно недавно [Борисенко и др., 1999, с. 101–132; Винокуров и др., 2015, с. 51–66; Белик и др., 2016, с. 17–35; Корженков и др., 2016а, с. 30–38; Корженков и др., 2016б, с. 30–47; Корженков и др., 2016в, с. 372–381], но можно надеяться, что они позволят собрать достоверные данные о характере сильных сейсмических подвижек в конкретных условиях полуострова.

В качестве примера таких изысканий остановимся на городище Михайловка, которое расположено на холме и его склонах примерно в 15 км западнее г. Керчи к югу от шоссе Керчь-Феодосия (рис. 1). Памятник раскапывался в 1963–1979 гг. [Петерс, 1978,

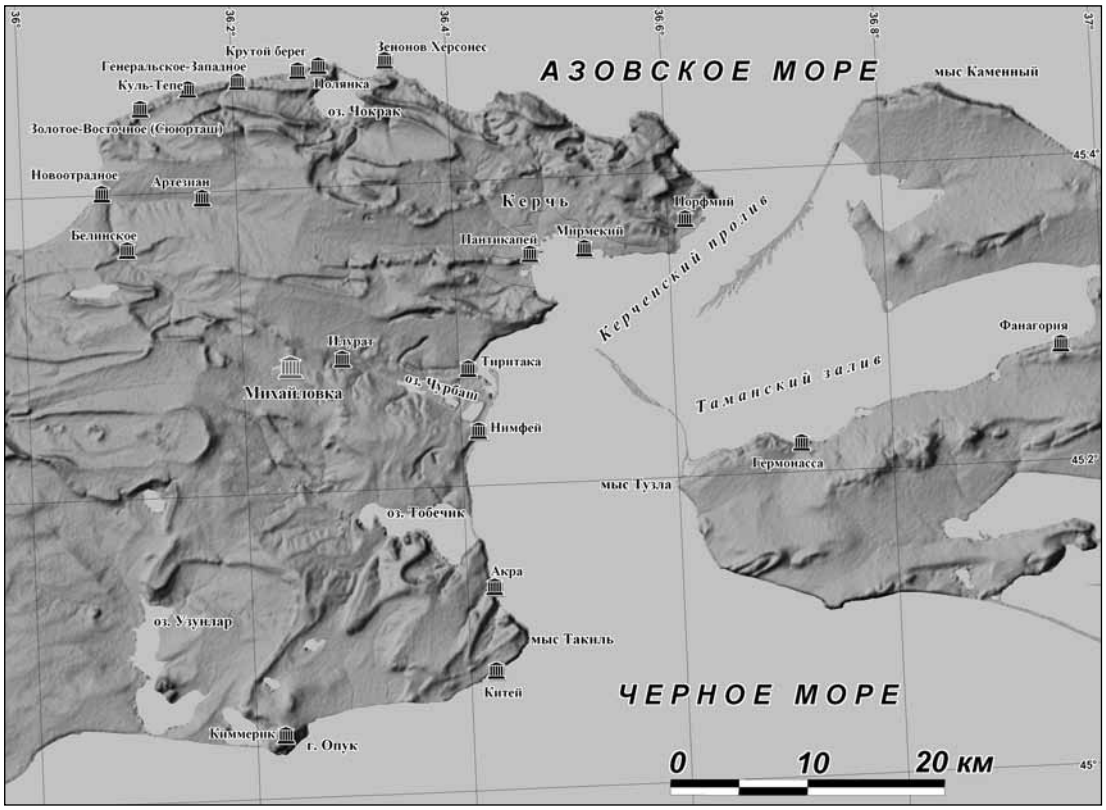


Рис. 1. Общая карта античных городов и поселений Керченско-Таманского региона с положением городища Михайловка

с. 117–127], и наряду с другими подобными поселениями (Новотрадное, Багерово, Тасуново, Андреевка-Северная, 11 км и мн. др.), скорее всего, представлял собой крепость на подступах к боспорской столице-Пантикапею [Масленников, 1998, с. 304 сл.]. Упомянутая возвышенность (Михайловская гряда) вытянута вдоль пласта позднемиоценовых известняков, залегающих в непосредственной близости от дневной поверхности, т. е. в благоприятных сейсмогрунтовых условиях (рис. 2).

Раскопками выявлено пять основных хроно-строительных периодов бытования этого поселения, начиная с IV–III в. до н. э. В течение I–III вв. н. э. городище несколько раз перестраивалось и расширялось. Центром его планировочного решения являлась «цитадель» – полностью раскрытая квадратная постройка размером 29×29 м на вершине холма (рис. 3). Средняя толщина её обводных стен составляла 2,3 м при сохранности до 2 м высоты. Жилые и хозяйственные помещения располагались по периметру большого двора. Между ними у стен оставлены коридоры – проходы шириной 1 м. По-видимому, в юго-восточном углу имелась небольшая квадратная башня. На городище прослежены следы нескольких сильных разрушений, в том числе сопровождавшихся тотальными пожарами. Наиболее значительный из них, по-видимому, относится к началу II в. н. э. Но затем поселение было восстановлено и дополнительно укреплено стенами, шедшими в 1,5–4,7 м параллельно прежним. Толщина их в среднем 2 м. Длина

Рис. 2. Схема расположения Михайловского городища на основе космоснимка (http://ecn.t0.tiles.virtualearth.net/tiles/a).
Штриховые линии – горизонтали рельефа в метрах

одной, открытой полностью стороны новой оборонительной линии составляла 36 м. Вероятно, могла иметь место пристройка к прежней стене некоего внешнего панциря с бутово – земляным заполнением. Тогда вся ширина стены достигала 8 м, что не типично для собственно античной фортификации, но имело место как на Боспоре, так и на т. н. позднескифских городищах Крыма. Эта «поздняя» цитадель, как и всё поселение, погибла во второй четверти III в. н. э., однако жизнь здесь теплилась, по крайней мере, до IV в. н. э.

Сейсмические повреждения и разрушения – это постоянная угроза, которую следует иметь в виду при планировании и строительстве населенных пунктов в соответствующих природно-географических зонах, как правило, совпадающих с регионами бытования всех ранних цивилизаций. Не исключение – и античный мир, включавший, как известно, всё Средиземноморье и сопредельные пространства, в том числе и Северное Причерноморье. Надо сказать, что уже древние архитекторы и строители в своей деятельности в той или иной мере учитывали этот природный фактор и стремились, как могли, ему противодействовать.

Выше уже отмечалось, что период систематических инструментальных сейсмологических наблюдений на этой территории составляет немногим более сотни лет. Однако

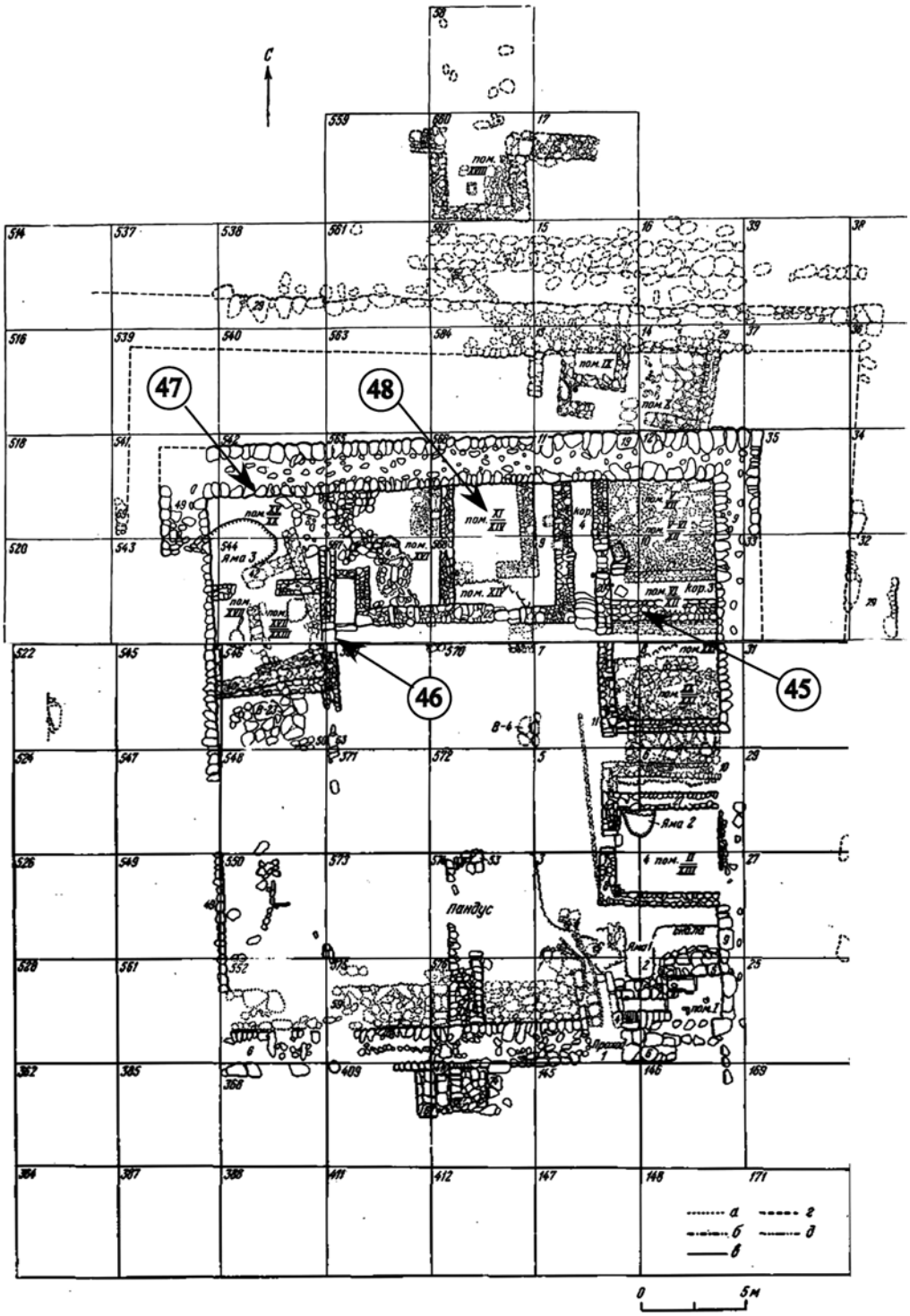


Рис. 3. План раскопа III (по Петерсу [1978, с. 117–127] с изменениями и дополнениями). *а* – Остатки строений первого слоя, *б* – остатки строений второго слоя, *в* – остатки строений третьего слоя, *г* – остатки строений четвертого слоя, *д* – остатки строений пятого слоя. Цифры со стрелками – наши точки наблюдения 2016 г.

для достоверной оценки сейсмической опасности и обоснованности выводов и рекомендаций, особенно при возведении крупных, потенциально опасных или особо сложных объектов (атомных электростанций, мостовых переходов и т. п.) необходима информация о сильных землетрясениях за длительный промежуток времени, примерно за последние 10 тыс. лет. Для решения этой задачи в 80–90-х гг. прошлого века возникло новое научное направление – археосейсмология [Archaeoseismology, 1996, 433 с.]. *Среди наиболее важных, недавно опубликованных работ на эту тему приведем следующие: Galadini et al. [2006, с. 395–414]; Similox-Tohon [2006, 322 с.]; Similox-Tohon et al. [2006, с. 371–387]; Caputo and Helly, [2008, с. 7–19]; Karakhanyan et al. [2008, с. 122–147]; Sintubin and Stewart [2008, с. 2209–2230]; Giner-Robles et al. [2009, 130 с.]; Silva et al [2009, с. 93–121]; Caputo et al., [2010, с. 20–40]; Eppelbaum, [2010, с. 45–68]; Eppelbaum et al., [2010, с. 849–860]; Kázmér and Major [2010, с. 185–198; 2015б с. 10–20]; Karakhanyan and Avagyan [2011, с. 277–305]; Kázmér et al. [2011, с. 102–105]; Rodríguez-Pascua et al., [2011, с. 20–30]; Schreiberer et al. [2012, с. 22–44]; Peláez et al. [2013, с. 1–20]; Kázmér [2014, с. 1–7] и др.*

Первые историко-археологические сведения о сильных сейсмических событиях на Керченском п-ове относятся к т. н. пантикапейскому землетрясению 63 г. до н. э. [Блаватский, 1977, с. 56–57]. Во время работ по оценке сейсмической опасности района строительства Крымской АЭС (1980-е годы) были выявлены уже не только археологические, но и геологические свидетельства сильных землетрясений древности [Геология…, 1992, 188 с.; Никонов, 1996, с. 62–74; Борисенко и др., 1999, с. 101–132]. После некоторого перерыва археосейсмологические исследования на Керченском п-ове были возобновлены авторами статьи в 2014 г.

Имеющиеся инструментальные данные и материалы полевых эпицентральных обследований современных землетрясений, произошедших в Киргизии в последние годы, обеспечили более надёжную базу для идентификации особенностей сейсмических повреждений в древности [Богачкин и др., 1997, с. 3–18; Ghose et al., 1997, с. 23–38; Korzhenkov and Mazor, 1999, с. 62–74; Корженков и Лемзин, 2000, с. 14–21; Корженков и др., 2006, с. 219–225]. Эти обследования обеспечили также базу для идентификации типов сейсмогенных повреждений, выявленных нами в древних городах Ближнего Востока, Средней Азии, Западного Кавказа и Крыма и их интерпретации в терминах сейсмической интенсивности и направления прихода сейсмических волн [Korjenkov and Mazor, 1999a, с. 265–282; Korjenkov and Mazor, 1999b, с. 193–226; Korjenkov and Mazor, 2003, с. 51–83; Korjenkov and Mazor, 2005, с. 1–15; Korjenkov and Mazor, 2014, с. 75–92; Korzhenkov and Mazor, 1999, с. 62–74; Mazor and Korjenkov, 2001, с. 123–153; Korjenkov and Erickson-Gini, 2003, с. 39–50; Korjenkov et al., 2003, с. 241–261; Korjenkov et al., 2008, с. 199–215; Korjenkov and Schmidt, 2009, с. 79–97; Корженков и др., 2016а, с. 30–38; Корженков и др., 2016б, с. 30–47; Корженков и др., 2016в, с. 372–381; Винокуров и др., 2015, с. 51–66].

Здания, стены и другие конструкции, построенные из необработанных и обработанных каменных блоков, составляют сеть геометрических линий, составляющих прямоугольники и позволяющие исследователям идентифицировать тип и величину деформаций с точностью в пределах нескольких градусов и сантиметров.

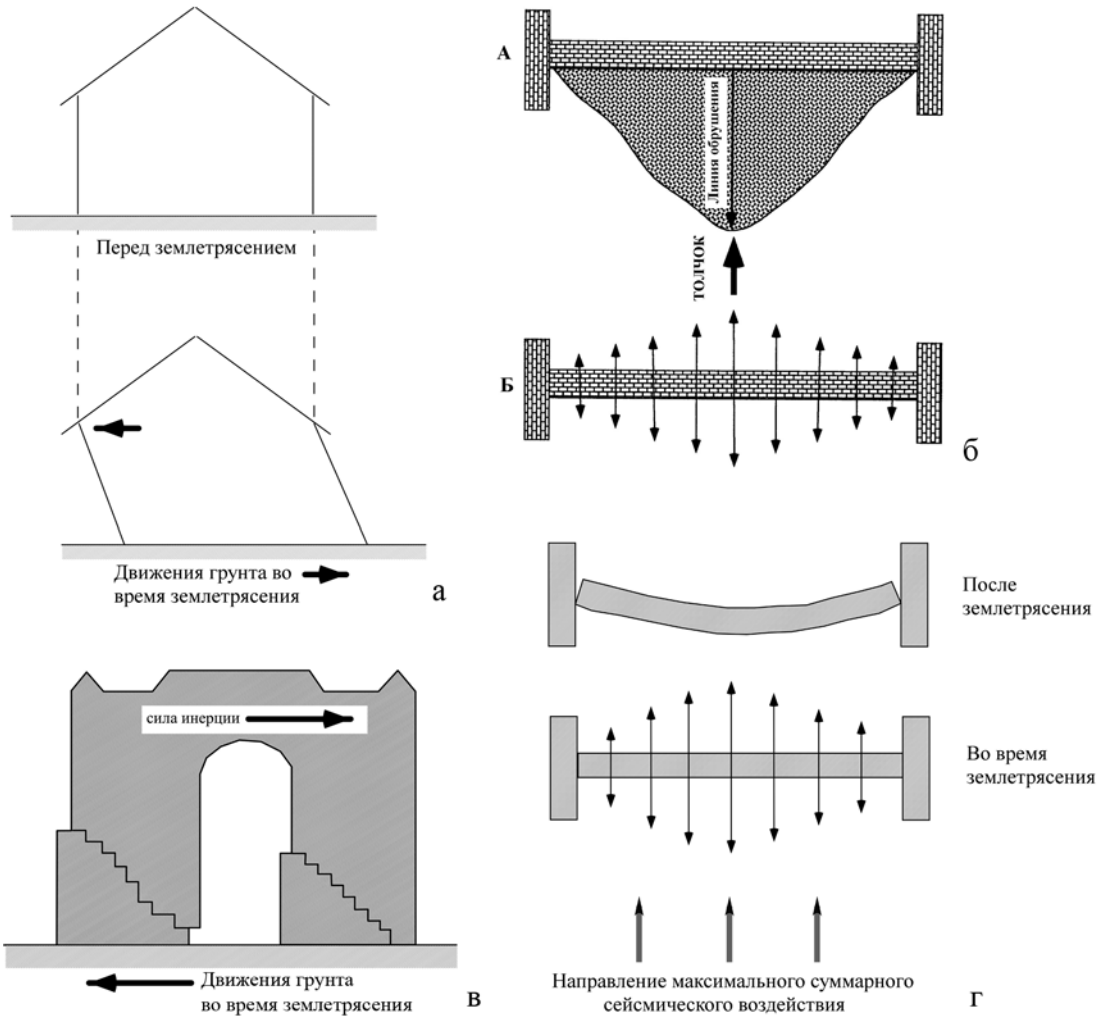


Рис. 4. Систематически направленные наклоны и обрушения стен, а также горизонтальное смещение: выдвижения и латеральное изгибание верхних частей строительных конструкций – результат сильных землетрясений. а – деформация здания во время сильного землетрясения (по Rapp, 1986, с. 31–45); б – систематическая форма конуса обрушения вследствии колебания стены, вызванная сильным землетрясением (по Корженкову и Мазору, 2001, с. 108–125); в – смещение верхней части надмогильного сооружения в сторону эпицентра Суусамырского землетрясения (Ms=7.3, I=IX–X, 1992, Кыргызстан); г – изгибы стен вследствии землетрясений

Систематически направленные наклоны (рис. 4а) и обрушения стен (рис. 4б), колонн, а также горизонтальное смещение: выдвижения (рис. 4в) и латеральное изгибание (рис. 4г) верхних частей строительных конструкций являются результатом сильных землетрясений. В таких случаях нижняя часть строительной конструкции смещается вместе с грунтом в направлении соответствующих сейсмических подвижек, в то время как верхние части остаются на месте вследствие инерции.

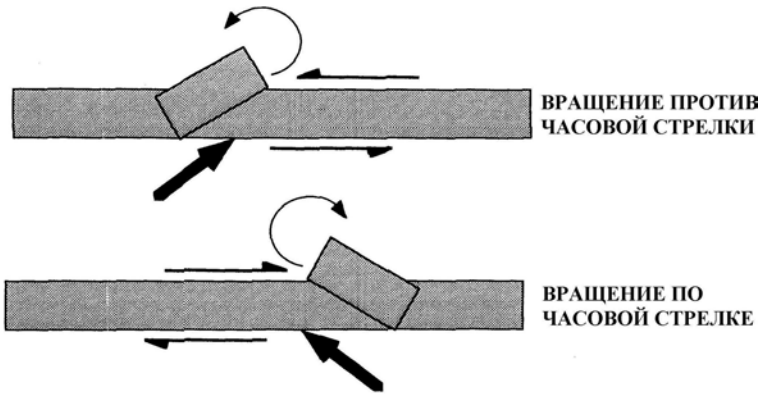


Рис. 5. Вращение элементов здания при сейсмических колебаниях, направленных под углом к стене

Значительное расстояние обрушившихся обломков от их первоначального положения является критерием высокой интенсивности землетрясения. В случаях несейсмических разрушений обрушившиеся обломки обычно падают как бы вблизи, на расстояние не более 1/3 первоначальной высоты строительной конструкции. При сильных землетрясениях это расстояние значительно больше. Например, в развалинах древней Шивты (Израиль) камни, слагавшие сельскохозяйственные стены высотой до 1 м, были отброшены до 8 м, причём против уклона местности [Korjenkov and Mazor, 1999a, с. 265–282].

Вращения отдельных каменных блоков или частей стен вокруг вертикальной оси по или против часовой стрелке является характерным следствием землетрясения. Они вызываются сейсмическими движениями, действующими под углом (в плане) к стене соответствующего направления (рис. 5). Вращения строительных элементов вокруг горизонтальной оси также могут наблюдаться в поврежденных построек, что вызвано высвобождением неравномерных напряжений, накопившихся в стенах.

При этом лучшая сохранность стен определенной ориентировки указывает на аналогичное направление сейсмических движений.

Следы ремонта и стены – контрфорсы – дополнительные доказательства сейсмических повреждений.

Свидетельства разрушительного землетрясения в исследуемом археологическом комплексе становятся тем более очевидными, чем больше выявляется типов и количества сейсмических повреждений. Возраст выявленных сейсмических деформаций моложе возраста самих строительных конструкций, но старше возраста последующего ремонта или перекрывающих сооружений.

Обратимся теперь непосредственно к выбранному нами объекту – Михайловскому городищу, в частности, потому, что оно остаётся на сегодняшний день одним из самых раскопанных на пространствах боспорской «глубинки». Сразу же бросаются в глаза обрушения стен. Так, в северо-восточной части городища, в помещении № VI/XII видны остатки широтной стены № 17 (т. н. № 45 на рис. 3). Её азимут простирания – 90°. В настоящее время стена имеет как бы *дугообразную форму* с небольшим

Рис. 6. Латеральное выгибание, наклон, выдвижение и обрушение широтной стены № 17 на север в СВ части раскопа № III Михайловского городища. Вид на запад

(до 30 см) выпячиванием на север (рис. 6). Кроме этого в её центральной части каменные блоки *выдвинулись, наклонились* и упали в северном направлении. Угол наклона сохранившейся части стены № 17 – 70°. Выдвижение отдельных камней относительно друг-друга – до 10 см.

Длина описываемой стены 5,5 м, ширина 0,6 м. В центральной своей части она сохранилась на высоту до 0,35 м, в то время как в своих крайних смежных с другими стенами частях она сохранилась до высоты в 1 м. Важно отметить, что камни стены № 17 отлетели на расстояние в три раза большее ее максимально сохранившейся высоты [Корженков и Мазор, 2013, с. 59–73], что означает значительное динамическое воздействие. Аналогичные деформации испытывали все широтные стены восточной анфилады, расположенные к югу от вышеописанной: все они наклонились к северу под углами от 55° до 80° (рис. 7). Одна из стен – № 27 была, по-видимому, сильно повреждена

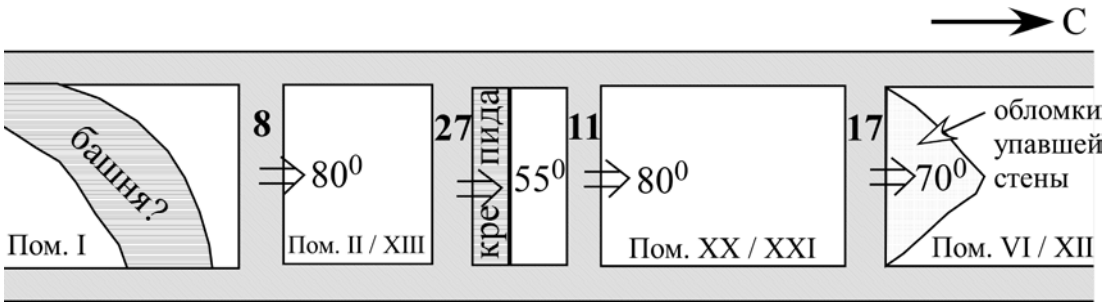


Рис. 7. Схематическая зарисовка стен восточной анфилады комнат в раскопе № III (план). Все широтные стены наклонились на север под различными углами.

во время какого то более раннего землетрясения, поэтому к ней позднее пристроили контрфорсную стенку – крепиду.

Такой же тип обрушений наблюдался нами в проходе в помещение XVII/XXIII (т. н. № 46 на рис. 3). Стена, в которой имеется этот проем, простирается по азимуту 0°. Таким образом, каменные плиты, составлявшие дверной обклад, имеют перпендикулярное простирание (рис. 8). Одна из плит – южная была сорвана со своего «постамента» и упала на север, сместившись немного к западу (на 13 см) и при этом повернувшись по часовой стрелке на 5°. Эти замеры говорят о том, что направление прихода максимальных суммарных сейсмических воздействий не было строго перпендикулярно изначальному простиранию упавшей плиты, а шло под некоторым углом к ней.

Строительные элементы другого – меридионального простирания систематически выдвинулись, наклонились и упали на запад. Так, стена № 22 в раскопе № III имела три проёма-входа. Все они деформированы (рис. 9). Общее простирание стены – 90°. Ширина стены до 0,9 м, остаточная высота 0,8 м. Восточный каменный блок западного дверного обклада выдвинулся на запад на 13 см (рис. 9б) и, при этом, повернулся против часовой стрелки на 5°. Восточная же каменная плита срединного дверного обклада упала в западном направлении (рис. 9в). Восточная каменная плита восточного дверного обклада наклонилась на запад под углом 82° (рис. 9г).

Уникальным элементом сейсмических деформаций, встреченных на Михайловском городище, является выкалывание и выдвижение к югу значительного (10–12 м) фрагмента северной оборонительной стены по линиям косых сколов (рис. 10а–в). Подобные сколы уже встречались нами в развалинах Херсонеса и Мангуп-Кале (рис. 10г). При своем смещение к югу сколотый фрагмент стены № 19 встретил перпендикулярную стену между помещениями XI/XIV и XVI и сломался в месте соединения стен (рис. 10а). В связи с этим произошел поворот против часовой стрелки на 10° в западном окончании сколотой стены и поворот по часовой стрелки также на 10° в восточной части сколотого участка северной стены. Следует отметить и значительную ширину стены, в которой имел место скол – 1,8 м!

Мы уже писали выше о *поворотах* отдельных строительных блоков или даже частей стен. Подобные деформации типичны для сильных землетрясений. Вращаются и стены целиком. Так, например, стена к западу от входа в помещение № XI/XIV развернулась целиком на 10° против часовой стрелки (рис. 10а), а также наклонилась и обрушилась

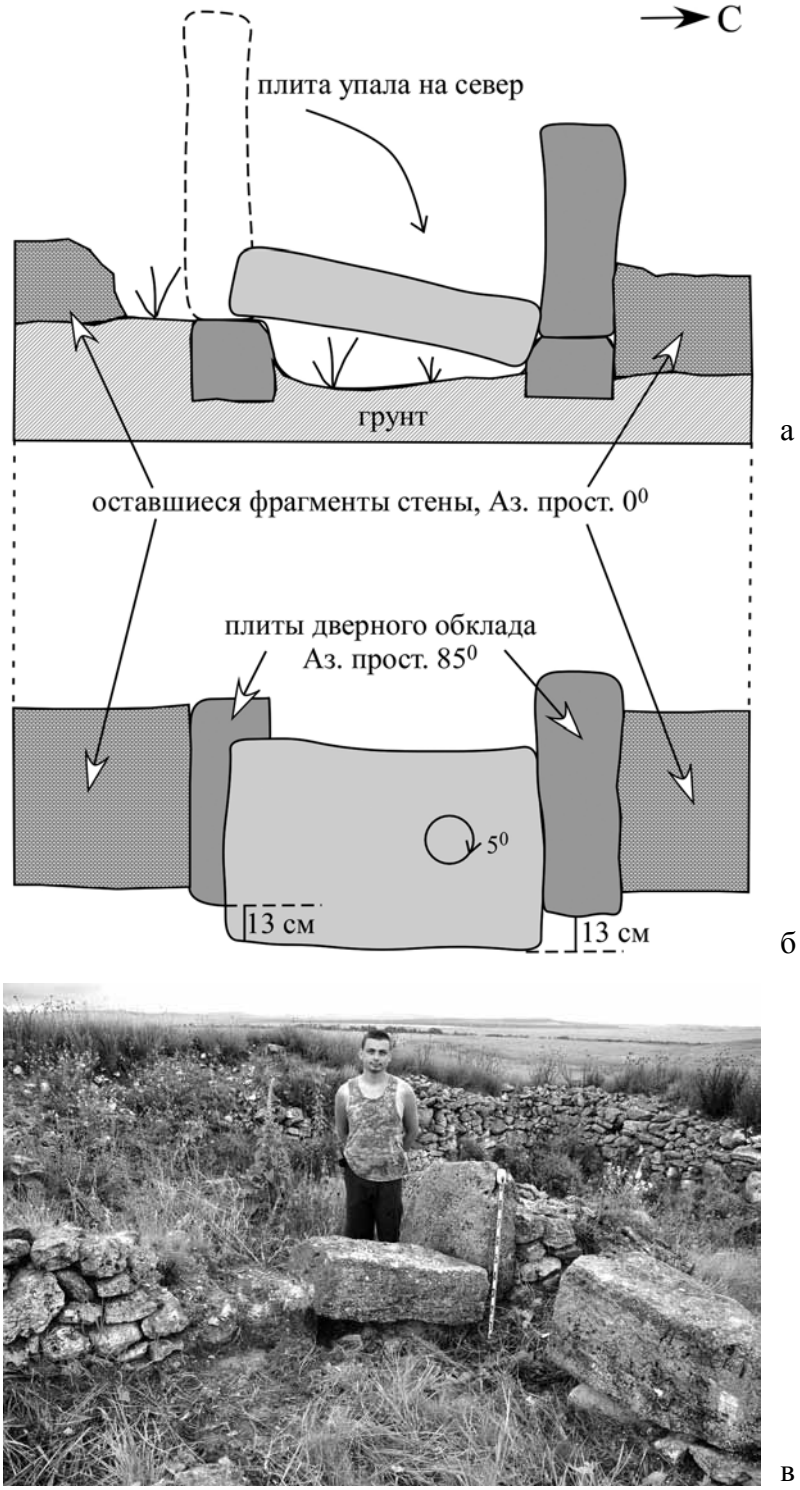


Рис. 8. Деформации дверного проема в помещение XVII/XXIII раскопа № III в Михайловском городище. Схематические зарисовки: а – разрез, б – план, в – фотография (вид на ЗСЗ)

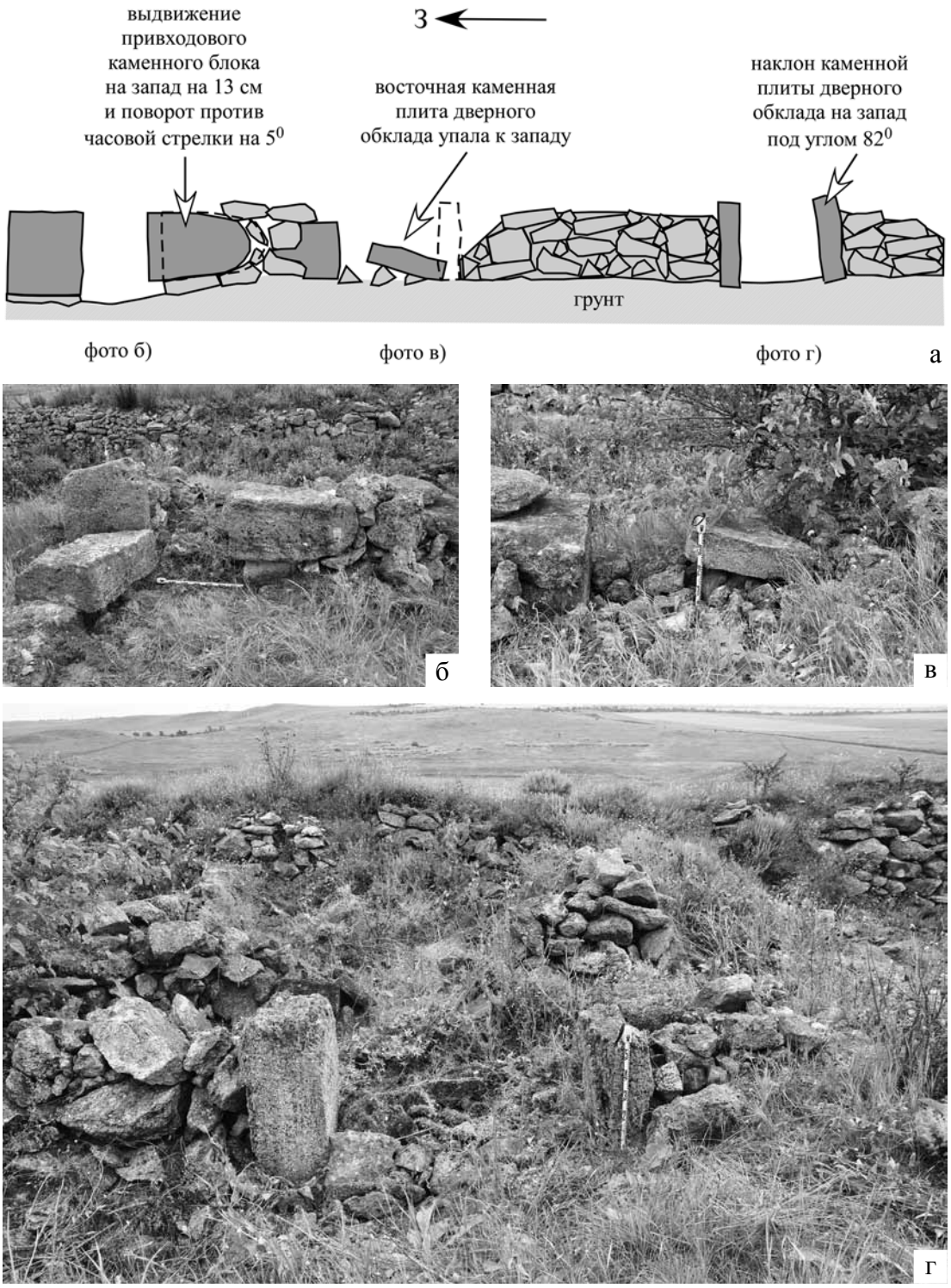


Рис. 9. Деформации входов в широтной стене № 22 (а – схематическая зарисовка стены, вид на север). Здесь имело место выдвигание привходовых каменных блоков (б), их обрушение (в) и наклон (г) на запад

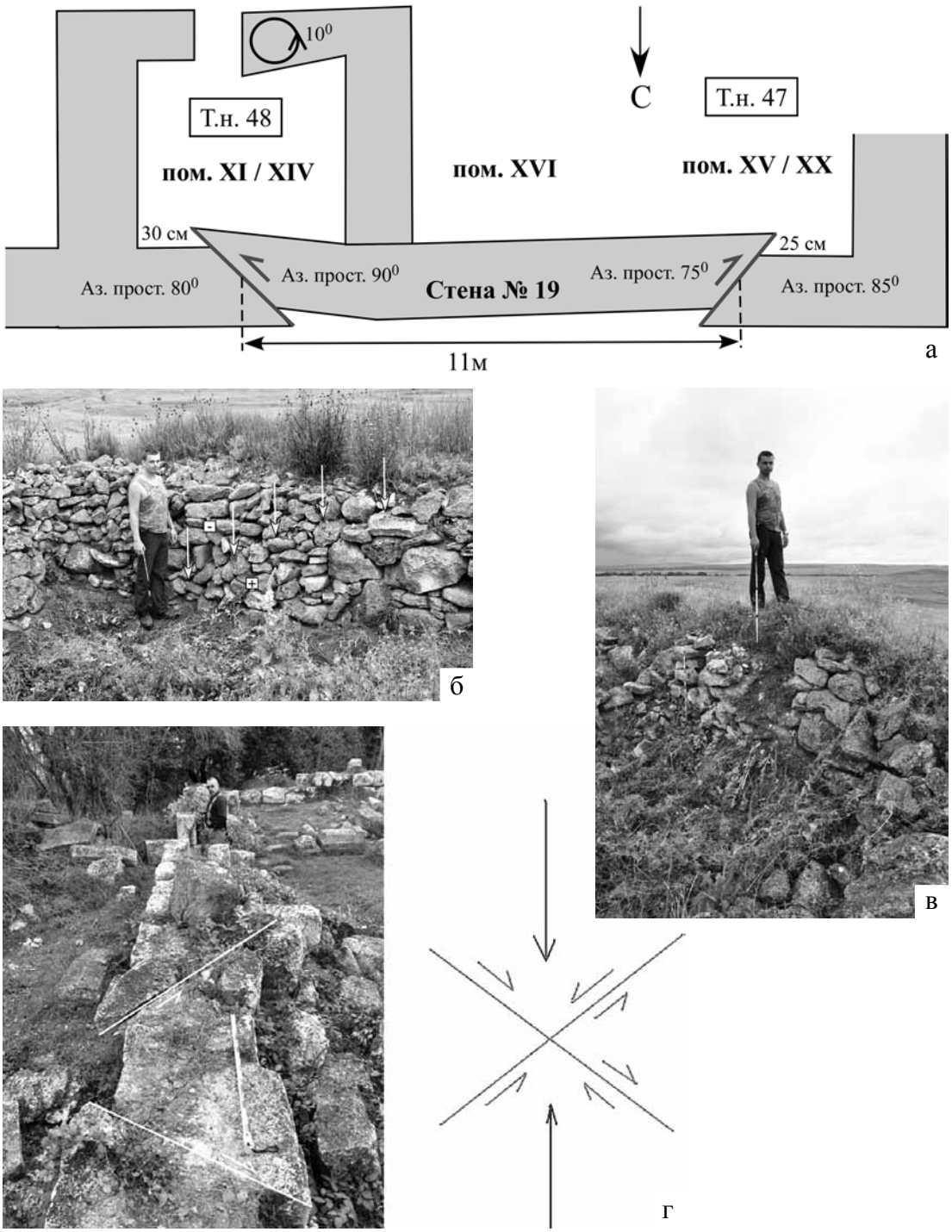


Рис. 10. Выкалывание значительных фрагментов стен в древних городах Крыма: а–в – в северной стене Михайловского городища, г – в горной крепости Мангуп-Кале. а – схематическая зарисовка СЗ части городища (план), б – западный скол (показан стрелками, + выдвижение вовнутрь строения), в – восточный скол. г – Выкалывание и выбивание к востоку фрагмента меридиональной стены в Базилике VI–XV вв. в Мангуп-Кале.

на север (точнее на ССЗ). Азимут простирания непотревоженной восточной от входа стены – 80°.

Итак, выявленные деформации в раскопе № III Михайловского городища однозначно указывают на сейсмогенную причину их появления. Исследованный нами комплекс деформаций включает: систематические наклоны, выдвижения и обрушения к северу строительных конструкций широтного простирания. При этом строительные элементы меридионального простирания наклонились, выдвинулись и упали к западу. Был выявлен и один разворот незакрепленной части стены широтного простирания против часовой стрелки. Наиболее впечатляющим и уникальным является также скалывание и смещение к югу значительного участка северной городской стены. Большое количество «двойных» стен (первичных – и контрфорсов – крепид) говорит о том, что на данном городище имело место, по крайней мерее, два значительных сейсмо-события, сопровождавшихся разрушениями и деформациями. Местная сейсмическая интенсивность достигала, по-видимому, (VIII) ≤ Io ≤ IX.

Однако после этих разрушений поселение было отстроено заново и дополнительно укреплено параллельными стенами толщиной до 2 м. Вероятно, могла иметь место пристройка внешнего панциря с бутово – земляным заполнением. Окончательно цитадель погибла в III в. н. э., возможно, во время второго сильного землетрясения. Это «маркируется» слоем пожарища с находкой монеты 234–239 г. н. э. Максимальные суммарные сейсмические колебания во время первого землетрясения распространялись, по-видимому, в широтном направлении, что привело к выкалыванию значительной части северной стены городища. Сейсмические удары второго землетрясения шли по оси ССЗ–ЮЮВ, о чем говорит систематический характер наклонов, выдвижений и обрушений стен широтного и меридионального направлений. Впрочем, обстоятельства, причины и время этой катастрофы остаются неоднозначными и требуют уточнения.

Список литературы

Белик, Корженков, Куликов, Ларьков, Мараханов, Овсюченко, Рогожин, 2016. Белик Ю. Л., Корженков А. М., Куликов А. В., Ларьков А. С., Мараханов А. Н., Овсюченко А. Н., Рогожин Е. А. Сейсмогенные деформации в стенах позднесредневековой крепости Ени-Кале в Восточном Крыму // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 43, № 2. М.

Блаватский, 1977. Блаватский В. Д. Землетрясение 63 г. до н. э. на Керченском полуострове // Природа. № 8.

Богачкин, Корженков, Мамыров, Нечаев, Омуральев, Петросян, Плетнёв, Рогожин, Чаримов, 1997. Богачкин Б. М., Корженков А. М., Мамыров Э., Нечаев Ю. В., Омуралиев М., Петросян А. Э., Плетнев К. Г., Рогожин Е. А., Чаримов Т. А. Структура

очага Сусамырского землетрясения 1992 г. на основании анализа его геологических и сейсмологических проявлений // Физика Земли. № 11.

Борисенко, Пустовойтенко, Дублянский, Вахрушев, Клюкин, Ена, Китин, 1999. Борисенко Л. С., Пустовойтенко Б. Г., Дублянский В. Н., Вахрушев Б. А., Клюкин А. А., Ена А. В., Китин М. А. Сейсмодислокации и палеосейсмичность Крыма // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. Симферополь.

Винокуров, Корженков, Родкин, 2015. Винокуров Н. И., А. М. Корженков, М. В. Родкин. К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 42. № 2.

Геология и геодинамика района Крымской АЭС. 1992 / Отв. ред. Н. М. Гавриленко, А. В. Чекунов. Наукова думка. Киев.

Корженков, 2006. Корженков А. М. Сейсмогеология Тянь-Шаня (в пределах территории Кыргызстана и прилегающих районов). Бишкек: Илим.

Корженков, Лемзин, 2000. Корженков А. М., Лемзин И. Н. Макросейсмическое обследование и геологические условия Кочкор-Атинского (1992, MLH=6,2) землетрясения в Южном Кыргызстане // Наука и новые технологии. № 3. М.

Коржинков, Мазор, 2001. Корженков А. М., Мазор Э. Структурная реконструкция сейсмических событий: руины древних городов как окаменевшие сейсмографы // Известия МОН РК, НАН РК. № 1.

Корженков, Муралиев, Ормуков, Сейталиев, Джумабаева, Гребенникова, 2006. Корженков А. М., Муралиев А. М., Ормуков Ч. О., Сейталиев М. М., Джумабаева А. Б., Гребенникова В. В. Макросейсмическое обследование Кочкорского землетрясения 26 декабря 2006 года (M = 5,5, K = 14, Io = 7) в Северном Кыргызстане // Наука и новые технологии. № 3–4.

Корженков, Мазор, 2013. Корженков А. М. Мазор Э. Признаки сейсмических повреждений в руинах древних городов в пустыне Негев // Геотектоника. № 1.

Корженков, Овсюченко, Ларьков, 2016а. Корженков А. М., Овсюченко А. Н., Ларьков А. С. Сейсмические деформации в древнем городе Илурате // Природа. № 10.

Корженков, Моисеев, Овсюченко, Ларьков, Мараханов, Рогожин, Эмруллаев, 2016б. Корженков А. М., Моисеев Д. А., Овсюченко А. Н., Ларьков А. С., Мараханов А. Н., Рогожин Е. А., Эмруллаев Ш. А. Археосейсмологические исследования в древней столице крымских ханов Салачике // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 43, № 3.

Корженков, Ларьков, Мараханов, Молев, Овсюченко, Рогожин, Хршановский, 2016в. Корженков А. М., Ларьков А. С., Мараханов А. В., Молев Е. А., Овсюченко А. Н., Рогожин Е. А., Хршановский В. А. Следы сильных землетрясений в крепостных стенах античного города Китей, Керченский полуостров // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб.: ПАЛЛАЦО.

Масленников, 1998. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. «ИНДРИК». М.

Никонов, 1996. Никонов А. А. Разрушительное землетрясение 1751 г. в Крыму // Физика Земли. № 1.

Петерс, 1978. Петерс Б. Г. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М.: Наука.

Archaeoseismology. Fitch Laboratory Occasional Papers 7 (Publ. House of British Archaeological School, Athens, 1996).

Caputo, Helly. 2008. Caputo R. and Helly B. The use of distinct disciplines to investigate past earthquakes // Tectonophysics. Vol. 453.

Caputo, Hinzen, Liberatore, Schreiber, Helly, Tziafalias, 2010. Caputo R., Hinzen K.-G., Liberatore D., Schreiber S., Helly B., Tziafalias A. Quantitative archaeoseismological investigation of the Great Theatre of Larissa, Greece // Bull. Earthquake Eng.

Eppelbaum, 2010. Eppelbaum L. V. Archaeological geophysics in Israel: past, present and future // Advances in Geophysics. Vol. 24.

Eppelbaum, Khesin, Itkis, 2010. Eppelbaum L. V., Khesin B. E., Itkis S. E. Archaeological geophysics in arid environments: Examples from Israel // Journal of Arid Environments. V. 74.

Fabian, 1998. Fabian P. Evidence of earthquakes destruction in the archaeological record – the case of ancient Avdat // Israel Geological Society Annual Meeting. Mitzpe Ramon. Field Prips Guidebook.

Galadini, Hinzen, Stiros, 2006. Galadini F., Hinzen K.-G., Stiros S. Archaeoseismology: Methodological issues and procedures // J. Seismol. V. 10.

Ghose, Mellors, Korjenkov, Hamburger, Pavlis, Pavlis, Omuraliev, Mamyrov, Muraliev, 1997. Ghose, S., Mellors R. J., Korjenkov A. M., Hamburger M. W., Pavlis T. L., Pavlis G. L., Omuraliev M., Mamyrov E., Muraliev A. R. The Ms = 7,3 1992 Suusamyr, Kyrgyzstan earthquake in the Tien Shan: 2. Aftershock focal mechanisms and surface deformation // Bulletin of Seismological Society of America. Vol. 87, No. 1.

Giner-Robles, Rodrígues-Pascua, Pérez-Lȯpez, Silva, Bardají, Grützner, Reicherter, 2009. Giner-Robles J. L., Rodrígues-Pascua M. A., Pérez-Lȯpez R., Silva P. G., Bardají T., Grützner C., Reicherter K. Structural analysis of Earthquake Archaeological Effects (EAE): Baelo Claudia Examples (Cádiz, South Spain). 1st INQUA-IGCP 567 International Workshop on Earthquake Archaeology and Palaeoseismology. Vol. 2. 7–13 September. Baelo Claudia (Cádiz, South Spain).

Karakhanian, Trifinov, Ivanova, Avagyan, Rukieh, Mimini, Dodonov, Bachmanov, 2008. Karakhanian A. S., Trifinov V. G., Ivanova T. P., Avagyan A., Rukieh M., Mimini H., Dodonov A. E., Bachmanov D. M. Seismic deformation in the St. Simeon Monasteries (Qal'at Sim'an), Northwestern Syria // Tectonophysics. Vol. 453.

Karakhanyan, Avagyan, 2011. Karakhanyan A. S., Avagyan A. Archaeoseismological investigations in the temple of Amenhotep II and the impact of an early earthquake. In: (Sourousian H. – ed.) Fifth Report on Excavation and Conservation Work at Kom El-Hettan from 9th to 2th seasons (2007–2010) by the Colossi of Memnon and Amenhotep II Temple Conservation Project: Part I: The Colossi of Memnon and Amenhotep and Archaeoseismology. ASAE. Vol. 85.

Kázmér, Sanittham, Charusiri, Pailoplee, 2011. Kázmér M., Sanittham K., Charusiri P., Pailoplee S. Archaeoseismology of the AD 1545 earthquake in Chiang Mai, northern Thailand // 2nd INQUA-IGCP-567 International Workshop on Active Tectonics, Earthquake Geology, Archaeology and Engineering, Corinth, Greece.

Kázmér, Major, 2010. Kázmér M., Major B. Distinguishing damages from two earthquakes – Archaeoseismology of a Crusader castle (Al-Marqab citadel, Syria) // Geological Society of America Special Papers. V. 471.

Kázmér, 2014. Kázmér M. Damage to Ancient Buildings from Earthquakes // Encyclopedia of Earthquake Engineering. Berlin Heidelberg, Springer-Verlag.

Kázmér, Major, 2015. Kázmér M., Major B. Sāfitā castle and rockfalls in the 'dead villages' of coastal Syria – an archaeoseismological study // C. R. Geosciences.

Korjenkov, and Mazor, 1999a. Korjenkov, A. M., and Mazor, E. Earthquake characteristics reconstructed from archeological damage patterns: Shivta, the Negev Desert, Israel // Isr. J. Earth Sci. Vol. 48.

Korjenkov, and Mazor, 1999b. Korjenkov, A. M., and Mazor, E. Seismogenic origin of the ancient Avdat ruins, Negev desert, Israel // Natural Hazards. Vol. 18, No. 3.

Korzhenkov, and Mazor, 1999c. Korzhenkov A. M., and Mazor E. Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings as fossil seismographs // Science and New Technologies. No. 1.

Korjenkov, Baypakov, Chang, Peshkov, Savelieva, 2003. Korjenkov, A. M., Baypakov K. M., Chang C., Peshkov Yu., Savelieva T. Traces of ancient earthquakes in Medieval cities along the Great Silk Route, northern Tien Shan and Dzhungaria // Turkish Journal of Earth Sciences. Vol. 12.

Korjenkov, Ericson-Gini, 2003a. Korjenkov A. M., Ericson-Gini T. The seismic origin of the destruction of the Nabataean Forts of Ein Erga and Ein Rahel, Arava Valley, Israel // Archaeologischer Anzeiger, No. 2.

Korjenkov, Kaiser, 2003b. Korjenkov A. M., Kaiser D. Historical-macroseismic study of the town church in Wittstock, northern Germany // Proc. 11th FIG Symp. "Deformation Measurements", Santorini, Greece, Patras Univ. Press.

Korjenkov, and Mazor, 2003c. Korjenkov, A. M., and Mazor, E. Archeoseimology in Mamshit (southern Israel): Cracking a millennia code of earthquakes preserved in ancient ruins // Archaeologischer Anzeiger. No. 2.

Korjenkov, Kaiser, Groupner, 2005. Korjenkov A. M., Kaiser D., Groupner S. Preliminary analysis of damages of possible seismic origin to historical monuments in north-eastern Germany // Archeosismicite & Vulnerabilite. Patrimoine bati ouvert au public. Actes des Vie et VIIe Recontres du Groupe APS.

Korjenkov, Mazor, 2005a. Korjenkov, A. M., and Mazor, E. Diversity of earthquakes destruction patterns: The Roman-Byzantine ruins of Haluza, Negev desert, Israel // Archaeologischer Anzeiger, No. 2.

Korjenkov, Schmidt, 2009. Korjenkov A. M. and K. Schmidt. Archeoseismological Study at Hujayrat Al-Ghuzlan, Southern Wadi Araba, Jordan: Seismic Destruction of Chalcolithic– Early Bronze Structures," in Prehistoric Aqaba I, Ed. by R. Eichmann. L. Khalil, and K. Schmidt (Orient-Archeologie, Verlag Marie Leidorf, Rahden).

Korzhenkov, Mazor, 2014. Korzhenkov A. M. and Mazor E. Archaeoseismological damage pattern at the ancient ruins of Rehovot-ba-Negev, Israel // Archaeologischer Anzeiger. № 1.

Kovach, 1988. Kovach R. L. Earthquake hazard in Jordan // Natural Hazards. V. 1.

Mazor, Korjenkov, 2001. Mazor E., Korjenkov A. M. Applied archeoseismology: Decoding earthquake parameters recorded in archeological ruins // The Makhteshim Country: A Laboratory of Nature. Geological and Ecological Studies in the Desert Region of Israel. Pensoft Rress, Sofia-Moscow.

Parker, 1999. Parker S. T. Brief notice on a possible early 4th century church at Aqaba, Jordan // Journal of Roman Archaeology. 1999. V. 12.

Peláez, Castillo, Gómez Cabera, Sánches Gomez, Martínez Solarez, López Casado, 2013. Peláez J. A., Castillo J. C., Gómez Cabera F., Sánches Gómez M., Martínez Solarez J. M. and López Casado C. A review of the 1170 Andújar (Jaén, South Spain) earthquake, including the first likely archeological evidence // Earthquake Research and Analysis – New Advances in Seismology. Intech Press, Croatia.

Rodríguez-Pascua, Pérez-López, Giner-Robles, Silva, Garduño-Monroy, Reicherter, 2011. Rodríguez-Pascua M. A., Pérez-López R., Giner-Robles J. L., Silva P. G., Garduño-Monroy V. H., Reicherter K. A comprehensive classification of Earthquake Archaeological Effects (EAE) in archaeoseismology: Application to ancient remains of Roman and Mesoamerican cultures // Quaternary International. V. 242.

Schreiber, Hinzen, Fleischer, Schütte, 2012. Schreiber S., Hinzen K.-G., Fleischer C. and Schütte S. Excavation-parallel laser scanning of a medieval cesspit in the archaeological zone Cologne, Germany // ACM J. Comput. Cult. Herit. 5, 3, Article 12.

Silva, Reicherter, Crützner, Baradají, Lario, Goy, Zazo, Becker-Heidmann. 2009. Silva P. G., Reicherter K., Crützner C., Baradají, T., Lario J., Goy J. L., Zazo C. and Becker-Heidmann P. Surface and subsurface palaeoseismic records at the ancient Roman city of Baelo Claudia and the Bolonia Bay area, Cádiz (south Spain) // Geological Society, London, Special Publications. V. 316.

Similox-Tohon, 2006. Similox-Tohon D. An integrated geological and archaeoseismological approach of the seismicity in the territory of Sagalassos (SW Turkey). Towards the identification of active faults in the Burdur-Isparta region. Ph. D. Thesis. KatholliekeUniversiteit Leuven, Belgium.

Similox-Tohon, Sintubin, Muches, Verhaert, Vanneste, Fernandez, Vandycke, Vanhaverbeke, Waelkens, 2006. Similox-Tohon D., Sintubin M., Muches P., Verhaert G., Vanneste K., Fernandez M., Vandycke S., Vanhaverbeke H., Waelkens M. The identification of the active fault by a multidisciplinary study at the archeological site of Sagalassos (SW Turkey) // Tectonophysics, 420.

Sintubin, Stewart. 2008. Sintubin M. and Stewart S. A logical methodology for archaeoseismology: A Proof of concept at the archaeological site of Sagalasos, Southwest Turkey // Bull. Seism. Soc. Am. Vol. 98. No. 5.

Summary

A. M. Korzhenkov, A. N. Ovsyuchenko, A. S. Lar'kov,
A. V. Marakhanov, E. A. Rogozhin, N. I. Sudarev
Traces of the strong earthquakes in ancient Mikhaylovka archeological monument,
Kerch' Peninsula, Crimea

In the paper there are results of archeoseismological study of an antic archeological monument – Mikhaylovka hill-fort located in Kerch' peninsula. Studied deformations complex includes: systematic tilts, shifts and collapses of building constructions of latitudinal strike northward. Building elements of longitudinal strike tilted, shifted and collapsed westward. We revealed one counterclockwise rotation in a wall part which was not anchored. Most impressive and unique is shearing and shifting southward of a significant fragment of northern city wall. The revealed deformations in the trench No. III of Mikhaylovka hill-fort undoubtedly demonstrate their seismogenic origin. Large number of double walls – original walls and counterforce ones – "krepida's" testifies on at least two events of destruction and deformation in Mikhaylovka fort-hill. Local seismic intensity was apparently (VIII) ≤ Io ≤ IX. According to numismatic founds and fire traces first earthquake occurred in beginning of II century AD, second earthquake - in III century AD. Maximum summary seismic oscillations during first earthquakes propagated apparently in latitudinal direction which led to wedging of significant part of the northern wall of the hill-fort. Seismic shocks during second earthquakes went along NNW-SSE axis. This direction is testified be systematic character of tilts, shifts and collapses of the walls of both directions.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.133-140

В. Д. Кузнецов
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Фанагория: заметки по планировке города

Архитектурный облик древнегреческих городов архаического времени и их планировка всегда вызывали интерес исследователей. Со времени выхода фундаментальной книги А. Геркана [Gerkan, 1924] прошло уже значительное время. С тех пор в результате археологических исследований по всему Средиземноморью и Причерноморью получено огромное количество данных об урбанистике античного мира. Тем не менее в отношении архаического периода греческой истории мы вынуждены говорить о недостатке сведений по этой проблеме. Этот дефицит связан с недостаточной изученностью слоев рассматриваемого времени. Такое положение дел препятствует адекватному пониманию того, каким образом выглядели эллинские апойкии в начальный период своего существования. Если говорить о Северном Причерноморье, то в результате этого часто мы не имеем никакого представления об облике того или иного города. Это становится причиной появления иногда экзотических мнений о причерноморских апойкиях как «варварских» поселениях.

Обычно считается, что наиболее древние, «исторические» города имели нерегулярную, беспорядочную планировку, поскольку развивались стихийно [Lang, 1996, S. 72]. Другое дело вновь выводимые апойкии – у переселенцев были все возможности изначально построить город по определенному плану. По прибытии на новое место территория будущего города под руководством архитектора разбивалась на участки, которые предназначались под частное домостроительство и общественные зоны [Martin, 1974, p. 40]. Часто для иллюстрации такого понимания приводят пример Мегары Гиблейской [подробнее см.: Gras, Tréziny, Broise, 2004, специально – главу 9, p. 523–546]. В качестве же письменного источника, в котором ясно изложен такой принцип основания города, обычно используют пассаж из «Одиссеи» Гомера (6. 7–10):

«Поднял феаков тогда и увел Навсифой боговидный
В Схерию, вдаль от людей, в труде свою жизнь проводящих.
Там он город стенами обвел, построил жилища,
Храмы воздвигнул богам и поля поделил между граждан»
(ἀμφὶ δὲ τεῖχος ἔλασσε πόλει καὶ ἐδείματο οἴκου
καὶ νηοὺς ποίησε θεῶν καὶ ἐδάσσατ᾽ ἀρούρας).

(перевод В. В. Вересаева)

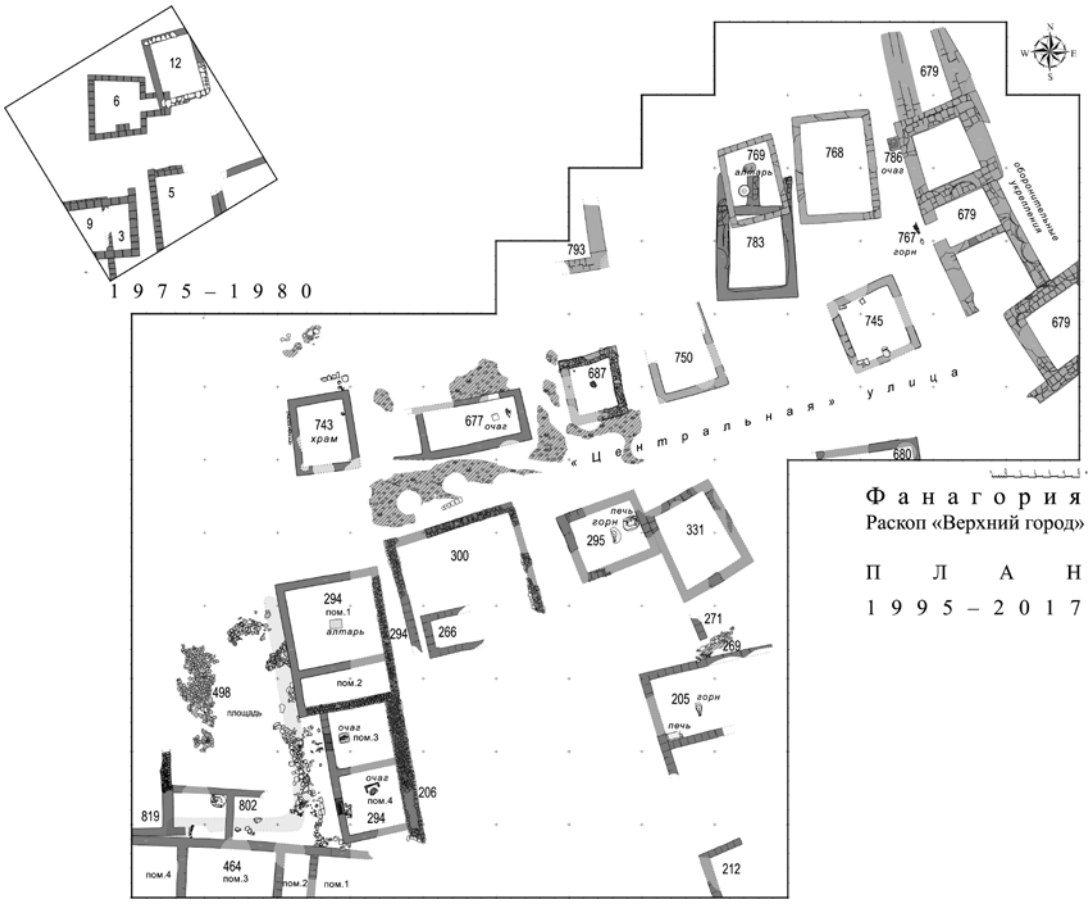


Рис. 1. План участка города в 6 в. до н.э.

Можно к этому добавить уточнение Ф. Полиньяка, который говорит о трех типах деления пространства полиса – внутри и снаружи городских стен, частное и общественное пространство, жилая и рабочая зоны [Polignac, 2005, p. 45].

Е. Оуэнс пишет, что политика зонирования городской территории и использование сетки улиц были двумя важнейшими особенностями греческого городского планирования раннего времени. На земле резервировались участки, предназначенные к использованию для общественных, частных и религиозных нужд [Owens, 1992, p. 48]. Однако это не означало, что город обязательно должен был изначально иметь правильную, регулярную планировку. Тот же автор говорит, что в случае отсутствия такой планировки, основным элементом урбанистического устройства города была главная дорога, которая его пересекала. Она, не обязательно будучи прямой, являлась тем стержнем, который организовывал городское пространство (другие улицы, жилые кварталы и т. д.). Именно географическое местоположение таких городов является определяющим [Owens, 1992, p. 37]. Эта мысль находит отклик у А. Трезини, который пишет о том, что план Мегары Гиблейской был одновременно и регулярным, и нерегулярным из-за несовпадения планировки разных частей города. Это известное положение он объясняет тем, что переселенцы

адаптировали доколониальную сетку дорог (un réseau de voies de circulation). Аналогию можно найти в Наксосе (Сицилия) [Trézeny, 2002, p. 271–273].

Эти замечания представляются важными: для архаической эпохи в Северном Причерноморье не приходится говорить об ортогональной планировке (т. н. «Гипподамова» планировка), которая появляется позднее.[1] Но в то же время регулярная планировка с самого начального этапа ее существования не была, по всей видимости, редкостью. При решении этого вопроса приходится оперировать данными, происходящими из небольшого числа поселений, в которых слои интересующего нас времени открыты на очень ограниченном пространстве. Например, раскопки в Гермонассе дают некоторые основания говорить о единой планировке города в ранний период его истории [Финогенова, 2005, с. 148]. В. Н. Зинько пишет о планировке Тиритаки: «… открытые в последние годы остатки квартальной застройки дают основание предполагать наличие единой городской планировки и определенных элементов древнегреческой урбанизации» [Зинько, 2009, с. 243]. Примеры можно несколько увеличить, но они не дадут полноценного ответа на интересующий нас вопрос. В какой-то степени исключением в этом отношении является Фанагория.

В течение последних двух с лишним десятилетий в историческом ядре Фанагории осуществляются археологические исследования наиболее ранних напластований этого города (раскоп «Верхний город», общая площадь около 3000 кв. м.). Здесь открыты кварталы с остатками значительного количества жилых и общественных сооружений, построенных из сырцовых кирпичей. Всего открыто более двух десятков строений разной степени сохранности. К настоящему моменту эти работы доведены до материка еще не на всей площади.

Большинство построек представляют собой жилые дома, площадь которых не превышает 30–40 кв. м. Исключение составляет дом 205, который имеет размеры в площади раскопа более 65 кв. м. (вместе с внутренним двором). К зданиям общественного назначения можно отнести несколько построек, которые отличаются довольно диверсифицированным планом, либо имеют какие-то особенности, не позволяющие их считать жилыми домами. В частности, речь идет о двух зданиях, находящихся в юго-западной части раскопа «Верхний город» (№ 294 и 464). Они стоят под углом друг к другу и сохранились, к сожалению, не полностью. К тому же здание 464 уходит под южный и западный борта раскопа. Сооружение 294 имело площадь более 120 кв. м., а 464 – заметно более 100 кв. м. Оба они погибли в сильном пожаре, в котором были найдены наконечники стрел. Пожар можно датировать концом первой – началом второй четверти 5 в. до н.э. Здания были построены еще в 6 в. до н. э., точнее определить дату не представляется возможным (наиболее ранние и редкие образцы керамики относятся к третьей четверти 6 в. до н. э., в частности, горло хиосской амфоры с воронковидным горлом)[2]. В образованном эти двумя сооружениями пространстве находилась площадь. Из всех четырех помещений постройки 294 выходы были устроены на эту площадь. Не исключено, что площадь была главной в первоначальной апойкии.

[1] Подробнее об этом см. [Shipley 2004, p. 335–403].

[2] В более ранней статье мы с А. А. Завойкиным осторожно отнесли строительство зданий 294 и 464 к относительно позднему времени [Завойкин, Кузнецов, 2013, с. 167].

Еще одно здание (№ 300), скорее всего, относилось к категории общественных (административных или религиозных) [Завойкин, Кузнецов, 2011, с. 188–198]. Это сооружение почти вплотную примыкало с восточной стороны к административному зданию 294, от которого оно было отделено узким переулком. Через улицу от него находился небольшой templum in antis, посвященный неизвестному божеству. Он имел, по крайней мере, два строительных периода. И хотя его сооружение относится к 5 в. до н. э., не исключено, что под его остатками находятся стены храма 6 в. до н. э. Таким образом, оказывается, что на центральную (как мы предполагаем) площадь архаического города и выходящую от нее в восточном направлении улицу своими фасадами выходило несколько общественных зданий – два административных и два религиозных.

Одной из важнейших находок на раскопе «Верхний город» являются фортификационные сооружения. В научной литературе уже много лет длится дискуссия о том, когда оборонительные сооружения в древнегреческих городах приобретают массовый характер. Если говорить в целом, то можно признать, что большинство исследователей до недавнего времени были согласны в том, что городские стены для архаического времени являются скорее исключением [Ducrey, 1995, p. 248; Fischer-Hansen, 1996, p. 319–320; Hansen 1997, p. 52].

Однако прогресс в археологических исследованиях все больше дает оснований говорить об обратном. В своей книге об оборонительных укреплениях архаического периода Р. Фредериксен собрал все имеющиеся данные об известных стенах для этого времени. Автор отмечает увеличение количества укреплений в течение 6 в. до н. э. Для периода 600–480 гг. до н. э. он насчитывает 67 укрепленных полисов [Frederiksen, 2011, p. 111]. Естественно, на основе такого количества трудно говорить о широком распространении фортификации в архаического время. Однако автор справедливо указывает на большие трудности, препятствующие получению новых данных об укреплениях (уничтожение их в результате деятельности человека на протяжении многих веков, перестройки, разрушение по причине войн в древности и др.) [Frederiksen, 2011, p. 41–49].

Что же касается Северного Причерноморья, и специально Киммерийского Боспора, то здесь мы наблюдаем постепенный отход от убеждения в том, что местные города не имели оборонительных стен, к признанию вероятности, что они должны были существовать с момента основания апойкий [Вахтина, Виноградов, 2001, с. 42; см. Толстиков, 2017, с. 259–260]. Вне всяких сомнений, апойкии на Понте должны были иметь укрепления с самого начала своего существования. Об этом говорит хотя бы то, что они основывались на так или иначе укрепленных природой местах, что не было случайностью.

Городские стены Фанагории построены по краю холма, который был историческим центром города. Сохранность их объясняется лишь тем, что верхний край этого склона не был снивелирован в процессе перестроек в городе, которые неоднократно осуществлялись в течение столетий. Оборонительные укрепления представляют собой ряд помещений, примыкающих друг к другу и, по всей видимости, опоясывающих холм по периметру. Они сооружены из сырцовых кирпичей, толщина стен 1,1 м. Укрепления построены в 3-й четверти 6 в. до н. э., причем имеют два строительных периода, первый из которых приходится на время основания города. Естественно, что стены, построенные из сырцовых кирпичей и имеющие не очень большую высоту (вряд ли больше

4–5 метров) и относительно небольшую толщину, не могли представлять серьезное препятствие для хорошо организованного нападения на город [Lang, 2002, p. 14–16].

Главной осью исследуемого участка города является «Центральная» улица, вытянутая с северо-востока на юго-запад. Она начинается от оборонительных стен. Через 45–50 м улица выходит на площадь, о которой сказано выше. Вдоль нее находятся жилые дома, строительство которых приходится на 6 в. до н. э. Практически все дома разделены между собой узкими переулками. Все раскопанное пространство заполнено архаическими зданиями той или иной сохранности. Исключение составляют западная оконечность раскопа и большой прямоугольник в центре южной его половины. В первом случае раскопки не доведены до материка, во втором – слой архаического времени уничтожен при строительстве общественного здания 4 в. до н. э. (№ 144).

Подведем некоторые предварительные итоги, полученные в результате исследования участка Фанагории архаического периода. Город, основанный около 540 г. до н. э., был с самого начала построен по определенному плану. Этот план, по всей видимости, был размечен первопоселенцами после прибытия на место будущего города прямо по земле. У всех зданий просматривается единая ориентация – северо-восток – юго-запад. Однако красная линия домов не соблюдена точно: некоторые здания выходят за нее, другие – отступают от края улицы. Соответственно, планировка не носит ортогонального характера. Можно полагать, что при планировании кварталов[3] сначала были намечены улицы, вдоль которых и возводились первые жилые дома и общественные здания. «Центральная» улица своим восточным окончанием, по всей видимости, выходила на небольшую площадь перед восточными воротами города (помещение 3 оборонительных укреплений).

Трудно сказать, выходил ли ранний город за пределы этого холма или нет. Если согласиться с последним, то окажется, что на начальном этапе в Фанагорию прибыло незначительное количество переселенцев – от нескольких десятков до двух-трех сотен. Естественно, что эти цифры в определенной степени условны и должны быть подтверждены или опровергнуты в результате дальнейших исследований.

На первоначальном этапе жизни города основная часть жилых домов имела довольно скромные размеры. Небольшие дома могли предназначаться для одного-двух человек, в других же (как в доме 205) могло проживать больше. Для последнего случая не исключено, что относительно большой дом мог себе построить более состоятельный человек. Как бы то ни было следует отметить, что в доме размером в 10–15 кв. м. полноценно жить непросто, а с учетом отсутствия двора – очень тяжело. Поэтому не лишена оснований мысль о том, что большую часть времени граждане вновь основанной апойкии проводили на своем земельном участке, который находился в непосредственной близости от города (вряд ли дальше, чем в одном часе ходьбы) [Hansen, 1997, p. 46]. Такой участок каждый полноправный гражданин должен был получить по жребию с самого начала. Дом же в городе служил, помимо прочего, для укрытия за стенами в случае опасности.

[3] Этот термин использован условно, т. к. в действительности каждый такой «квартал» состоял из одного здания, одна из сторон которого выходила на «центральную» улицу, а остальные – в переулки.

Как показывает пример других апойкий, выведенных из Ионии, переселенцы переносили с собой строительные технику и приемы, характерные для прежней родины [Буйских, 2002, с. 87]. Они использовали по преимуществу те же строительные материалы и строили привычные им здания и жилые дома [Cicala, 2000, p. 55–65]. Основным строительным материалом для Фанагории и других городов азиатской части Боспора Киммерийского при сильном дефиците камня была глина, из которой делали сырцовый кирпич. Дом из сырцовых кирпичей можно было построить довольно быстро, в течение максимум нескольких недель. Гораздо больше труда было необходимо приложить для сооружения городских оборонительных укреплений, для чего требовалось огромное количество сырцовых кирпичей. Можно уверенно полагать, что для строительства городских стен в Фанагории, о которых говорилось выше, было необходимо изготовить сотни тысяч кирпичей. Это было возможно только с использованием труда всего наличного состава жителей апойкии[4]. Способность выполнить такую значительную по объему работу говорит о возможностях переселенцев – экономических, организационных, трудовых, квалификационных и т. п. [см. Danner, 1997, p. 158].

Очевидно, что на протяжении архаического и раннеклассического периодов в городе осуществлялись перестройки, связанные с теми или иными событиями, нередко трагического характера. Однако общий вид города не менялся – оставалась прежней его планировка, а здания различного назначения также сооружались из сырцовых кирпичей. Принципиальные изменения в архитектуре и урбанистике Фанагории, как и в других эллинских городах, начинают происходить позднее, специально в 4 в. до н. э. [Hansen 1997, p. 55].

Список литературы

Буйских, 2002. Буйских А. В. О местной архитектурной школе в Северном Причерноморье // Северное Причерноморье в античное время. К 70-летию С. Д. Крыжицкого. Киев.

Вахтина, Виноградов, 2001. Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1. СПб.

Завойкин, Кузнецов, 2011. Завойкин А.А, Кузнецов В. Д. Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК. 4.

[4] Приведем пример из несколько более позднего времени о сооружении стен, в котором участвовали все жители города: «В Аргосе весь народ (παυδημεί) – сами граждане с женами и рабами принялись возводить стену…» (Thuc. 5. 82; перевод Г. А. Стратановского).

Завойкин, Кузнецов, 2013. Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы урбанистики Фанагории в V в. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории (Боспорские чтения XIV). Керчь.

Зинько, 2009. Зинько В. Н. Вопросы урбанизации Тиритаки в последней четверти VI–V в. до н. э. // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб.

Толстиков, 2017. Толстиков В. П. О времени основания и архитектурной среде раннего Пантикапея по материалам новейших раскопок // Перипл: от Борисфена до Боспора. СПб.

Финогенова, 2005. Финогенова С. И. Архаические слои Гермонассы (по материалам раскопок последних лет) // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб.

Cicala, 2000. Cicala L. L'edilizia domestica di Elea in età tardo arcaica: problemi di analisi e definizione // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer. Bezieungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. V. Chr. Herausgegeben von F. Krinzinger. Wien.

Danner, 1997. Danner P. Megara, Megara Hyblaea and Selinus: The Relationship between the Town Planning of a Mother City, a Colony and a Sub-Colony in the Archaic Period // Urbanization in the Mediterranean in the 9th to 6th Centuries BC. Ed. by H. D. Andersen, H. W. Horsnæs, S. Houby-Nielsen, A. Rathje. Copenhagen.

Ducrey, 1995. Ducrey P. La muraille est-il un élément constitutif d'une cité // Sources for the Ancient Greek City-State. Ed. by M. H. Hansen (Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 2). Copenhagen.

Frederiksen, 2011. Frederiksen R. Greek City Walls of the Archaic Period, 900–480 BC. Oxford.

Gerkan, 1924. Gerkan A. von. Griechische Städteanlagen. Leipzig.

Gras, Tréziny, Broise, 2004. Gras M., Tréziny H., Broise H. Mégara Hyblaea 5. La ville archaïque. Rome.

Hansen, 1997. Hansen M. H. The Polis as an Urban Centre. The Literary and Epigraphical Evidence // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Ed. by M. H. Hansen (Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 4). Copenhagen.

Lang, 1996. Lang F. Archaische Siedlungen in Griechenland. Struktur und Entwicklung. Berlin.

Lang, 2002. Lang F. Housing and Settlement in Archaic Greece // Habitat et urbanisme dans le monde grec de la fin des palais mycéniens à la prise de Milet (494 av. J.-C.) (Pallas. Vol. 58). Toulouse.

Martin, 1974. Martin R. L'urbanisme dans la Grèce antique. Paris.

Owens, 1992. Owens E. J. The City in the Greek and Roman World. London–New York.

Polignac, 2005. Polignac F. de. Forms and Processes: Some Thoughts on the Meaning of Urbanization in Early Archaic Greece // Mediterranean Urbanization, 800–600 BC. Ed. by R. Osborne and B. Cunliffe. Oxford (с небольшими изменениями опубликована во французском варианте: Polignac F. de. Analyze de l'espace et urbanizations en Grèce archaïque: quelques pistes de recherche récentes // Revue des études anciennes. Vol. 108, no. 1, 2006, p. 203–223).

Shipley 2004. Shipley G. Little Boxes on the Hillside: Greek Town Planning, Hippodamos, and Polis Ideology // The Imaginary Polis. Ed. by M. H. Hansen (Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 2). Copenhagen, p. 335–403.

Trézeny, 2002. Trézeny H. Urbanisme et voirie dans les colonies grecques archaïques de Sicile Orientale // Habitat et urbanisme dans le monde grec de la fin des palais mycéniens à la prise de Milet (494 av. J.-C.) (Pallas. Vol. 58). Toulouse.

Summary

V .D. Kuznetsov

Phanagoria: notes on planning of the city

The article deals with a number of issues relating to the urbanism of Phanagoria in the archaic time. Archaeological investigations reveal that the nascent city was built according to a certain plan. Most likely, the original settlers marked the layout of the urban blocks directly on the ground. This plan was not orthogonal, however. The first to be designed must have been the network of streets, along which houses and public buildings were subsequently constructed. All the streets and buildings were oriented northwest to southeast, and remained so throughout the Archaic period.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.141-169

А. А. Масленников
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Ещё одна башня у Узунларского вала

Полагаем, что читатель хорошо знает: что такое Узунларский вал, где он находится, кем, когда и как изучался. Кроме всего прочего, этот объект – прекрасный пример того, как обстоятельства или воля исследователя заставляет его время от времени возвращаться к изучению одних и тех же памятников. Должно сказать, что в данном случае совпали оба эти фактора.

О наличии неких башнеобразных построек вблизи этого, без сомнения, самого впечатляющего во всех отношениях из древних полевых погранично-оборонительных сооружений Северного Причерноморья, историки и археологи догадывались давно. В 1989 г. автор этих строк сумел, наконец, раскопать одну из таких построек, подтвердив (в очередной раз!) правоту (и в тоже время – неправоту) информации, дошедшей до нас благодаря античной литературной традиции. В 2017 г. удалось провести изыскания на соседнем объекта такого же рода: Казан II. Он расположен в восточной части южной хребта т. н. Таганашской котловины, в свою очередь находящейся примерно в 7 км к югу от берега Казантипского залива. Это весьма характерное для Восточного Крыма геологическое образование представляет собой замкнутую со всех сторон, кроме восточной скалистыми кряжами, несколько заглублённую по отношению к окружающему рельефу, овальную долину (котловину) с достаточной крутыми изнутри склонами. Отсюда и её название *«казан»* т. е. котёл. (Ближайшая и ещё более выраженная и значительная по площади аналогия: Казантипский полуостров все того же Восточного Крыма.) Примерно с начала 60-х годов прошлого века здесь находится Керченское водохранилище, питаемое от Северо-Крымского канала, в настоящее время несколько обмелевшее. Ещё нашими разведками, а затем и раскопками на рубеже 90 г. прошлого века было установлено, что трасса Узунларского вала пересекает котловину в восточной части почти точно с севера на юг. Этот участок вала в прежние годы бывал затоплен, но в настоящее время – совершенно обнажен и, хотя сохранился существенно хуже примыкавших к котловине, все же ещё вполне заметена. Более того, здесь аэрофотосъёмкой отчетливо фиксируются несколько его почти параллельных «линий». Эта странная особенность была известна и ранее, но надлежащего объяснения пока не имеет. Естественно, вал проходил и через упомянутые границы котловины, где тогда же были замечены две курганообразные возвышенности, помещавшиеся на некотором расстоянии к востоку

Рис. 1. Восточная часть Таганашской котловины с водохранилищем и линией вала. Космоснимок. Стрелкой показано местоположение башен

от вала. Они отстояли друг от друга на расстоянии около 2 км (рис. 1, 3) и, соответственно, получили наименования: Казан I (северная) и Казан II (южная). Обе они тогда же были засняты на план и методом магниторазведки [Т. Н. и С. Л. Смекаловы, см. Масленников, 2003, с. 99, рис. 65]. Последняя – показала, что под насыпями могут скрываться квадратные в плане постройки, а присутствие незначительного подъёмного материала только укрепило наши предположения относительно наличия тут «башен», упомянутых Страбоном в его известном пассаже седьмой главы «Географии».

Южная «башня», о которой и пойдёт дальше речь, вернее изначально насыпь, была несколько крупнее, располагалась немного ближе к валу и выглядела менее нарушенной (рис. 2). Но несколько лет назад при сооружении в этом районе (на вершине упомянутой гряды) целой системы ветряных электростанций («ветряков») самой крайней из вышек этот «курган» был в восточной части разрушен. При этом в «срезе» (высотой 2,5–3 м) отчетливо выступали камни кладок, и было встречено довольно много обломков, главным образом, лепной посуды (рис. 4). Это побудило нас в истекшем сезоне провести доследование данного объекта.

Итак, насыпь высотой примерно 2,5–3 м и диаметром около 30 м находилась в 25–27 м к востоку от гребня вала (рис. 5). С западной стороны (на вершине гряды) эта возвышенность выделялась не сильно. С юга и востока – была более заметной, а с севера переходила в довольно крутой и протяжённый склон хребта. Дневная поверхность задернованная и за исключением небольшой задернованной же «ложбинки» в центре

Рис. 2. Район Таганашской котловины непосредственно к востоку от Керченского водохранилища. Южная гряда. В центре – участок Узунларского вала. На дальнем плане (слева от линии вала) – холм с «башней» Казан II. Вид с севера

Рис. 3. Узунларский вал в районе Таганашской котловины. Вид с юга

Рис. 4. Потревоженный установкой «ветряка» участок (восточный) холма с «башней» Казан II. Вид с востока. Торчат камни стены № 4

и упомянутого «среза» на востоке – ненарушенная. Наверху, ближе к северу, на ней торчало несколько крупный камней – скальных обломков местного мшанкового известняка. Верхняя «точка» одного из них была принята за «нулевую» отметку.

Поскольку наличие постройки, а не кургана, как такового, здесь было очевидным, методика раскопок была скорректирована надлежащим образом. До полного выявления основных (внешних) стен, раскопки велись поквадратно и послойно с оставлением и фиксацией бровок. Затем, как принято, выемка грунта и соответствующая фиксация производились по отдельным, условно «закрытым» комплексам (двор, хозяйственное или жилое помещения, ямы выборки, могилы и погребения, пространства за внешними стенами). Краткая характеристика находок и слоёв грунта, предшествовавших (перекрывавших) остатки строений башни следующая.

***Слой* I.** После нетолстого (до 0,05–0,1 м) гумусного «горизонта», практически не содержавшего находок, следовал повсеместно слой тёмно-серого, сухого, умеренно плотного грунта с большим количеством камней и щебня. Мощность его (больше в центре) от 0,1–0,15 до 0,3–0,38 м. Находки состояли из более чем полусотни фрагментов светло и красноглиняных, в том числе узкогорлых амфор с двуствольными и профилированными ручками, небольшого числа обломков простой красно – и сероглиняной тонкостенной посуды, примерно такого же количества – лепных сосудов, двух кусочков кремня и некоторого числа железных гильз, жестяных банок и бутылочного стекла.

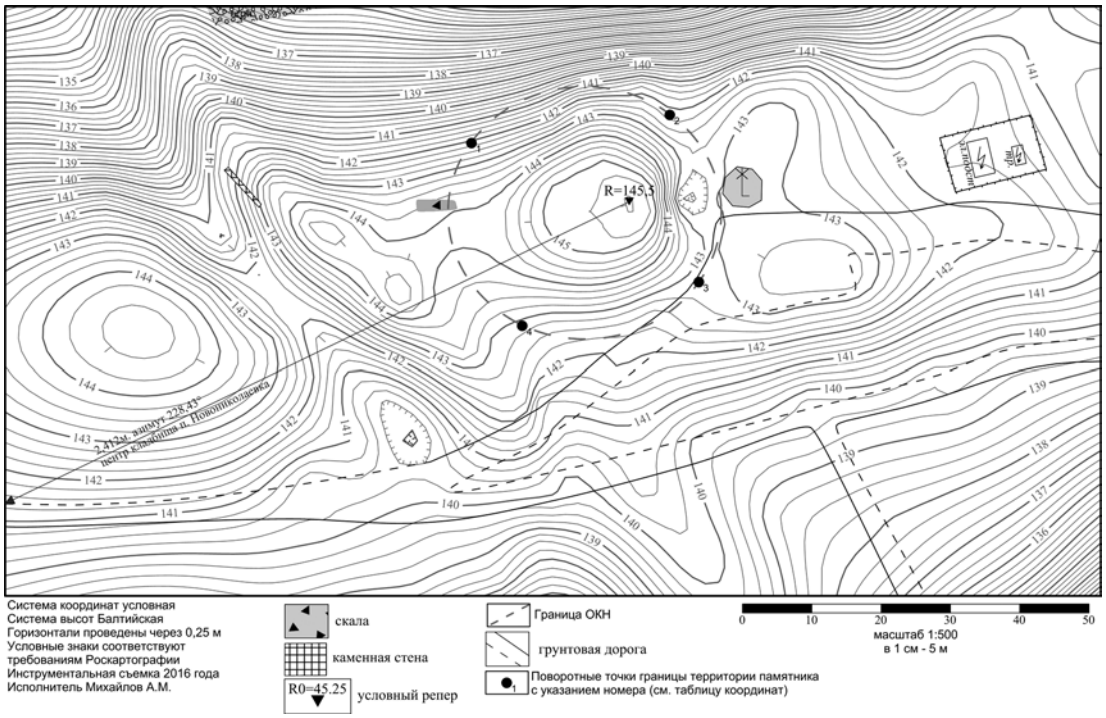


Рис. 5. «Курган» с башней «Казан II» и участок вала. Топоплан

Слой II. Грунт в целом – коричневый и серо-коричневый, как бы мешаный, сухой, с большим количеством камней и щебня. Местами – с золистыми вкраплениями. Мощность слоя: 0,2–0,34 м. Среди находок преобладают амфорные обломки несколько более разнообразных форм, типов и глин (около 300). Затем упомянем более сотни фрагментов простой тонкостенной, в основном красноглиняной столовой и кухонной посуды, в том числе с десяток сероглиняной – с чёрно-бурым лаковым покрытием, а также несколько стенок красноглиняных краснолаковых мисок. Обломков лепных сосудов, прежде всего горшков, корчаг, потом кувшинов, мисок, кружек, изредка рюмковидных курильниц около тысячи. Отметим также медную монету и медный же гвоздь.

Слой III. На большей части площади над постройкой, особенно в восточной «зоне», это серый и светло-серый, золистый, сухой, умеренно рыхлый грунт с различными по размеру камнями (но их стало меньше) и фрагментами керамики. В западной части – менее золистый, серо-светло-коричневый с известняковой крошкой. Мощность слоя 0,02–0,25 м. Находки в целом примерно те же и в тех же «пропорциях»: около двух сотен амфорных обломков; до полусотни – простой, тонкостенной красноглиняной керамики; три десятка – краснолаковой и с пол-тысячи – различной лепной посуды. Упомянем два невыразительных фрагмента терракотовых статуэток, в том числе со следами голубой краски и несколько кусков печины.

Слой IV. Как особый слой (сухой, неоднородный, слегка золистый, серо-коричневый, местами бурый с известняковой крошкой и мелкими камнями грунт) зафиксирован перед заполнением в районе Помещения 1 (около входа и севернее). Мощность его

Рис. 6. Башня «Казан II». План

0,1–0,2 м. Находок немного: полтора десятка амфорных обломков; фрагменты прочей столовой, в том числе покрытой лаком и лощением посуды единичны и до двух сотен – различных лепных сосудов. Упомянем также два обломка зернотёрки из твёрдого, зеленовато-серого камня.

Строительные остатки.

Открытая постройка в плане представляет собой почти квадрат, ориентированный на местности по сторонам света (рис. 6–10). Длина северной стены (№ 3, рис. 6–8) (по внешнему фасу) составляет 12,3 м, по внутреннему – не менее 9 м, но её восточный участок на протяжении 3,5–4 м почти полностью разобран. Уцелели здесь лишь угловые камни стен №№ 3 и 4 и короткий (до 1,5 м длиной) «отрезок» основания внутреннего фаса стены, сложенный из небольших камней. Ширина стены, судя, главным образом, по сохранившейся части, равняется 1,8–1,9 м. В высоту она сохранилась с запада на восток соответственно: по внешнему фасу на 0,9 м (угол), 0,8–0,9 м, 1,1–1,2 м (в центре) и 0,64–0,7 м (восточный угол), т. е., в два ряда кладки. По внутреннему фасу, существенно меньше: 0,42–0,44 м, 0,06–0,1 м, 0,8 м и 0,14–0,28 м (восточный участок). Кладка в целом двухрядная, трёхслойная из больших, нескольких очень больших (0,82×0,61×0,98 м, 1,52×0,62×0,56 м; 1,06×0,44×0,34 м; 1,52×0,54×0,38 м и т. п.), а также средних и мелких необработанных камней и глыб местного известняка на растворе земли и глины. Крупные

Рис. 7–9. Башня «Казан II». Общий вид сверху

камни почти все использованы в кладке внешнего ряда. Некоторые – явно были впоследствии сдвинуты с края во – внутрь кладки и даже слегка нависают над ней изнутри. Другие, по-видимому, сознательно изначально помещены как бы поперёк кладки, как некий связующий «момент». Фасы, даже северный, ровные, вертикальные. Щели велики (до 0,06 м) и частично заложены щебнем. Внутренний фас сложен в основании (сохранился в основном некий цоколь) из одного-двух рядов тщательно уложенных небольших плоских камней и щебня. И лишь выше, над ними плоскими «гранями» наружу, немного (0,04–0,06 м) отступя от общей линии стены «во-внутрь», помещались более крупные камни. Верхние камни находились на глубине около 0,1–0,65 м, а некоторые – торчали над поверхностью земли. Камни основания стены по внешнему и внутреннему фасам лежали почти на одном уровне, но внешнего – с некоторым общим уклоном к востоку (склон холма). (То есть, основание внутреннего фаса находилось немного выше, но горизонтальнее.) Основание стены по внешнему фасу было заглублено в некую погребённую почву, вплоть до материкового грунта или скалы. Во втором (изнутри) – также лежало на каком-то предматериковом грунте (части выровненной насыпи кургана?). Отмеченные особенности этой стены и, прежде всего, её большая ширина и «мощность», несомненно, объяснялись местом расположения над довольно крутым склоном холма (да ещё или/и ранней курганной насыпи).

Восточная стена башни (№ 4, рис. 6–10) имела длину по внешнему фасу 10,1 м, по внутреннему 6,8 м. Кладка на всю ширину сохранилась только в южной части на протяжении примерно 4 м. Внутренний фас и большая часть камней середины стены на остальном её протяжении отсутствовали. Сохранившаяся высота (по внешнему фасу) с юга на север составляла: от 0,5 до 0,7 м (один, реже два ряда кладки). По внутреннему – 0,25–0,42 м (один ряд). Ширина стены 1,2–1,38 м. Кладка двухрядная, трёхслойная, иррегулярная, на растворе земли и глины из больших, средних и мелких необработанных камней. Большие и самые крупные (0,92×0,84×0,62 м, 0,62×0,78×0,42 м и т. п.) камни использованы во внешнем ряде, плоскими гранями наружу. Угловые камни – самые большие: 1,04×0,58×0,5 м (южный) и 1,62×1,02×0,38–0,4 м (северный). Фасы (там, где сохранились) достаточно ровные и вертикальные. Щели между камнями на южном участке стены – в обычных пределах (до 0,02–0,04 м). А вот в северной части по внешнему фасу они весьма и необычно велики. В сущности, это промежутки между большими камнями шириной до 0,3–0,58 м, изначально и тщательно заложенные мелкими камнями и бутом. Мотивы такого «приёма» не ясны. Верхние камни стены лежат на глубине от 0,25 до 0,45 м. Камни основания все находятся примерно в одном «горизонте» с небольшим (до 0,2 м) общим уклоном к северу. Исключение, и это понятно: склон холма, – последние камни кладки северо-восточного угла лежали на 0,25 м ниже.

Южная стена постройки (№ 1, рис. 6–10) – длиной 11,9 м по внешнему фасу и 9,3 м по внутреннему. Ширина стены стабильно 1,2 м. Сохранившаяся высота снаружи (с востока на запад) 0,5, 0,64, 0,5 м; 0,72, 0,6, 0,82, 0,86 и 0,5 м. То есть, два-три ряда кладки. (Изнутри стена до основания прокопана не была. Но, в целом, вероятно, её высота была схожей.) Кладка двухрядная, трёхслойная, иррегулярная из крупных, средних и мелких камней. Но даже самые большие из них (0,81×0,44×0,38 м) заметно уступали тем, что были использованы в вышеописанных стенах. Оно и понятно: рельеф местности того

Рис. 10. Башня «Казан II» Общий вид с запада

не требовал. Проходом (в 4,5 м от юго-восточного угла) эта стена как бы делилась на два участка. При этом фасы первого (восточного) – прямые и вертикальные. А вот фасы второго (западного) имели по центру явный прогиб и наклон к югу. Так что камни верхних рядов заметно нависали на протяжении почти 2 м, образуя «козырёк» шириной до 0,2 м, а с учётом некоторых -, упавшие при расчистке, и того больше. На других стенах такая деформация не отмечена. Щели между камнями стены не превышали 0,02–0,04 м и, как правило, заложены щебнем. Верхние камни лежали на глубине 0,2–0,45 м. Основание стены покоилось на материковой скале (большей частью на востоке) или было впущено в плотный материковый грунт. То есть, «горизонт» его залегания заметно понижался к западу, то есть соответствующему склону холма.

Упомянутый ***проход*** в стене имел ширину 0,6 м (снаружи), 0,56 м (в середине) и, видимо, 0,6 м изнутри. Он был оформлен двумя поставленными на ребро большими подпрямоугольными и относительно плоскими необработанными камнями (0,72×0,68×0,38 м – восточная и 0,1.08×0,6×0,38 м – западная), а также несколькими камнями меньшего размера (рис. 6–10, 12–13). Не исключено, впрочем, что эти камни были установлены впоследствии, а первоначальная ширина прохода была больше (около 1,3 м). Во всяком случае, соответствующие торцовые камни всё той же стены это допускают. Основание – пол в районе прохода – выход материковой скалы, может быть, подтёсанный. А перед ним снаружи лежало несколько плоских камней с теми же отметками глубин.

Рис. 11. Башня. Общий вид с севера. На переднем плане – часть стены № 3, за ним – пом. 3, далее – 2, слева – 1

Длина западной стены (№ 2, рис. 6–10) по внешнему фасу составляла 10,2 м. По внутреннему – 7 м. Ширина – около 1,2 м. Сохранившаяся высота по внешнему фасу (с юга на север): 0,44, 0,94, 0,71, 0,41 (в середине), 0,78, 0,42, 0,64 и 0,8 м. Изнутри стена не была открыта на всю высоту. Кладка трёхслойная, двухрядная, иррегулярная, но, как и у стены № 1, аккуратная из необработанных, но тщательно подобранных камней различного размера. Самые крупные (0,64×0,44×0,68 м, 0,81×0,7×0,44 м и 1,06×0,48×0,62 м и 0,9×0,6×0,4 м) являлись угловыми или использовались в кладке внешнего ряда. При этом их наиболее ровные и плоские грани обращались наружу. Фасы ровные, вертикальные. Щели невелики и заделаны щебнем. Верхние камни лежали на глубине 0,24–0,4 м. Основание стены было впущено в материковый грунт (в среднем на 0,2 м) и отчасти (в центре) поставлено на скалу. Абсолютные отметки показывают, что уровень основания, будучи примерно ровным, плавно повышался к северу (по склону все того же холма) и лишь у самого края (угла стен) несколько опустился.

Все вышеописанные кладки были сложены между собой *вперeплёт.* Таким образом, *площадь* «башни» составляла около 122,2 кв. м снаружи, и 63,5 кв. м изнутри, а в плане она была немного вытянута с востока на запад, т. е., не совсем квадратную форму основания. Не вполне ясно: каковым было продолжение стен вверх. Остатков сырцовой кладки нигде не выявлено, а камней развалов стен непосредственно рядом с открытой постройкой и внутри неё было в целом немного. Так что, в полной мере о её первоначальной высоте судить сложно. Но бесспорно «башня» была, по крайней мере,

Рис. 12. Пом. 1. Вид с севера. На переднем плане пространство выборки стены № 3

двухэтажной (см. ниже) и, судя по наличию двух внутренних стен, имела на первом из них несколько помещений.

Помещение I (рис. 6–12) занимало восточную часть первого этажа и было самым большим по площади (примерно 10×3,8 м или около 38 кв. м, то есть, более половины внутреннего пространства первого этажа). Вытянутое с юга на север, оно было образовано стенами № 4 (с востока), участками стен №№ 3 и 1 (с севера и юга) и стеной № 5 (с запада).

Длина стены № 5 (рис. 6–10) равнялась изначально, скорее всего, 6,9 м. Но кладка сохранилась на протяжении 5,6 м. Или, если быть абсолютно точными, то за «вычетом» *прохода* (см. ниже) – 4,3 м. Её крайне северный участок был разрушен и представлял собой довольно плотное, беспорядочное скопление средних и мелких камней, среди которых выделялось несколько более крупных и продолговатых (*гробница*, см. ниже). Не исключено, впрочем, что именно тут располагался вход в одно из помещений (3) первого этажа. Ширина южного участка стены 1,06–1,1 м, северного – 1,18, 1,06 и 1,16 м. Ширина *прохода* (в 1,3 м к северу от стены № 1) составляла 1,2 м. Пол его частично был вымощен плоскими камнями. Сохранившаяся высота стены по восточном фасу (с юга на север): 0,4, 0,5, 0,32 м и 0,51, 0,4, 0,62 и 0,34 м. По западному – заметно меньше (не на всем протяжении расчищен). Но на южном его участке это 0,34, 0,4 и 0,44 м. Кладка двухрядная, трёхслойная, иррегулярная из средних и мелких необработанных камней на растворе земли и глины. Естественно, самые большие из них составляли внешние ряды, и подбирались с учетом их плоских «граней». Щели невелики – до 0,02–0,03 м и, как правило,

Рис. 13. Южная часть помещения 1. Лестничный «марш» и проход в стене № 1. Вид с севера

заделаны глиной и щебнем. Фасы относительно ровные и вертикальные, хотя у восточного –, в районе прохода, два камня заметно выступают наружу. Верхние камни стены лежали на глубине от 0,22 до 0,5 м. Основание стены покоится почти в одном горизонте (незначительное повышение к северу) на выходах материковой скалы, но, по большей части, несколько (до 0,1 м) впущено в предматериковый (над скалой) плотный, глинистый грунт. Со стеной № 1 – построена *впритык.*

Заполнение помещения 1 в целом было весьма неоднородным, но при этом достаточно мощным. В нём более ли менее отчетливо выделяются три «горизонта». Первые два -, осторожности ради, снимались и фиксировались по штыкам (толщиной около 0,15–0,2 м). Общая толщина слоя: 0,32–0,4 м.

«Горизонт» 1 (шт. 1) в основном сухой, как бы мешаный, серо-коричневый и светло – коричневый грунт с включением камней, более серый и тёмный в восточной части площади. Местами – бурый, горелый и золистый. В юго-восточном углу – однородный, коричневый. Находки представлены обломками, преимущественно светлоглиняных, «обычных» и узкогорлых амфор с простыми круглыми или профилированными и двуствольными ручками (около 300); фрагментами простой тонкостенной красноглиняной керамики (кувшины) (около четверти сотни); а также краснолаковой чашки (10); краями и стенками сероглиняной с тёмным лаковым покрытием чашки (8) и около 850 обломками лепной керамики (в основном корчаг и горшков), в том числе с фигурными ручками и налепами. Отметим лепную курильницу – рюмку, лепную кружку и мисочку.

Там же, в том числе «под лестницей» штык 2. Характер грунта не изменился, встречаются отдельные камни, в том числе два куска зернотёрки из зеленоватой, плотной породы. Находки – фрагменты амфор тех же типов, глин и форм – около 200; простой красноглиняной, сероглиняной и краснолаковой посуды – около 25; лепной – до 150.

«Горизонт» 2. В основном это серый, более или менее однородный, умеренно плотный и сухой грунт с обильной известняковой крошкой. Встречаются отдельные камни и вкрапления коричнево-серого грунта. Мощность слоя в среднем 0,25 м. Под ним на большей части площади – относительно ровные выходы материковой скалы. Пол, как таковой, уверенно нигде не читался. Не исключено, впрочем, что им хотя бы на части площади помещения и являлись «прослойки» более плотного коричневатого грунта с известняковой крошкой. Находки: обломки амфор – около 300; лепных сосудов – около 200 и единичные – простой красноглиняной гончарной, краснолаковой и сероглиняной с лаковым покрытием посуды. Упомянем глиняное цилиндрическое пряслице и четыре медные монеты.

Наконец, *третий «горизонт»* – это, в сущности, зачистка по материковой скале и (в центре площади помещения) плотному материковому глинистому, серо-коричневому грунту. Это однородный, серый и тёмно-серый, относительно влажный и плотный грунт с отдельными камнями. Уровень его залегания плавно понижался к северу, а толщина возрастала, достигая 0,2 м. Находки: более полусотни амфорных обломков, в том числе ножка амфоры Менды и примерно столько же – лепных сосудов.

Непосредственно на «полу» в центре северной части помещения была найдена разбитая надвое верхняя плита зернотёрки из плотного зеленовато-серого камня размером (изначально) 0,42×0,52 м. В центре южной части – целая нижняя плита зернотёрки несколько меньшего размера и, наконец, к северному фасу кладки основания лестницы, почти на ребре была прислонена ещё одна нижняя плита третьей зернотёрки (рис. 6, 15).

Важной особенностью «интерьера» этого помещения являются остатки (основание?) *пристенной лестницы*, сохранившейся в его южной части, непосредственно у стены № 1, сразу вправо от входа в башню (рис. 6–10, 13–15). Конструкция представляла собой фактически начало некоего лестничного марша, сложенного из трёх крупных подпрямоугольных, явно хотя бы частично обработанных известняковых блоков и нескольких камней меньшего размера, тщательно уложенных и образующих, по крайней мере, две ступени лестницы, начинавшейся с запада и пристроенной первоначально впритык к внутреннему фасу восточного участка стены № 1. Впоследствии два блока ступеней оказались как бы несколько сдвинуты к северо-западу, создавая небольшой «зазор» с упомянутой стеной. Общая протяжённость конструкции (по северному фасу) 1,5 м. Ширина 1 м (восточная часть) и 1,1 м (плиты ступеней). Максимально сохранившаяся высота над уровнем прилегающего пола помещения 0,4–0,42 м. Размеры основных плит следующие. Нижняя ступень: 1,1×0,57×0,17–0,20 м. Грани плоские, почти ровные. Верхняя плита: 1,1×0,56×0,2–0,21 м. Высота ступени т. о., около 0,2 м, ширина примерно такая же. Слева впритык находилась кладка основания следующих ступеней. Она состояла из одной большой прямоугольной плиты (0,81×0,46×0,2 м) внизу и нескольких небольших и средних аккуратно уложенных камней. Ширина и высота этой конструкции

Рис. 14. Пом. 1. Ступени лестницы. Вид с запада

выше назывались. Тщательность подборки камней, вертикальность и ровность не только северного, но и восточного её фасов свидетельствуют о некоей завершённости и, следовательно, о том, что далее к востоку каменное основание лестницы изначально не продолжалось. (Да и заполнение этого пространство «под лестницей» хотя и включало немало камней и щебня и, наконец, плоских камней «пола», не содержало ни одного обработанного блока.) В лучшем случае лестница могла иметь ещё две-три каменные ступени. Далее – её продолжение уже должно было быть деревянным. С учетом расстояния до противоположной стены (№ 4), а также указанных параметров ступеней и угла их наклона по отношению к основанию (около 45 град.), общая длина этого марша вряд ли превышала 4 м. То есть, лестница заканчивалась (на парапете стены или, что более вероятно, люком-входом на второй этаж) на высоте около 2,8 м. Эту цифру, видимо, и можно принять за основу показателя высоты первого этажа «башни».

Помещение 2 (юго-западное) (рис. 6–10) образовано стенами № 6 и участками стен №№ 1 и 2. Стена № 6 располагалась перпендикулярно, «впритык» к стенам №№ 2 и 5, разделяя всю западную часть площади первого этажа на две примерно равные «секции». Длина стены 4,4 м. Ширина повсеместно 1,8–1,9 м. Северо-западный участок разрушен полностью, юго-восточный – частично. Сохранившаяся высота (с востока на запад по северному фасу): 0,42–0,46, 0,18–0,22, 0,4–0,33, 0,2 м. По южному фасу: – 0,08, 0,1, 0,12, 0,58, 0,07, 0,42 м. Кладка, вероятно, трехслойная, двухрядная, иррегулярная из средних, отдельных больших и мелких камней. При этом южный ряд (низ фаса стены) в основании состоял из плотно, ровно и аккуратно уложенных мелких и небольших камней. Это

был своего рода цоколь на котором, чуть (до 0,04 м) отступя во-внутрь, лежали (уцелело два) плоскими гранями наружу большие камни. Фасы с обеих сторон ровные, близкие к вертикальным. Основание кладки стены также с обеих сторон лежит ровно, примерно в одном «горизонте» и немного (до 0,1–0,14 м) заглублено в материковый грунт. Таким образом, площадь помещения составляла 4,3–4,4×2,6 м, то есть, около 11,2 кв. м.

Заполнение: неоднородный, особенно в *верхнем «горизонте»*, умеренно рыхлый, серый и даже сизый с известняковой крошкой, местами обгорелый грунт с камнями, плотно «утоптанными», отчасти плоскими и многочисленными в восточной части площади. Однако пол уверенно не «читается». Мощность слоя около 0,25 м. Находки: более полусотни обломков амфорной тары; несколько стенок простых тонкостенных, в том числе краснолаковых сосудов и около полутысячи – лепных. Отметим также камень – тёрочник, два медных гвоздя, миниатюрную лепную мисочку, медную монету и костяные, просверленные «бабки» (2 шт.).

Второй «горизонт» – почти повсеместно умеренно рыхлый, серый с известняковой крошкой, слегка золистый грунт. В южной части – местами он красновато-бурый (обгорелый возле печи). Мощность слоя около 0,22–0,25 м. Находки: около двух десятков амфорных стенок, фрагменты красноглиняной и краснолаковой чашек и кувшина, более полусотни обломков лепной посуды, медный гвоздь и медная монета.

Наконец, *третий «горизонт»* – однородный, серый грунт с обильной известняковой крошкой и отдельными утоптанными камнями практически без находок. Толщина слоя: около 0,05–0,1 м. Ниже – более плотный, ровный слой аналогичного грунта – пол (?). Отметим глубоко втоптанные в пол две медные монеты, а из конструкций «интерьера» – печь и ларь (?) (рис. 6–10).

Печь располагалась в юго-западной части помещения, у стены № 1. Она представляла собой подквадратную (0,92×0,9 м) конструкцию из поставленных на ребро тонких (до 0,04–0,08 м) плит известняка и отдельных плоских небольших камней, обмазанных глиной. Высота свода печи (не сохранился) не менее 0,3 м, а, скорее всего, больше. *Под* печи – несколько слоёв сильно обгорелой глины уцелел в южной её части. Грунт *заполнения*: бурый, рыхлый, слегка золистый. Находки: около 40 обломков лепной посуды, несколько амфорных стенок и фрагментов простой тонкостенной красноглиняной керамики (миски, кувшина).

Вблизи печи, главным образом, в углу помещении, рядом с поставленной на ребро каменной плиткой (0,45×0,6×0,05 м) (*ларь*?), в сером золистом грунте найдены: единичные стенки амфор, сероглиняной «лощёной» и лепной посуды и медная монета.

Помещение 3. (рис. 6–10) образовано вышеописанными стенами №№ 2,3 и 5,6. Размеры: 4,4×2,7 м (11,8 кв. м). Большой угловой камень восточного фаса стены № 2 сдвинут (явно позже времени бытования башни) со своего места к востоку и нависает над остальной кладкой.

Заполнение: мешаный, неоднородный, сухой, умеренно плотный, комковатый, местами золистый и с известняковой крошкой, комками глины и камнями коричневый и серо-коричневый грунт. Снимался одним «слоем» до уровня вероятного пола: более или менее ровного, почти горизонтального слоя светло-коричневой (обгорелой) обмазки, хорошо прослеживавшейся в юго-западной части помещения. В восточной – (у гробницы) пол

Рис. 15. Северный фас кладки лестничного марша и камень зернотерки. Вид с севера

не фиксировался вовсе. Здесь – это утоптанные, плотно лежащие камни в коричневом глинистом грунте без находок. Мощность слоя заполнения, таким образом, – 0,25–0,3 м. Находки: около 150 обломков амфор всё тех же типов и глин; с полсотни – тонкостенной красноглиняной керамики, в основном кувшинов (в том числе с орнаментом белой краской), с десяток – сероглиняных чашек с лаковым покрытием, более тысячи фрагментов различной лепной посуды, медная монета и два больших куска зернотёрки из зеленовато-серого камня (в северо-западной части помещения).

Контрольная *прокопка* «пола» в этом помещении (до уровня предматерикового, глинистого, влажного, серого с известняковой крошкой, плотного грунта или скалы) показала наличие тёмно-серого, местами бурого (горелого) грунта (толщина слоя 0,05–0,1 м). Находки: более полусотни фрагментов в основном амфор, а также лепных и тонкостенных красноглиняных сосудов.

Снаружи к «башне» примыкали ещё две стены (№№ 7,9) и «сопутствовала» стена № 8.

Стена № 7 (рис. 6–10) пристроена перпендикулярно, впритык к стене № 1, почти в её юго-западном углу. Прослежена в длину на 1 м (уходит в борт раскопа). Ширина её 0,72–0,8 м. Сохранившаяся высота 0,22–0,24 м (на юге) и 0,41–0,4 (на севере). Кладку можно охарактеризовать как не очень качественную, двухслойную, двухрядную, иррегулярную из средних и небольших камней на растворе земли и глины. Фасы относительно ровные и вертикальные, щели между камнями умеренные. Верхние камни лежат на глубине 0,18–0,38 м. Основание – на грунте, в котором ещё встречаются фрагменты

керамики, примерно на 0,2 м выше уровня основания стены № 1. Назначение неясно, но с учетом того, что склон холма с юга сильно подрезан современной дорогой, проходящей близко от раскопа, продолжение этой стены в этом направлении вряд ли составит более 1 м.

Стена № 9 (рис. 6–10 также пристроена перпендикулярно, но к стене № 4, в 2,2 м от её юго-восточного угла. Открыта полностью на протяжении 0,78 м. Далее к востоку – разрушена при сооружении «ветряка». Ширина стены 0,74–0,86 м. Сохранившаяся высота всего 0,45 м (по северному фасу) и 0,33 м по южному. Кладка также скорее двухслойная, двухрядная, иррегулярная, но ещё более небрежная из средних и мелких камней. Северный фас более или менее ровный и вертикальный. Южный – сужается кверху. Верхние камни лежат на глубине 0,28–0,35 м. Основание – на предматериковом грунте, несколько выше уровня основания стены № 4. Назначение тоже не ясно.

Общая характеристика находок следующая. Прежде всего, почти совершенно отсутствуют целые и мало – мальски ценные вещи, исключая медные монеты. (Правда, не ясно, насколько они, вообще, представляли для того времени большую редкость и ценность.) Не зафиксировано даже археологически целых развалов сосудов. А равно – и никаких следов внезапного прекращения жизнедеятельности в этой башне (добавим сразу – и всех других аналогичных раскопанных строений), как – то: пожара, военных действий или землетрясения. Иными словами, обитатели, точнее – гарнизон башни покинул её, забрав все самое стоящее и годное. Из того, что осталось в подавляющем большинстве это разнообразный керамический материал (бой), за исключением, однако, что по – своему примечательно, черепицы. Данное обстоятельство нельзя объяснить только её большой обиходной востребованностью, то есть вероятностью перемещения после прекращения функционирования какой-либо крытой ею постройки. Хотя бы небольшие обломки, но должны были попасться при раскопках. Возвращаясь к керамике, отметим, что более половины её составляют обломки лепной посуды, причем, в большей степени как бы тарной и закрытых форм (корчаги, горшки, крупные кувшины). Доля «открытых» (миски) и «мерных» (кружки) сосудов заметно меньше, а культово-вотивных (курильницы, миниатюрные чашки), что естественно, вообще минимальная. При этом важно ещё раз подчеркнуть, что некоторые особенности форм и декора (бочковидные сосуды, горизонтальные, каплевидные или сосковидные налепы, витые ручки кувшинов с зооморфным («трёхпалым») завершением) явно уводят нас в «сферу» т. н. позднескифских, крымских (и не только) аналогий того же времени. (Подробнее о лепной посуде будет сказано в отдельной, «сопровождающей» статье.)

Затем, по числу обломков следует амфорная тара (рис. 16–17). В основном, она представлена т. н. светло и красноглиняными амфорами с двуствольными и одноствольными, чаще всего круглыми в сечении ручкам, иногда – горлами с перехватом. Их принятая на сегодняшний день и достаточно широкая датировка: вторая половина I. в. до н. э. – начало I в. н. э. (Определения С. Ю. Внукова, которому автор выражает искреннюю благодарность.) В значительно меньшей степени – иные типы и формы (т. н. позднесинопские, колхидской глины, позднекоские и неизвестных центров). Примечательно, что т. н. узкогорлые светлоглиняные – ранних и относительно ранних типов отсутствуют, хотя есть ручки, принадлежавшие как будто бы им или их несколько более

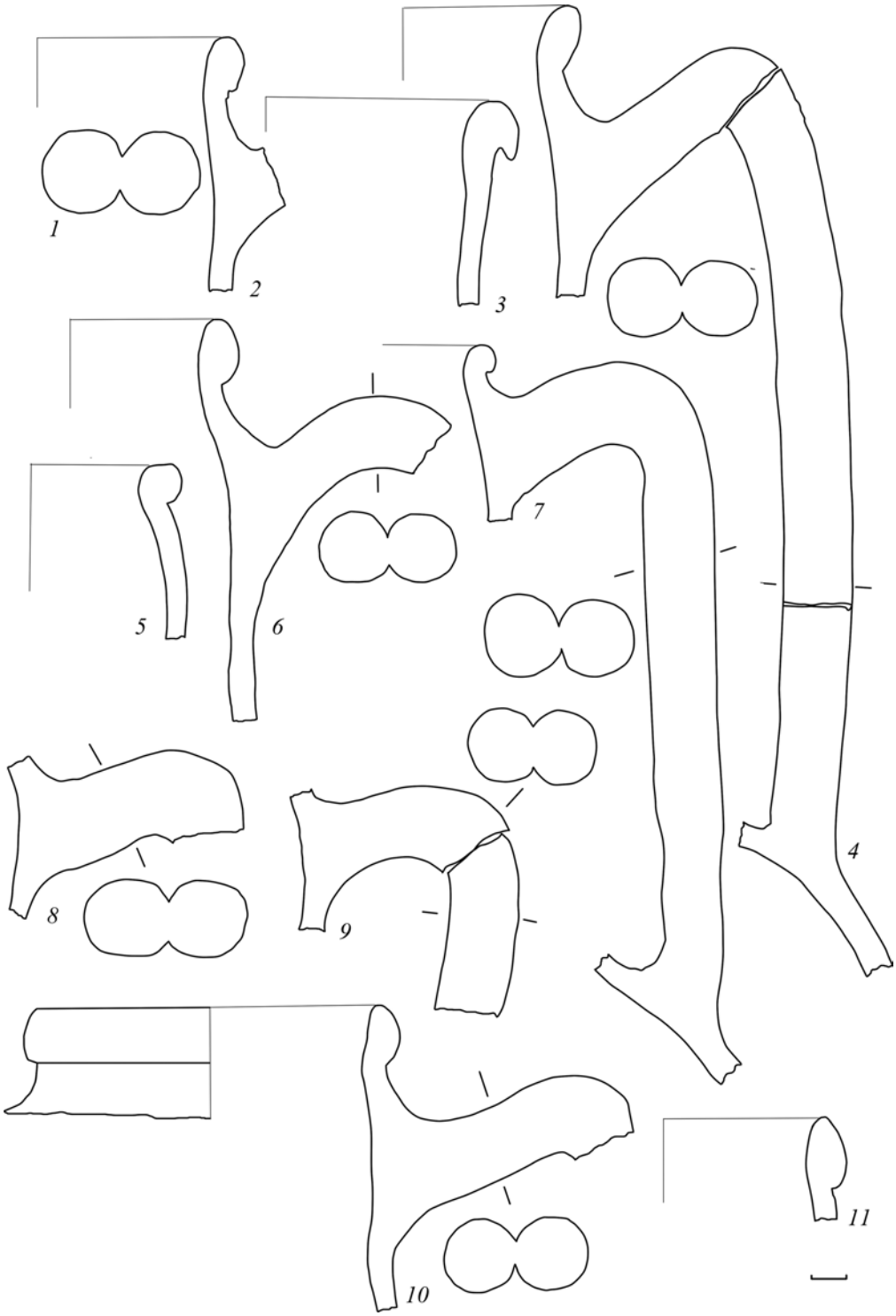


Рис. 16. Фрагменты амфор. №№ 1–2 синопской глины; № 3 – красно-розовая глина; остальные – светло-бежевая глина

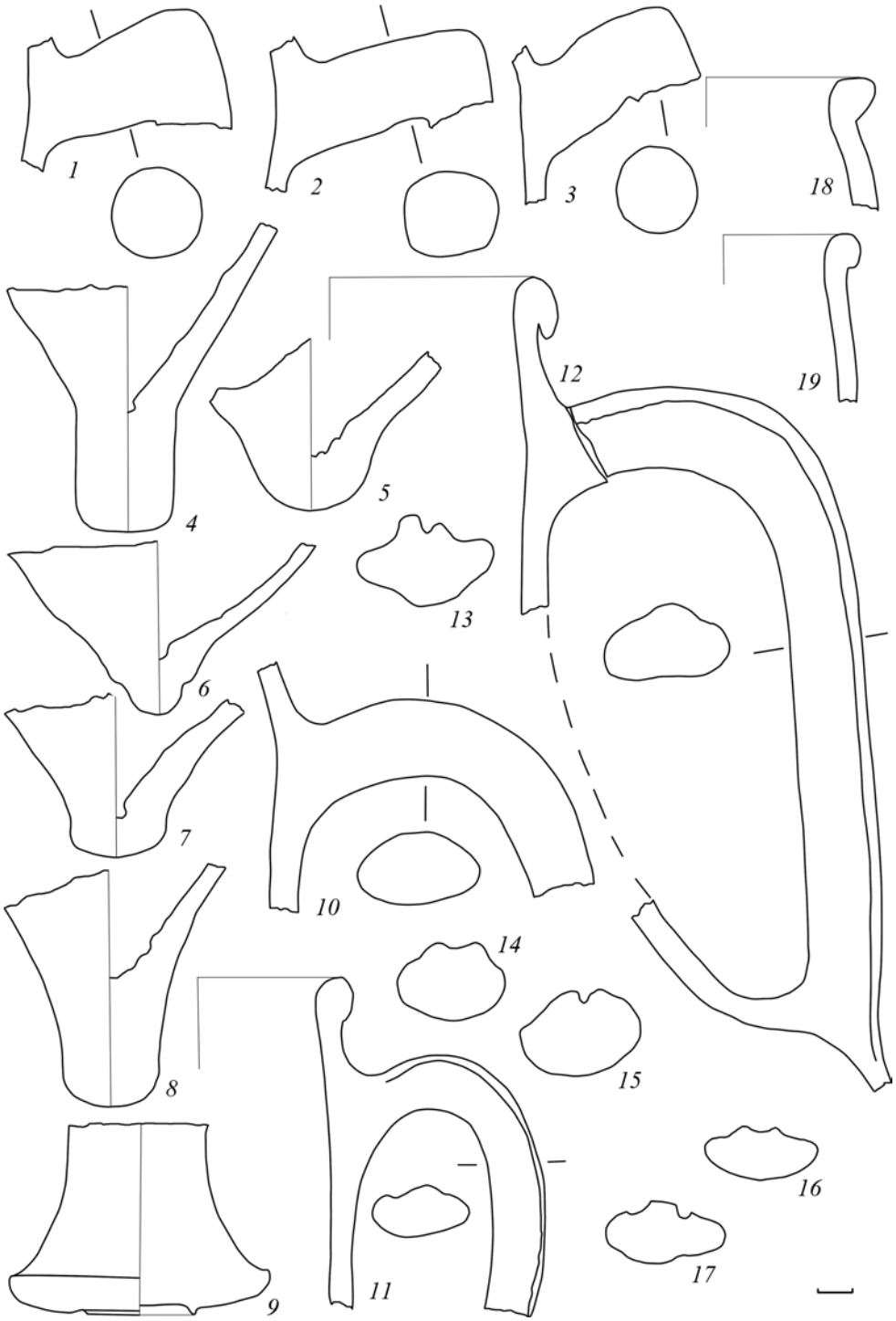


Рис. 17. Фрагменты амфор. №№ 5 – рыхлая, буро-коричневая глина;
№ 7–8 красноглин.; № 9 – Менда; № 10-красноглиногл.; № 11-светло-красная глина;
№ 12 – красноглин.; № 16 – красно-коричневая, рыхлая глина; № 19 – красная глина.
Остальные – светло-бежевая глина

поздним (последняя четверть I – начало II вв. н. э.) типам. Появление последних, скорее всего, – следствие посещения развалин этой и других «башен» при выборке камня для каких – то строительных работ неподалёку. Например: возведении большого городища: Савроматия. (Неслучайно, развалы стен были минимальными, а соответствующие находки происходили из верхних «горизонтов» культурных напластований.)

На третьем месте – простая, почти исключительно красноглиняная, тонкостенная гончарная керамика, главным образом кувшины (рис. 18). Поскольку целых форм нет, отметим лишь, что среди них были как с овально-плоскими, так и с профилированными ручками. Чашек-мисок совсем немного.

Ещё меньше встречено фрагментов сероглиняной столовой посуды (почти исключительно тарелок-блюд) с черно-коричневым лаковым покрытием, которую иногда по ошибке называют ещё и чёрнолощёной (рис. 19). Никто, насколько мне известно, специально ею не занимался. Зато все археологи, кому приходилось иметь дело с культурными напластованиями и узко-датируемыми памятниками постмитридатовского времени (в первую очередь – «батарейками», башнями и/или домами башенного типа на Азиатском и Европейском Боспоре), примерно до середины I в. н. э., почти постоянно упоминают её среди наиболее характерных и даже «реперных» в плане хронологии находок. Незначительный процент подобной керамики фиксировался на многих античных памятниках Северного Причерноморья и раньше, то есть ещё в IV–III вв. до н. э. И всегда эти изделия фактически повторяют хорошо известные формы синхронной им чёрнолаковой, а позднее и краснолаковой керамики. Из наиболее близких по времени и территориально аналогий приведём находки из раскопок Неаполя Скифского (Зайцев Ю. П.), крепости в Кутлакской бухте (Ланцов С. Б.), «усадьбы» Хрисалиска (Сокольский Н. И.) и, конечно, с поселения и святилища Полянка и других башен близ Узунларского вала. Причем, в первых случаях – это всё же по большей части – красноглиняная (различных оттенков) посуда. Обычно из издания в издание «кочует» соответствующая ссылка на 29 том известной монографии С. Ротрофф [Rotroff, 1997, f. 97, pl. 71, №№ 848–853–110–86 гг. до н. э.]. Однако обращение «к оригиналу» показывает, что сходство это даже в отношении только что упомянутых «собраний» не вполне полное. Тем более это касается приазовских и, отчасти, кутлакских находок. Не говоря уже о цвете глины, они отличаются деталями профилировки венчиков и изгибом стенок тарелок-блюд. Думается, прав С. Б. Ланцов (вслед за Н. И. Сокольским), относя в целом весь комплекс соответствующей столовой посуды к последней четверти I в. до н. э. – первой половине следующего века [Ланцов, 1999, с. 166]. Что же касается серой глины, то заманчиво было бы связать её использование с местным (боспорским или – шире северопричерноморским) керамическим производством, вернее торговыми ограничениями, вызванными римскими «санкциями» в позднемитридатовское время, т. е. до 63 г. до н. э. Но это всё же имело место раньше приведённой выше датировки интересующей нас керамики. Во всяком случае, хотя бы приблизительная дата её полного исчезновения из обихода никем также не указывалась.

Наконец, – краснолаковая посуда. Это почти исключительно открытые сосуды: чашки (рис. 19, *1–7*). То, что мы «имеем» не отличается разнообразием форм и вполне уверенно может датироваться также в пределах полувека или несколько шире (чашки

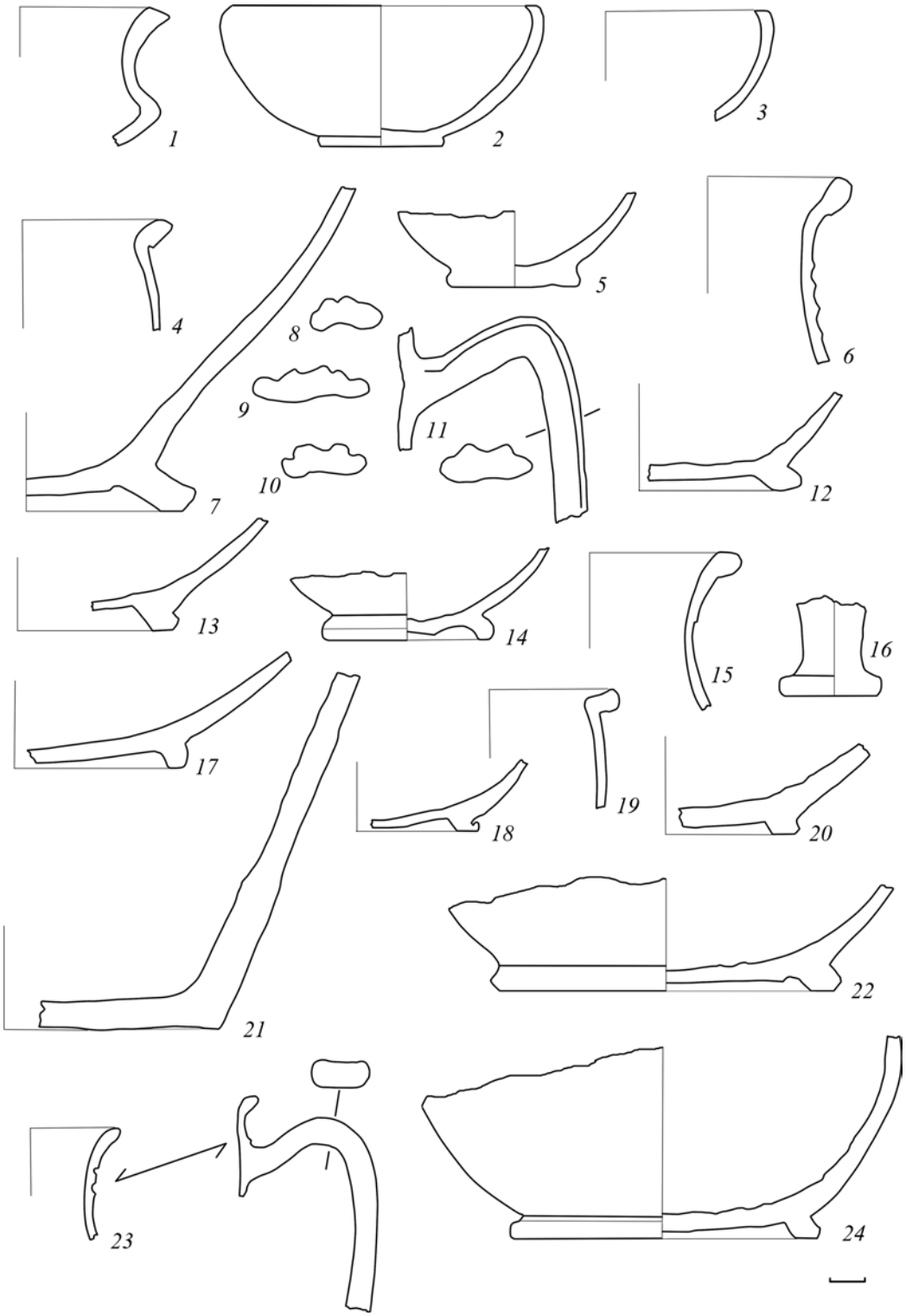


Рис. 18. Фрагменты простой красноглиняной посуды

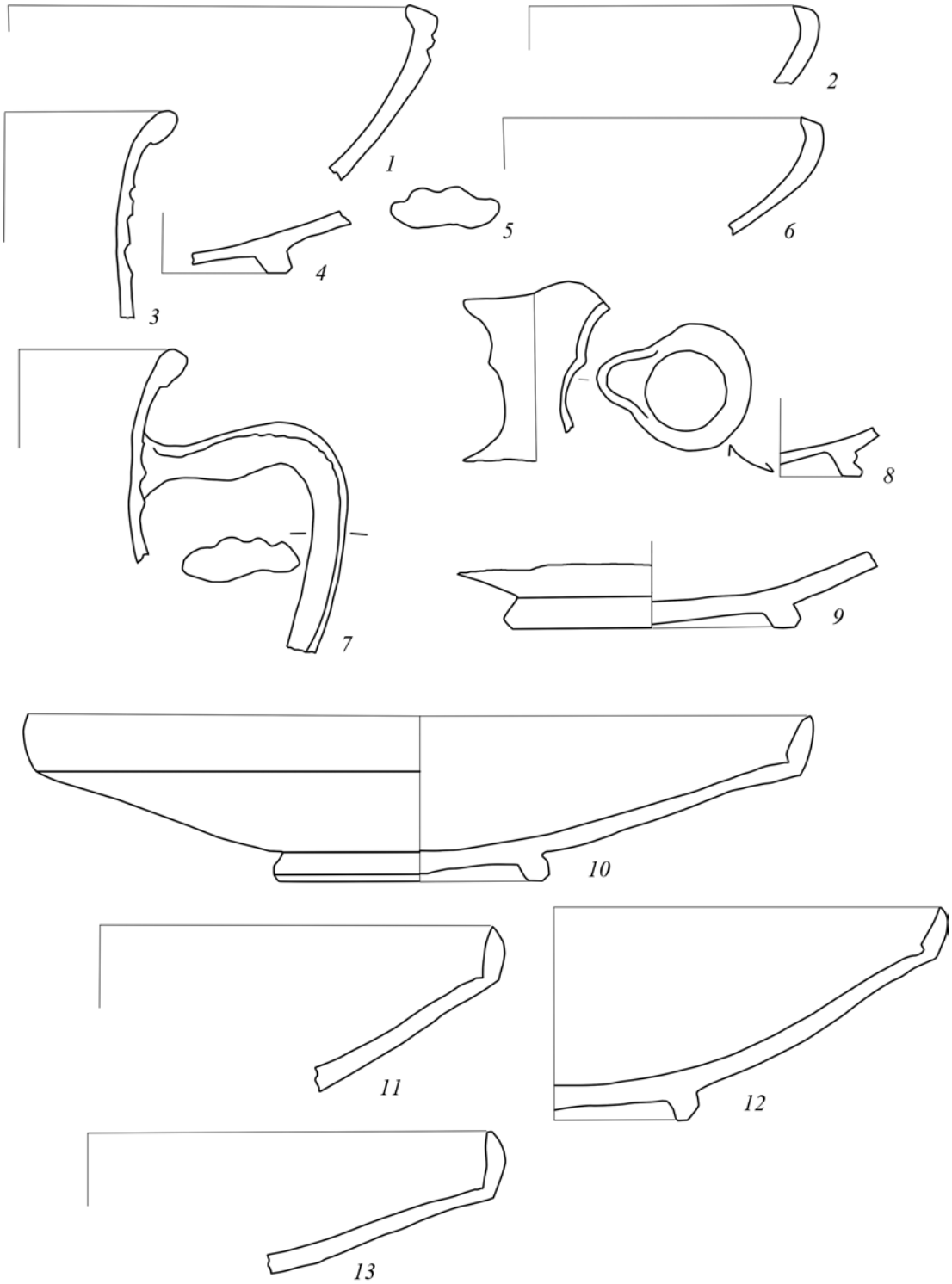


Рис. 19. Фрагменты красноглиняной краснолаковой (№№ 1–7)
и сероглиняной с черно-буролаковым покрытием (№№ 8–13)

с т. н. скошенным краем венчика). Ничего такого, за что можно было бы «зацепиться» особо – среди её обломков нет.

Монетным находкам отсюда и всех прочих «башен» Восточного Крыма мы только что посвятили отдельную публикацию (КСИИМК). Здесь же лишь упомянем, что их всего найдено 11, из которых 8 экз. поддаются определению и датировкам, которые «помещаются» почти исключительно между 70–40 гг. до н. э.

Вот, пожалуй, и всё о массовом археологическом материале. При этом, безусловно, обращает на себя внимание почти полное отсутствие каких-либо костных остатков. Разумеется, военный гарнизон не мог довольствоваться только растительной пищей, водой, вином и молоком. Но, скорее всего, он просто соблюдал чистоту и кости, как известные герои детской сказки, на пол и в кувшины не кидал…. Впрочем, это ещё одно обстоятельство, учет которого полезен при известного рода интерпретациях.

Теперь о датировках, аналогиях и вероятных историко-архитектурных реконструкциях раскопанного объекта. Ко всем этим вопросам мы уже неоднократно обращались прежде [Масленников, 2003, с. 196–258] и, отчасти, совсем недавно. Новые материалы, в целом, здесь мало что дополнят. Действительно, как бы ни хорошо были датированы наши соответствующие археологические источники, письменные свидетельства (в данном случае: упомянутый пассаж в «Географии» Страбона об укреплении границ в Крыму посредством сооружения вала и башен боспорским правителем Асандром – Strabo., VII, 4, 3.) всегда или почти всегда имеют решающее значение. Не касаясь ещё раз подробно этого обстоятельства, напомним, что нижней датой, то есть, временем появления этой и всех других башен у Узунларского вала совершенно определённо является период в несколько лет после 47 г. до н. э. Своего рода «точка отсчета» для нас – приход к власти на Боспоре Асандра, вначале архонта (с 48/47 гг. до н. э.), а затем и царя (примерно с 44/43 гг. до н. э.). Гораздо сложнее определиться с «верхней» датой. Ранее, более исходя из перипетий политической истории Боспора (воцарение, не исключено, с помощью римлян царя Полемона), мы уже предлагали в качестве неё 14/13 гг. до н. э. Почти ничто из вновь полученных материалов как будто бы не противоречит этому, хотя возможны и небольшие «смещения» в «нашу» сторону. Позвольте, резонно заметит при этом читатель, но ведь амфорные находки демонстрируют куда более широкие, точнее поздние (ножка «Менды» не в счёт – см. ниже) даты…. Действительно, это так и может объясняться некими поздними «инновациями», например выборкой камня в первых веках н. э. Ведь совсем неподалёку около третьей или последней четверти II в. н. э. строится солидное городище – т. н. Савроматий. Да и «наука не стоит на месте»: кто знает, не станут ли раскопки такого рода объектов – поводом для уточнения уже устоявшихся хронологических определений.

Иное дело: обстоятельства прекращения функционирования этой и всех других башен у вала. С учетом всего ранее и вновь выявленного, это произошло, по-видимому, единовременно по всей оборонительной линии, не сопровождалось военными действиями, но как бы, предваряя оные, и в спешке.

Что же касается ближайших аналогий, то напомним о двух раскопанных (в 1989 и 2000 гг.) [Масленников, 2003, с. 75–87 и 97–102] нами же остатках башнеобразных построек к северу от рассматриваемой и, почти наверняка одной – к югу [Супренков,

2017, с. 192–193]. Ещё одна – была частично зафиксирована в 1926 г. при доследовании места находки знаменитого марфовского клада. Самая северная из них сохранилась неплохо. Её ориентация стенами (как и всех остальных раскопанных) по сторонам света, да и размеры: (12,2×10,4×10,4 и 12,2 м) были почти теми же самыми. Но планировка первого этажа предполагала два помещения также при наличии частично каменного лестничного (ых?) маршей на второй. Башня Казан I уцелела заметно хуже. Её внешние параметры: 12,2×12,8×10,4 и 11,2 м. О числе помещений (не менее двух), а равно и наличии каменных оснований лестниц, судить, ввиду указанного только что обстоятельства, трудно. Но во всех трёх случаях – вход вёл с юга. Характеристика «интерьера» (наличие необъяснимо широкой внутренней стены, печей) и находок – в принципе та же. Последняя из башен (у т. н. Боспорских ворот) сохранилась ещё хуже, но и тут присутствуют общие «детали».

Говоря о возможных архитектурных реконструкциях с учетом всего, ставшего известным, следует признать, что предложенный нами ранее [Масленников, 2003, с. 253, рис. 144], вариант, скорее всего, неверен, а – эскиз В. П. Толстикова [Масленников, 2003, с. 254, рис. 145] – верен. И примерно определённая им высота всей постройки (с «зубцами») составляла около 7,5 м. Башня ли это? С точки зрения того, что нам известно о соответствующей греческой строительно-фортификационной практике классической и эллиннистической эпох – высота маловата. Но с учетом особенностей окружавшего «наши» постройки ландшафта (в основном равнинный рельеф) – она вполне допустима для достаточно хорошего обзора местности и зрительно – сигнальной связи с «соседями». И всё же, наверное, лучше именовать их «фортами». Ведь они не были рассчитаны на фронтальную оборону всей или даже участков пограничной линии (вала и рва). Их функция – скорее, охранно-сигнальная. Здесь, надо думать, периодически меняясь, несли караульную службу какие-то небольшие (до десятка человек) вспомогательные войсковые контингенты. Наличие в гарнизоне иного населения (женщины, дети, слуги) – маловероятно, но допустимо. Молоть зерно, печь хлеб, готовить еду, что-то покупать, может быть, даже охотиться, ловить рыбу и выполнять иные несложные хозяйственные функции самообеспечения могла и сама стража. Так или иначе, но существование этих «блок-постов» оказалось довольно кратковременным и позднее, в силу разных причин, уже не возобновлялось.

Возвращаясь к описываемым раскопкам, в заключении отметим, что одновременно здесь были сделаны и другие небезынтересные находки. Так выяснилось, что эта башня (как, по всей видимости, и большинство других) была построена на кургане эпохи бронзы. Причем, по крайней мере, два содержавшихся в нём погребения странным образом уцелели, а может быть, даже были сохранены преднамеренно. Первое – было случайно обнаружено при расчистке северной части помещения 1 и участка южного фаса стены № 3.

Погребение № 1 (рис. 20) фактически располагалось как бы к северо-западу от помещения 1, под упомянутой грунтово-щебёнистой «банкеткой» (субструкцией) и цоколем из мелких камней, служившим основанием для кладки внутреннего ряда стены № 3. Кости лежали на плотном развале средних и мелких камней на глубине около 1 м. Никаких следов могильной ямы или иных погребальных конструкций не прослежено.

Рис. 20. Погребение № 1. Вид с юга, юго-запада

Создается впечатление, что погребение было совершено по соответствующему обряду непосредственно на камнях, составлявших некую «обкладку» вокруг центральной могилы данного кургана: каменного ящика (см. ниже). Камни её – обкладки присутствуют непосредственно к югу и востоку от данного погребения на расстоянии до 2–3 м (рис. 6–10). Иными словами, это захоронение появилось несколько позднее основного погребения в кургане (в 1,5 м от северо-восточного угла «ящика»), хотя обряды их идентичны.

Итак, кости погребения сохранились относительно удовлетворительно, что позволяет уверенно судить о положении захороненного. Оно было скорченным, на левом боку, головой на восток (череп лежал на левом виске, лицом к югу и был немного приподнят кверху). Ноги сильно согнуты в коленях, которые подведены к туловищу. Правая рука, как будто бы была вытянута вдоль тела (кости уцелели плохо), и её кисть лежала на костях таза. Левая – согнута в локте и кистью поднесена к лицу. Здесь же стоял лепной, фрагментированный плоскодонный горшок баночной формы. Несколько небольших фрагментов аналогичной посуды присутствовали и в грунте при расчистке этого костяка. Длина его составляла около 0,95 м.

Второе погребение находилось в упомянутом каменном ящике, точнее – плитовой могиле (рис. 21). Она располагалась непосредственно под камнями кладки несохранившегося северного участка стены № 5 (рис. 5–10). Причем, не исключено, что перекрытие этой гробницы, если оно существовало изначально, могло быть использовано в ней. В любом случае, строители «башни» не могли не заметить этой гробницы (идеально

Рис. 21. Погребение № 2. Вид с запада

«вписанной» в основание стены), и, тем не менее, не тронули погребение. Сама могила, ориентированная продольными сторонами по линии: запад-восток, была обложена (если яма была вырыта предварительно) или сложена (если плиты устанавливались на некоей поверхности) из необработанных, но специально подобранных плоских камней и шести плит местного известняка, состыкованных (более выраженными плоскими «гранями» плит внутрь) без пазов и подтёсок. Камни западной торцовой стены были меньшими по размерам, менее плоскими и уложены небрежнее остальных. Самая большая плита (0,81×0,89×0,26 м) составляла восточную стенку «ящика». Размеры его: 2,05×1,25 м (снаружи) и 1,62×0,81 м (изнутри). Высота плит (глубина ящика) достигала 0,60–0,65 м. *Заполнение* гробницы относительно однородное: серая и тёмно-серая, плотная супесь с вкраплениями мелкой каменной крошки и небольшим количеством мелких камней. В районе за черепом и стоп погребённого – более рыхлый грунт. Дно (очень плотный слой серого грунта со щебнем) ровное, близкое к горизонтальному находилось на уровне основания плит стен ящика. Захоронение помещалось в основном в западной

части гробницы, как бы в неглубокой ямке на дне. Причем, ноги – несколько выше головы. Костяк длиной 0,82 м был ориентирован строго по линии: З-В. Сохранность его, в целом, хорошая. Погребенный лежал, на левом боку, скорченно, таз был повернут (левый край внизу). Череп лицевым отделом обращён к ногам (повёрнут на 45–60 градусов к левому плечу относительно позвоночника). Нижняя челюсть в естественном положении. Левое плечо располагалось ниже правого (на ~5–10 см). Правая рука согнута в локте почти под прямым углом, плечевая кость лежит вдоль туловища, предплечье на животе, кисть опущена вниз. Левая плечевая кость вытянута вдоль туловища, предплечье выше, направлено к тазу. Рука образует в локте тупой угол с плечевой костью. Ноги сильно согнуты в коленях, лежат одна на другой и повернуты в левую сторону, угол между позвоночником и бедром острый. Грудина «съехала» немного к левому боку и вниз. Рёбра плохой сохранности. Левая ключица, позвонки и стопы не сохранились. От правой кисти – in situ по 3 фаланги на месте. В районе южнее и несколько выше черепа (за левым плечом) находился лепной (вероятно также плоскодонный, но дно, как и часть венчика отсутствовали) баночной формы, фрагментированный горшок, закопчённый снаружи. В засыпи могилы найдены на разных уровнях ещё несколько фрагментов лепной посуды того же типа и кусочек кремня (отщеп?) тёмно-серого цвета.

Упомянутая выше округлая обкладка вокруг ящика из средних и мелких камней имела примерный (открыта не целиком) диаметр не менее 3,5 м. Судя по расчищенным участкам, мощность этого завала камней не превышала 0,4 м, то есть составляла один – два слоя. Края её, может быть, изначально «фиксировались» специально более крупными камнями. Но в северо-восточной части раскопанной площади, уже за «границами» башни и явно ниже уровня основания её стен (северо-восточный угол) удалось проследить остатки некоей изогнутой стенки (№ 8) (рис. 6–9, 22). Она выявлена в длину в среднем на 3,2 м (уходит в северный борт раскопа). Ширина её 0,38–0,41 м. Сохранившаяся высота не более 0. 12 м по западному фасу и около 0,11–0,22 м по восточному (внешнему). Кладку в принципе можно считать двухслойной и двухрядной. То – есть, это был изначально один ряд «кладки» из средних и небольших, необработанных, несколько уплощённых камней, уложенных, скорее всего, на древнюю дневную поверхность или несколько заглублённых в неё. По-видимому, эта стенка являлась чем – то вроде крепиды насыпи древнего кургана, возведённого над плитовой гробницей в центре. В таком случае радиус её мог равняться 7–7,5 м, а диаметр всей насыпи – не менее чем 15 м. Возможно, крепида изначально существовала только в северо-восточной и северной частях насыпи, поскольку склон холма в эту сторону был наиболее крутым и протяжённым. Так или иначе, но оба погребения демонстрируют идентичность обряда и, по мнению специалистов, относятся к какому – то этапу местных культур эпохи поздней бронзы, то – есть, ко второй половине-концу II тыс. до н. э. (Есть, правда и иные точки зрения, предполагающие более раннюю дату.)

Итак, более чем тысячелетие после рассмотренных захоронений, на этом кургане вблизи линии уже существовавшего вала и рва в середине третьей четверти I в. до н. э. была построена одна из нескольких сторожевых башен. При этом не исключено, что примерно четырьмя столетиями ранее (около первой половины IV в. до н. э.) это же место для погребения в характерной для Крымского Приазовья гробнице: грубом

Рис. 22. Стены № № 4 и 8. Вид с юго-востока

каменном ящике с кольцевой оградкой выбрало и некое варварское местное население. На это косвенно указывают крупные, явно не предназначенные специально для строительства башни, но использованные потом, скальные обломки и большие камни. Они сохранились в части основания (почти на своём изначальном месте) её северной стены, а также находка упомянутой ножки амфоры Менды (рис. 17, *9*) [Абрамов, 1993, тип 3.15–3.16; Монахов, 2003, тип II-B. или II–C, с. 95], вероятно, от инвентаря или тризны совершенно разрушенного захоронения.

Список литературы

Абрамов А. П., 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. М. 164 с.

Ланцов С. Б., Труфанов А. А.1999. Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // ДБ. 2. С. 161–173.

Масленников А. А., 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 280 с.

Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Северном Причерноморье. М.- Саратов. 352 с.
Супренков А. А., 2017. Боспорские «ворота»: центральный проезд через Узунларский ров и вал в Восточном Крыму // Города, поселения, некрополи раскопки 2016 г. Материалы спасательных археологических исследований. № 19. Изд. ИА РАН, М. С. 190–195.

Summary

A. A. Maslennikov
Another one tower near the Uzunlar shaft

In the southern part of the so-called Taganash hollow, another turret-shaped structure was excavated near the line of the Uzunlar shaft in 2017. With relatively good preservation, it was about the size of 12×11 meters and a total area of about 122 square meters. Looking on the remnants of the stone staircase, the «tower» had at least two floors. The first was divided into three rooms, one of which was a stove. The entrance led from the south. The finds consisted mainly of fragments of stucco ware and amphorae. Much less was fragments of simple red-clay, gray-clay and red-lacquered ceramics. We also mention 11 copper Panticapaean coins of the 70-40's. BC. Apparently the «tower» (along with others excavated earlier also near the Uzunlar shaft) was built under the Bosporan ruler Asandra and lasted for a relatively short time.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.170-176

А. М. Новичихин
(Анапский археологический музей, г. Анапа)

Отпечатки подошв римских воинских сандалий на черепице из Горгиппии

Калиг солдатских топот мерный
Заставит дрогнуть дух врага.
Из археологической песни.

В 1990 г. в северо-восточной части городища Горгиппия на территории археологического заповедника «Горгиппия» были случайно найдены два фрагмента черепицы с отпечатками подошв римских воинских сандалий, поступившие на хранение в Анапский археологический музей.

Фрагмент левого нижнего угла черепицы с частью бортика со скошенным краем (рис. 1, *1*). Инвентарный номер КМ 10762/3. Размер 27×24×5,5 см, толщина черепицы – 2,5 см, высота бортика – 3 см. Глина светло-коричневая, плотная, с включениями шамота, дресвы и песка. На верхней плоскости отчетливый отпечаток подошвы обуви, подбитой гвоздями с круглыми плоскими шляпками диаметром 0,6–0,8 см. Линии гвоздей проходили по краю подошвы и в ее поле, образуя четыре продольных ряда, пяточная часть была усилена поперечным рядом гвоздей. Отпечаток сделан по сырой глине. Сохранившаяся длина отпечатка – 17 см, ширина – 7,5 см. Судя по контуру отпечатка, он сделан подошвой обуви правой ноги. Его средняя часть частично смазана перекрывшим его отпечатком босой правой (?) ноги небольшого размера – женской или детской.

Фрагмент средней части черепицы (рис. 1, *2*). Инвентарный номер ПМ 6360/4. Размер 12,5×8 см, толщина черепицы – 2,5 см. Глина красновато-коричневая с включениями шамота, дресвы и песка, а также порами от выгоревшей органики. Поверхность приобрела грязно-серый оттенок в результате повторного (при пожаре?) обжига. На верней поверхности часть отпечатка подошвы обуви, подбитой гвоздями с круглыми плоскими шляпками диаметром 0,6–0,9 см. Характер размещения гвоздей по поверхности подошвы не ясен. Не исключено, что они образовывали некий орнамент. На одном из участков широкая шляпка перекрывает две других, меньшего диаметра – возможно, это следы ремонта обуви.

Состав глиняного теста и форма бортика, насколько можно судить о ней на основании первого фрагмента, характерны для черепицы, производившейся в мастерских Горгиппии с рубежа эр и до гибели города около 240 г. н. э.

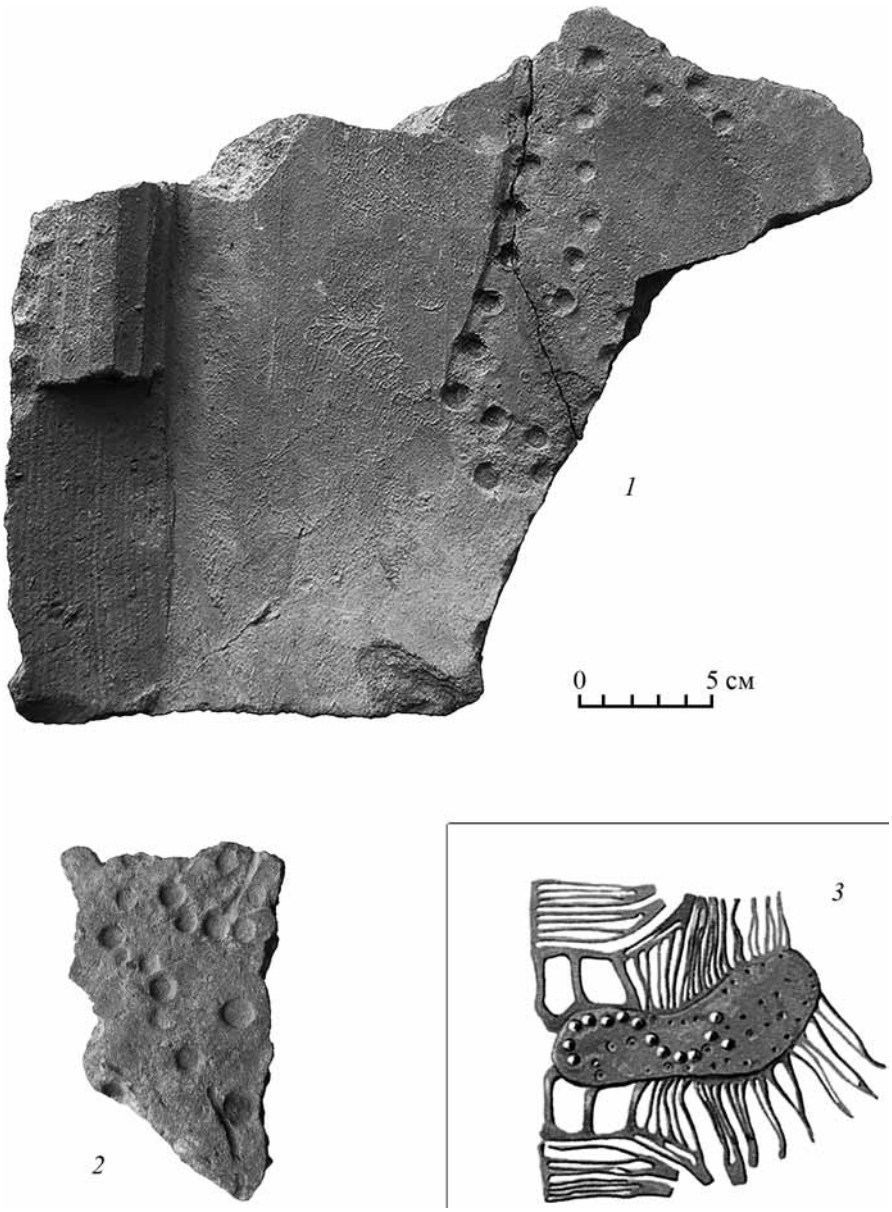


Рис. 1. *1, 2* – фрагменты черепицы с отпечатками подошв калиг из Горгиппии; *3* – остатки кожаной римской сандалии из раскопок в Майнце: по П. Коннолли (2001, рис. на с. 233)

Отпечатки несомненно принадлежали подошвам римской солдатской обуви, имевшей два варианта – более открытые сандалии калиги (caligae) и имевшие закрытые носки кальцеи (calceus). Конструкцию калиг британский историк военного дела античности П. Коннолли описывает следующим образом: «Верхняя часть таких сандалий вырезалась из одного куска кожи, который обертывался вокруг ноги и прошивался у пятки. Верх пришивался к тяжелой подметке из нескольких слоев кожи, подбитой железными гвоздями… Петли сошнуровывались поверх стопы и лодыжки. Подметка склеивалась из нескольких слоев кожи и подбивалась железными гвоздями» (рис. 1, *3*) [Коннолли П., 2001. С. 233,

234]. Иосиф Флавий в «Иудейской войне», описывая снаряжение римского центуриона, отмечает, что «он носил, подобно прочим солдатам, обувь, густо подбитую острыми гвоздями» (Ios. Flav. Bell. Iud. VI, 8). Относительно целые экземпляры калиг и их подбитые гвоздями подошвы известны по находкам из раскопок римских лагерей в Майнце, Валкенбурге, Заальбурге [Bishop, Coulston, 2006. P. 111–113, fig. 64; Biernacki, 1977. Abb. 3, abb. 4, abb. 6]. Широкое распространение калиг и кальцей в римской армии приходится на I – начало II в. н. э. Исследователи римского воинского снаряжения отмечают, что сандалии-калиги служили важнейшим отличительным признаком римского легионера, главным образом за счет того, что их подбитые гвоздями подошвы соприкасаясь с каменными плитами мостовой издавали грохот, невольно заставлявший обращать на солдата внимание, тем самым выделяя его из толпы [Колобов, 1999. С. 102].

Находки отпечатков подбитых гвоздями подошв калиг на керамической черепице известны в местах дислокации римских воинских подразделений. В качестве примера можно указать находки из раскопок римского лагеря в Нове, где находились части 1 Италийского легиона, причем в одном случае отпечаток воинской сандалии сочетался на черепице с легионным клеймом [Biernacki, 1977. P. 133–136, abb. 1, abb. 2; Sarnowski, 1983. P. 31, taf. I, 12, 13].

Именно благодаря находкам кирпичей и черепиц с клеймами, содержащими сокращенные наименования римских воинских подразделений, известно о существовании специальных легионных мастерских по производству кирпича и черепицы, необходимых для построек военного лагеря. Находки при раскопках подобных клейм достаточно уверенно указывают места длительной дислокации римских частей, наладивших собственное производство керамических строительных материалов [Колобов, 1999. С. 58]. Так, благодаря находкам клейм, подтверждено известное из памятников лапидарной эпиграфики римское военное присутствие в Юго-Западном Крыму и установлено, части каких именно легионов здесь дислоцировались [Борисова, 1961. С. 39–45; Зубарь, 1994; Антонова, Костромичев, 2000. С. 215–218; Сарновский, 2000а. С. 225–230; 2005. С. 119–143; Костромичев, 2011. С. 23–27].

В северопричерноморском регионе случаи находок следов римских сандалий на черепице достаточно редки. Один фрагмент с отпечатком подкованной гвоздями подошвы на обломке керамиды происходит из раскопок цитадели Херсонеса Таврического. В. М. Зубарь связывает его с пребыванием в Херсонесе римских воинских подразделений и рассматривает в качестве аргумента «в пользу вывода о производстве черепицы в Херсонесе именно-солдатами-ремесленниками» [Зубарь, 1994. С. 81, рис. 29]. Следует указать, что при раскопках Херсонеса, его некрополя и памятников херсонесской округи найдены как типичные для римской военной обуви гвозди, так и фрагменты кожаных подошв, подбитых такими гвоздями [Дорошко, 2012. С. 100–113].

Еще один фрагмент черепицы с частью отпечатка римской воинской сандалии найден при раскопках на акрополе Пантикапея в вернем мешаном слое. По мнению Д. В. Журавлева, черепица по характеру глины (красно-коричневого цвета с известковыми включениями) может быть отнесена к продукции боспорских мастерских. Подошва сандалии была подбита гвоздями с круглыми шляпками диаметром 0,6–0,7 см, расположенными продольными рядами. [Журавлев, 2007. С. 112, 113, рис. 1]. Автор

допускает, что на основании этой находки «мы можем предполагать присутствие на Боспоре (в Пантикапее?) в какой-то момент частей римской армии (или же вспомогательных войск) наладивших здесь собственное производство строительных материалов», и если это предположение верно, «то, не исключено, что в будущем нас могут ожидать находки латинских клейм, которые прольют свет на то, какие же римские части временно дислоцировались в боспорской столице» [Журавлев, 2007. С. 117].

Известно лишь об одном достоверном случае относительно длительного присутствия римский воинских частей на Боспоре – участие римских подразделений в установлении на Боспоре власти Котиса I в 45–49 гг. н. э. Как сообщает Тацит (Tac. Ann. XII, 15–21), Котис, которого император Клавдий утвердил на Боспорском престоле, получил от принцепса военную помощь в виде воинских подразделений под командованием Авла Дидия Галла и Гая Юлия Аквилы. При участии римских контингентов Котис сумел установить свою власть на Боспоре, вытеснив за пределы страны, а затем пленив своего брата Митридата VIII, проводившего, будучи боспорским царем, откровенную антиримскую политику [Горончаровский, 2003. С. 161–170].

Остальные, известные на сегодняшний день, случаи присутствия римлян на Боспоре вряд ли могли оставить следы в виде отпечатков воинских сандалий на черепице.

Так, сообщение Аппиана о римских перебежчиках, служивших в армии Митридата VI Евпатора, и поднявших против него мятеж в Пантикапее в 63 г. до н. э. (App. Mithr. 110, 111) относится к периоду до распространения подбитой гвоздями обуви в римской армии. Упомянутая в надписи из Преслава «боспорская война», в которой участвовали римские военные отряды, состоялась в конце II н. э. [Сарновский, 2000. С. 246–248], т. е. в то время, когда калиги как вид воинской обуви начали выходить из употребления. Тем более из текста надписи не ясно, происходили военные действия на землях Боспора или же Боспорской войной называлось совместное выступление боспорских и римских войск против варваров [Зубарь, 1994. С. 110–113][1].

Примечательно, что большая часть предметов римского происхождения, найденных при раскопках Пантикапея, относится к первой половине – середине I в. н. э. и связана с присутствием в боспорской столице римских войск, участвовавших в упомянутом военном конфликте 45–49 гг. н. э. [Трейстер, 1993. С. 69–73]. Известны подобные находки и в Горгиппии. Так в одном из погребений горгиппийского некрополя, датированном I в. н. э., найдены фрагменты ручки римского бронзового черпака-труллы [Алексеева, 1982. Рис. 11, 2] типа «Айслинген»: подобные черпаки хорошо известны по находкам в римских военных лагерях первой половины – середины I в. н. э. [Трейстер, 1993. С. 70, примеч. 106]. В другом погребении, также датируемом I в. н. э., найден короткий остроконечный меч с отчетливым отпечатком трехсоставной деревянной рукояти [Нестеренко, 1987. С. 23, рис. 268][2], полностью аналогичный мечу, обнаруженному в слое пожара 44/45 гг. при раскопках цитадели городища Артезиан: по аргументированному мнению автора раскопок Н. И. Винокурова, артезианский экземпляр по своим параметрам близок

[1] Реконструируемое В.П. Толстиковым вторжение римлян на территорию Азиатского Боспора и разрушение ими укреплений в северной части Таманского полуострова в начале II в. н.э. [Толстіков, 1989. С. 52 – 65] не выходит за рамки предположения, поскольку не получило сколь либо достоверных подтверждений.

[2] Победа-87, погребение 35, оп. 197. Комплекс не опубликован.

римскому гладиусу типа «Майнц» [Винокуров, 2009. С. 9–16; 2010. С. 52, 53, рис. 8]. Находка гладиуса в погребении некрополя Горгиппии вполне согласуется с сообщением Тацита о вооружении боспорского войска римским оружием (Tac. Ann. XII, 16).

О том, что Горгиппия и прилегающие к ней районы в период римско-боспорского конфликта 45–49 гг. были охвачены военными действиями, свидетельствуют археологические материалы. Так в юго-западной части городища Горгиппии открыт монументальный, богато обставленный дом 60, погибший в сильном пожаре в середине I в. н. э. [Алексеева, 1997. С. 128–130]. Других следов пожаров и разрушений этого времени при раскопках в Горгиппии не отмечено. Не исключено, что большое, хорошо благоустроенное горгиппийское здание являлось царской резиденцией (басилеей) и погибло в локальном пожаре, вызванном военным столкновением между противниками и сторонниками Митридата VIII. В огне пожара погибло укрепление у станицы Анапской, прикрывавшее подступы к Горгиппии с востока [Алексеева, 1997. С. 69]. В окрестностях Горгиппии в долине Сукко был найден денежный клад, состоящий, преимущественно, из монет Митридата III: его сокрытие также связывается с событиями римско-боспорского конфликта 45–49 гг. н. э. [Крушкол, 1978. С. 61–63].

В свете вышеизложенного вполне вероятным представляется присутствие в Горгиппии в период борьбы Котиса с Митридатом VIII воинских контингентов из числа подразделений Дидия Галла и Юлия Аквилы.

Едва ли на настоящем этапе накопления археологического материала имеются основания утверждать о производстве присутствовавшими на Боспоре в 45–49 гг. н. э. римскими солдатами керамических строительных материалов. Несмотря на утрату начала повествования Тацита об этих событиях, сохранившаяся их часть дает картину довольно напряженной военной обстановки, мобильности воинских подразделений (возвращение части войска во главе с Дидием Галлом в римские провинции, поход под началом Юлия Аквилы в земли дандариев и сираков), что едва ли способствовало бы налаживанию римскими солдатами изготовления строительных материалов, необходимых для устройства стационарного лагеря с капитальными постройками.

Для уверенного утверждения о налаживании римлянами на Боспоре производства строительной керамики действительно необходимы находки здесь латинских клейм. Впрочем, даже если таковые и будут, нельзя исключать возможность доставки черепицы и кирпича из районов постоянной дислокации легионов: археологические свидетельства транспортировки морем и торговли римской черепицей в Причерноморье отмечены Т. Сарновским [Сарновский, 2005. С. 128].

Представляется, что обнаружение в Пантикапее и Горгиппии отпечатков римской воинской обуви на черепице может иметь другое объяснение. При раскопках Горгипии и памятников ее хоры достаточно часто встречаются фрагменты черепицы и плоских кирпичей, на которых присутствуют отпечатки босых ног и ладоней, а также следы копыт и лап домашних животных, оказавшиеся нанесенными на изделия при их просушке. Если для отпечатков рук можно предположить преднамеренный умысел, то отпечатки ног, и уж тем более, следы животных на кирпичах и черепице, несомненно носят случайный характер: стремясь сократить расстояние и люди, и звери вполне могли пройти по выложенной на площадках и не до конца просушенной керамической

продукции. Точно также могли поступить и римские легионеры, особенно во время боя или преследования противника.

Следует отметить, что район горгиппийского керамика, при раскопках которого обнаружены печи для обжига керамических строительных материалов [Алексеева, 1997. С. 168–179], находился в непосредственной близости от предполагаемого здания царской резиденции, погибшего в пожаре около середины I в. н. э.: не исключено, что события, повлекшие его разрушение, охватили и прилегающие к басилее городские кварталы, причем не только жилые, но и производственные.

Как бы то ни было, процесс изготовления черепицы, несущей отпечатки римских воинских сандалий, был завершен: она была просушена, обожжена и использована в перекрытии какого-то здания в северо-восточной части Горгиппии. Приходится сожалеть, что оба фрагмента обнаружены вне археологического контекста и подобно всем случайным находкам утратили часть информации, присущей археологическим источникам. Остается надеяться, что в будущем при раскопках Горгиппии и других боспорских городов будут найдены другие фрагменты керамических строительных материалов с отпечатками подошв калиг, которые позволят достоверно установить время и обстоятельства римского военного присутствия на Боспоре.

Список литературы

Алексеева, 1982. Алексеева Е. М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия II. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар.

Алексеева, 1997. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.

Антонова, Костромичёв, 2000. Антонова И. А., Костромичев Д. А. Латинские клейма на строительной керамике из Херсонеса // Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschau.

Борисова, 1961. Борисова В. В. Черепица с клеймами римских легионов // СХМ. Вып. II. Симферополь.

Винокуров, 2009. Винокуров Н. И. Боспоро-римская война и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // Para bellum. № 31.

Винокуров, 2010. Винокуров Н. И. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Восточном Крыму в 2009 г. // ДБ. Т. 14.

Горончаровский, 2003. Горончаровский В. А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н. э. // ВДИ. № 3.

Дорошко, 2012. Дорошко В. В. Римская военная обувь из раскопок Херсонеса и его округи // Евразия в скифо-сарматские время. Памяти И. И. Гущиной (Труды ГИМ. Вып. 191). М.

Журавлёв, 2007. Журавлев Д. В. Фрагмент черепицы с отпечатком римской сандалии из Пантикапея // Боспорские исследования. Вып. XVII.

Зубарь, 1994. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев.

Колобов, 1999. Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (эпоха ранней Империи). Пермь.

Костромичёв, 2011. Костромичев Д. А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии) // STRATUM plus. № 4.

Коннолли, 2001. Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.

Крушкол, 1978. Крушкол Ю. С. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района // ВДИ. № 4.

Нестеренко, 1987. Нестеренко Н. Д. Отчет об охранных раскопках Анапского археологического музея в 1987 г. // НА ААМ, А1–36.

Сарновский, 2000а. Сарновский Т. К вопросу о чтении и хронологии латинских клейм на строительной керамике из Крыма // Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschau.

Сарновский, 2000б. Сарновский Т. О Боспорской войне в конце II в. н. э. // Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschau.

Сарновский, 2005. Сарновский Т. Римская черепица Южного Крыма // МАИЭТ. Вып. XI.

Толстіков, 1989. Толстіков В. П. Фанталівський укріплений район в історії Боспорського царства // Археологія. № 1.

Трейстер, 1993. Трейстер М. Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ. № 2.

Biernacki, 1977. Biernacki A. Abdruck einer Schuhsohle auf der Keramischen Platte aus Novae // Archaeologia. XXVIII.

Bishop, Coulston, 2006. Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman military equipment. From the Punic Wars to the Fall of Rome. Oxford.

Sarnowski, 1983. Sarnowski T. Die Ziegelstempel aus Novae // Archeologia. XXXIV.

Summary

A. M. Novichikhin
The footprints of the Roman military sandals on the tiles from Gorgippia

Two footprints of Roman military sandals (caligae) on the fragments of tiles found on the Gorgippia, are published in the article. Their origin can be linked with the participation of Roman military units in a military conflict that occurred in the 45–49 ad on the Bosporos.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.177-193

В. Н. Розов
(г. Сочи)

Античные монеты из находок в районе Сочи

На обширной территории Большого Сочи, протянувшейся вдоль черноморского побережья от границы с Туапсинским районом на северо-западе до границы с Абхазией на юго-востоке, монеты античной эпохи встречаются довольно редко. Достаточно сказать, что за последние десятилетия в городской музей поступили лишь несколько таких монет, местное происхождение которых устанавливается вполне надежно и не подлежит сомнению.

Иноземные античные монеты в указанном районе в силу их малочисленности долгое время не привлекали к себе внимание исследователей. Краткий обзор этих находок дал И. Б. Брашинский в своей статье полувековой давности [1968, с. 67]. Используя разрозненные сведения, содержащиеся в специальной литературе, а также монеты из Сочинского музея и одной частной коллекции[1], автор пришел к выводу о вхождении этой территории «в сферу боспорских экономических интересов и влияний» [Там же, с. 68]. Что касается музейных материалов[2], выборочно им упомянутых, то они происходят из очень старых поступлений и к тому же лишены паспортных данных, а потому не являются в полной мере полноценным источником. В этой связи более достоверными, хотя и не всегда, представляются другие сведения об отдельных монетных находках, получившие отражение в научной литературе.

Самыми ранними находками следует считать серебряные колхидки [Меликишвили, 1959, с. 247][3], которые могут быть датированы V–IV вв. до н. э. Однако полная неопределенность сообщения о них заставляет относиться к этой информации с известной долей осторожности. Подобные монеты, чрезвычайно широко распространенные в Западной Грузии и в значительно меньшей степени на территории Абхазии [Маан, 2012, с. 34–35], почти не встречаются за пределами этих областей. Так, несколько колхидок (5 триоболов обычного типа и одна дидрахма) были найдены в разное время в районе Боспора [Розов, 2014, с. 288].

[1] Речь идет о коллекции адлерского краеведа И. К. Недоли.

[2] В их числе – монеты Пантикапея (IV–II вв. до н. э.), Фанагории – 1 экз. (II в. до н. э.), боспорских царей (первые вв. н. э.), ольвийский «борисфен» (III в. до н. э.), два тетрахалка Амиса и Синопы (I в. до н. э.), трихалк пелопоннесского города Сикиона (I в. до н. э.), а также небольшая группа римских монет (I–V вв. н. э.).

[3] Ю. Н. Воронов пишет об одной колхидке, не называя при этом источник информации [1979а, с. 67].

Согласно ныне существующему административно-территориальному делению, в городскую черту Сочи можно включить известный Туапсинский клад 1908 г.[4] [Zograph, 1925, p. 29–52; Пахомов, 1926, с. 38, № 17[5]], в состав которого входило более 90 золотых посмертных статеров царя Лисимаха, выпущенных Византием во II в. до н. э[6]. На сегодняшний день это единственный клад античных монет, зафиксированный на данной территории. Тот факт, что входящие в него статеры отчеканены одной парой штемпелей и, судя по превосходной сохранности, не успели побывать в обращении, свидетельствует о том, что владелец клада, скорее всего, видел в нем лишенное денежных функций сокровище. Присутствие в комплексе двух золотых украшений лишний раз говорит в пользу этой версии.

Определенный интерес представляют дошедшие до нас сведения о находках бронзовых понтийских тетрахалков времени Митридата VI Евпатора. К их числу относится монета г. Амасии, обнаруженная в довоенное время в пещере на горе Ахун и поступившая в Сочинский музей [Зограф, 1945, с. 82–83, № 193][7]. Тип: «голова в шлеме – меч в ножнах» (ок. 100–85 гг. до н. э.) [SNG Brit. Mus., 1993, no. 1051]. Позднее Е. А. Пахомов сообщил еще об одной монете Амасии того же типа, которая была найдена при земляных работах в Хосте и также попала в музейное собрание [1949, с. 15, № 1345][8]. Наконец, согласно данным И. Б. Брашинского, в коллекции И. К. Недоли хранились одновременная монета Амасии, найденная в Адлере [1967, с. 763; ср. 1968, с. 67] и монета (или монеты?) Амиса времени Митридата VI [1968, с. 67]. Несколько неожиданным представляется факт обнаружения на ограниченном участке побережья сразу трех монет Амасии, особенно если учесть, что такого рода находки, насколько мне известно, не засвидетельствованы на территории соседней Абхазии и крайне редки в пределах Боспора [Абрамзон, 2010, с. 486], где понтийско-пафлагонская медь митридатовской эпохи свободно обращалась на местном денежном рынке. Как бы то ни было, можно совершенно определенно говорить о проникновении в характеризуемый район продукции городской чеканки Понтийского царства. Судя по всему, монеты попадали сюда из Колхиды, где их обращение было связано с вхождением этой области в состав державы Митридата VI Евпатора.

Особого внимания заслуживают сведения о давних находках в районе Сочи четырех золотых статеров боспорских царей – Савромата I (121/22 г. н. э.) и Рескупорида III[9] (218/19, 219/20, 224/25 гг. н. э.) [Зограф, 1945, с. 52–53, № 4, 8–9, 12; Пахомов, 1949, с. 17, № 1354; 18, № 1361–1362; 19, № 1365]. Последняя монета, найденная в 1927 г. между Адлером и Хостой, поступила в собрание Эрмитажа (№ 1100). Остальные 3 экземпляра,

[4] Находка была сделана в имении действительного статского советника, депутата III Государственной Думы И. А. Гуаданини. В настоящее время здесь расположен санаторий «Юг» (Лазаревский район Сочи, пос. Совет-Квадже)

[5] С неверной локализацией («недалеко от Анапы»).

[6] Ср. датировки клада по К. А. Маринеску [Marinescu, 1996, p. 296–297, no. 44] (ок. 150–140 гг. до н. э.) и Ф. де Каллатаю [Callataÿ, 1997, p. 148–149] (ближе к 170, чем к 190 г.).

[7] Е. А. Пахомов, целиком основываясь на сообщении А. Н. Зографа, ошибочно приписал монету другому понтийскому центру – Амису [1949, с. 15, № 1344; ср.: Брашинский, 1968, с. 67].

[8] В настоящее время в фондах Музея истории города-курорта Сочи эти монеты отсутствуют; здесь хранятся лишь два упомянутых выше (см. прим. 2) тетрахалка Амиса (эгида – Ника) и Синопы (голова Зевса – орел).

[9] Или Рескупорида II, как теперь считают некоторые исследователи.

согласно сообщению А. А. Иессена, прежде хранились в Сочинском музее, откуда они также бесследно исчезли.

Другая группа монетных находок, известная по литературе, представлена римским серебром республиканской и императорской эпох, включая монеты провинциальной чеканки Кесарии Каппадокийской. К числу самых ранних монет следует отнести квинарий Гая Эгнатулея, сына Гая (97 г. до н. э.[10]), обнаруженный в Адлере в 1952 г. [Пахомов, 1959, с. 12, № 1915; Кропоткин, 1961, с. 110, № 1686; 2000, с. 21, № 1687], а также денарий Луция Кассия, сына Квинта (ок. 78 г. до н. э.), который был найден в 1949 г. И. К. Недолей в колхозе им. Чкалова (Адлерский район) [Пахомов, 1959, с. 12, № 1916; Кропоткин, 1961, с. 110, № 1687; 2000, с. 21, № 1686]. Два денария общеимперской чеканки и одна кесарийская дидрахма времени правления Траяна (98–117 гг.) происходят из разрушенного в 1966 г. погребения на Мацесте [Шамба, 1970, с. 235, рис. 3. *1–3*; 236; ср., однако: Кропоткин, 2000, с. 21, № 1700][11]. В 1942 г. в пос. Красная Поляна было открыто богатое воинское захоронение, в состав которого входили три серебряные кесарийские монеты, при этом одна оказалась дидрахмой Адриана 121–122 гг. [Воронов, 1979б, с. 56, № 26; ср.: Воронов, 1979а, с. 77][12]. Кроме того, в береговом обрыве р. Псоу на границе с Абхазией в 1953 г. была обнаружена монета, ошибочно описанная первоиздателем и последующими авторами как денарий Юлии Мезы [Пахомов, 1959, с. 13–14, № 1922; Кропоткин, 1961, с. 110, № 1688; 2000, с. 21, № 1689]. В действительности мы имеем дело с монетой Юлии Домны, на что совершенно справедливо указал К. В. Голенко [1971, с. 60, № 6] (тип: RIC IV/1, p. 167, no. 551). Следует, наконец, упомянуть сохранившееся в музейном архиве свидетельство о найденных на территории совхоза «Южные культуры» (Адлерский район) пяти позднеримских бронзовых монетах Констанция [I], Гонория (2 экз.), Валентиниана (неясно, какого)[13] и Грациана [Недоля, 1969, л. 62].

За прошедший период появились новые данные о находках в районе Сочи античных монет, которые представляют несомненный научный интерес и нуждаются в скорейшей публикации[14]. Они были зарегистрированы автором начиная с середины 1980-х гг. по 2000 г. включительно. Среди издаваемых монет имеется также несколько беспаспортных экземпляров, принадлежащих собранию Музея истории города-курорта Сочи, которые предположительно могли быть найдены в пределах интересующего нас района.

Прежде всего, обращает на себя внимание чрезвычайно редкая разновидность кавказского подражания золотым статерам лисимаховского типа (**№ 1**). Монету случайно обнаружил местный школьник летом 1961 г. Находка была сделана на дне моря, «в расщелине волнореза», недалеко от берега (близ санатория Министерства обороны

[10] Для республиканских монет даны современные датировки.

[11] Из трех монет, поступивших в Сочинский музей, сохранилась только дидрахма.

[12] В противоположность этим данным, Е. А. Пахомов сообщает о двух серебряных римских монетах [1949, с. 29, № 1433].

[13] Вероятно, эту находку имел в виду В. В. Кропоткин [2000, с. 21, № 1688], описывая, со слов И. К. Недоли, найденную в Адлере монету Валентиниана I.

[14] Некоторые из них в свое время были рассмотрены мною в докладе на конференции в Краснодаре [Розов, 1991, с. 83–84]. Более подробно они будут освещены в настоящей статье.

им. Ворошилова) и поступила в Сочинский музей[15]. Однако в дальнейшем следы её теряются[16]. Благодаря сохранившейся фотографии монеты, воспроизведенной в таблице иллюстраций, оказалось возможным ввести в научный оборот этот уникальный нумизматический памятник. На лицевой стороне публикуемого подражания изображена голова Александра Македонского вправо, на оборотной – сидящая на троне Афина, которая левой рукой опирается на щит, а в вытянутой правой руке держит фигурку Ники. По сторонам расположена искаженная, но все еще узнаваемая надпись, имеющая на оригинальных статерах форму ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ (рис. 1. *1а*). Помещенный под троном трезубец с парой дельфинов служит отличительным знаком монетного двора Византия и характерен для всех подражаний этого типа.

Как известно, чеканка таких монет осуществлялась в течение длительного периода на территории Западной Грузии, где они получили широкое распространение. К настоящему времени зарегистрировано свыше 50 находок подражаний статерам Лисимаха [Скаков, 2012, с. 54, 66–68], однако, в отличие от нашего экземпляра, они в подавляющем большинстве обнаруживают отчетливые признаки стилистической деградации. Начало их выпуска, по-видимому, имело место во II–I вв. до н. э., но встречаются они и в памятниках I–II и даже II–III вв. н. э. [подробнее см.: там же, с. 55–56]. Значение анализируемой находки заключается в том, что с точки зрения стиля изображений и степени искажения надписи она демонстрирует отчетливую близость к прототипу и, следовательно, стоит в самом начале длинного ряда имитаций. Об этом же убедительно свидетельствуют вес (8,16 г) и проба монеты (980). Нетрудно заметить, что перед нами, пожалуй, самый ранний вариант ныне известных подражаний данного типа, не считая хрестоматийного экземпляра с именем царя Аки [Дундуа, 1987, с. 71–72, № 55, табл. XX. *4872*]. До последнего времени таковым считался статер, найденный в 1920 г. в с. Реке [ср.: там же, с. 72–73, № 56, табл. XX. *3067*]. На территории Краснодарского края единственный случай находки двух подражаний статерам Лисимаха был зафиксирован в 1936 г. близ ст. Даховской [Лунин, 1940, с. 358, рис. 1, 1а, 2, 2а; Зограф, 1945, с. 54–55, № 17; Пахомов, 1949, с. 11–12, № 1330].

В 2000 г. в музей была принесена для определения тетрадрахма Митридата VI Евпатора, выпущенная в 11-м месяце 212 г. вифино-понтийской эры (ΒΙΣ – ΙΑ), что соответствует августу 85 г. до н. э. (**№ 2**). Монета была обнаружена в 80-е гг. прошлого века при сносе старого дома в районе Имеретинской бухты (скорее всего, в пос. Нижне-Имеретинская Бухта). Ввиду отсутствия более точных сведений о месте находки (в самом доме или в земле) существует вероятность, что она попала сюда не в древности, а уже в новейшее время в результате завоза из соседних областей. Среди хорошо изученных царских тетрадрахм учтены одновременные экземпляры, битые общим штемпелем

[15] Согласно записи в акте приема от 5 июля 1961 г., музеем была куплена у матери находчика «античная золотая монета»; здесь же приведены исчерпывающие сведения о месте и обстоятельствах ее обнаружения. Дополнительные данные сообщает заметка сотрудников музея в городской газете, сопровождаемая фотографией монеты, которая ошибочно названа прижизненным статером Лисимаха, чеканенным в столице Фракии – Лисимахии (Иванова М., Фролова Г. Гостья из древних веков // «Красное знамя». 8 июля 1962 г.). Эту информацию принял во внимание Ю. Н. Воронов, упоминая о найденном в районе Сочи золотом статере Лисимаха III–II вв. до н. э. [1979а, с. 67].

[16] В музейной документации имеется еще один акт приема от 3 марта 1962 г., который, по сути, повторяет содержание вышеприведенного акта с той лишь разницей, что в нем фигурирует уже другая монета весом 7,5 г – электровый статер боспорского царя Рескупорида II (III) 216/17 г. (см. о нем ниже).

лицевой стороны[17]. Того же, однако, нельзя сказать о штемпеле ее оборотной стороны, который пока не поддается идентификации.

На близлежащей территории Абхазии до сих пор засвидетельствованы лишь две находки таких монет – в мест. Лечкопи близ Сухума (ГКΣ – Е = февраль 74 г. до н. э.) [Зограф, 1945, с. 64–65, № 78; Пахомов, 1949, с. 16, № 1349] и в самом городе (с неизвестной датой) [Пахомов, 1949, с. 16, № 1350]. Четыре тетрадрахмы происходят из отдельных районов Грузии. Одна хранится в Кутаисском музее (ВКΣ – Z = апрель 75 г. до н. э.) [Лордкипанидзе, 1970, с. 104], остальные были найдены в с. Кведа-Вани (ΔКΣ – Г = декабрь 74 г.) [Пахомов, 1959, с. 12, № 1914; Лордкипанидзе, 1970, с. 104, табл. XX. *4*; Callataÿ, 1997, p. 21, D62-R7a], с. Агаяни (ЄКΣ = 72/71 г. до н. э.) [Дундуа, 1987, с. 137, № 25; 160, № 63] и Батуми (ВІΣ – ІА = август 85 г. до н. э.) [Дундуа, 1967, с. 60, № 1, рис.]. Последняя монета имеет ту же дату, что и сочинская тетрадрахма, но отчеканена другой парой штемпелей. Если говорить о иных районах Закавказья, то по одной тетрадрахме обнаружено в составе Хинислинского клада в Азербайджане (ГКΣ – Г = декабрь 75 г. до н. э.) [Пахомов, 1966, с. 11, (№ 2080); Дадашева, 1976, с. 85–86, табл. III. *31*; Callataÿ, 1997, p. 19, D41-R1], а также в кладе, найденном около сел. Сарнакунк в Армении (ЄКΣ – А = октябрь 72 г.) [Пахомов, 1954, с. 16, (1606)]. Крайне редко встречаются эти монеты в Северном Причерноморье. На Боспоре в 2008 г. при раскопках Фанагории была найдена тетрадрахма, датировка которой, в силу плохой сохранности, является проблематичной[18] [Абрамзон, 2013, с. 63, рис. 1. *19*; 72; Абрамзон, Кузнецов, 2010, с. 72, рис. 3. *1*; 74–75; 2015, с. 24, 25, рис. 8]. Другая монета, обнаруженная без малого два столетия назад (1834 г.), происходит из окрестностей Керчи (ЕКΣ без обозначения месяца = 73/72 г. до н. э.) [ДБК. II, с. 152, Атлас, табл. LXXXV. *20*]. Две тетрадрахмы Митридата VI найдены в ходе раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло в Горном Крыму [Новиченкова, 2015, с. 50, рис. 82]. Одна из них синхронна вышеописанной керченской находке, другая датируется последним годом выпуска царского серебра (АΛΣ = 67/66 г. до н. э.).

В Сочинском музее, как уже упоминалось, длительное время хранится довольно редкий бронзовый трихалк греческого города Сикиона (Пелопоннес) типа: «голова Аполлона – голубь» с магистратским именем Аполлоний (**№ 3**). Монеты этого отдаленного центра практически неизвестны на территории Северного и Восточного Причерноморья[19]. Не исключена вероятность, что в данном случае мы имеем дело с местной находкой.

Отдельную группу монет составляют статеры боспорских царей II–III вв. н. э. (13 экз.), демонстрирующие постепенное уменьшение содержания золота в монетном

[17] Аналогичный штемпель аверса, неизвестный еще по монографии Ф. де Каллатая [ср.: Callataÿ, 1997, pl. VII. *D3-R1a, D3-R4c*], был учтен тем же автором в вышедшей недавно дополнительной сводке (к сожалению, без иллюстративного материала). Как любезно сообщил мне исследователь, речь идет о штемпеле O2 [Callataÿ, 2014, p. 131]. Попутно заметим, что подобным штемпелем производилась чеканка тетрадрахм в 10-м месяце 212 г. (июль 85 г. до н. э) [Callataÿ, 1997, pl. VII. *D2-R1a*] и в 4-м году пергамской эры [Kleiner, 1974, pl. IV. *22*; Callataÿ, 1997, pl. XIII. *D5-R3b*].

[18] На мой взгляд, она принадлежит к числу монет первых недатированных эмиссий, на реверсе которых еще отсутствовало изображение венка [ср.: Callataÿ, 1997, p. 8, pl. I. *D1-R1a, D2-R2a, D3-R3a*].

[19] В частности, Сикион фигурирует в обширном списке городов, чьи монеты были найдены в XIX в. на острове Левке (Фидониси) [Зограф, 1941, с. 153]. Еще одна монета Сикиона IV–III вв. до н. э. происходит из раскопок Херсонеса в 1965 г. [Гилевич, 1973, Список монет (без пагинации), № 80].

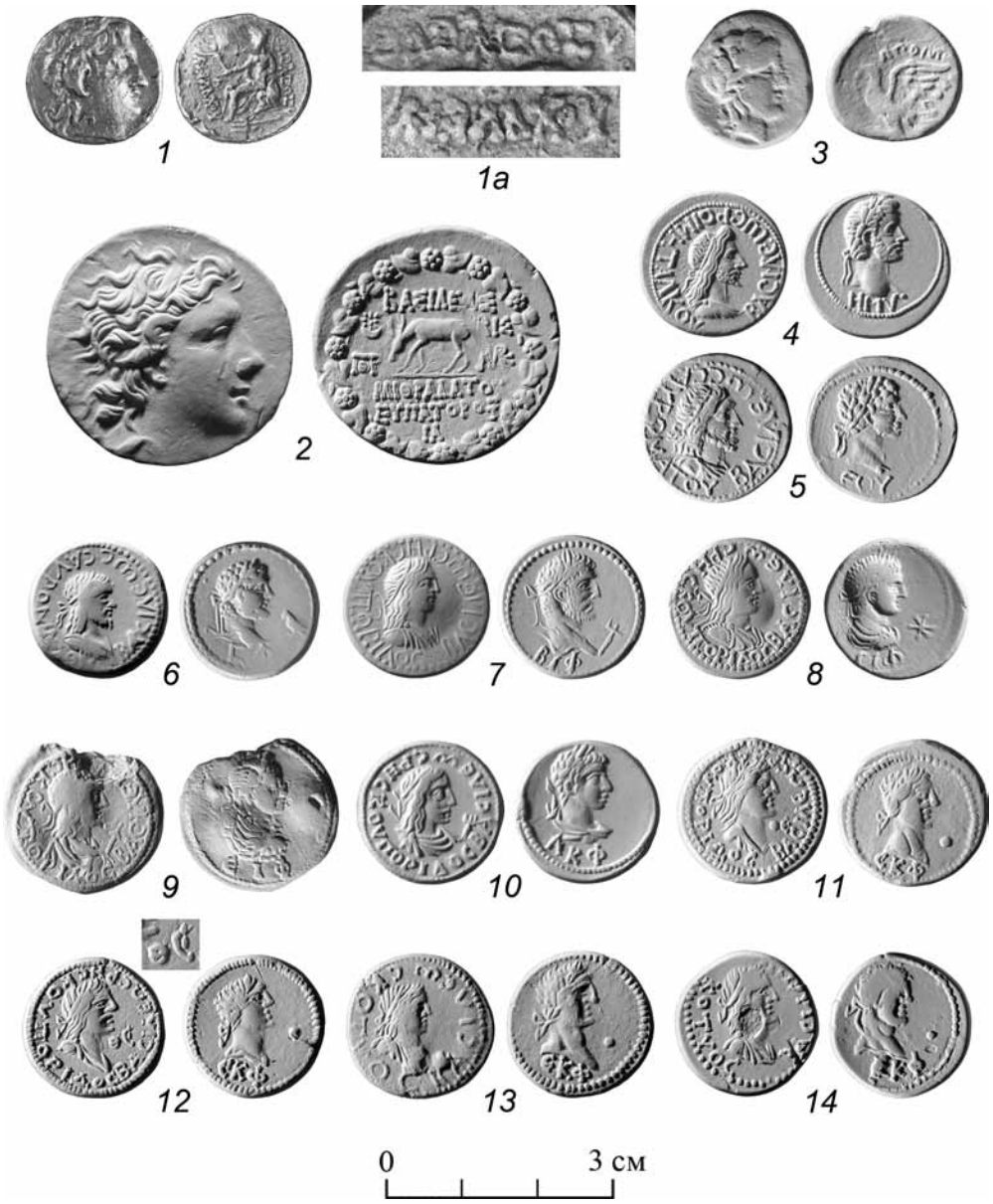


Рис 1. Античные монеты, найденные в районе Сочи.
1, 1а – Колхида; *2* – Понтийское царство; *3* – Сикион; *4–14* – Боспорское царство
(*3, 8* – предположительно местные находки)

сплаве вплоть до его полного исчезновения. Самым ранним среди них является статер Реметалка 448 г. босп. э. = 151/52 г. н. э., найденный в 1978 г. на юго-восточной окраине пос. Лазаревское при земляных работах на приусадебном участке и поступивший в музей (**№ 4**). В 1985 г. музеем была куплена у жителя с. Волконка Лазаревского района монета Савромата II 475 г. босп. э. = 178/79 г. н. э., которую владелец получил в подарок от деда в 1930-е гг. (**№ 5**). Несмотря на отсутствие сведений об этой находке, вряд ли стоит сомневаться в том, что она имеет местное происхождение.

В 2000 г. мне удалось изучить пять статеров (№ 6, 12–15), хранящихся в этнографическом комплексе «Амшенский двор» в с. Казачий Брод Адлерского района[20]. В числе последних – заметно потертая в обращении монета Савромата II 506 г. босп. э. = 209/10 г. н. э. (**№ 6**). К обильным эмиссиям Рескупорида III (II) относится статер 512 г. босп. э. = 215/16 г. н. э., обнаруженный в годы Великой Отечественной войны в Лазаревском, на вспаханном поле выше ул. Родниковой (**№ 7**). В следующем 513 г. босп. э. = 216/17 г. н. э. отчеканена ранее упомянутая беспаспортная монета из музейной коллекции (см. прим. 16), которую предположительно можно признать местной находкой (**№ 8**). Попутно заметим, что статер, битый той же парой штемпелей, был найден в 1935–1936 гг. на земле станицы Тульской близ Майкопа [Лунин, 1939, с. 213, рис. 2; Зограф, 1945, с. 52–53, № 7]. Еще один статер Рескупорида III (II) 515 г. босп. э. = 218/19 г. н. э. обнаружен в 1972–1974 гг. в Хостинском районе, около пос. Малый Ахун, в мест. Бобринка (**№ 9**). Тому же царю принадлежит неоднократно изданная эрмитажная монета 521 г. босп. э. = 224/25 г. н. э., которая, как уже отмечалось, найдена в 1927 г. между Адлером и Хостой (**№ 10**).

Интересен статер с именем Рескупорида III (II) 525 г. босп. э. = 228/29 г. н. э., найденный в 1981 г. жительницей с. Русская Мамайка на своем приусадебном участке (**№ 11**). От 525 г. босп. э. до нас дошли монеты двух боспорских царей – самого Рескупорида и его сына Котиса III, который начал выпуск статеров годом раньше – в 524 г. босп. э. = 227/28 г. н. э. Данный факт исследователи интерпретируют по-разному. Отправным моментом здесь служит присутствие на аверсе монет с именем Рескупорида особого дифферента (в нашем случае комбинации рельефной точки и буквы Є). Ряд ученых вслед за Х. Х. Гилем рассматривают этот знак как первый слог слова ΘΕΟΣ, что наводит на мысль о чеканке таких статеров Котисом III в честь умершего и обожествленного отца [Фролова, 1997, II, с. 7–8, 20–21; ср.: Смекалова, 2001, с. 342]. Против означенной идеи выступил украинский нумизмат В. А. Анохин, утверждая, что буква Θ на самом деле представляет собой «сплошной наплыв металла», подобный «точке» на реверсе тех же монет. Итогом этих наблюдений стал вывод о совместной чеканке обоих царей в 525 г. [Анохин, 1986, с. 118–119; 1999, с. 159, 160 и прим. 1; ср.: Яйленко, 2010, с. 509]. Однако согласиться с этим мнением мешает одно обстоятельство, а именно существование статеров, на которых безошибочно читается *тета*[21]. К числу таковых принадлежит следующая публикуемая монета из коллекции этнографического комплекса «Амшенский двор» (рис. 1. *12*). Нельзя не отметить, что два последних статера внешне уже не отличаются от обычных серебряных монет, при этом первый экземпляр изготовлен из желтоватого сплава и плакирован серебром. В упомянутом народном музее хранятся также две монеты Котиса III 525 г. босп. э. = 228/29 г. н. э., чеканенные разными штемпелями (**№ 13–14**) и одна монета Савромата III 527 г. босп. э. = 230/31 г. н. э. (**№ 15**). В представленном описании денежных единиц Боспора позднейшим является бронзовый «статер» Фофорса 592 г. босп. э. = 295/96 г. н. э., который был найден около 1989 г. в Адлере, в северной части микрорайона Голубые Дали, в борту строительного котлована (**№ 16**).

[20] По словам организатора комплекса Э. А. Каладжяна, эти статеры, а также несколько римских денариев и серебряных монет Кесарии Каппадокийской (см. о них ниже) были найдены в разрушенных погребениях на окружающей территории.

[21] На эту деталь в свое время обратил внимание А. А. Молчанов [1989, с. 83–84].

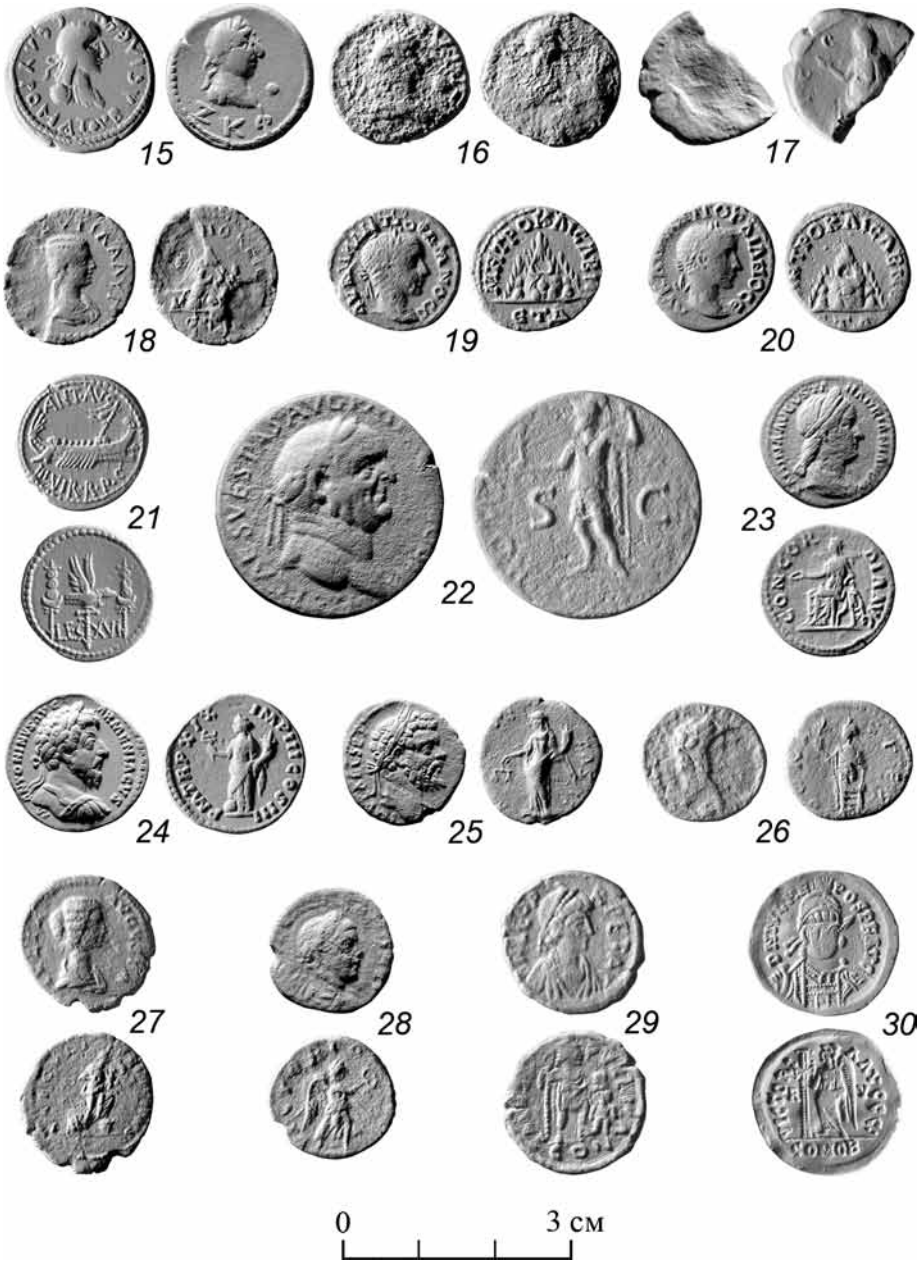


Рис. 2. Античные монеты, найденные в районе Сочи.
15–16 – Боспорское царство; *17–20* – Кесария Каппадокийская; *21–30* – Рим
(*30* – предположительно местная находка)

Если в свете сказанного сопоставить наши данные с материалами из соседней Абхазии, то вырисовывается любопытная картина. Находки золотых (электровых) статеров боспорских царей, столь обычные на территории Сочи, здесь до сих пор не засвидетельствованы, хотя изредка встречаются в других районах Закавказья [см., например: Капанадзе, 1959, с. 149–150]. Зато сюда, судя по всему, достаточно регулярно проникала

разновременная боспорская медь эллинистического и римского времени [Шамба, 1987, с. 42–45]. Такая ситуация, как можно догадаться, была обусловлена особенностями денежного обращения в этой части Колхиды.

Продолжая обзор местных находок, отметим, что среди них присутствуют четыре серебряные монеты Кесарии Каппадокийской II–III вв. н. э., входившие в состав погребального инвентаря (см. прим. 20). К недатированному выпуску Антонина Пия (138–161 гг.) относится обломанная дидрахма (**№ 17**), тип которой хорошо известен по находкам в Абхазии [см., например: Шамба, 1987, с. 63–64, № 80–81, табл. XV. *81*]. Интересна очень редкая драхма жены Каракаллы Плавтиллы с несохранившейся датой (**№ 18**). Впрочем, есть некоторые основания полагать, что она была выпущена в 12-м году правления Септимия Севера (203/4 г. н. э.)[22]. До настоящего времени находки кесарийских монет Плавтиллы не были зарегистрированы ни на территории исторической Колхиды, ни в Северном Причерноморье. Предпоследним годом чеканки провинциального кесарийского серебра (ЄТ Δ = 240/1 г. н. э.) датируются две драхмы Гордиана III, содержащие указание на вторую неокорию (**№ 19–20**). Монеты этого императора почти не встречаются в Абхазии и Западной Грузии[23], где серебро Кесарии в основном представлено чеканкой конца I – начала III в. [Голенко, 1964, с. 27].

Самостоятельную группу нумизматических находок образуют собственно римские монеты, суммарная дата которых лежит в пределах I в. до н. э. – V в. н. э. Среди них – легионный денарий Марка Антония, чеканенный в 32–31 гг. до н. э. на походном монетном дворе в Греции (**№ 21**). Монета найдена в 1978 г. в пос. Головинка Лазаревского района, в пустынном месте, на поверхности земли. В 1996 г. вблизи гостиницы «Жемчужина», на берегу моря, в устье речки Верещагинки, в слое глины, вырытой экскаватором, был обнаружен сестерций Веспасиана (**№ 22**). Отметим далее ауреус Марка Аврелия, обнаруженный около 1989 г. в местности Верхняя Мацеста, в лесу, при расчистке места для костра (**№ 24**). К этим находкам следует присоединить пять римских денариев II–III вв. н. э., которые вместе с рассмотренными выше монетами Кесарии происходят из древних погребений. Они выпущены от имени Сабины, жены Адриана (**№ 23**), Септимия Севера (**№ 25–26**), его жены Юлии Домны (**№ 27**) и Севера Александра (**№ 28**). Бронзовая монета Льва I (457–474 гг.) константинопольской чеканки была найдена в 1976 г. на юго-восточной окраине Лазаревского, на пляже пансионата «Волна», в воде (**№ 29**). Замыкает приведенный перечень редкий солид Юлия Непота (**№ 30**), чеканенный в Равенне в первое правление этого императора (474–475 гг.). Несмотря на то, что происхождение данной монеты из коллекции Сочинского музея не установлено[24], мы решаемся предположительно включить ее в число местных находок.

Подводя итоги нашему обзору, можно сделать некоторые предварительные выводы. Значительная протяженность территории города, ее географическое положение и неоднородная степень социально-экономического развития обитавших здесь племен

[22] Существует однотипный экземпляр этого года (ЄТ IB), битый общим штемпелем аверса (Lanz 20, 13. Apr. 1981, 685 = Lanz 117, 24. Nov. 2003, 956).

[23] Нам известен лишь один случай находки драхмы Гордиана III при раскопках в Пицунде [Голенко, 1964, с. 63–64, № 14].

[24] Сохранилась только дата записи в Книге поступлений – 24/X-54 г.

обусловили особенности распространения в этом районе иноземных монет. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что монетные находки сконцентрированы главным образом в юго-восточной части городской территории, где лишь в первые века н. э. сложились необходимые предпосылки для возникновения денежной формы торговли. Этот факт, а также состав зафиксированных находок, свидетельствуют о сильном экономическом и политическом влиянии Колхиды, которая являлась своего рода связующим звеном между местным племенным миром и малоазийскими центрами. С другой стороны, боспорское влияние выражалось в проникновении на побережье золотых царских статеров II–III вв. н. э., служивших, надо думать, мерой стоимости и средством платежа при осуществлении крупных торговых сделок. Не приходится, однако, сомневаться в том, что среди населения прибрежной зоны в этот период господствовал натуральный обмен, вследствие чего привозные монеты не могли играть значительной роли во внутренней и внешней торговле.

Описание монет

Колхида

1. Подражание статеру лисимаховского типа. II-I вв. до н. э.

Л. с. Голова Александра Македонского вправо.

О. с. Афина, сидящая на троне влево; в правой руке держит фигурку Ники, левой опирается на щит. По сторонам – искаженная надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. В поле слева – неясная монограмма, внизу – трезубец с двумя дельфинами.

Ср.: Дундуа, 1987, с. 72-73, № 56, табл. XX. *3067*.

AV. 18 мм. 8,16 г. Проба – 980.

Понтийское царство

2. Митридат VI Евпатор. Август 85 г. до н. э.

Л. с. Голова Митридата в диадеме вправо.

О. с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ. Пасущийся олень влево, перед ним – звезда с полумесяцем и монограмма ΓΘΡ; справа – ΒΙΣ и монограмма ΑΛΚ, внизу – ΙΑ. Вокруг – венок из листьев и плодов плюща.

Callataÿ, 1997, p. 16, pl. VII. *D3-R1a, D3-R4c*; Roma Numismatics Ltd., E-Sale 42, 6 Jan. 2018, 196 (общий штемпель л. с.).

AR. Тетрадрахма. 33 мм. 15,98 г.

Сикиония (Пелопоннес)

3. Сикион. Первая половина I в. до н. э.

Л. с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо.

О. с. Голубь с лентой в клюве влево; ΑΠΟΛΛΩ/ΝΙΟΥ.

BMC Peloponnesus, 1887, p. 55, no. 236-237; Warren, 1984, p. 19, no. 7a, pl. 3.

Æ. Трихалк. 18 мм. 4,26 г. МИГКС[25], Оф-3129/2 (местная находка?).

[25] Музей истории города-курорта Сочи.

Боспорское царство

4. Реметалк. 448 г. босп. э. = 151/52 г. н. э.

Л. с. ВАСІЛЄѠС РОІМНТАЛКОV. Бюст царя вправо.

О. с. Бюст Антонина Пия вправо, внизу – НМV.

Фролова, 1997, I, табл. LIX. *20-21*; LX. *2*; Анохин, 1986, табл. 22. *516а*.

А. Статер. 20 мм. 7,8 г. Проба – 583. МИГКС, Оф-6169.

5. Савромат II. 475 г. босп. э. = 178/79 г. н. э.

Л. с. ВАСІЛЄѠС САУРОМАТОУ. Бюст царя вправо.

О. с. Голова Коммода или Марка Аврелия вправо, перед ней – копье (соскоблено); внизу – ЄОУ.

Фролова, 1997, I, табл. LXXIII. *1-2*; Анохин, 1986, табл. 25. *558* (о. с.).

А. Статер. 20 мм. 7,57 г. Проба – 375. МИГКС, Оф-9660.

6. То же. 506 г. босп. э. = 209/10 г. н. э.

Л. с. ВАСІЛЄѠС САVРОМАТОV. Бюст царя вправо.

О. с. Бюст Септимия Севера вправо, перед ним – орел; внизу – ЄФ.

Фролова, 1997, I, табл. LXXXI. *12-14*; Анохин, 1986, табл. 27. *585а*.

А. Статер. 19 мм. 7,68 г.

7. Рескупорид III (II). 512 г. босп. э. = 215/16 г. н. э.

Л. с. ВАСІЛЄѠС РНСКОVПОРІΔОС. Бюст царя вправо.

О. с. Бюст Каракаллы вправо, перед ним – трезубец; внизу – ВІФ.

Фролова, 1997, II, табл. IV. *7-10, 12-13, 20, 27*; Анохин, 1986, табл. 30. *632б* (о. с.).

А. Статер. 19 мм. 7,56 г.

8. То же. 513 г. босп. э. = 216/17 г. н. э.

Л. с. ВАСІЛЄѠС РНСКОVПОРІΔОС. Бюст царя вправо.

О. с. Бюст Каракаллы вправо, перед ним – 6-конечная звезда; внизу – ГІФ.

Фролова, 1997, II, табл. V. *15-16, 25*; VI. *1*; Анохин, 1986, табл. 30. *633г*.

А. Статер. 19 мм. 7,5 г. Проба – 333. МИГКС, Оф-11143; спец. № 19 (местная находка?).

9. То же. 515 г. босп. э. = 218/19 г. н. э.

Л. с. ВАСІЛЄѠС РНСКОVПОРІΔОС. Бюст царя вправо, перед ним – меч.

О. с. Бюст Элагабала вправо, внизу – ЄІФ.

Фролова, 1997, II, табл. VI. *25*; VII. *1-8, 24*; VIII. *1, 4, 6, 8-9, 13, 15-16*.

А. Статер. 21 мм. 6,90 г (обломана). МИГКС, Оф-10269.

10. То же. 521 г. босп. э. = 224/25 г. н. э.

Л. с. ВАСІЛЄѠС РНСКОVПОРІΔОС. Бюст царя вправо, перед ним – трезубец.

О. с. Бюст Севера Александра, внизу – АКФ.

Фролова, 1997, II, табл. XII. *24* (этот экземпляр) = Анохин, 1986, табл. 31. *641а*.

А. Статер. 19 мм. 7, 63 г. Проба 333. ГЭ, № 1100.

11. Котис III с именем Рескупорида III (II). 525 г. босп. э. = 228/29 г. н. э.

Л. с. ВАСІЛЄѨС РНСКОVПОРІΔОС. Бюст царя вправо, перед ним – точка и буква Є.

О. с. Голова императора вправо, перед ней – точка; внизу – ЄКФ.

Фролова, 1997, II, табл. XIII. *25-26*; XIV. *1-2, 4-6*; Анохин, 1986, табл. 31. *644*.

Статер. 20 мм. 7,31 г.

12. То же.
Л. с. ВАСІЛЄΩС РНСКОVПОРІΔОС. Бюст царя вправо, перед ним – ΘЄ.
О. с. Голова императора вправо, перед ней – точка; внизу – ЄКФ.
Фролова, 1997, II, табл. XIII. *25-26*; XIV. *1-2, 4-6*; Анохин, 1986, табл. 31. *644*.
Статер. 19 мм. 6,76 г.

13. Котис III. 525 г. босп. э. = 228/29 г. н. э.
Л. с. ВАСІЛЄΩС КОТVОС. Бюст царя вправо.
О. с. Голова императора вправо, перед ней – точка; внизу – ЄКФ.
Фролова, 1997, II, табл. XXII. *12-16, 26-27*; XXIII. *1-3, 8-13*.
Статер. 20 мм. 6,74 г.

14. То же.
Л. с. ВАСІЛЄΩС КОТVОС. Бюст царя вправо.
О. с. Голова императора вправо, перед ней – точка; внизу – ЄКФ.
Фролова, 1997, II, табл. XXII. *12-16, 26-27*; XXIII. *1-3, 8-13*.
Статер. 19,5 мм. 6.74 г.

15. Савромат III. 527 г. босп. э. = 230/31 г. н. э.
Л. с. ВАСІЛЄΩС САVРОМАТОV. Бюст царя вправо.
О. с. Голова императора вправо, перед ней – точка; внизу – ZКФ.
Фролова, 1997, II, табл. XXVII. *14* = Анохин, 1986, табл. 33. *666* (о. с.).
Статер. 20 мм. 6,89 г.

16. Фофорс. 592 г босп. э. = 295/96 г. н. э.
Л. с. [В]АСІЛ[ЄΩС ΘОΘΩРСОV]. Бюст царя вправо, перед ним – шар.
О. с. Бюст императора вправо, перед ним – тамга; внизу – [В ϥ]Ф.
Фролова, 1997, II, табл. LXXIII. *7, 10-19*; Анохин, 1986, табл. 37. *740а*.
Æ. «Статер». 19 мм. 5,43 г.

Кесария Каппадокийская

17. Антонин Пий. 138-161 гг. н. э.
Л. с. [АVТ]О[К]Р АНТΩ[НЄІНОС СЄВАСТОС]. Голова или бюст Антонина Пия вправо.
О. с. [ЄV]СЄ[ВЄІА]. Эвсебия, стоящая влево перед горящим алтарем.
Sydenham, 1933, p. 81, no. 292-293; Metcalf, 1996, pl. 54. *116a-b, d*.
AR. Дидрахма. 18 мм. Вес - ? (обломана).

18. Плавтилла. 203/204 г. н. э. (?).
Л. с. [ФОV ПЛ]АVТІЛА АVГ. Бюст Плавтиллы вправо.
О. с. [МНТРО]ПО К[А]ІС[..]. Гора Аргей, внизу – ЄТ І[В?].
Lanz, Auktion 20, 13. Apr. 1981, 685 = Lanz, Auktion 117, 24. Nov. 2003, 956 (общий штемпель л. с.).
AR. Драхма. 19 мм. 1,26 г.

19. Гордиан III. Год 4 = 240/41 г. н. э.
Л. с. АV КАІ М АНТ ГОРΔІАНОС С. Голова Гордиана в лавровом венке вправо.
О. с. МНТРО КАІСА В N. Гора Аргей, внизу – ЄТ Δ.
Sydenham, 1933, no. 603 (варианты надписей).
AR. Драхма. 17,5 мм. 1,60 г.

20. То же.

Л. с. AV KA[I M AN]T ГОРΔIANO CЄ. Голова Гордиана в лавровом венке вправо.

О. с. [M]HTPO KAICA B NЄ. Гора Аргей, внизу – [Є]T Δ; слева от вершины – точка.

Sydenham, 1933, no. 603 (вариант надписи л. с.).

AR. Драхма. 18 мм. 1,80 г.

Римская республика

21. Марк Антоний. Походный монетный двор. 32-31 гг. до н. э.

Л. с. ANT•AVG / III•VIR•R•P•C. Галера с гребцами вправо.

О. с. Легионный орел между двумя штандартами; внизу: LEG – XVI.

Sydenham, 1952, no. 1236; Crawford, 1974, no. 544/31.

AR. Денарий. 18 мм. 3,02 г.

Римская империя

22. Веспасиан. Рим. 71 г. н. э.

Л. с. IMP CAES VESPAS AVG P M T[R P P P] COS III. Голова Веспасиана в лавровом венке вправо.

О. с. Рома в шлеме с фигуркой Виктории и копьем, влево; S – C, слева – ROMA.

RIC. II, p. 69, no. 443; BMCRE. II, no. 564.

Æ. Сестерций. 30 мм. 21,06 г.

23. Сабина. Рим. Ок. 128-136/7 гг. н. э.

Л. с. SABINA AVGVSTA HADRIANI AVG P P. Бюст Сабины в диадеме вправо.

О. с. CONCORDIA AVG. Конкордия, сидящая на троне влево; в правой руке держит патеру, левой опирается на статуэтку Спес; под троном – рог изобилия.

RIC. II, p. 387, no. 398; BMCRE. III, p. 353-354, pl. 64. *13-14*.

AR. Денарий. 18 мм. 2,63 г.

24. Марк Аврелий. Рим. 165 г. н. э.

Л. с. M ANTONINVS AVG ARMENIACVS. Бюст Марка Аврелия в лавровом венке вправо.

О. с. P M TR P XIX IMP III COS III. Фелицитас, стоящая влево; в правой руке – кадуцей, в левой – рог изобилия; у ног слева – глобус.

RIC. III, p. 223, no. 136; BMCRE. IV, p. 436, no. 375, pl. 59. *19*.

AV. Ауреус. 19 мм. 7,19 г.

25. Септимий Север. Александрия (?). 194 г. н. э.

Л. с. IMP CAE L SEP [SEV PERT AVG]. Голова Септимия Севера в лавровом венке вправо.

О. с. A[EQ]VITAS II. Эквитас, стоящая влево с весами и рогом изобилия.

RIC. IV/1, p. 135, no. 344, pl. VII. *19*; BMCRE. V, p. 83, no. 319, pl. 14. *9*.

AR. Денарий. 17,0 мм. 2,10 г.

26. То же. Эмеса. 194-195 гг. н. э.

Л. с. [IMP CAE L SEP SE]V [PERT AVG COS II]. Голова Септимия Севера в лавровом венке вправо.

О. с. BONA SPES. Спес, стоящая влево; в правой руке – цветок, левой придерживает одежду.

RIC. IV/1, p. 140, no. 364; BMCRE. V, p. 90, no. 340, pl. 15. *11*.

AR. Денарий. 17 мм. 1,61 г.

27. Юлия Домна. Рим. 196-211 гг. н. э.

Л. с. IVLIA AVGVSTA. Бюст Юлии Домны вправо.

О. с. SAECVLI FELICITAS. Изида, стоящая вправо с ребенком Гором на руках; правая нога опирается на прору; слева – алтарь и весло.

RIC. IV/1, p. 170, no. 577, pl. IX. *9*; BMCRE. V, p. 166, no. 77, pl. 28. *18*.

AR. Денарий. 18,5 мм. 1,51 г.

28. Север Александр. Восточный монетный двор. 222 г. н. э.

Л. с. [IMP S]EV ALE[XAND AVG]. Бюст Севера Александра в лавровом венке вправо.

О. с. VICTORIA [AVG]. Виктория, идущая вправо с пальмовой ветвью и венком в руках.

RIC. IV/2, p. 86, no. 215; BMCRE. VI, p. 215, no. 1024, pl. 32.

AR. Денарий. 16,5 мм. 1,12 г.

29. Лев I. Восточная Римская империя. Константинополь. 457-474 гг. н. э.

Л. с. D N LEO P – RPET AG. Бюст Льва I в воинском облачении и диадеме.

О. с. SALVS R – PVRLICA. Император, стоящий вправо с лабарумом и глобусом в руках; перед ним – фигурка пленника.

RIC. X, p. 291, no. 660, pl. 26; Carson, Hill, Kent, 1965, p. 91, no. 2256.

Æ 2. 19 мм. Вес - ?

30. Юлий Непот. Западная Римская империя. Равенна. 474-475 гг. н. э.

Л. с. D N IVL NE – POS P F AVG. Бюст императора в фас в кирасе и шлеме; в руках – дротик и щит.

О. с. VICTORI – A AVGGG⁝. Крылатая Виктория с крестом влево; по сторонам: R – V; внизу – COMOB.

RIC. X, p. 428, no. 3212, pl. 68.

AV. Солид. 20 мм. 4,15 г. Проба – 950. МИГКС, Оф- 2706 (местная находка?).

Список литературы

Абрамзон, 2010. Абрамзон М. Г. Экономические связи Боспора в VI в. до н. э. – III в. н. э.: греческие монеты в денежном обращении // ПИФК. 1.

Абрамзон, 2013. Абрамзон М. Г. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1. М.

Абрамзон, Кузнецов, 2010. Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Фанагорийское восстание 63 г. до н. э. (Новые нумизматические материалы) // ВДИ. 1.

Абрамзон, Кузнецов, 2015. Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 3). М.

Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.

Анохин, 1999. Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев.

Брашинский, 1967. Брашинский И. Б. К истории экономических связей Восточного Причерноморья в античную эпоху (по нумизматическим материалам) // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. XLVII. № 3. Тбилиси.

Брашинский, 1968. Брашинский И. Б. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.

Воронов, 1979а. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.

Воронов, 1979б. Воронов Ю. Н. Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II–VII вв.) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси.

Гилевич, 1973. Гилевич А. М. Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965–1966 гг. // Античная древность и средние века. 9. Свердловск.

Голенко, 1964. Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л.

Голенко, 1971. Голенко К. В. Заметки об обращении римской монеты в Закавказье // ВДИ. 4.

Дадашева, 1976. Дадашева С. А. Основные черты денежного обращения Кавказской Албании // ВДИ. 4.

Дундуа, 1967. Дундуа Г. Ф. Взаимоотношения Грузии и Понтийского царства (по нумизматическим данным) // Дзеглис Мегобари. № 10–11 (на груз. яз.).

Дундуа, 1987. Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии. Тбилиси.

Зограф, 1941. Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. VII.

Зограф, 1945. Зограф А. Н. Распространение находок античных монет на Кавказе // Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Т. I. Л.

Капанадзе, 1959. Капанадзе Д. Г. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.

Кропоткин, 1961. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Г4–4.

Кропоткин, 2000. Кропоткин В. В. Дополнение к списку находок римских монет // Stratum plus. № 6. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест.

Лордкипанидзе, 1970. Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси.

Лунин, 1939. Лунин Б. Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 3.

Лунин, 1940. Лунин Б. Новые находки золотых подражаний статерам Лисимаха на Кавказе // ВДИ. 3–4.

Маан, 2012. Маан О. В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии (VI в. до н. э. – 70-е гг. XIX в.). Сухум.

Меликишвили, 1959. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси.

Молчанов, 1989. Молчанов А. А. Коммеморативный статер 525 г. боспорской эры // Проблемы исследований античных городов: III научные чтения, посвященные памяти проф. В. Д. Блаватского. Тезисы докладов. М.

Недоля, 1969. Недоля И. К. Отчет по обследованию памятников средневековья в районе Большого Сочи за 1954–1968 гг. Архив Музея истории города-курорта Сочи. Фонд «Археология». Д. 23.

Новиченкова, 2015. Новиченкова Н. Г. Горный Крым: II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь.

Пахомов, 1926. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и Закавказья (Труды О-ва обследования и изучения Азербайджана. Вып. 3). Баку.

Пахомов, 1949. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. V. Баку.

Пахомов, 1954. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VI. Баку.

Пахомов, 1959. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VIII. Баку.

Пахомов, 1966. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IX. Баку.

Розов, 1991. Розов В. Н. О находках античных монет в районе Сочи // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар.

Розов, 2014. Розов В. Н. Новые находки греческих привозных монет на территории Таманского полуострова // ДБ. 18.

Скаков, 2012. Скаков А. Ю. Находки подражаний статерам Александра Македонского и Лисимаха в Западном Закавказье // Историко-археологический альманах. 11. Армавир – Краснодар – М.

Смекалова, 2001. Смекалова Т. Н. Боспор в сфере влияния Римской империи (по данным о составе монетных сплавов) // ДБ. 4.

Фролова, 1997, I–II. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. I–II. М.

Шамба, 1970. Шамба Г. К. Погребение II в. из Мацесты // СА. 2.

Шамба, 1987. Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н. э. – XIII в. н. э.). Тбилиси.

Яйленко, 2010. Яйленко В. П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.

BMC Peloponnesus, 1887. Gardner P. Catalogue of Greek Coins. Peloponnesus (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum). L.

Callataÿ, 1997. Callataÿ F. de. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve.

Callataÿ, 2014. Callataÿ F. de. Revisiting a Numismatic Corpus: The Case of Eupator, Last King of Pontus // Proceedings of the First International Congress of the Anatolian Monetary History and Numismatics. Antalya.

Carson, Hill, Kent, 1965. Carson R. A. G., Hill P. V., Kent J. P. C. Late Roman Bronze Coinage. A. D. 324–498. L.

Crawford, 1974. Crawford M. H. Roman Republican Coinage. Vol. I. Cambridge.

Kleiner, 1974. Kleiner F. S. The Giresun Hoard // American Numismatic Society Museum Notes. 19.

Marinescu, 1996. Marinescu C. A. Making and Spending Money along the Bosporus: the Lysimachi Coinages minted by Byzantium and Chalcedon and their Socio-Cultural Context (dissertation). N. Y.

Metcalf, 1996. Metcalf W. E. The Silver Coinage of Cappadocia, Vespasian-Commodus (Numismatic Notes and Monographs. 166). N. Y.

SNG Brit. Mus., 1993. Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. The British Museum. Part 1: The Black Sea. L.

Sydenham, 1933. Sydenham E. A. The Coinage of Caesarea in Cappadocia. L.

Sydenham, 1952. Sydenham E. A. The Coinage of the Roman Republic. L.

Warren, 1984. Warren J. A. W. The Autonomous Bronze Coinage of Sicyon. Part 2 // NC. 144.

Zograph, 1925. Zograph A. The Tooapse Hoard // NC. 5.

Summary

V. N. Rozov

Ancient Coins Found in the Area of Sochi

The author describes imported ancient coins found in the area of Sochi (Krasnodar region). Of particular interest are an early Caucasian imitation of the staters of Lysimachus, tetradrachm of Mithradates Eupator and bronze coin of Sicyon from the Museum of Sochi History (a local find?). Other coins come from the territory of the Bosporan Kingdom and the Roman Empire, including silver provincial coins of Caesarea in Cappadocia struck in the names of Antoninus Pius, Plautilla and Gordian III. These finds indicate the economic relations of the local population with the Bosporus and Colchis.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.194-203

С. Ю. Сапрыкин
(МГУ им. М. В. Ломоносова, ИВИ РАН, г. Москва)

Греческая надпись из поселения Ак-Кая (Крым)

Городище Вишенное/Ак-Кая в центральном Крыму в 6 км севернее г. Белогорска площадью около 10 га расположено на правом берегу реки Биюк-Карасу. Это укрепленное поселение, принадлежавшее таврическим скифам, возникло в конце IV в. до н. э. и просуществовало до конца II –I вв. до н. э. На протяжении III в. до н. э., после нескольких разрушений и пожаров, неоднократно перестраивалось и укреплялось. В III – начале II в. до н. э. это была крупная скифская крепость, возможно, первая столица Скифского государства в Таврике или резиденция его правителей. Около середины-третьей четверти II в. до н. э. поселение пришло в запустение и перестало функционировать как столичный центр Таврической Скифии. Это могло быть связано с возникновением новой столицы в Неаполе (городище Керменчик).

В ходе раскопок в 2001–2008 гг. здесь была открыта наземная постройка с каменным цоколем и глинобитным полом, пристроенная к оборонительной стене. В слое пожара над остатками ее северо-западной стены были обнаружены фрагменты двух лепных курильниц и трех керамических алтарей, а также черепки от большого лепного горшка с налепами под венчиком. Рядом находились фрагменты чернолаковой фляги и стенка родосской амфоры с граффито на греческом языке (рис. 1)[1]. Правый её фрагмент с началом текста был обнаружен в нескольких метрах от левого, но оба черепка легко состыковываются друг с другом (7.5×5 см). Это самое крупное граффито из найденных до сих пор на скифских памятниках Крыма. Помещение же, где оно найдено, трактуется как святилище, которое прекратило существование в середине-второй половине II в. до н. э. [Зайцев, 2015, 135–145].[2] Граффито из семи строк выглядит следующим образом:

1 Λ *vel* A[.....]
2 CE[…….....]
3 ΛЄỌ[….....]
4 IC TЄXṆ[…….....]
5 AMHTHCKAIẊ̣Ω̣Ṛ̣Ị̣ Ị̣ [.....]

[1] Выражаю большую благодарность руководителю раскопок на поселении Ак-Кая Ю. П. Зайцеву за присланную мне для работы качественную фотографию граффито.

[2] О городище Ак-Кая подробнее см. [Зайцев, 2011, 111, 112; 2013, с. 499–506].

6 ΛΑΤΗCΜΗΜΗΑΦΗC[....]
7 ΑΠΟΛ̣ΗCΘΑΙ

[……...]
1 Λ [.....]
2 Σε[.....]
3 Λεο̣[.....]
4 ις̣ τεχν̣[ίτης?.....]
5 ἀμητὴς καὶ χω̣ρ̣ί̣τ̣[αι?..]
6 Λάτης, Μήμη, Ἄφης [...]
7 Ἀπολῆς Θ(ε)ᾶι.

Перевод: «(….) Лео(…) (…)ис – технит, (…) жнец и хориты (…) Латес, Меме, Афес, Аполес (*посвятили*) Богине».

Таким образом, это нижняя часть некоего большого граффито. Количество строк в утраченной части надписи неизвестно. В каждой строке предположительно могло быть 17–18 букв (в сткк. 5–6 справа отбито не менее 3–4 букв либо чуть больше). По характеру шрифта надпись можно датировать концом III – началом II в. до н. э. На это указывают лунарные *сигма, эпсилон, мю* с равновеликими перпендикулярными гастами и достаточно широкой ломаной поперечной гастой, *пи* с неровными боковыми гастами и особенно с чуть более длинной левой гастой и широкой горизонтальной верхней гастой, *тау* с длинной поперечной верхней гастой и другие палеографические признаки[3].

Стк. 1: сохранилась только буква Λ, скорее всего, начало личного имени.

Стк. 2: Σε[…] – может быть, начало имени или […]/σε[…] – слог в середине слова, разделенного силлабическим переносом. Возможны глагол σέβω, σεβίζω – «почитать» или существительное σέ[βασις – «почитание», σέ[βασμα], σέ[βας] – «святыня». Это соответствует общему смыслу текста граффито, являющегося посвящением богине.

Стк. 3: Λεο[…]. Вероятнее всего, это личное имя типа Λέο[κριτος], Λεο[ντίσκος] и т. п. В LGPN IV. С. 208–209 приводится 17 примеров похожих имен.

Стк. 4: в начале строки вычитывается –ις̣, скорее всего, окончание личного имени, начертанное с использованием силлабического переноса. Имён с подобным окончанием множество (LGPN IV. С. 373–376: около 500), поэтому точное восстановление невозможно. Далее прочитывается ΤΕΧΝ[…], для дополнения которого можно предложить несколько вариантов. Например: Τέχν[ων?..] – личное имя, которое засвидетельствовано на Боспоре не позднее I в. н. э. (CIRB 325), в Маронее (Фракия) в эллинистическо-римскую эпоху (LGPN IV. 330), в Аттике (LGPN II. 427), Беотии, Локриде (LGPN III. B. 403), Карии, Ликии (LGPN V. B. 406), Арголиде, Сикионе (LGPN III. A. 426). В Афинах (LGPN II. 427), Беотии, Фессалии (LGPN III. B. 403), Сицилии (LGPN III. A. 426), Ликии (LGPN V. B. 406),

[3] Палеографический анализ сделан на основании шрифтов надписей из территориально и исторически близкого Крымской Скифии Боспорского царства [Болтунова, Книпович, 1962, с. 9].

Лидии зафиксировано личное имя Τέχνη, а в Ионии Τεχνική (LGPN V. A. 428). В Памфилии во II в. до н. э. фиксируется имя Τεχνω (LGPN V. B. 406). География подобных имен показывает, что, если в надписи стояло означенное имя (или близкие однокоренные имена), то оно принадлежало эллину или эллинизованному варвару.

Однако не исключено и дополнение τεχν[ίτης… – «ремесленник» или τεχν[ῖται… – «ремесленники». Технитами называли строителей, в частности, тех, кто возводил святилища и храмы. Среди них были красильщики, медники, плавильщики, каменотесы и т. д., т. е. мастера, имевшие профессиональные навыки и умение [Poland, 1934, p. 2473–2558; Шарнина, 2002, с. 219; Кузнецов, 2000, с. 250, 252, 301–303]. Таким ремесленником мог быть человек, имя которого стояло перед определением его профессии – «технит» и оканчивалось на […]ις. Если дополнять τεχν[ῖται…], то к ремесленникам могли относиться как перечисленные выше лица, так и те из них, имена которых фигурируют в сткк. 5–7. Однако понимать под ремесленниками всех, кто назван в надписи, нереально. Слово τεχν[ῖται…] могло вообще иметь совершенно иной смысл.

С III в. до н. э. в античных городах Средиземноморья художники, артисты и театральные мастера начали создавать объединения для совместных представлений и празднеств. Их стали называть «технитами», так как они имели профессиональные навыки в своем деле – успешно организовывали представления и были осведомлены в том, как проводить религиозные праздники (LSJ, s. v.). Членов подобных объединений освобождали от налогов и воинской повинности. Самыми известными в эллинистическом мире являлись союзы технитов Диониса [Wilson, 1996, p. 3–13]. Они объединяли профессиональных артистов, музыкантов, постановщиков массовых зрелищ, организаторов игр и ритуальных культовых действий, участников празднеств и процессий. Члены этих союзов во главе со жрецом совершали обряды в честь богов. Жрец технитов участвовал в празднестве полисов (Syll.^{3} 457). Такие союзы считаются альтернативными сообществами, так как их члены не всегда почитали богов и организовывали праздники в соответствии с полисными канонами. В их состав могли входить неграждане, женщины, метеки, рабы. Члены объединений технитов представляли сообщество участников празднеств в честь Диониса – бога виноделия и плодородия [Ziebarth, 1896, p. 80; Poland, 1908; Глускина, 1977, с. 87–89; Шарнина, 1987, с. 102–117; 2002, с. 217 сл.; Климов, 2010, с. 319]. До нас дошли надписи о популярности и влиятельности технитов. В декретах Дельфийской амфиктионии (Syll.^{3} 399. 1. 13–14; 692) дается асилия – защитная привилегия Афинского союза технитов, чтобы они могли воздавать почести богам и совершать в их честь обряды и жертвоприношения [Глускина, 1977, с. 88; Шарнина, 2002, с. 222]. В декрете Этолийского союза от 227 г. до н. э. асилию получил союз технитов Ионии и Геллеспонта (Syll.^{3} 507. 1. 3–4). В Пергамском царстве существовал союз технитов Диониса Категемона [Allen, 1983, p. 104, 148; Климов, 2010, с. 321]. Техниты пользовались уважением и почетом. Артемидор (Artem. Oneir. II. 3. p. 132) утверждал, что жрецы, хористы, музыканты, актеры и техниты Диониса могли носить золотые украшения и расшитые золотом одежды.

Техниты почитали не только Диониса. Они поклонялись Музам, Аполлону, Гераклу, Зевсу, другим богам, включая иноземных, например: Сераписа, Бендиду, Кибелу Афродиту Сирийскую, Артемиду Персидскую. Для этого создавались отдельные

сообщества и к каждому прибавлялось имя божества, например, ὀργεῶνες Μητρὸς Θεῶν, Сераписты, Афродисиасты, Асклепиасты и т. п. [Латышев, 1889, с. 230–234; Фролов, 2002, с. 209–212]. Все сказанное выше и посвятительный характер граффито позволяют предположить, что группа лиц, которая делает посвящение Богине, могла быть «технитами» – членами религиозного объединения, покровительницей которого выступало женское божество. В таком случае в предыдущей строке стояли имена «технитов» – членов религиозного союза, объединения или ассоциации, почитавшие Богиню и участвовавшие в религиозных церемониях в ее честь.

Однако, делая такой вывод, следует учесть, что данная надпись обнаружена на периферии античной ойкумены, на варварском поселении, отдаленном от основных центров эллинской культуры. Поэтому предположение о существовании технитов в Крымской Скифии представляется слишком смелым. Мы больше склоняемся к пониманию ΤΕΧΝ[…] как τεχν[ίτης…] – «ремесленник». Им являлся человек, имя которого оканчивалось на –ις. В этом убеждают контекст надписи и следующая ее строка.

Стк. 5: здесь вычитывается слово ἀμητὴς – «жнец» (LSJ. s. v.; см. Porph. Ad Il. 19. 222). Оно образовано от глагола ἀμάω – «жать». Учитывая посвятительный характер надписи, речь может идти о священной жатве во время праздника урожая в честь богини плодородия. Во время Элевсинских мистерий в честь Деметры и Коры-Персефоны иерофант показывал срезанный колос, который символизировал возрождение жизни после смерти. В основе этого ритуала лежало представление об урожае как элементе жизненного богатства и возрождения к новой жизни. Это был древнейший земледельческий обряд, уходивший корнями в глубокое прошлое [Kern, 1909, p. 8–11; Foucart, 1914, p. 93, 94; Богаевский, 1916, с. 116, 189; Deubner, 1956, p. 44–50; Томсон, 1959, с. 227–234]. Ещё Дж. Фрэзер отмечал, что Деметра и Кора – богини хлебного поля: Деметра это мать зерна, а Кору называли «жатвенной Девой». Крестьяне в аграрных районах Эллады делали статую – чучело этой богини из срезанных спелых колосьев хлеба. С этим связан обряд зачатия Деметрой младенца Плутоса – богатства на трижды вспаханном поле. Крестьяне имитировали зачатие ребенка на жатвенном поле, чтобы обеспечить хороший урожай. Деметра и Персефона олицетворяли хлеб, поэтому им приносили колосья и начатки зерна [Фрэзер, 1928, с. 108–115].

В Афинах существовали строго регламентированные правила приношения начатков урожая богам. В 424 г. до н. э. было принято специальное постановление о норме взноса первинок урожая Деметре и Коре и другим богам (IG I². 76 = Syll.³ 83; 200). В этом ритуале большая роль отводилась жнецам, которые срезали колосья и связывали их в снопы, так как к снопу относились как к дару богинь плодородия и считали его «духом хлеба», пронизанным духом самих богинь. Обряды, связанные со сбором винограда и хлеба, проводились также в культах Озириса, Аттиса, Адониса. Аттис, как известно по находкам терракотовых статуэток, был популярным богом плодородия у населения сельской периферии северочерноморских государств [Kobylina, 1976, p. 20–26]. По одной из версий мифа о таврах – исконном населении Крыма, они получили название от быка, поскольку Осирис пахал там землю (Eustaph. Comm. ad Dion. Perieg. 306; Steph. Byz. s. v. Ταυρική). Это означает, что аграрное население Таврики почитало богов плодородия, поэтому включение жнеца в состав объединения почитателей

богини плодородия не выглядит необычным. Во время сбора урожая хлеба и винограда в Финикии жнецы исполняли ритуальные песни, связанные со смертью бога плодородия Адониса, чтобы этим вернуть его к жизни. Аналогичный обряд существовал на хоре Гераклеи Понтийской: мариандинские крестьяне-общинники и их жнецы пели песни в память о юноше Бормоне, который во время жатвы хотел принести им воды, но исчез (Athen. XIV. 619f-620a). Это считается своеобразной версией мифа об Адонисе/Аттисе, когда жнецы оплакивали богов умирающей и воскресающей природы жалобными криками и песнопениями [Saprykin, 1997. p. 30].

Возможно, что ἀμητὴς – это простой жнец и в данном случае подразумевается его занятие, связанное с обычной жатвой урожая, а не священный ритуал. На такую трактовку термина наводит понимание стоящего за ἀμητὴς испорченного ΚΑΙ ΧΩΙ Ι Ι[…]. Мы предлагаем реконструировать в данной строке слово, начинающееся на ΧΩΡΙΤ. Такое восстановление подтверждается достаточно большим свободным пространством между двумя последними вертикальными гастами. Автор надписи выписывал *ιαν* с широкой верхней гастой (ср. сткк. 4–6). Эта особенность палеографии предполагает широкий *vacat* для верхней гасты от *ιαν*, поэтому такое восстановление вполне допустимо. Данная строчка может быть реконструирована как καὶ χωρίτ[ης…– «хорит», т. е. «крестьянин», «поселенец» (LSJ. s. v. χωρίτης). На первый взгляд союз καί намекает на то, что это определение относится к человеку, который являлся жнецом и имя которого до нас не дошло. Текст далее уходит в облом, поэтому возможно и восстановление χωριτ[ικός?..] – «сельский», «крестьянский» и т. п. Однако, скорее всего, здесь следует читать χωρίτ[αι…], и тогда к категории «хоритов» относятся люди, имена которых прочитываются в последних строках надписи.

Означенный термин встречается у Ксенофонта при описании войны между Элидой и лакедемонянами. Лакедемоняне не помешали элейцам заведовать святилищем Зевса Олимпийского, хотя это право им не принадлежало. Это было сделано потому, что эту честь оспаривали у элейцев крестьяне (хориты), которые не имели право заведовать святилищем (Xen. Hell. III. 2. 31). В данном контексте «хориты» противопоставлены городским жителям Элиды. Очевидно, под хоритами – крестьянами у Ксенофонта подразумевались жители сельских районов. В основе термина «хорит» лежит греческое χῶρος – «местечко», «деревня», «страна», «хора», а также производное от него χωρίον – «земельный участок», поселение с участками земли или земледельческая община[4]. В V–IV вв. до н. э. χῶροι являлись административно-территориальными подразделениями граждан в Эретрии, Кеосе, Фере. В Троаде, в одной из надгробных надписей, упоминается 11 или 10 χῶροι, т. е. местных локальных общин, подчинявшихся полису (ὁ χῶρος ὁ Μοττιανῶν). В этом случае χῶροι являлись территориальными подразделениями хоры полиса, а хориты выступали в качестве жителей хоры полиса [Jones, 1987, p. 74–78; Schuler,1998, p. 53–55].

4 Ср. OGIS 229: декрет из Смирны ок. 224 г. до н. э., который предоставляет права гражданства жителям Палео-Магнесии, получившим участки земли от Антиоха I и потому их участки были освобождены от уплаты десятины. Οἱ οἰκοῦντες ἐν τῶι χωρίωι – это катойки или воины, получившие землю за службу и жившие в поселении Палео-Магнесия [Bikerman, 1938, p. 83, 84; Cohen, 1978, p. 25–28, 60–62]. Ср. также τὰ χωρία в Дура-Европос [Cumont, 1926, p. 286]; χωρίον не является полисом, чаще всего этот термин обозначал место или поселение, по обыкновению укрепленное [Robert, 1938, p. 259–261; 1970, p. 598–603].

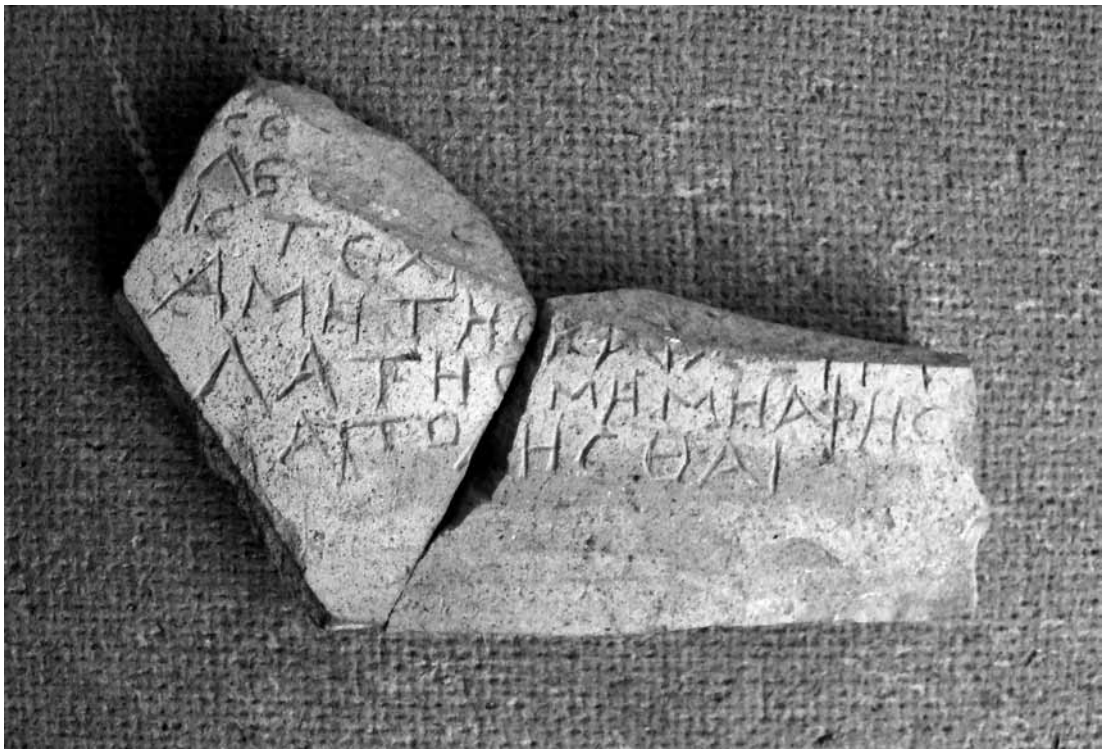


Рис.1. Греческая надпись – граффито на черепке из поселения Ак-Кая (центральный Крым).

В надписях императорского времени из Малой Азии упоминаются οἱ χωρῖτε οἱ Ζελειτῶν – жители сельской округи Зелеи [Schuler, 1998, p. 54] [5]. В Кизике засвидетельствованы χῶροι – жители земледельческих общин на хоре этого полиса. К. Шулер полагает, что их можно отождествить с комитами – обитателями деревень-общин на полисной хоре. Два χῶροι имела Лаодикея на Лике, их также отождествляют с земледельческими общинами [Schuler, 1998, p. 53–55]. В декрете из малоазийского города Кимы говорится о передаче некой Архиппой «народу», т. е. городу Кимы, принадлежавших ей «полей» (участков) или, скорее всего, деревень (τῶν ἀγρῶν) Хемиона, Скифина и Аристодема ἐγ χώρῳ Ἀχαίῳ, т. е. в регионе Ахайя. Это местечко отождествляют с Ἀχαιῶν λιμήν между Мириной и Гринейоном [Malay, 1983, p. 8–11]. Во Фракии племя бессов называли тетрахоритами, причем они проживали в некоем χωρίον'е, который принято отождествлять с городом (полисом) Ангиссос (или Агессос). (Steph. Byz. Ethnika. 618. 8–9; Polyaen IV. 4.1). Однако К. Бошнаков выдвинул убедительное предположение, что тетрахориты обитали в регионе между Гебром и Тондзосом, разделенном на четыре округа, в каждом из которых находился один сильно укрепленный пункт – столица округа [Boschnakow, 1990/1991, p. 7–13]. Во Фракии всегда были сильны племенные традиции и длительное время сохранялась сельская община, поэтому можно уверенно утверждать, что хориты племени бессов – это земледельцы-общинники, проживавшие на хоре Филиппополя,

[5] См. Syll.³ 279. L. 2–6: τῶν χωρίων τῶν δημοσίων – деревни или поселения на хоре Зелеи [Kreissig, 1983, p. 308].

Мастиры, Кабиле и Дронгилиона – столиц округов на территории их расселения. Следовательно ὁ χῶρος и τὸ χωρίον являлись укрепленными поселениями, где проживали земледельцы, которые обрабатывали окрестную территорию. Это были либо независимые поселения либо поселения, зависевшие от полисов. В подвластной им округе находились участки и мелкие общины земледельцев. Таким образом, хориты – это члены земледельческих общин, обитавшие на поселениях типа χῶρος или χωρίον. В таком случае хорит или хориты, упоминаемые в граффито из Ак-Кая, могли быть жителями этого укрепленного поселения в Таврической Скифии или зависимых от него деревень-ком. Среди них были ремесленники-техниты, а также жнец, очевидно, крестьянин – член земледельческой общины этого поселения. Перечисленные далее личные имена посвятителей Богине относятся к людям, которых объединяет термин «хориты».

Стк. 6–7: Μήμη = Μάμη, женское имя, варварское, так наз. Lallname (ср. LGPN IV 219, IByz 147: Македония, Малая Скифия, Фракия, Одесс, Бизант)[6]. Это уменьшительно-ласкательное имя может быть также производным от ΜΗΤΗΡ – мать, или восходить к теониму Μᾶ – каппадокийской богине, близкой по функциям Великой Матери Богов – Кибеле и Артемиде Таврополе [Proeva, 1983, p. 165–183; Сапрыкин, 2009, с. 231–245]. Имя Ἄφης – мужское, вариант известных имен Ἄφφους, Ἄφφος (LGPN IV. 62 – Македония, Малая Скифия, Боспор, Фракия); ср. также Ἀφφῦς (Лидия), Ἄφφους (Вифиния, Мисия), женское имя Ἄφφη (Вифиния, Иония, Мисия) (LGPN V A. 93, 94). Λάτης = Λᾶτος – мужское имя (LGPN IV. 207: Македония, II в. до н. э., LGPN VA. 263: Амис). Имя Ἀπολῆς = Ἀπολλᾶς – мужское теофорное (LGPN IV. 34: Фракия, Македония, LGPN VA. 42: Эолида, Вифиния, Иония). Эти имена варварские, как бы повторяющие соответствующие малоазийские, фрако-македонские и причерноморские антропонимы, начертаны согласно особенностям говора местного населения. Среди них есть личные имена, производные от теонимов Аполлона, Латоны, Ма. Обращает на себя внимание отсутствие патронимиков, что говорит о принадлежности носителей этих имен эллинизованным тавро-скифам.

Θᾶι = Θ(ε)ᾶι: это обобщенное имя Богини с приписной йотой в дательном падеже, в котором *эпсилон* пропущен либо по ошибке, либо в соответствии с говором местного населения. В эпиграфике соседнего Боспора гласная ε в безударном положении нередко выпадала, ср., например, ἱερέα = ἱρέα [Доватур, 1965, с. 799]. Аналогичное явление встречается в малоазийской эпиграфике: θ(ε)οῦ (SP III 247, регион Эвхаиты-Амасии), θ(εό)ς (SP III 136, Амасия), χορ(ε)ίας (SP III 101, Амасия). Поэтому в слове θεά в дифтонге перед конечной ударной гласной она также могла выпасть. Безымянных Богов и Богинь в греческой эпиграфике достаточно много. В качестве примера можно привести надпись из Амасии с посвящением Богам при Фарнаке I Понтийском (SP III. 94: Ὑπὲρ βασιλέως Φαρνάκου … θεοῖς). Из македонской столицы Эги происходит надпись царицы Лаодики, дочери царя Селевка, жены царя Македонии Персея, с посвящением Богу ([τῶ]ι θεῶ[ι], возможно, Зевсу, покровителю династии Антигонидов [Saatsoglou-Paliadeli, 2011, p. 200]. В Каллатисе найдена надпись о посвящении жрицей статуи Богине (τὴν θεὸν), под которой понималась Афродита (ISM III. 94). В боспорской надписи 151 г. н. э.

[6] Имя одного корня с именами Μαμμάριον, Μάμμαρος, поскольку ребенок часто повторял слово μάμμα [Curbera, 2013, p. 135].

говорится, что царь Реметалк земли в Фианнеях (на Азиатском Боспоре, в окрестностях Фанагории) «все собрав и преумножив, возвратил богине (τῆι θεῶι) в целости…» (CIRB, 976). Под «богиней» подразумевалась Афродита или Артемида Агротера. В надписи из Пирея 329 г. до н. э. – постановлении союза оргеонов – упоминаются безымянные боги и богиня без имени (Бендида) (Syll.³ 1095). Очевидно, что и в нашем случае безымянная Богиня – это обобщенный образ женского божества плодородия, который мог относиться к Деметре, Коре-Персефоне, Артемиде Агротере, Кибеле – Великой Матери богов. Последняя была особенно популярна в Северном Причерноморье в эпоху эллинизма. Упоминание Богини без имени это результат характерного для этого времени синкретизма различных божеств.

Итак, надпись, о которой идет речь, представляет собой список участников религиозного объединения типа фиаса или технитов, куда входили упоминаемые по именам и по роду занятий посвятители Богини – участники праздника в её честь. В это локальное культовое объединение могли входить различные категории населения, включая воинов, крестьян, ремесленников и т. д., считавшихся сотоварищами по отправлению обрядов культа. Богиня, почитавшаяся его участниками, покровительствовала плодородию и растительным силам природы. Жители поселения Ак-Кая почитали её в ипостаси Великой матери-Кибелы или близкой ей Деметры (м. б. Коры-Персефоны), возможно, Артемиды Тавропольы. Посвящение богине производительных сил природы было совершено членами земледельческой общины, сложившейся на поселении Ак-Кая. Последнее может быть охарактеризовано как ὁ χῶρος или τὸ χωρίον. Женское имя среди посвятителей не должно вызывать удивления – в религиозных союзах эпохи эллинизма женщины входили в состав их членов, тем более что имя Мамэ соответствует статусу божества, которому сделано посвящение. Дата и содержание граффито полностью совпадают с датировкой и назначением помещения, где оно было обнаружено, подтверждая его атрибуцию как святилища. Надпись доказывает высокий уровень эллинизации тавро-скифского населения центрального Крыма, а также то, что на поселении Ак-Кая (Вишенное) проживали ремесленники и крестьяне, которые имели свое религиозное объединение.

Список литературы

Богаевский, 1916. Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин. Петроград.

Болтунова, Книпович, 1962. Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. III.

Глускина, 1977. Глускина Л. М. Асилия эллинистических полисов и Дельфы // ВДИ. 1.

Доватур, 1965. Доватур А. И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей. М., Л.

Зайцев, 2011. Зайцев Ю. П. Варварское население Крыма в III в. до н. э.: скифы или миксэллины? // Иран и античный мир: политическое, культурное и экеономическое взаимодействие двух цивилизаций. Казань.

Зайцев, 2013. Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский – Ак-Кая – Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III–I вв. до н. э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб.

Зайцев, 2015. Зайцев Ю. П. Пристенное святилище эллинистического времени на городище Ак-Кая/Вишенное в центральном Крыму // Боспорские исследования. Вып. XXXI. Керчь.

Климов, 2010. Климов О. Ю. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб.

Кузнецов, 2000. Кузнецов В. Д. Организация общественного строительства в древней Греции. М.

Латышев, 1889. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2. СПб.

Сапрыкин, 2009. Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.

Томсон, 1959. Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. 1. М.

Фролов, 2002. Фролов Э. Д. Религиозные союзы // Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб.

Фрэзер,1928. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Вып. III: Умирающие и воскресающие боги растительности. М.

Шарнина, 1987. Шарнина А. Б. Союзы технитов Диониса в эллинистических полисах // ВДИ. 2.

Шарнина, 2002. Шарнина А. Б. Техниты Диониса // Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб.

Allen, 1983. Allen R. E. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxf.

Bikerman, 1938. Bikerman E. Institutions des Seleucids. P.

Boschnakow, 1990/1991/Boschnakow K. P. Die Thraker "Tetrachoritai" // TALANTA XXII–XXIII.

Cohen, 1978. Cohen G. The Seleucid Colonies. Studies in founding, administration and organization. Wiesbaden.

Cumont, 1926. Cumont F. Fouilles de Dura-Europos. P.

Deubner, 1956. Deubner L. Attische Feste. Berlin.

Foucart, 1914. Foucart P. Les mysteries d'Eleusis. P.

Jones, 1987. Jones N. F. Public Organization in Ancient Greece: A Documentary Study. Philadelphia.

Kern,1909. Kern O. Eleusinische Beiträge. Halle.

Kobylina,1976. Kobylina M. M. Divinités orientales sur le littoral nord de la Mer Noir. Leiden.

Kressig, 1983. Kressig H. Die Dorfgemeinde im Orient in der Hellenistischen Epoche // Les communautés rurales. Recueiles de la société Jean Bodin. XLI.

Malay, 1983. Malay H. Three Decrees from Kyme // EA 2.

Poland, 1908. Poland F. Geschichte der griechischen Vereinswesens. Leipzig.

Poland, 1934. Poland F. Technitai // RE. V, hbd 2.

Proeva,1983.Proeva N. La déesse cappadocienne Ma et son culte en Macédoine // Živa Antika 33.

Robert, 1938. Robert L. Études épigraphiques et philologiques. P.

Robert, 1970. Robert L. Gnomon. Bd. 42, no. 6.

Saatsoglou-Paliadeli, 2011. Saatsoglou-Paliadeli Ch. The Royal Presence in the Agora of Aegae // Heracles to Alexander the Great. Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy. Oxf.

Saprykin, 1997. Saprykin S.Ju. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI–I Centuries BC). Amsterdam.

Schuler, 1998. Schuler C. Ländliche Siedlungen und Gemeinden im hellenistischen und römischen Kleinasien. München.

Wilson, 1996. Wilson S. G. Voluntary Associations: An Overview // Voluntary Associations in the Graeco-Roman World. L.

Ziebarth, 1896. Ziebarth E. Das griechische Vereinswesen. Leipzig.

Summary

S. Ju. Saprykin

Greek inscription from the Ak-Kaya settlement

The article is devoted to the study of the Greek inscription on the fragment of Rhodian amphora which had been discovered during the excavations of the settlement Ak-Kaya (modern Vishennoe) in the Central Crimea. The site is strongly fortified and was attributed as a residence or even a first capital of the rulers in the Crimean Scythia. The inscription could be dated to the late 3rd – beginning of the 2nd century BC and this date corresponds to chronology of the whole settlement. Graffito is a dedication to the unnamed Goddess which had been made by the inhabitants of the site. Their personal names are kept in the lower part of the inscription. Among them one can see a craftsman – *tekhnites*, a reaper and *khoritai* – land-tillers (peasants) who lived in the site. The term *khoritai* allows to attribute the settlement Ak-Kaya as *khorion* – a fortified place which put under control the adjacent region. People who lived there along with the neighboring periphery composed a rural community and were associated as worshippers of the Goddess presumably patron of fertility, plants and animals. This association looked like Greek *thiasoi*, *orgeones* and *tekhnitai* while the Greek language and personal names testify to a rather high level of Hellenization which by that time spread over the Tauro-Scythian population.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.204-215

И. Е. Суриков
(Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

Ономастикон Спартокидов за пределами Боспора (Часть II)

Данная статья является продолжением нашей предыдущей работы на ту же тему [Суриков, 2016]. В наши планы не входило делить её на две части, но получилось так, что к сроку подачи материалов в 20-й том «Древностей Боспора» мы не успевали завершить текст полностью, и пришлось предоставить вариант, который был на тот момент реально готов (естественно, имея намерение продолжить исследование, для которого уже тогда были собраны основные данные). Соответственно, продолжаем.

Напомним, что в первой части, приведя оные данные в связи с ЛИ Спарток, Селевк, Левкон, мы в заключение обещали перейти в дальнейшем и к другим именам, которые принадлежат к династическому ономастикону боспорских Спартокидов и в то же время могут иметь отношение к другим частям эллинского мира. Общие теоретико-методологические принципы, которыми мы руководствуемся, были оговорены в той же первой части, поэтому сразу перейдем к конкретике.

Имя Горгипп Боспорскому государству настолько не чуждо, что в этом последнем имелся, как всем известно, даже город Горгиппия (мы, естественно, исходим из традиционной концепции, отождествляющей Горгиппию с бывшей Синдской Гаванью, то есть помещающей её на территорию нынешней Анапы, а о разного рода иных локализациях, в последнее время встречающихся, нам даже говорить не хочется – настолько скудно они обоснованны). Имя Горгипп, – заметим по нашему личному (надеемся, не вполне безосновательному) впечатлению звучало и звучит достаточно «задиристо», ибо оно может пониматься примерно как «конь Горгоны». Не удивительно, что в целом это – достаточно редко встречающаяся в греческом мире ономастическая единица. Так, в 4-м томе «Лексикона греческих личных имен», который обобщает данные по Македонии, Фракии и Северному Причерноморью, фигурируют только два Горгиппа[1] [LGPN IV, p. 82, s.v. Γόργιππος № 1–2]. И оба, естественно, боспорских, причем, судя по всему, оба же – из Спартокидов.

Один из них хорошо известен – это сын Сатира I, брат Левкона I. Именно в его честь была переименована Горгиппия, поскольку, видимо, он был назначен новым ойкистом

[1] Говоря точнее, их как минимум два; см. ниже.

полиса. Это было *весьма* высокопоставленное лицо; его дочь Комосарию имел честь взять в жены сам Перисад I. А что же со вторым?

В LGPN совершенно не учтен пассаж из аттического оратора Динарха, упоминающий Горгиппа[2]. Хотя он хорошо известен (даже и мы его в другой связи приводили, см. [Суриков, 2014], но все-таки, видимо, имеет смысл напомнить это немаловажное свидетельство.

«Скажите мне, ради Зевса, граждане, неужели вы думаете, что он (Демосфен – И. С.) даром внес предложение… о том, чтобы поставить на городской площади (ἐν ἀγορᾷ) медные (т. е. бронзовые – И. С.) статуи Перисада, Сатира и Горгиппа (Γόργιππον), понтийских тиранов, от которых ему ежегодно посылается (ἀποστέλλονται; обратим внимание на употребление настоящего времени – И. С.) по тысяче медимнов пшеницы?» (Dinarch. I. 43).

Если упоминаемый тут Перисад – это Перисад I (в чем сомневаться не приходится), то вторым фигурирующим в цитате персонажем, стало быть, обязательно должен являться его сын – будущий злосчастный Сатир II (никакого другого Сатира, подходящего по статусу, в то время на Боспоре не имелось). Из этого приходится исходить при идентификации личности, которая упомянута третьей по счету, – Горгиппа. Без сомнения отбрасываем интерпретацию, согласно которой это был престарелый дядя и тесть Перисада (о нем говорилось чуть выше), и присоединяемся к мнению А. А. Завойкина, считающего, что данный Горгипп – второй сын Перисада I (моложе Сатира, но старше Притана и Евмела), скончавшийся раньше отца[3] и потому-то не участвовавший в «борьбе трех братьев», имевшей место в последнем десятилетии IV в. до н. э. Говоря уж совсем строго, он мог быть даже не вторым сыном, а первым: ведь не раз отмечалось, что античные авторы элементарно могут перечислять имена в отнюдь не хронологическом, а произвольном порядке.

Тождественен ли этот второй боспорский Горгипп тому [LGPN IV, p. 82, s. v. Γόργιππος № 1], который являлся отцом некоего Орхама? (А ведь от этого зависит, включать ли вообще имя Орхам в боспорский ономастикон). Теоретически говоря, вполне возможно[4]. Даже если на момент установки статуй, упоминаемых Динархом (мы относим эту несохранившуюся скульптурную группу скорее к 340-м, чем к 330-м гг. до н. э., см. [Суриков 2009а; Суриков 2014]), он был мальчиком, то ко времени смерти Перисада I (310/309 г. до н. э.) у этого Горгиппа (как отмечалось выше, тогда уже умершего) вполне мог быть сын. Кстати, если это так, то получается, что перед нами еще один несостоявшийся, но достаточно легитимный[5] в ту пору претендент на боспорский престол (наряду со сбежавшим к скифам царевичем Перисадом)?

---

[2] Точнее, он не учтен в 4-м томе LGPN. Странным образом этот пассаж попал (явно по ошибке) в совершенно другой том того же издания [LGPN VA, p. 113, s. v. Γόργιππος № 2] и связан в нем с «Понтом» в узком смысле слова, то есть с Понтийским царством (Понтийской Каппадокией).

[3] Например: [Завойкин, 2013, с. 300–301 с прим. 101]. В этом примечании особенно важно наблюдение, что никакой Горгипп «в декрете афинян 347/6 г. … не фигурирует в списке почтённых Спартокидов». Данное замечание А. А. Завойкина абсолютно правомерно. Очевидно, уже на момент принятия декрета Андротиона (IG. II². 212) Горгипп, брат Левкона I, отсутствовал среди живых.

[4] А. А. Завойкин так и делает в своей ономастико-генеалогической таблице [Завойкин, 2006, с. 259]. Правда, со знаком вопроса.

[5] В любом случае более легитимный, нежели откровенный узурпатор Евмел.

Впрочем, к имени Орхам мы еще надеемся обратиться ниже. Что же касается Горгиппов, то их (естественно, имея в виду только известные из источников имена) было в спартокидской истории либо два (мы к этому склоняемся), либо три (если «растождествить» динарховского Горгиппа и Горгиппа, отца Орхама, но этого, видимо, делать не стоит).

Отметим также, пока мы еще не ушли из пределов северопонтийского региона, что женский вариант того же имени – Горгиппа – представлен в Херсонесе Таврическом, причем, что интересно, тоже в IV в. до н. э. [LGPN IV, p. 82, s. v. Γοργίππα № 1].

Перемещаясь к прочим областям эллинского мира, посетим, прежде всего, Аттику. В Афинах Горгиппов семь [LGPN II, p. 96, s. v. Γόργιππος № 1–7], причем для четырех для них известен демотик. Один происходил из дема Ахарны, а три – из дема Мелита, причем эти трое явно относились к одной семье. Впрочем, все они – достаточно поздние (последняя четверть II – последняя четверть I в. до н. э., а ахарнский Горгипп датирован несколько более ранним временем, 270/269 г. до н. э.). Самый ранний из афинских носителей имени Горгипп (демотик его не зафиксирован) поддается лишь крайне приблизительной датировке (IV–III в. до н. э.). Не можем не отметить, что в Афинах, похоже, встречается даже и женское ЛИ Горгиппия (то есть в качестве имени девочки был попросту взят топоним далекого города в Понте Евксинском). Правда, издатели LGPN ставят тут знак вопроса [LGPN II, p. 96, s. v. Γοργιππία № 1], да и в любом случае данный персонаж появляется в весьма позднее время (II–IV вв. н. э.).

А как с той же ономастической единицей обстоят дела на островах Эгейского моря? Сразу скажем, что несколько лучше. Читатель, наверное, уже с первой части этой статьи обратил внимание, что нас куда больше интересуют персонажи ранние (доэллинистические), чем поздние. И причина понятна: дабы источниковый материал был показательным и о чем-то свидетельствовал (ну, к примеру, хотя бы о каких-то межгосударственных контактах), необходимо, чтобы он являлся по возможности «чистым», а для эпохи эллинизма мы такой «чистоты» уже не находим, ввиду того, что в пост-александровское время пошло уже, если можно так выразиться, «смешение всего и вся», в том числе и в сфере ономастики, стали постоянно встречаться нарушения ранее действовавших в этой сфере правил, имена детям стали даваться куда более произвольно, чем прежде (мы видели это, скажем, на примере ЛИ Селевк).

Безусловно доэллинистических Горгиппов на эгейских островах насчитывается трое. Один на Родосе, в городе Камир [LGPN I, p. 110, s. v. Γόργιππος № 3], – и он, кажется, самый ранний из всех (377/376 г. до н. э.), современник «главного» боспорского Горгиппа – почему бы не предположить ксеническую «ниточку»? И еще два на Фасосе [LGPN I, p. 110, s. v. Γόργιππος № 5–6]: один просто датирован IV веком до н. э., а даты второго более точны (360–330 гг. до н. э.). Есть еще Горгипп из Эретрии на Эвбее [LGPN I, p. 110, s. v. Γόργιππος № 2] с указанием «IV–III вв. до н. э.», но это уже рубеж эллинизма, а, кроме того, упомянутый персонаж был сыном некоего Горгифа (Γόργυθος). Таким образом, здесь перед нами скорее просто соблюдение одного из базовых принципов классической греческой антропонимии – привлечения корневых морфем

из семейных ономастических комплексов[6], – нежели показатель каких-то связей. О поздних эгейских Горгиппах (из эвбейской Халкиды и родосского Линда [LGPN I, p. 110, s. v. Γόργιππος № 1,4]) уже и не говорим. Заодно отметим, что в зоне Черноморских проливов, в Кизике, также фиксируется один Горгипп (поздний, II–I вв. до н. э., [LGPN VA, p. 113, s. v. Γόργιππος № 1]), и тут перед нами, похоже, аналогичный случай, поскольку встречается и Горгиппид [LGPN VA, p. 113, s. v. Γοργιππίδης № 1], а еще один Горгиппид – в расположенном неподалеку Даскилее [LGPN VA, p. 113, s. v. Γοργιππίδης № 2].

Парадоксальным образом обилен оказывается «урожай» Горгиппов на Пелопоннесе [LGPN IIIA, p. 101–102, s. v. Γόργιππος № 1–22], в самых разных его центрах (особенно много Горгиппов в Спарте). Есть среди них и ранние (конечно, относительно ранние – IV в. до н. э.: Аргос, Эпидавр, Тегея [LGPN IIIA, p. 101–102, s. v. Γόργιππος № 2, 3, 5, 11]), так и поздние (спартанские, кстати, все поголовно поздние). В Аркадии даже в раннеэллинистическое время (III в. до н. э.) в связи с данной ономастической единицей встречаем в действии (видимо, в силу «отсталости» данного региона, медленных темпов его общеисторического развития) «правило привлечения корневых морфем из семейных ономастических комплексов» (см. выше), в целом-то в эллинском мире тогда уже отмиравшее. Так, укажем на комбинации «Горгипп, сын Горгида», «Горгон, сын Горгиппа» в Тегее [LGPN IIIA, p. 101–102, s. v. Γόργιππος № 10, 12].

Совершенно очевидно, что пелопоннесские Горгиппы не имеют ровно никакого отношения к Боспору. В пелопоннесских областях корень Γοργ- в личных именах был вообще чрезвычайно распространен[7], причем нередко коррелировал с корнем ἱππ-[8]. Последний являлся сугубо аристократическим [Dubois 2000; Карпюк, 2003, с. 202, 205], в какой-то степени даже как бы «маркером» знатного происхождения его носителя (см. характерные рассуждения в: Aristoph. Nub. 60 sqq.).

В высшей степени аналогичной является ситуация в Средней Греции[9] [LGPN IIIB, p. 94, s. v. Γόργιππος № 1–14], даже вплоть до деталей, – например, встречаем комбинацию «Горгион, сын Горгиппа» во второй половине III в. до н. э. в беотийском Оропе [LGPN IIIB, p. 94, s. v. Γόργιππος № 1] (Ороп, кстати, был спорной территорией между Беотией и Аттикой, постоянным предметом борьбы этих двух областей за контроль над ним, в которую порой вмешивалась также и близлежащая Эвбея; это положение интересным образом отразилось и в ономастике, см. [Knoepfler, 2000]).

В данном регионе имя Горгипп встречается, помимо Оропа, в Дельфах [LGPN IIIB, p. 94, s. v. Γόργιππος № 2–6] и в Фессалии, причем в рамках этой последней – почти исключительно в одном городе, в Лариссе [LGPN IIIB, p. 94, s. v. Γόργιππος № 8–14]. К Боспору всё это вряд ли может иметь хоть какое-то отношение.

---

[6] Об этом принципе см. на других примерах [Суриков, 2009б].

[7] Все, конечно, помнят, что самой знаменитой спартанской женщиной была царица Горго (то есть, в сущности, «Горгона», о тождественности этих двух имен см. [Фрейденберг, 1949, с. 194]), дочь Клеомена I, жена Леонида I, погибшего при Фермопилах. Плутарх именно ей приписывает особенно много ярких изречений (Plut. Mor. 240de).

[8] На Пелопоннесе (особенно в Спарте в Аркадии) встречаем (по данным того же LGPN) в разное время имена Горгиппид, Горгиппида, Горгиппа.

[9] Включая Фессалию. Эту область обычно относят к Северной Греции, но издатели LGPN включили происходящий из нее материал в том по Средней Греции.

Кстати, всегда важно не только то, где зафиксирована та или иная ономастическая единица, но и то, где она *не* зафиксирована. Как гласит известная сентенция, «отрицательный результат есть тоже результат», – в том смысле что он также о чем-то говорит. Поэтому, наверное, можно упомянуть и о том, что никаких Горгиппов мы не находим, например, в греческих колониях Южной Италии и Сицилии, а также – что особенно занимательно – в Македонии и Фракии. На последнем нюансе мы делаем особенный акцент, поскольку перед нами, так сказать, «нечто новое». В первой части данной статьи, говоря об именах Спарток, Селевк, Левкон, мы натолкнулись как раз на противоположное – на популярность этих имен в македонско-фракийском регионе.

* * *

К именам, употреблявшимся Спартокидами, должно быть отнесено также ЛИ Притан[10]. Так звали одного из сыновей Перисада I, рожденных ему царицей Комосарией. Трагичная судьба этого человека, который успел даже некоторое (краткое) время побыть правителем Боспора, нас здесь не интересует. Обратимся опять же к ономастическим данным.

На самом Боспоре имя Притан больше не встречается. А вот в относительно недальнем Херсонесе оно было, в общем-то, достаточно употребительным [LGPN IV, p. 292, s. v. Πρύτανις № 2–8]. Все эти семь херсонесских Пританов, кстати, довольно «кучно» расположены (III – начало II в. до н. э.), но, увы, ни один из них не дает хоть малейшей «зацепки», которая позволяла бы как-то связать его с Боспором и Спартокидами.

Если пока не выходить за пределы бассейна Понта Евксинского, можно обратить внимание на двух Пританов в Синопе ([LGPN VA, p. 383, s. v. Πρύτανις № 22–23]; один датирован временем «около 300 г. до н. э.», другой – второй половиной III в. до н. э.). Правда, они оба – гончары (соответственно, их имена сохранились на клеймах), а что может быть общего у гончаров с правителями государства? Так-то оно так, но вот ведь что интересно: у первого из этих синопских Пританов отца звали Θεύπροπος, т. е., учитывая особенности ионийского диалекта, перед нами Теопроп. А ведь это не шутки! Теопропом звали брата Тимесилея – того самого синопского тирана, который был свергнут в ходе понтийской экспедиции Перикла, и, согласно выкладкам Ю. Г. Виноградова [Виноградов, 1981], оба брата потом нашли себе убежище в Ольвии. А на Боспоре, в Нимфее, была не столь давно обнаружена чрезвычайно важная надпись[11] – посвящение Теопропида, сына Мегакла. Нами в другой связи [Суриков, 2012] было обращено внимание на возможные ономастико-просопографические импликации подобной комбинации имени и патронимика; там же мы указали и на то, что «Теопропид» и «Теопроп» ведь уж никак не могут быть именами, не имеющими связи друг с другом.

[10] Кстати, на самом деле «Притан» пишут по-русски скорее в силу сложившейся традиции, нежели потому, что это правильно. Может быть, более корректно было бы передавать греческое Πρύτανις русским «Пританид»?

[11] Она была сразу же признана исключительно важным документом по ранней истории Боспорского государства (в основном в связи с необычной, даже уникальной формулой титулатуры его правителя, фигурирующей в памятнике) и породила обширную литературу (см. editio princeps: [Соколова, Павличенко, 2002], а также см. [Завойкин, 2004; Завойкин 2007]).

Но, поскольку все-таки предмет данной статьи является иным, то вернемся к основной нити изложения и, так сказать, двинемся дальше в поисках Пританов. Совершенно закономерно, что таковых мы практически не обнаруживаем в Аттике[12]. В афинском полисе слово «притан» являлось обозначением совершенно конкретной должности, не и не приходится удивляться тому, что термином, служившим для названия должностного лица, не пользовались, когда давали имена детям.

Точно так же неупотребительным было ЛИ Притан на Пелопоннесе[13], в Средней Греции[14], совершенно неупотребительным – в западных колониях, в македонско-фракийском регионе. Зато сразу бросается в глаза, как довольно-таки часто пользовались этим именем на ионийских берегах и поблизости от них.

В одном только Эфесе восемь Пританов [LGPN VA, p. 383, s. v. Πρύτανις № 1–8], причем три из них датируются IV веком до н. э. Три – в Колофоне [LGPN VA, p. 383, s. v. Πρύτανις № 11–13], и все трое жили в том же столетии, равно как Притан из Навлоха [LGPN VA, p. 383, s. v. Πρύτανις № 19]. Носители того же имени из Смирны, Эрифр, Магнесии, Лебедоса [LGPN VA, p. 383, s. v. Πρύτανις № 9–10, 14–20], также наличествуют, но относятся к эллинистическому и постэллинистическому времени, а мы уже указали выше, что поздние данные для нас не слишком релевантны.

Из островов Эгейского моря ранние данные встречаются разве что на Самосе [LGPN I, p. 389, s. v. Πρύτανις № 6]: в IV в. до н. э. там фиксируется Притан, имевший дочь по имени Афино (sic). Наконец, никак невозможно не упомянуть о самом раннем из всех известных в греческом мире лиц, носивших имя Притан. Этот человек был родом из Кизика [LGPN VA, p. 383, s. v. Πρύτανις № 21], являлся кулачным бойцом и вошел в историю из-за не самого благовидного эпизода – он за взятку проиграл бой (Paus. V. 21. 3). Произошло сие, как сообщает Павсаний, на 98-х Олимпийских играх, т. е. в 388 г. до н. э. Данный Притан намного старше Притана, сына Перисада I из Боспорского государства.

Всё вышесказанное о разбиравшейся ономастической единице позволяет сделать, по крайней мере, одно совершенно однозначное заключение. Притан – имя чисто ионийское, распространенное в полисах Ионии, материковых, островных, а также и колониальных (как Кизик, о котором только что шла речь, см. [Akurgal 1956]). Поскольку Боспорское государство составилось, как известно, тоже, в общем-то, из ионийских колоний, то, видимо, приходится сделать вывод, что и данное имя пришло на Боспор из Ионии.

Перейдем теперь к ЛИ Орхам. Хотя к спартокидским его приходится относить лишь «со знаком вопроса»[15], но, так сказать, для полноты картины нужно рассмотреть и его ономастический контекст.

---

[12] Есть только один случай [LGPN II, p. 383, s. v. Πρύτανις № 1]. Да и он-то, во-первых, поздний (I в. н. э.), во-вторых, спорный (издатели ставят знак вопроса).

[13] Один случай в Спарте [LGPN IIIA, p. 379, s. v. Πρύτανις № 1], да и он опять же относится к числу сомнительных.

[14] Один случай в Дельфах [LGPN IIIB, p. 364, s. v. Πρύτανις № 1], причем очень поздний (II в. н. э.).

[15] Как то и сделано в: [Завойкин, 2006, с. 259].

Если начинать опять же с самого́ боспорского региона, то, помимо вышеупомянутого Орхама, сына Горгиппа [LGPN IV, p. 265, s. v. Ὄρχαμος № 1] (собственно говоря, единственно наличие этого персонажа и позволяет говорить о принадлежности данного имени к спартокидскому ономастикону[16]), там есть и иные. Самыми ранними из них (III в. до н. э.), похоже, являются два Орхама, что характерно, из Горгиппии [LGPN IV, p. 265, s. v. Ὄρχαμος № 2–3]. В их ономастически устанавливаемых родственных связях нет ровно ничего специфического (у первого сына звали Демохаридом, у второго отца – Еванфом), так что предполагать какую-то их связь с династией Спартокидов нет ни малейшего основания. Скорее, как нам представляется, дело в другом. Обратим внимание на то, что оба названных персонажа зафиксированы в Горгиппии. А жители этой последней не могли не ощущать себя связанными с Горгиппом (первым), новым ойкистом их города. Его имя явно осознавалось горгиппийцами как «знаменитое», знаковое для них. А ведь в эпоху эллинизма одной из новых ономастических традиций стал начавший часто встречаться обычай нарекать сыновей, вопреки даже прежде действовавшим в семье нормам, именами знаменитых людей (в первой части статьи нами это было, пусть и бегло, показано на примере ЛИ Селевк). Видимо, к тому же столетию относится и Орхам из Фанагории [LGPN IV, p. 265, s. v. Ὄρχαμος № 4].

А вот в поисках более ранних носителей того же имени приходится обратиться к другим регионам эллинского мира. Так, в первой половине IV в. до н. э. некий Орхам жил в Амисе, на южном берегу Понта [LGPN VA, p. 348, s. v. Ὄρχαμος № 3], а еще один – в Абдере, на северном побережье Эгейского моря [LGPN IV, p. 265, s. v. Ὄρχαμος № 5].

Два Орхама (отец и сын) из материковой Ионии, из Эфеса [LGPN VA, p. 348, s. v. Ὄρχαμος № 1–2], относятся к более позднему времени (II в. до н. э.). Что интересно, не встречается ни один Орхам на эгейских островах. В Афинах Орхамов также нет, равно как нет их ни на Пелопоннесе, ни в Средней и Северной Греции, ни в западногреческих колониях. Одним словом, перед нами весьма редкое имя (хотя, видимо, все-таки

[16] Относительно таковой принадлежности мы в первой части данной статьи [Суриков 2016] высказывали некоторые сомнения. Однако имевшее место уже после написания только упомянутого текста наше общение с А. А. Завойкиным per litteras продемонстрировало, что Алексей Андреевич (а его мнение для нас по любому вопросу было и остается очень весомым) не видит серьезных оснований для исключения ЛИ Орхам из спартокидского ономастикона. В той же первой части мы к сомнительным для Спартокидов отнесли и имя Гигиенонт. В данной связи необходимо сказать следующее. Совсем недавно к 70-летию Е. А. Молева увидел свет сборник его статьей разных лет, посвященных Боспору [Молев, 2017]. Мы очень приветствуем выпуск подобных публикаций (и сами стараемся временами таковые готовить, например: [Суриков, 2011; Суриков, 2015а]), ибо в результате становятся доступны читателю работы автора, ранее разбросанные по самым разнообразным изданиям, порой таким, какие уж нигде и не раздобудешь. Но дело не в этом. Е. А. Молев не раз писал о боспорском архонте Гигиенонте и, в частности, посвятил ему специальное небольшое исследование, также включенное в вышеупомянутый сборник [Молев, 2017, с. 78–85]. Завершает он его следующими словами: «… Все имеющиеся у нас сегодня источники позволяют видеть в архонте Гигиенонте представителя династии Спартокидов…» [Молев, 2017, с. 83]. Но вот с этим как раз нам трудно согласиться, и в первую очередь – именно по ономастическим основаниям. Имя Гигиенонт, вообще говоря, нельзя отнести к совсем малораспространенным: оно, по данным LGPN, встречается на ионийских островах Эгейского моря [LGPN I, p. 450, s. v. Ὑγιαίνων № 1–5], в Западном Причерноморье [LGPN IV, p. 337, s. v. Ὑγιαίνων № 13–17] и, конечно же, на Боспоре. Причем именно там – особенно часто [LGPN IV, p. 337, s. v. Ὑγιαίνων № 1–12]; именно это-то и настораживает. Получается, для боспорского региона данное имя является типичным, а отнюдь не специфично-династическим (то есть его в городах и поселениях Боспора мог носить кто угодно). Это не говорит в пользу спартокидской принадлежности имени.

исконно греческое, а не заимствованное из «варварской» ономастики[17]). Как видно из предыдущего примечания, это, собственно, потестарный термин (причем, весьма древний), а таковые вообще-то обычно не давались в качестве личных имен (трудно себе представить, что кто-то звался бы, скажем, Βασιλεύς или Ἄναξ; но по LGPN намеренно не проверяем, опасаясь, что для каких-нибудь поздних эпох натолкнемся даже и на такое – причудливы ономастические фантазии в эпохи декаданса, вот узнали мы из газет, что в России недавно кого-то родители даже Люцифером назвали…).

Подведем итоги касательно только что рассматривавшейся ономастической единицы. ЛИ Орхам не только, повторим, редкое, но и, так сказать, узко локализованное. Прежде всего, оно встречается только у ионийцев (об анализировавшемся чуть выше имени Горгипп, как мы видели, такого сказать отнюдь нельзя). Далее, даже в ионийском ареале Орхамов обнаруживаем мало где. Собственно, перечислим все места, в которых они фиксируются: Эфес, Абдера, Амис, Боспор (в т.ч. Горгиппия, Фанагория). Если вспомнить, что Абдера – колония Теоса, Фанагория – также колония Теоса (либо прямая, либо субколония – через Абдеру, как считает В.Д. Кузнецов [Кузнецов, 2001]), Амис – колония Милета (возможно, при участии Фокеи: [Tsetskhladze, Hargrave, 2010, с. 392])[18], – то становится видно, что перед нами имя, происходящее исключительно из материковой Ионии и появляющееся также в выведенных ее полисами апойкиях. Имя, подчеркнем, восходит к древнему, еще гомеровскому потестарному термину.

Боспор – не первый регион, где попадаются Орхамы: есть более ранние в Амисе и в Абдере. Оба данных ономастических факта, кстати, достаточно интересны, особенно если принимать в расчет крайнюю редкость имени в целом. Абдера – «сестра» или «мать» боспорской Фанагории (в которой, напомним, один Орхам нам встретился); Амис – полис также в Понте. Всё это может что-то означать, а может и ничего не означать; ситуацию нужно подвергать осмыслению, а нашим делом было обобщить данные.

* * *

Обратимся теперь к женскому имени Акия, зафиксированному на Боспоре, причем именно как спартокидское. Так звали дочь многодетного Перисада I [LGPN IV, p. 12, s.v. Ἀκίς № 2–3][19]. Соответственно, она должна быть датирована серединой – второй половиной IV в. до н.э. Интересно, что в крымском же Херсонесе есть Акия, дочь некоего Герона, относящаяся к рубежу IV–III вв. до н.э. [LGPN IV, p. 12, s.v. Ἀκίς № 2–3].

Имя перед нами чрезвычайно редкое и, видимо, даже негреческое, «варварское» по этимологии (хотя по вопросам этнического происхождения имен в некоторых случаях, как, например, в этом, не можем компетентно высказываться, поскольку не занимались специально подобными вещами, это скорее сфера интересов С.Р. Тохтасьева).

[17] Несмотря на свое экзотическое звучание, напоминающее как будто даже нечто тюркское (естественно, эта ассоциация ложна). Нарицательное ὄρχαμος в значении «вождь» встречается уже у Гомера и, как предполагается, связано с ἄρχω, «властвовать» [Бенвенист, 1995, с. 298].

[18] Меньше ясности с Горгиппией (особенно если начать рассуждать о ее соотношении с Синдской Гаванью,– но это отдельная большая проблема, которую здесь и затрагивать не место), но в целом-то она не выпадает из того же ряда.

[19] Отметим здесь, что издатели LGPN ошибочно указывают две Акии (из КБН. 1037 и КБН. 1041), хотя это, естественно, одна и та же дама [Завойкин, 2013, с. 328].

За пределами северопонтийского региона ЛИ Акия не встречается вообще нигде, кроме – подчеркиваем! – одного случая. Случай этот, что очень-очень характерно, имеет место в Аттике, в Афинах [LGPN II, p. 18, s. v. Ἀκίς № 1]. Да и время подходящее: середина IV в. до н. э.

Однако издатели второго тома LGPN ставят при этом имени знак вопроса. Попытаемся разобраться, в чем же дело. Имя Акия в Афинах упоминается в надписи IG. II². 10618, принадлежащей к эпиграфическим памятникам неясного характера, не подлежащим какому-либо осмысленному переводу (приведем ее вкупе со следующей надписью IG. II². 10619):

Ἀκί{ι}ς Ἀκίς

Ἀκριβὴς (sic)

χρηστὲ χαῖρε

На наш взгляд, совершенно очевидно, что это ученическое упражнение, выполняемое школьником, которого преподаватель учит писать слова, начинающиеся на определенные буквы (в данном случае на *альфу* и *хи*). Ученик, как и положено, делает ошибки, потом ликвидирует их. Так и в нашем случае имя Ἀκίς вначале написано неправильно (с лишней *йотой*), затем исправлено.

Иными словами, перед нами, так сказать, школьный диктант[20]. И как бы то ни было, чрезвычайно интересно, что в таком диктанте кем-то из учителей было предложено обучаемым боспорское имя Акия. Снова и снова приходится повторять как заклинание: «это может что-то означать, а может и ничего не означать» (поскольку, безусловно, все наши заключения здесь имеют более или менее вероятностный характер). Все-таки постоянно следует держать в уме, насколько интенсивны были контакты между Афинами и Боспором в рассматриваемое время[21].

Коль скоро мы заговорили о женских именах, пожалуй, имеет смысл упомянуть еще вот о каком нюансе. А. А. Завойкин в ономастическую таблицу, приложенную к его вышеупомянутой прекрасной статье об именнике Спартокидов, включает также имя Алкатоя [Завойкин, 2006, с 259] (корректнее, конечно, писать «Алкафоя», как мы далее и будем делать). Основание для того – несколько, на наш взгляд, не вызывающих сильного доверия пассажей, содержащихся притом в отнюдь не раннем источнике (Schol. Ovid. Ibis. 309–310[22]). Данное свидетельство (в разных его вариантах) гласит (приводим перевод по: [Сапрыкин, 2000, с. 514]):

«Левкон, один из понтийских царей, убил своего брата Спартока, который обыкновенно совершал прелюбодеяние с [Алкафоей], его женой. После того тот же Левкон был убит своей женой… Левкон, один из понтийских царей, убил своего брата Спартока

[20] Кстати, вся группа надписей в IG. II², смежная с 10618–106199, похоже, представляет собой аналогичные диктанты.

[21] Мы прекрасно знаем, как трудно обстоит в историографии дело с вопросом об афино-боспорских отношениях [Суриков, 2013]. Нам наиболее близка позиция Д. Браунда [Braund 2000; Braund 2003].

[22] К стихам:

Или, зарезав тебя, вернет себе доброе имя
Женщина – именно так был ведь зарезан Левкон
(Перевод М. Л. Гаспарова)

вследствие любви к его жене, по имени Алкафоя; этой женой, в то время как он хотел с ней совершить прелюбодеяние, он был убит врасплох».

Как видим, тут торжествует полная неразбериха. То ли Алкафоя – жена Левкона, то ли она – жена Спартока… И кто с кем совершал прелюбодеяние? И кто кем был убит? И, вообще говоря, какие Левкон и Спарток имеются в виду?[23] Да даже выразимся и так: какова цена всей этой информации? Так и тянет сказать: «Грош цена»; но поостережемся. Всё-таки откуда-то ведь было же это почерпнуто, пусть даже и с путаницей. И, в конце концов, если поздний схолиаст путает, то невозможно ведь отрицать, что в поэме Овидия «Ибис» действительно упоминается некий Левкон, причем явно как владетельная особа…

В любом случае, и данным именем (Алкафоя) надлежит заняться, это будет не лишним[24]. Прежде всего, отметим, что это имя – мифологическое. Правда, чаще в мифах встречается его мужской вариант, «Алкафой» [Тахо-Годи, 1990, с. 35], но упоминается и Алкафоя (Алкифоя) из Минийского Орхомена в Беотии [Roscher 1884–1890, S. 241].

В историческую же эпоху фиксируется лишь Алкафоя в Спарте [LGPN IIIA, p. 127, s.v. Ἀλκαθόα № 1]. Причем, заметим, довольно ранняя (рубеж VI–V вв. до н.э.): так вроде бы звали (Schol. Aristoph. Eq. 84) жену Клеомброта – одного из представителей династии Агиадов. Клеомброт являлся младшим братом царей Клеомена I и Леонида I (того самого, который погиб при Фермопилах), он даже сам некоторое (недолгое) время был в Спарте то ли царем, то ли регентом [Суриков 2015б, с. 131, прим. 113]. А сын Клеомброта и этой самой Алкафои – не кто иной, как знаменитый Павсаний, победитель над персами при Платеях, впоследствии обвиненный спартанскими властями в измене, в тайном переходе на сторону персов, и умерщвленный голодом в храме. Об этой фигуре существует немалая литература, но здесь нет ровно никакого смысла ее приводить.

В общем, ничто не указывает на какие-либо связи женского имени Алкафоя с Боспором и вообще с Северным Причерноморьем; всё говорит о том, что попытки ассоциировать его с историей Спартокидов – лишь плод недостоверного апокрифа (в отличие от ситуации с именем Акия, которое, вне всяких сомнений, является, наоборот, вполне спартокидским).

Осталось разобрать еще одно династическое имя того же круга, которого мы пока не касались. Внимательный читатель, возможно, уже догадался, что речь идет о ЛИ Евмел, которое носил знаменитый боспорский узурпатор, младший сын Перисада I. Но анализ его ономастического контекста приходится вынести уже в следующую (и, вне сомнения, последнюю), третью часть данной статьи. Кстати, не исключаем, что, работая над ней, мы все-таки попробуем сделать какие-то наблюдения и в связи с именем Сатир, одним из самых громких у Спартокидов.

[23] У А.А. Завойкина, в его вышеупомянутой таблице [Завойкин, 2006, с 259], выходит, что Алкафоя – дочь Перисада II, жена Левкона II и Спартока IV (и, как получается, их же родная сестра).

[24] Хотя в IV томе LGPN никаких носителей имени Алкафоя, в том числе и на Боспоре, не значится.

Список литературы

Бенвенист, 1995. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.

Виноградов, 1981. Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства // ВДИ. № 2, № 3.

Завойкин, 2004. Завойкин А. А. «Две Синдики» (заметки касаемо исторической значимости посвящения Теопропида, сына Мегакла из Нимфея) // ДБ. 7.

Завойкин, 2006. Завойкин А. А. Об институте династических имен Спартокидов // ДБ. 10.

Завойкин, 2007. Завойкин А. А. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М. – Киев – Запорожье.

Завойкин, 2013. Завойкин А. А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь – Керчь.

Карпюк, 2003. Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М.

Кузнецов, 2001. Кузнецов В. Д. Метрополия Фанагории // ДБ. 4.

Молев, 2017. Молев Е. А. Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора. Нижний Новгород.

Сапрыкин, 2000. Сапрыкин С. Ю. Боспорская держава Спартокидов: письменные и эпиграфические источники // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб.

Соколова, Павличенко, 2002. Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. Новая посвятительная надпись из Нимфея // Hyperboreus. 2002. Vol. 8. Fasc. 1.

Суриков, 2009а. Суриков И. Е. О некоторых памятниках афинского искусства, имеющих отношение к Боспору // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной конференции. СПб.

Суриков, 2009б. Суриков И. Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. Вып. 3.

Суриков, 2011. Суриков И. Е. Очерки об историописании в классической Греции. М.

Суриков, 2012. Суриков И. Е. Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. Т. 1. М.

Суриков, 2013. Суриков И. Е. «Молчание ягнят» (О теории антибоспорского заговора греческих историков V в. до н. э.) // 17.

Суриков, 2014. Суриков И. Е. Кем, когда и почему был обожествлен Перисад I? (Две версии) // ДБ. 18.

Суриков, 2015. Суриков И. Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура. М.

Суриков 2015б. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М.

Суриков, 2016. Суриков И. Е. Ономастикон Спартокидов за пределами Боспора (Часть I) // ДБ. 20.

Тахо-Годи, 1990. Тахо-Годи А. А. Алкафой // Мифологический словарь. М.

Фрейденберг, 1949. Фрейденберг О. М. Сафо // Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ. Вып. 1. Л.

Akurgal 1956. Akurgal E. Recherches faites à Cyzique et à Ergili (au sujet de la date de l'expansion ionienne) // Anatolia. Vol. 1.

Braund 2000. Braund D. Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece. Oxf.

Braund 2003. Braund D. The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. 3.171–172; [Dem.] 34.36) // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A. N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Aarhus.

Dubois 2000. Dubois L. Hippolytos and Lysippos: Remarks on Some Compounds in Ἱππο-, – ιππος // Greek Personal Names: Their Value as Evidence. Oxf., 2000.

Knoepfler, 2000. Knoepfler D. Oropodoros: Anthroponymy, Geography, History // Greek Personal Names: Their Value as Evidence. Oxf., 2000.

Roscher 1884–1890. Roscher W. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. 1. Lpz.

Tsetskhladze, Hargrave, 2010. Tsetskhladze G., Hargrave J. Colonisation Ancient and Modern: Some Observations // Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова. М.

Summary

I. E. Surikov
Spartocid Onomasticon outside Bosporus (Part I)

There is a complex of personal names, which is manifestly connected with the Spartocid dynasty at the Bosporus. It seems to be interesting how such names were used in other regions of the Ancient Greek world. This, second, part of the article concentrates on the male names Gorgippus, Prytanis, Orchamus, and female names Acis, Alcathoa. Parallels from other regions of the Greek world are cited.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.216-238

М. Ю. Трейстер
(Германский археологический институт, г. Берлин)

Blechkanne. Медные кованые кувшины первых веков н.э. в Северном Причерноморье и Сарматии*

1. Введение

В отечественной историографии кувшины этого типа были впервые специально рассмотрены Б. А. Раевым, который разделил кованые кувшины (*Blechkanne*) на два основных типа [Raev, 1976, p. 155–162; Raev, 1977, S. 616–617; Раев, 1978, с. 92; Raev, 1986, p. 36–39; см. также Раев, Науменко 1993, 156].

К первому, он отнес сосуды, в свое время выделенные А. Радноти в тип 75, а Х. Ю. Эггерсом в тип 128 [Radnóti, 1938, S. 151–153, Taf. XIII, *75*; Eggers, 1951, S. 171, Beilage 54, Taf. 11, *128–128a*; см. также Kunow, 1983, 24–25, 62], ко второму – кувшины с почти горизонтальными плечиками, туловом, сужающимся ко дну, и высоким горлом.

Б. А. Раев разделил кувшины этого второго типа на две группы, названные по местам находок кувшинам в Германии и Болгарии, соответственно. 1) Кувшины группы Веринген[1] имеют низкое тулово, со следами обработки на токарном станке и бронзовые литые ручки. Из семи сосудов, включенных в эту группу, один – происходит из Помпей, второй – из Фракии, остальные – из Германии. Эти кувшины, производившиеся в Италии, датируются не позднее конца I в. н. э.

2) Кувшины группы Стралджа, с покатыми плечиками, туловом, расширяющимся книзу, и горлом, сужающимся кверху, известные по находкам из Италии, Германии,

* Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев: М.Е. Филимоновой (Азов), Н.М. Шумейко (Саратов), И.П. Засецкой и С.В. Воронятову (Санкт-Петербург), за фотографии кувшинов из Мокры – М.Т. Кашубе и Кобяково – В.В. Верещагину.

[1] Что касается кувшинов типа Веринген, то, согласно новейшим исследованиям, вопреки мнению Б. А. Раева, они появляются еще в последние десятилетия I в. до н. э. (о чем, в частности, свидетельствует и новая находка в Дангштеттене, римском лагере августовского времени на Верхнем Рейна, предположительно XIX легиона, существовавшем с 15/12 по 8/7 гг. до н. э.: Flügel, 1993, S. 76–77; Gorecki, 2016, S. 194, 196, Abb. 8). Кованые кувшины в западных провинциях Римской империи в различных вариантах формы продолжали использоваться, по крайней мере, до IV в. н. э.: Bolla, 1979, p. 23–50; Lund Hansen, 1987, S. 380, Taf. 11. *128*; S. 421; Cavalier, 1988, p. 53–61; Bolla, 1989, p. 95–118; Flügel, 1993, S. 79–82; Kellner, Zahlhaas, 1993, S. 112–114; Tassinari, 1993, p. 73–76, E4000; Szabó, 1994, p. 399–403; Sedlmayer, 1999, S. 30–33; Božič, 2005, S. 322–328; Bienert, 2007, S. 31–32, Anm. 170; Mustață, 2017, p. 112–114.

Паннонии, Фракии и Северного Причерноморья – более поздние. Наиболее ранние их образцы из Фракии, где такие сосуды, по мнению исследователя, и производились, датируются третьей четвертью I в. н. э., причем эти кувшины восходят к более ранним кувшинам группы Веринген. Они получают широкое распространение во II–III вв. н. э., но встречаются и позднее, в IV, а возможно и в V в. Около середины II в. н. э. кувшины группы Стралджа перестают поступать в Северное Причерноморье, что Б. А. Раев объясняет нарушением торговых контактов Западного и Северного Причерноморья вследствие Дакийских войн. По месту предполагаемого производства исследователь предлагает называть такие кувшины не галло-римскими, а фракийскими. [Raev, 1976, p. 155–162; Raev, 1977, S. 616–617; Раев, 1978, с. 92; Raev, 1986, p. 36–39; см. также Раев, Науменко, 1993, с. 156][2].

Точка зрения Б. А. Раева в основном была принята в науке [Шелов, 1983, с. 65–66; Kunow, 1983, S. 24–25, 62; Cavalier, 1988, p. 51–52; Орлов, Скорый, 1989, с. 65–66; Bolla, 1989, p. 103–104; Flügel, 1993, S. 80; Simonenko, 2008, S. 20; Marčenko, Limberis, 2008, S. 284; Симоненко, 2011, с. 63–65; Kašuba, Kurčatov, 2005, S. 173; Ларенок, Ларенок, 2016, с. 149–151; Mustață, 2017, p. 113; Гущина, Журавлев, 2016, с. 65], тем не менее, отдельные положения ее практически сразу же вызвали вопросы. М. Болла включила сосуды из Фракии в свою общую классификацию найденных в Европе Blechkanne [Bolla, 1979, p. 23–50; Bolla, 1989, p. 95–118], выделив ее в вариант e1 группы II [Bolla, 1979, p. 37–38; Bolla, 1989, p. 104–105]. При этом она указала на новые (на тот момент) находки кувшинов группы Стралджа в комплексах второй половины III – первой половины IV в. н. э. в Паннонии и в Галлии [Bolla, 1989, p. 104–105][3]. Д. Б. Шелов предположил, что, учитывая концентрацию находок кувшинов второй группы, можно допустить, что не все они являются импортами из Фракии, но возможно, производились «и где-то в Северном Причерноморье по тем же италийским и фракийским образцам» [Шелов, 1983, с. 66]. Ю. Кунов также отметил, что распространение кувшинов типа II, по классификации Б. А. Раева, в частности, в Паннонии и Рейнской области, вряд ли согласуется с тем, что эти кувшины изготовлялись во Фракии [Kunow, 1983, S. 62].

2. Хронология. Опорные комплексы

А. В. Симоненко обращает внимание на то, что за исключением погребения в кургане № 6/1983 в Ростове-на-Дону все остальные находки таких кувшинов в сарматских погребениях Северного Причерноморья происходят из комплексов, датирующихся не позднее середины II в. н. э. [Simonenko, 2008, S. 20; Симоненко, 2011, с. 64].

Из датированных комплексов я отмечу также две находки в погребениях некрополя Пантикапея середины III – начала IV вв. н. э.: 1) фрагментированный сосуд в могиле

[2] Отметим, что несмотря на то, что первую и последнюю публикацию разделяет 10 лет и последняя вышла в 1986 г., в ней не нашла отражения изданная М. Болла в 1979 г. подробная классификация всех типов кованых кувшинов [Bolla, 1979, p. 23–50].

[3] См. находку из погребения в Зомбе [Bónis, 1983, S. 108–111, Nr. 5, Abb. 11]. В кладе из Апта в Галлии, датирующемся первой половиной IV в. н. э., наряду с большой серией типичных для западных провинций Римской империи кованых кувшинов, был найден один кувшин типа Стралджа [Cavalier, 1988, p. 52, no. 5; 58 – ill.] и еще один кувшин с почти горизонтальными плечиками и широким горлом [Cavalier, 1988, p. 51, no. 4; 58 – ill.], напоминающий один из кувшинов, найденных в Хохлаче.

№ 339 (216)/1903 на Глинище в Керчи вместе с другими бронзовыми сосудами, включая патеру и ойнохою типа Миллинген и котелок, ювелирными украшениями и золотой индикацией боспорской монеты Рескупорида IV [Шкорпил, 1905, с. 68–69; Кропоткин, 1970, с. 96, № 829а; Шелов, 1983, с. 65–66. ГЭ, инв. № П. 1903.191]. 2) кувшин из так наз. гробницы с «Золотой маской» [Кропоткин, 1970, с. 96, № 826в; Трейстер, 2009, 55–56; Кат. Ст. Петербург 2009, с. 160–161, № 42]. Два фрагмента верхних частей подобных кувшинов с железными ручками (один – со следами ремонта) и еще железная ручка, вероятно от такого же кувшина, были найдены в Танаисе в помещении И [Кропоткин, 1970, с. 92, № 795; Арсеньева, Шелов, 1974, с. 161–162, табл. XXXIII. *1–2*], погибшем в 240-х гг. н. э. [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 163].

3. Распространение

Рассматриваемые кованые кувшины представлены (рис. 1) тремя находками из сарматских погребений Северо-Западного Причерноморья[4], одной – из Приднепровья[5]. Обращает на себя внимание концентрация находок кувшинов в Юго-Западном Крыму (6 экз.)[6] и на Боспоре (9 экз.: Пантикапей – 5, Танаис – 3, Горгиппия – 1[7]). В Прикубанье был найден лишь один кувшин группы Стралджа – в погребении № 1 кургана № 1 у х. Водный [Marčenko, Limberis, 2008, S. 284, 353, Nr. 67.1, Taf. 97]. Таким образом, учитывая девять находок кувшинов в погребениях кочевников в курганах, расположенных в бассейне Нижнего Дона (рис. 2–5; 8. *3–4*)[8], очевидно, что центр конгломерации

[4] 1) Олонешты, курган № 4/1960, погребение № 4 [Мелюкова, 1962, с. 200–201, рис. 4; Кропоткин, 1970, с. 98, № 851, рис. 67. *7*; Pora, 2010, S. 59–60, Abb. 5; Ларенок, Ларенок, 2016, с. 149, табл. II. *5*]. – 2) Котловина, курган № 2, погребение № 2 [Simonenko, 2008, S. 83, Nr. 142.3, Taf. 149. *6*; Симоненко, 2011, с. 63–65, рис. 43. *2*; 238, № 145.2; Ларенок, Ларенок, 2016, с. 149, табл. II. *2*]. – 3) Мокра, курган II/1990, погребение № 2 (рис. 8. *1*) [Kašuba, Kurčatov, 2005, S. 169, 171, Abb. 7. *1a–b*; 173, 175].

[5] Павловка, разрушенное погребение в кургане [Супруненко, 1994, с. 65–66, рис. 24–25; Simonenko, 2008, S. 78, Nr. 114.1, Taf. 124. *1–2*; Пуздровский, 2009, с. 337; Симоненко, 2011, с. 63–65, рис. 43. *1*; Ларенок, Ларенок, 2016, с. 150, табл. II. *4*].

[6] 1) Чернореченский могильник, склеп № 1 (6)/1950 [Бабенчиков, 1963, с. 114, табл. V. *17*; XII. *1*; Кропоткин, 1970, с. 96. № 835, рис. 67. *9*]. – 2) Инкерман, могильник у совхоза № 10, засыпь могилы № 115 III в. н. э. [Кропоткин, 1970, с. 95, № 824, рис. 57. 4–5; Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 129–130, рис. 20]. – 3) Могильник Бельбек IV, могила № 285 первой четверти III в. н. э. [Труфанов, 2009, с. 133; Гущина, Журавлев, 2016, с. 66, 184–185, табл. 233. *4*]. – 4) Погребение в кургане у дер. Константиновка под Симферополем [Орлов, Скорый, 1989, с. 65–66, рис. 1. *4–6*; Kat. Heidelberg 1999, S. 111. Nr. A2.4.2, Abb. 106 (слева); Simonenko, 2008, S. 72, Nr. 95.2, Taf. 98. *1*; Пуздровский, 2009, с. 337; Труфанов, 2009, с. 130, рис. 3. *8*; 133; Симоненко, 2011, с. 63–65, рис. 42. *2*]. – 5) Усть-Альминский могильник, склеп № 844/2007 (см. подробнее в тексте). – 6) Харакс, могила № 18 с монетами Фофорса 297 г. н. э. и Максимиана (286–305 гг. н. э.); «смятая, сильно разрушенная, покрытая окисью бронзовая ойнохоя с железной ручкой» [Блаватский, 1951, с. 269]. Как справедливо предположил В. В. Кропоткин [1970, с. 95, № 834], вероятно это кувшин рассматриваемого типа. Не исключено, что к кувшину типа Стралджа относится также фрагмент ручки и крышки с уточкой, найденный при раскопках святилища на перевале Гурзуфское седло, хотя с полной уверенностью это утверждать нельзя, М. В. Новиченкова считает, что это импортный римский кувшин типа Tassinari E5322 [Новиченкова, 2017, с. 142, рис. 124]. Соображение это весьма спорное, т. к. у данного варианта кувшинов из Помпей ручки имеют атташи в форме пальметты, а атташ как раз и не сохранился.

[7] Фрагмент фигурки птички от крышки сосуда: Горгиппия-78, Центр. Раскоп, кв. 5, оп. 11. Анапский музей.

[8] 1) Ростов-на-Дону. Ул. Вятская, курган № 6/1983, погребение № 8 (рис. 2) [Volkov, Guguev, 1986, p. 73, pl. 54. *1*]. – 2) Хохлач, курган, случайная находка, 1864 г. (рис. 3–5) [Засецкая 2011, с. 230–231, рис. 124а, с. 234, табл. 7; 266, № 27]. – 3) Мелеховская, погребение открытое в 1927 г. [Кропоткин, 1970, с. 92, № 789, рис. 57. 6]. – 4) Крепинский-II, курган № 11/33 (1973), погребение № 1 [Raev, 1986, p. 36; Глухов, 2005, с. 17, рис. 14. *6*] (в отчете Р. Ф. Ворониной [1973, л. 54] отмечается, что у кувшина с высоким горлом не было ручки, а «сбоку у венчика была припаяна миниатюрная бронзовая гроздь» (non vidi). – 5) Центральный IV, курган № 20/1975, погребение № 1 [Раев, Науменко, 1993, с. 151, № 1, рис. 3. *2*; 5]. – 6) Чугуно-Крепинка, курган № 2/1984, погребение

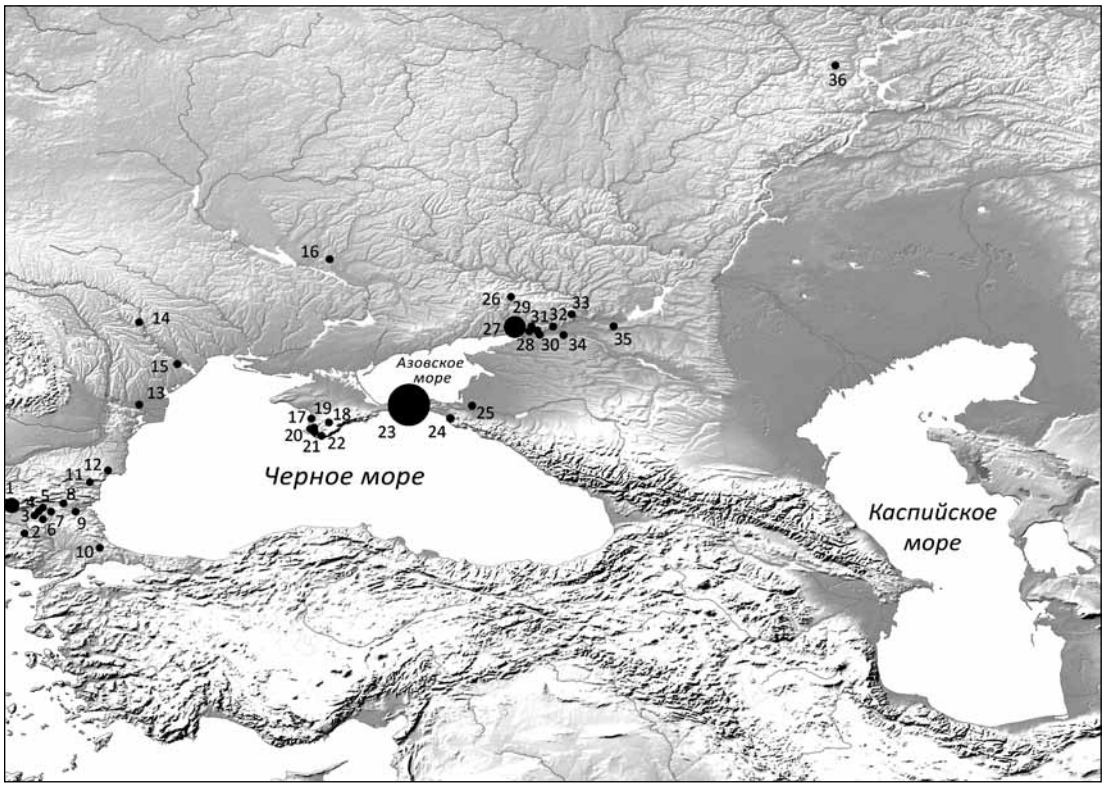


Рис. 1. Карта. Распространение медных кувшинов типа Страндджа (М. Ю. Трейстер, 2018). *1* – Слокоштица, *2* – Асеновград, *3* – Чаталка, *4* – Стара Загора, *5* – Войводиново, *6* – Калояновец, *7* – Нова Загора, *8* – Страндджа; *9* – Дебелт, *10* – Умурча (Люлебургаз), *11* – Марцианополь, *12* – Балчик, *13* – Котловина, *14* – Олонешты, *15* – Мокра, *16* – Павловка, *17* – Усть-Альма, *18* – Константиновка, *19* – Инкерман, *20* – Бельбек IV, *21* – Чернореченский, *22* – Харакс, *23* – Керчь, *24* – Горгиппия, *25* – Водный, *26* – Чугуно-Крепинка, *27* – Танаис, *28* – хут. им. Калинина, *29* – Ростов-на-Дону, ул. Вятская, *30* – Северо-Восточный, *31* – Кобяково, *32* – Хохлач, *33* – Мелеховская, *34* – Крепинский, *35* – Центральный, *36* – Горелый

находок находится на Боспоре с «выплесками» на сопредельные территории: на запад – в район Юго-Западного Крыма и на северо-восток – к кочевникам Нижнего Подонья. Интересно, что далее на восток такие кувшины практически не поступали – исключением является находка в погребении № 1 кургана № 1/2003 могильника Горелый-I в районе Саратова (рис. 6–7) [Балановский, Тихонов, 2009, с. 14, № 3, рис. 6]. Отметим также находки двух ручек, возможно от таких же кувшинов (утверждать это, также как и в случае с находкой на перевале Гурзуфское седло, нельзя), и происходящие из так

№ 1 [Simonenko, 2008, S. 66, Nr. 70.3, Taf. 59; Симоненко, 2011, с. 63–65, рис. 42. *1*; цв. фото 9; Ларенок, Ларенок, 2016, с. 150, табл. II. *7*]. – 7) Ростов-на-Дону, могильник Северо-Восточный, курган № 19/1992, ограбленное погребение [Ильюков, 2002, с. 234, № 18, рис. 4. *1–2, 4*; Ларенок, Ларенок, 2016, с. 150]. – 8) Курганный могильник Кобяково, погребение № 7/2008 (рис. 8. *3–4*) [Верещагин, 2008. Рис. 79, № 74; Ларенок, 2011, с. 320–326, рис. 11. *2–2*; Ларенок, 2016a, с. 63–64; Ларенок, 2016b, с. 17–20, рис. 12. *2*; Ларенок, Ларенок, 2016, 149, табл. II. *1*; 151]. – 9) Случайная находка у хут. им. Калинина Мясниковского района Ростовской обл. [Ларенок, Ларенок, 2016, с. 148–149, табл. I. *5–6*; 151].

Рис. 2. Ростов-на-Дону. Ул. Вятская. Курган 6/1983. Погребение 8.
Кувшин медный. Фото М.Ю. Трейстера

наз. Батумского клада 1907 г., в действительности, инвентаря богатого разрушенного погребения конца II – начала III в. н. э. [Инаишвили, 1987, табл. LVIII, *1–2*], тем более, что бронзовые кованые кувшины типа Eggers 128/Tassinari 5220 попадали не только на Западный Понт, но и в Закавказье и Малую Азию, о чем свидетельствуют находки таких кувшинов при раскопках дворца в Дедоплис гора [Löhr, 2008, p. 156, 160, no. 6, pl. 60] и в Зеугме [Khamis, 2013, p. 99–100, Br4–6, figs. 4–6].

4. Находка в некрополе Усть-Альминского городища. Можно ли считать, что кувшины появляются в Северном Причерноморье в третьей четверти I в. н.э.?

Такой кувшин (рис. 9. *3*) [Пуздровский, 2007, с. 170, 428, рис. 154. *1*; Пуздровский, 2009, с. 336–337, № 14, рис. 7; Труфанов, 2009, с. 132, рис. 4. *4*; 133; Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 17, 162, рис. 32] был недавно найден вместе с патерой типа Кентербери (рис. 9. *4*), ойнохоей с атташем, украшенным изображением Эрота, типа Eggers 125 (Миллинген)

Рис. 3. Хохлач. Курган. Случайная находка, 1864 г. Кувшин медный.
Гос. Эрмитаж, ОАВЕС. Инв. № 2213/38. Фото М.Ю. Трейстера

(рис. 9. *1*), и серебряной фиалой с бюстом Артемиды или Тюхэ (?) (рис. 9. *2*) в ограбленном склепе № 844/2007 некрополя Усть-Альминского городища в Юго-Западном Крыму. Предполагается, что либо в склепе было два погребения разного времени (одно – с бронзовым сервизом из ойнохои [Пуздровский, 2007, с. 169, 429, рис. 155. *1*; Пуздровский, 2009, с. 334–335, № 11, рис. 6. *1*; Труфанов, 2009, с. 132, рис. 4, *1*; 133; Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 17, 161, рис. 29. *4*][9] и патеры [Пуздровский, 2007, с. 169–170, 429, рис. 155, *3*; вклейка 15. *3–4*; Пуздровский, 2009, с. 335, № 12, рис. 6. *3*; Труфанов, 2009, с. 132, рис. 4. *3*; 133; Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 17, 161, рис. 31, табл. 10. *6*], датирующееся серединой–третьей четвертью I в. н. э., а второе – с кувшином, совершенное в последней четверти I или на рубеже I–II вв. н. э., либо это было одно погребение, датируемое третьей четвертью I в. н. э.

[9] Это ойнохоя типа Eggers 125: Eggers, 1951, S. 171, Beilage 53, Taf. 11. *125–126*. А. В. Симоненко ошибочно относит ее к типу Eggers 124 [Симоненко, 2011, с. 63].

Рис. 4. Хохлач. Курган. Случайная находка, 1864 г. Кувшин медный.
Гос. Эрмитаж, ОАВЕС. Инв. № 2213/37. Фото М.Ю. Трейстера

В своей датировке погребения (или первичного погребения) А. Е. Пуздровский основывался на своей атрибуции патеры из склепа (рис. 9. *4*) типом Миллинген[10]. На самом же деле, тип оформления окончания ручки, широкий край вместилища и умбонообразное оформление дна, скорее, свидетельствуют в пользу отнесения патеры к типу G (Кентербери). Патеры этого типа часто украшались маской Медузы [Nuber, 1972, S. 65–66, Abb. 15. *1–2*; 201, Liste G. I. c.3–4, 6–9, Faider-Feytmanns, 1979, p. 170, no. 344, pl. 128 (отдельная ручка); Sedlmayer, 1999, S. 52, Taf. 21. *1*; Tassinari, 1993, p. 140, H2332b; tav. 140, no. 13384; Elschek, 2013, S. 99, Abb. 7] или Пана ([Nuber, 1972, S. 201, Liste G. I. c. 1–2; Rahmani, 1981, p. 190–196, fig. 4; Буюклиев, 1984, с. 13, № 9, рис. 13] (как и усть-альминская находка) на конце ручки.

[10] По мнению А. Е. Пуздровского [2007, с. 169], патера из склепа № 844/2007 «по стилю оформления ручки обнаруживает близость патерам типа Eggers 155». А. В. Симоненко [2011, с. 61] безоговорочно относит ее к типу Миллинген.

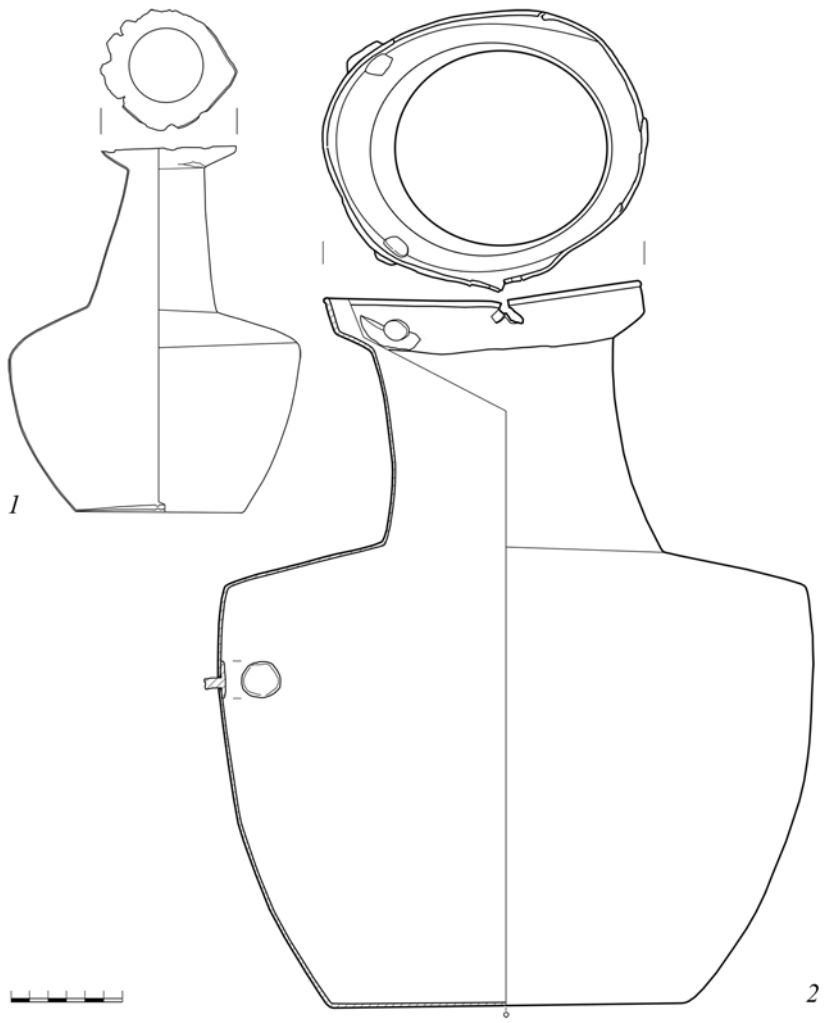


Рис. 5. Хохлач. Курган. Случайная находка, 1864 г. Кувшины медные.
Гос. Эрмитаж, ОАВЕС. Инв. № 2213/37–38. Рисунки Н.Е. Беспалой

Патеры типа Кентербери в третьей четверти I в. н. э. только начинают производить в мастерских Кампании, а затем вплоть до II в. н. э. изготавливают в галльских мастерских, при этом основная масса находок таких патер и в провинциях Римской империи, происходит из кладов и погребений второй половины II в. н. э. [Nuber, 1972, S. 65–66, 201, Liste G I c; S. 202, Liste G III c; Sedlmayer, 1999, S. 52]. В некоторых из этих комплексов (Зохор, погребение № 6/2010 [Elschek, 2013, S. 98, Abb. 6. *1*; 105], клад в Целль ам Зее [Sedlmayer, 1999, S. 36, 152, Abb. 19], Самтавро, погребение № 905/1985 [Apakidze, Nikolaishvili, 1994, p. 19, no. 1; p. 22–23, figs. 7. *1*], Брястовец в районе Бургаса, погребение № 3 [Карайотов, Господинов, 2006, с. 126–127, рис. 15–16]; гробница у с. Мыдрец в районе Старой Загоры [Буюклиев, 1988, с. 13, № 8–9, рис. 12–13]), надежно датирующихся серединой – второй половиной II в. н. э., вместе с патерами типа Кентербери, как и в рассматриваемом усть-альминском комплексе, были найдены ойнохои типа Миллинген,

Рис. 6. Горелый-I. Курган 1/2003. Погребение 1. Кувшин медный. *1*, *5* – общие виды, *2–4* – детали. Саратов, Областной музей краеведения. Фото М.Ю. Трейстера

которые, хотя и появились еще во второй четверти I в. н. э., но были распространены и и во II, и встречались даже в комплексах III в. н. э. [Radnóti, 1938, S. 151–155, Taf. XIII. *75*; LI; Eggers, 1951, 171, Beilage 53, Taf. 11. *125–126*; Nuber, 1972, S. 48–54, Abb. 7; Petrovszky, 1993, S. 112–113, Taf. 4. *XIII, 1*; Sedlmayer, 1999, S. 27–33; Bienert, 2007, S. 21–23 (Form 4–5); Jílek, 2009, S. 71–74; Elschek, 2013, S. 105].

Интересно, что в погребении кургана у с. Слокоштица в районе Кюстендила во Фракии кувшины типа Стралджа [Meshekov, Stajkova, 1998, p. 57, fig. 13; p. 58, 61, fig. 20, *a–b*; p. 64, nos. 6–7] были также найдены вместе с ойнохоей типа Миллинген [Meshekov, Stajkova, 1998, p. 56, fig. 8; p. 57, 60, fig. 18; p. 65, no. 9] и патерой типа Кентербери [Meshekov, Stajkova, 1998, p. 56, fig. 9; p. 57, 59, fig. 17; p. 64, no. 8], в погребении середины II в. н. э. в Марцианополе – вместе с кованым кувшином среди прочих

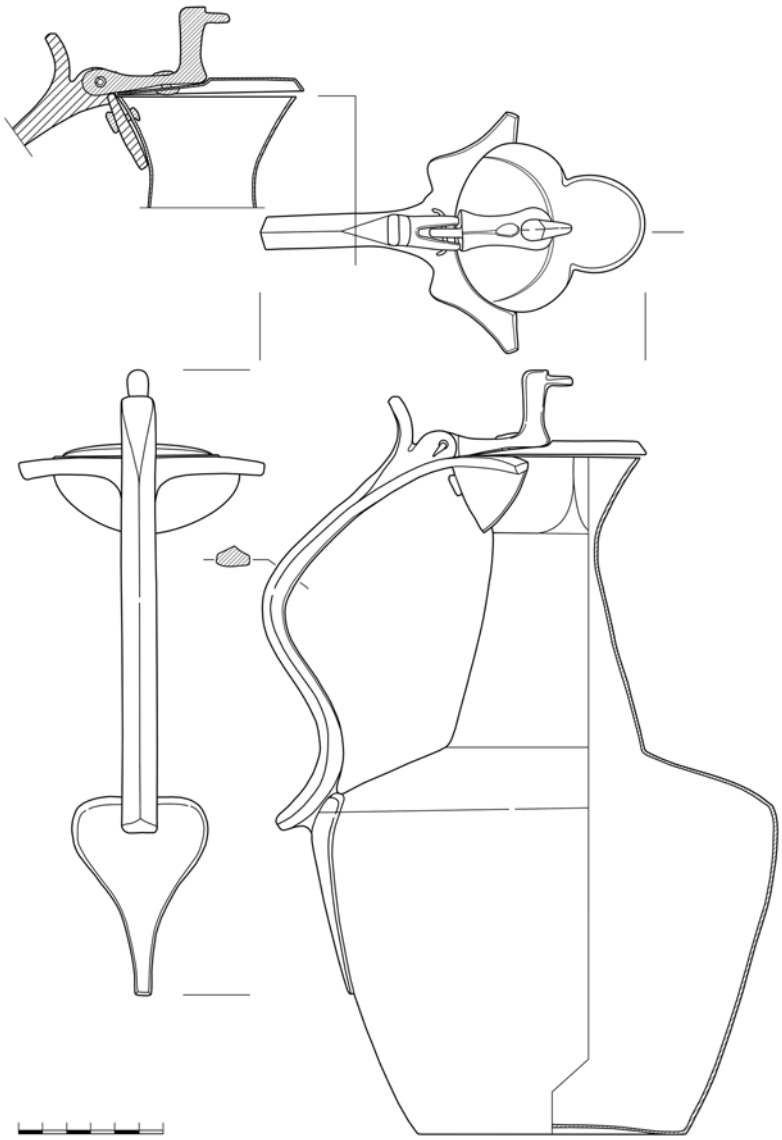


Рис. 7. Горелый-I. Курган 1/2003. Погребение 1. Кувшин медный. Саратов, Областной музей краеведения. Рисунки Н.Е. Беспалой

предметов бронзовой утвари была также патера типа Кентербери [Nenova-Merdjanova, Angelov, 1999, p. 50, fig. 1], а в погребении № 2 кургана В в Умурче (Люлебургаз) вместе с кувшином типа Стралджа [Mansel, 1941, Sp. 143, Nr. 12; Onurkan, 1988, p. 66–67, no. 63, fig. 28, pl. 41. *c*], была найдена ойнохоя типа Миллинген [Mansel, 1941, Sp. 143, Nr. 10; Nuber, 1972, S. 193, Liste E. XI. b. 37; Onurkan, 1988, p. 58–59, no. 56, fig. 22, pl. 35. *a–c*], патера типа Кентербери [Mansel, 1941, Sp. 143, Nr. 9; Nuber, 1972, S. 201, Liste G. I. b. 4; Onurkan, 1988, p. 50–52, no. 47, fig. 14, pl. 30. *a–d*], таз типа Eggers 100 [Mansel, 1941, Sp. 144, Nr. 13; Onurkan, 1988, p. 40, no. 36, fig. 8, pl. 20. *a–d*] и семь серебряных денариев чеканки от Веспасиана до Адриана (самый поздний – 123–128 гг. н. э.) [Mansel, 1941, Sp. 135–136,

Рис. 8. Blechkanne со следами ремонта. *1* – погребение № 2 в кургане Мокра II/1990. Кишинев, Национальный музей истории Молдовы (фото М. Т. Кашубы), *2* – Овилава/Велс (по: Miglbauer, 2012), *3–4* – Кобяково, погребение № 7/2008. Танаис, Музей-Заповедник (фото В. В. Верещагина)

Nr. 6a–g; Nuber, 1972, S. 65]. Таким образом, нет никаких оснований датировать погребение в склепе № 844, а соответственно и найденный в нем кувшин временем ранее середины II в. н. э.

5. Особенности наборов бронзовой посуды с кувшинами типа Стралджа во Фракии и в Северном Причерноморье

Как уже было показано выше на примере находок из с. Слокоштица, в Марцианополе и в Люлебургазе – во фракийских погребениях рассматриваемые кувшины встречаются вместе с бронзовыми патерами типа Кентербери и ойнохоями типа Миллинген. В Слокоштице набор дополняли *ungegliederte Kanne*, таз, бронзовый косметический

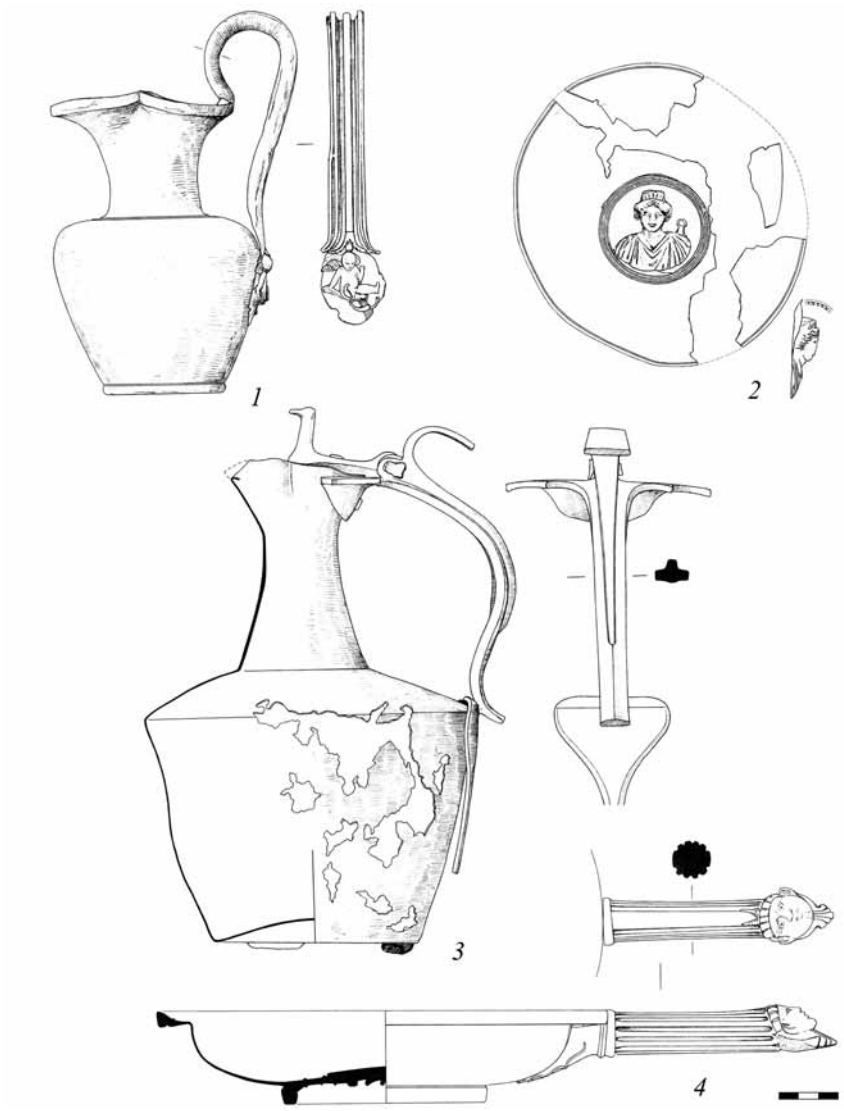


Рис. 9. Бронзовые сосуды и серебряная фиала из склепа № 844/2007 могильника Усть-Альминского городища. Бахчисарай, Историко-культурный и археологический музей-заповедник (по: Пуздровский, Труфанов, 2017)

сосуд с рельефными изображениями, в Марцианополе – подобный сферический сосуд без изображений, *ungegliederte Kanne*, цилиндрический контейнер и сковорода (?). Из комплексов, включенных в работы Б. А. Раева, в тех случаях, когда кувшины происходят из достоверно раскопанных и опубликованных комплексов, складывается аналогичная картина, которая почти всегда включает ойнохою типа Миллинген и патеру. В трупосожении, открытом в Асеновграде в 1956 г., это патера типа Аликария, здесь же найден овальный таз) [Raev, 1977, S. 635, Nr. 3]. В Балчике – две патеры типа Кентербери, ойнохои типа Миллинген и Кентербери, *ungegliederte Kanne*, тазы, ситулы, котел и кратер [Raev, 1977, S. 635, Nr. 4]. В кургане № 6 у с. Чаталка помимо стандартного

набора из патеры и ойнохои типа Миллинген, это таз типа Eggers 100, три бронзовые амфоры и чаша [Raev, 1977, S. 636, Nr. 19; Буюклиев, 1986, с. 84–87, № 287–295]. В Страл-дже – *ungegliederte Kanne*, патера типа Кентербери, овальный таз, фигурный сосуд [Raev, 1977, S. 640, Nr. 84].

Во многих из фракийских комплексов с коваными кувшинами были найдены также складные железные стулья, которые одни исследователи считают статусным признаком и свидетельством того, что в рассматриваемых могилах были погребены представители римской администрации (погребальные комплексы с такими стульями известны в разных провинциях Римской империи: от Британии – до Фракии, но образуют три кластера – Англия и Нижний Рейн, Паннония и Фракия) [Miks, 2009, S. 432–446; см. фракийские комплексы: S. 511, Nr. 10–23], а другие – связывают с набором предметом для мытья [Mráv, 2013, S. 105–144; см. фракийские комплексы: S. 133–134, Nr. 23–42], к которому относится, соответственно, и кованый кувшин с крышкой на шарнире и, как следствие этого, с романизацией провинциальной элиты.

По сочетанию типов бронзовых сосудов лишь рассмотренный выше комплекс из склепа № 844/2007 некрополя Усть-Альминского городища и набор сосудов из погребения середины III в. н. э. № 339 (216)/1903 на Глинище в Керчи, сопоставимы с фракийскими, что дает определенные основания полагать, что бронзовые кувшины типа Страл-джа могли попасть в них вместе с ойнохоей и патерой, т. е. быть привезены из Фракии.

Для керченских комплексов III–IV вв. н. э. отмечается сочетание с бронзовыми котелками (типа Хемоор – в погребении с Золотой маской). В других погребениях могильников Юго-Западного и Южного Крыма (кроме Усть-Альминского) рассматриваемые кувшины были найдены либо без каких-либо других бронзовых сосудов, либо – в одном случае – с тазом типа Эггерс 100 (Константиновка).

В погребениях кочевников Сарматии совместные находки кованых кувшинов с патерами или ойнохоями неизвестны. Наиболее часто мы встречаем их вместе с тазами типа Эггерс 100 (Олонешты, Павловка, Чугуно-Крепинка, Ростов-на-Дону, Центральный, Горелый) или 102 (Чугуно-Крепинка), с цедилками Эггерс 160 (Олонешты, Ростов-на-Дону, Кобяково, Мелеховская), с ковшами (типа Эггерс 142 – Ростов.на-Дону, типа Эг-герс 144 – Чугуно-Крепинка, Центральный) (см. табл. 1). Таким образом, очевидно, что в среде кочевников кованые кувшины с крышками не являются свидетельством распространения римской культуры мытья и попадали сюда, скорее всего, не в составе таких специальных сервизов.

6. Особенности хронологического распределения кувшинов 1) в Сарматии и 2) на Боспоре и в Юго-Западном Крыму

Что касается хронологии сосудов, то вопреки мнению А. В. Симоненко, о том, что за редчайшим исключением, такие кувшины в комплексах позднее середины II в. до н. э. не известны [Simonenko, 2008, S. 20; Симоненко, 2011, с. 64], укажу на то, что, по крайней мере, в трех случаях из шести в могильниках Юго-Западного и Южного Крыма они происходят из погребений, а также в двух случаях, когда находки из Керчи происходят из известных погребальных контекстов – рассматриваемые кувшины были найдены в комплексах III – начала IV в. н. э. Да и находки из Танаиса и Горгиппии происходят

Таблица 1. Совместные находки импортных бронзовых сосудов в погребальных комплексах Северного Причерноморья и Сарматии[11]

№	Кувшины и ойнохои			Амфоры	Патеры (Nuber)	Тазы	Ковши	Цедилки и черпаки	Котелки			Примечание
	C[12]	Tassinari B1221	Eggers (E) 125						Eggers (E) 55–56	Котелок	Дебелт	
13	X											ограбл.
14	X					E 100		E 160				
15	X					E 71						
16	X					E 100						
17	X		X		G							
18	X					E 100						
19	X											
20	X											
21	X											
22	X											
23a[13]	X		X		E					П.1903.192[14]		
23b[15]	X					E 97			X			
25	X							X				
26	X	X				E 102	E 144	E 160				
29	X					E 100	E 142	E 160			X	
30	X											ограбл.
31	X							E 160				ограбл.
32	X			X (2 экз.)								
33	X							E 160				
34	X											ограбл.
35	X					E 100	E 144	E 160			X	
36	X					E 100						ограбл.

из помещений, погибших в пожаре 30-х–40–х годов III в. н. э. В то же время нельзя не согласиться с А. В. Симоненко, что, действительно, в целом ряде сарматских погребений эти кувшины сочетаются с находками бронзовых тазов типа Eggers 100 или 102 [Симоненко, 2011, с. 59] и при этом в ряде случаев есть все основания для датировки таких комплексов в рамках конца I – первой половины II в. н. э. (Олонешты, Константиновка, Павловка, Центральный, Усть-Альма, Хохлач, Горелый). Первой четвертью или первой половиной II в. н. э. датируют и погребение № 2 в кургане Мокра II/1990 на Днестре [Кашуба и др., 2001–2002, с. 229–230; Kašuba, Kurčatov, 2005, S. 185–186], которое по каким-то причинам осталось без внимания А. В. Симоненко.

Складывается противоречивая картина: в Сарматии за редким исключением преобладают находки в погребальных комплексах конца I – первой половины II в. н. э., тогда

[11] Номера комплексов соответствуют номерам на карте, рис. 1.

[12] Кувшины типа Страдджа.

[13] Погребение № 339(216)/1903 на Глинище в Керчи.

[14] Точные аналогии котелку с двумя фигурными ручками мне не известны.

[15] Погребение с «Золотой маской» в Керчи.

как на Боспоре и отчасти в Юго-Западном Крыму преобладают находки кувшинов в комплексах и слоях III – начала IV в. н. э. Объяснить это противоречие можно двояко. 1) Либо кувшины попадали к кочевникам через Боспор (или изготавливались на Боспоре), что кажется логично, учитывая картографию находок, но при этом на Боспоре они не были найдены в ранних комплексах, а были здесь в употреблении вплоть до позднеантичного времени. 2) Либо следует считать, что кувшины к кочевникам и на Боспор попадали различными путями и в разное время, что представляется все же маловероятным, а сопутствующие находки бронзовых сосудов, вообще не дают для этого оснований.

7. К технологии изготовления и ремонта кувшинов. Кувшины из кургана Хохлач

Из тех *Blechkanne*, которые мне удалось исследовать *de visu*, по крайней мере, у части сосудов (оба кувшина из Хохлача, кувшин из кургана в Ростове-на-Дону) (рис. 2–5) на донце в центре имели маленькое округлое углубление от фиксации на токарном станке, что свидетельствует о том, что после ковки кувшины дорабатывались на станке. Этот факт не был отмечен ни в одной из публикаций кувшинов из Хохлача. В качестве техники изготовления отмечается «выколотка, ковка, пайка» [Засецкая, 2011, с. 230–231, 266, № 27–28]. Подобным же образом описана и техника изготовления кувшина из погребения с Золотой маской в Керчи (отмечается, что сосуд выколочен целиком и что у него литая ручка [Минасян, Шаблавина, 2009, с. 93], однако, и у этого кувшина на дне в центре имеется аналогичный след от фиксации на станке, который я наблюдал во время работы с кувшином 25.11.2007 г. К сожалению, ни в упомянутой выше статье, ни в каталоге выставки [Кат. Ст. Петербург 2009, с. 160–161, № 42] фотография дна кувшина не опубликована. Таким образом, это наблюдение противоречит заключению Б. А. Раева о том, что одно из отличий кувшинов группы Страл́джа заключается в том, что они не имеют следов доработки на станке.

О том, что вряд ли рассматриваемый технологический признак может служить основанием для разделения типов, свидетельствуют и противоречивые выводы, к которым, в том числе иногда в рамках одной публикации, приходят исследователи. Так, например, признавая принадлежность находок кувшинов из окрестностей Ростова-на-Дону к группе Страл́джа, В. А. и П. А. Ларенок [2016, с. 150] приходят к выводу «Следовательно, наши ойнохойи можно соотнести с образцами из италийских мастерских». Также к выводу о том, что кувшин может являться образцом италийской работы приходит А. Е. Пуздровский (судя по тексту, исследователь исходил из следующего принципа разделения сосудов на «италийские» и фракийские»: сосуды с бронзовыми ручками – «италийские», с железными – «фракийские»). Соответственно кувшин из склепа № 844/2007 некрополя Усть-Альминского городища (рис. 9. *3*), хотя и определяется как кувшин типа Страл́джа, признается «одним из самых поздних» италийских сосудов и датируется третьей четвертью I в. до н. э. [Пуздровский, 2009, с. 337]. В своей датировке А. Е. Пуздровский основывался, как мы показали, на ошибочной атрибуции патеры типом Миллингеном и находке ручки светлоглиняной амфоры переходного варианта А/В в заполнении (! – МТ) могильной ямы [Пуздровский, 2009, с. 331, № 1; с. 337].

В то же время, при всех имеющихся отличиях в деталях отдельных кувшинов [см. об этом, например: Ларенок, Ларенок 2016, 150], нельзя не признать, что один

из кувшинов, найденных в Хохлаче [Засецкая, 2011, с. 231, рис. 124б; 234, табл. 7; с. 266, № 28], выделяется на фоне всех остальных и своими пропорциями, и тем, что плечики у него не наклонные, как у остальных кувшинов, а практически горизонтальные, а широкое горло имеет почти цилиндрическую форму, а не сужается кверху, как узкие горла остальных кувшинов. Действительно, по этим признакам рассматриваемый кувшин из кургана Хохлач (рис. 3; 5. *2*) обнаруживает близость кувшинам типа Веринген, в частности, находкам из Геблинген-Носпельта [Metzler, 1995, S. 327, Abb. 169; Gorecki, 2016, S. 191, Abb. 5] и из Помпей [Tassinari, 1993, p. 73–76, E4000], являясь вероятно одним из самых ранних образцов кувшинов группы Стралджа, как отмечал Б. А. Раев [Raev, 1976, p. 158; Raev, 1977, S. 617; Раев, 1978, с. 92; Raev, 1986, p. 37–38]. Кстати, определяя этот сосуд, как изделие мастерских Нижнего Подунавья I–II вв. н. э. (со ссылкой на Б. А. Раева), И. П. Засецкая, перепутав, отнесла наблюдение Б. А. Раева о возможных италийских прототипах кувшина, к другому кувшину [Засецкая, 2011, с. 230–231, рис. 124а; с. 234, табл. 7; с. 266, № 27], который по своей форме, ничем не отличается от остальных находок в Северном Причерноморье (!).

Обращает на себя внимание тот факт, что у многих кувшинов отсутствуют ручки или вместо бронзовых имеются явно вторичные железные ручки (проще перечислить кувшины у которых сохранились изначальные бронзовые ручки: Усть-Альма, Чугуно-Крепинка, Павловка, Керчь, погребение с Золотой Маской, Кобяково, Горелый). Особого внимания заслуживает в этом смысле кувшин из курганного некрополя Кобяковского городища, у которого ручка была зафиксирована к горлу при помощи петли из железной пластины, охватывающей горло сосуда и соединяющей его с ручкой, с концами, скрепленными с помощью железной заклепки (рис. 8. *3–4*) [Верещагин, 2008. Рис. 79, № 74; Ларенок, 2011, с. 320–326, рис. 11. *2–2*; Ларенок, 2016a, с. 63–64; Ларенок, 2016b, с. 17–20, рис. 12. *2*; Ларенок, Ларенок, 2016, 149, табл. II. *1*; 151]. Подобным же образом при помощи железной петли, обернутой вокруг горла и центральной части ручки, были починены и кувшины, найденные в погребениях у с. Котловина [Simonenko, 2008, S. 83, Nr. 142.3, Taf. 149. *6*; Симоненко, 2011, с. 63–65, рис. 43. *2*; 238, № 145.2; Ларенок, Ларенок, 2016, с. 149, табл. II. *2*] и в кургане Мокра II (рис. 8. *1*) [Кашуба и др., 2001–2002, с. 209, рис. 15. *1*; с. 229–230; Kašuba, Kurčatov, 2005, S. 169, 171, Abb. 7. *1a–b*; 173, 175] в Северо-Западном Причерноморье (с той лишь разницей, что и ручка у них уже была железная).

Учитывая тот факт, что железные ручки имелись и у кувшинов из Танаиса [Кропоткин, 1970, с. 92, № 795; Арсеньева, Шелов, 1974, с. 161–162, табл. XXXIII. *1–2*], трудно обозначить такой способ ремонта как «варварский». Более того, подобным образом, при помощи железных обойм, охватывающих горло и верхний атташ ручки кувшина, были починены многие кованые кувшины, найденные и в западных провинциях Римской империи [Bolla, 1979, tav. II. *1*; Bolla, 1989, nos. 2, 9–12, 14, 23; tav. XLVII. *3*; XLIX. *13–14*; L– LII; LIII. *23*; Sedlmayer, 1999, S. 32, Taf. 10. *4*; 11. *2*], и в Закавказье [Löhr, 2008, p. 156, 160, no. 6, pl. 60]. Особенно впечатляет сходство починки кувшина при помощи петли, обхватывающей горло и центральную часть (железной) ручки, с кованым кувшином из Овилавы (совр. Веллс) в провинции Норик, найденным в помещении с антонианом Валериана I (235–269 гг. н. э.) (рис. 8. *2*) [Miglbauer, 2012, S. 72, 75, Abb. 2–3]. Подобным же

образом починен и кувшин из Бригецио [Radnóti, 1938, S. 152, Taf. LII. *3*], у которого сохранилась железная ручка, а у кувшина из Зомбы в Паннонии, сохранились лишь части железной ручки (у верхнего и нижнего атташей) и железная петля на горле [Bónis, 1983, S. 108–111, Nr. 5, Abb. 11]. Есть все основания полагать, что изначально и этот кувшин и серия кувшинов с утраченными ручками и железной петлей на горле из Фракии [Raev, 1977, S. 616, Nr. 84, Taf. 14. *2*; Nr. 101, Taf. XVII. *3*; Nr. 4, Taf. XXXII. *6* (все с обоймами на горле)], до того как уже замененные ручки были отломаны, выглядели таким же образом, как и кувшины из Кобяково и Котловины. Таким образом, починенные данным способом кувшины могли попадать кочевникам не только из ближайших центров Боспорского царства, но и издалека.

8. Выводы

Высказанные Ю. Куновым [Kunow, 1983, S. 62] и Д. Б. Шеловым [Шелов, 1983, с. 66] 35 лет назад сомнения в том, что кувшины типа Страл дджа изготовлялись только во Фракии и предположение Д. Б. Шелова о том, что они, возможно, производились и в Северном Причерноморье, на сегодняшний день приобретает актуальность. Когда Б. А. Раев работал над этой темой, он учел 13 находок кувшинов из античных памятников и кочевнических погребений Северного Причерноморья и 11 сосудов из Фракии. В настоящее время общее количество находок кувшинов в Северном Причерноморье более чем удвоилось (30 экз.) и проявились отмеченные выше закономерности в их географическом распределении, при этом мне известны лишь три новые находки подобных кувшинов (общее количество – 14 экз.)[16] и одна новая – кувшина типа Веринген[17] – во Фракии. Считать, по-прежнему, что все эти сосуды, найденные в Северном Причерноморье, были произведены во Фракии противоречит логике. Анализ сочетания кованых кувшинов типа Страл дджа с другими римскими бронзовыми сосудами во Фракии, с одной стороны, в Крыму, с другой, и в Сарматии – с третьей, показывает разные закономерности. Лишь в двух случаях в Северном Причерноморье (могильник Усть-Альминского городища и некрополь Пантикапея) можно говорить о сходстве состава набора сосудов с фракийскими комплексами. Учтем также, что эти кувшины не представляли из себя ничего особенного, ни с точки зрения производства, ни их функциональной принадлежности, а использовались, скорее всего, для кипячения воды [Flügel, 1993, S. 82; Künzl, 2000, S. 607; Bienert, 2007, S. 37], хотя не исключается их использование для масла или вина [Kunow 1983, 73–74 с обзором различных точек зрения].

Косвенно о возможности боспорского изготовления, по крайней мере, части рассматриваемых кувшинов свидетельствует единственная находка в Поволжье – в кургане могильника Горелый-I [Балановский, Тихонов, 2009, с. 8–22], в котором кувшин был обнаружен среди богатого инвентаря, включающего как римские, так и парфянские

[16] Погребение середины II в. н. э. в Марцианополе [Nenova-Merdjanova, Angelov, 1999, p. 52, fig. 3; 53] (описан как бронзовый кувшин с железной ручкой, на рисунке ручка отсутствует). – Погребение в кургане у с. Слокоштица в районе Кюстендила [Meshekov, Stajkova, 1998, p. 57, fig. 13; p. 58, 61, fig. 20, *a–b*; p. 64, nos. 6–7 (два кувшина, один – с железной ручкой, второй – со следами утраченной железной ручки).

[17] Вместе с бронзовыми патерой и ойнохоей типа Миллинген и тазом типа Eggers 100 в кургане у д. Караново в районе Новой Загоры [Ignatov, Gospodinov, 2013, S. 34, Abb. 17. *7*]. Погребение надежно датируется серединой I в. н. э., в том числе монетами Тиберия.

импорты, вместе с бронзовым тазом типа Эггерс 99–100, бронзовой амфорой, стеклянными кубками с фасетами, а также светлоглиняной амфорой типа B[18] [Балановский, Тихонов, 2009, с. 14–15, № 4, рис. 7]. Никаких находок, свидетельствующих о связях с Фракией, в этом комплексе нет, а светлоглиняная амфора является свидетельством того, что западные импорты могли попасть в это погребение через Боспор. Я при этом абсолютно не собираюсь утверждать, что находки из Фракии были сделаны на Боспоре, они вполне вероятно изготовлялись в местных мастерских или в Паннонии.

Список литературы

Арсеньева, Шелов, 1974: Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972 гг.) // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. I. М.

Бабенчиков, 1963. Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологични пям'ятки УРСР XIII.

Балановский, Тихонов, 2009. Балановский А. В., Тихонов В. В. Погребение знатной сарматки из курганного могильника «Горелый I» // Наша малая Родина: ее история, развитие, проблемы. Балашов.

Блаватский, 1951. Блаватский В. Д. Харакс // МИА. 19.

Буюклиев, 1984. Буюклиев Х. Тракийска могилна гробница от с. Мъдрец, Старозагорски окръг // Разкопки и проучвания. 10. София.

Буюклиев, 1986. Буюклиев Х. Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг (Разкопки и проучвания XVI). София.

Верещагин, 2008. Верещагин В. В. Отчет об археологических работах на территории некрополя Кобякова городища в городе Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону // Архив ООО «Ростовская Археологическая Экспедиция».

Воронина, 1973. Воронина Р. Ф. Отчет о работах 2го Манычского отряда Донской археологической экспедиции // Архив ИА, Р-1, 5642.

Глухов, 2005. Глухов А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград.

Гущина, Журавлев, 2016. Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (Труды ГИМ. Вып. 205). М.

Засецкая, 2011. Засецкая И. П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.

Ильюков, 2002. Ильюков Л. С. Три позднесарматских кургана из Северо-Восточного могильника // Аксайские древности. Ростов-на-Дону.

[18] Определение С. А. Науменко, которой мы приносим искреннюю благодарность. С. А. Науменко подготовила для материалов проекта статью о находках амфор в погребениях кочевников Азиатской Сарматии.

Инаишвили, 1987. Инаишвили Н. А. Клад из Цихисдзири // Памятники Юго-Западной Грузии. XVI. Тбилиси (на грузинском яз.).

Карайотов, Господинов, 2006. Карайотов, И., Господинов, К. Могилни погребения край село Брястовец, Бургаска Община // Studia in honorem Christi Buyukliev (Известия на музеите от Югоизточна България. XXII). Бургас.

Кат. Ст. Петербург 2009. Тайна золотой маски. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. СПб.

Кашуба, Курчатов, Щербакова, 2001–2002. Кашуба, М. Т., Курчатов, С. И., Щербакова, Т. А. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра) // Stratum plus. 4.

Кропоткин, 1970. Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) (САИ. Д1–27). М.

Ларенок, 2011. Ларенок В. А. Погребальные комплексы с ровиками в некрополе Кобякова городища первых веков нашей эры // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2009 году. 25. Азов.

Ларенок, 2016a. Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов. II. Ростов-на-Дону.

Ларенок, 2016b. Ларенок В. А. Погребальные комплексы с ровиками (некрополь Кобякова городища) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 4 (2); http://aaatec.org/art/a_lv1

Ларенок, Ларенок, 2016. Ларенок В. А., Ларенок П. А. Случайная находка бронзового кувшина // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б. А. Раева. Кагальник, 20–21 октября 2016 г. Ростов-на-Дону.

Мелюкова, 1962. Мелюкова А. И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1.

Минасян, Шаблавина, 2009. Минасян Р. С., Шаблавина Е. А. Техника изготовления вещей из погребения Рескупорида // Кат. Ст. Петербург 2009.

Новиченкова, 2017. Новиченкова М. В. Римське військове спорядження в Таврицi I ст. до н. е. – I ст. н. е. (за матеріалами розкопок святилища Гурзуфське Сідло). Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ.

Орлов, Скорый, 1989. Орлов К. К., Скорый С. А. Комплекс з бронзовим посудом римського часу з поховання в Центральному Криму // Археологія. 2.

Пуздровский, 2007. Пуздровский А. Е. Крымская Скифия. II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь.

Пуздровский, 2009. Пуздровский А. Е. Комплекс с бронзовой и серебряной посудой I в. н. э. из Усть-Альминского некрополя в Крыму // Stratum plus. 4.

Пуздровский, Труфанов, 2017. Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 2). Симферополь, М.

Раев, 1978. Раев Б. А. Металлические сосуды кургана Хохлач // Проблемы археологии. 2. Л.

Раев, Науменко 1993. Раев Б. А., Науменко С. А. Погребение с римскими импортами в Ростовской области // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск.

Симоненко, 2011. Симоненко А. В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.

Стржелецкий и др., 2003–2004. Стрежелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 4.

Супруненко, 1994. Супруненко А. Б. Курганы Нижнего Поворсклья. Москва, Полтава.

Трейстер 2009. Трейстер, М. Ю. Посуда и предметы утвари из серебра и бронзы // Кат. Ст. Петербург 2009.

Труфанов, 2009. Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 4 (2005–2009).

Шелов, 1983. Шелов Д. Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. 4.

Шкорпил, 1905. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1903 г. // ИАК. 17.

Apakidze, Nikolaishvili, 1994. Apakidze A., Nikolaishvili V. An aristocratic Tomb of the Roman Period from Mtskheta // Antiquaries Journal. 74.

Bienert, 2007. Bienert, B. Die römischen Bronzegefässe im Rheinischen Landesmuseum Trier. Trier.

Bolla, 1979. Bolla M. Recipienti in bronzo d'età romana in Lombardia. Brocca rinvenuta a Carobbio degli Angeli // Rivista Archeologica dell'Antica Provincia e Diocesi di Como. 161.

Bolla, 1989. Bolla M. "Blechkannen": aggiornamenti // Rassegna di Studi del Civico Museo Archeologico e del Civico Gabinetto Numismatico. XLIII–XLIV.

Bónis, 1983. Bónis É. Das kaiserzeitliche Bronzefund von Zomba // Folia archaeologica. XXXIV.

Božič, 2005. Božič D. Die spätrömischen Hortfunde von der Gora oberhalb von Polhov Gradec // Arheološki vestnik. 56.

Cavalier, 1988. Cavalier O. Le trésor d'Apt. Un ensemble de vaiselle métallique gallo-romaine. Musée Calvet. Avignon.

Eggers, 1951. Eggers H. J. Der römische Import im freien Germanien (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.

Elschek, 2013. Elschek K. Zohor – Ein neues Fürstengrab der „Lübsow-Gruppe" und Brandgräber mit Edelmetallbeigaben aus Zohor (Westslowakei) // Macht des Goldes – Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 2). Weinstadt.

Faider-Feytmanns, 1979. Faider-Feytmans G. Les bronzes romains de Belgique. Mainz.

Flügel, 1993. Flügel Ch. Die römischen Bronzegefäße von Kempten-Cambodunum. (Cambodunumforschungen V) (Materialhefte zur bayerischen Archäologie 63). Kallmünz.

Gorecki, 2016. Gorecki J. Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts // Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile

militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen). Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bd. 1. Bonn.

Ignatov, Gospodinov, 2013. Ignatov V., Gospodinov K. Eine reiche Bestattung eines thrakischen Aristokraten aus dem 1. Jh. n. Chr. bei Karanovo, Kreis Nova Zagora, Südbulgarien // ArchBulg. XVII.1.

Jílek, 2009. Jílek J. Bronzové nádoby z doby římské na Moravě a naddunajské části Dolního Rakouska. Pardubice.

Kašuba, Kurčatov, 2005. Kašuba M., Kurčatov S. Ein Grabhügel der sarmatischen Elite von Mokra am mittleren Dnestr // Prähistorische Zeitschrift. 80.2.

Kat. Heidelberg 1999. Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg.

Kellner, Zahlhaas, 1993. Kellner H.-J., Zahlhaas G. Der Römische Tempelschatz von Weissenburg i. Bay. Mainz.

Khamis, 2013. Khamis, E. Copper Alloy Objects // Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology. Vol. III. New Haven.

Kunow, 1983. Kunow J. Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte. 21). Göttingen.

Künzl, 2000. Künzl S. Der zerbrochene Krug: Reparaturen an römischen Metallgefäßen // Kölner Jahrbuch.

Löhr, 2008. Löhr H. Metal Vessels and Furniture // Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplis Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia. Langenweißbach.

Lund Hansen, 1987. Lund Hansen U. Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien (NordiskeFortidsminder. B/10). København.

Mansel, 1941. Mansel A. M. Grabhügelforschung im östlichen Thrakien // Archäologischer Anzeiger.

Marčenko, Limberis, 2008. Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // A. Simonenko, I. I. Marčenko, N. J. Limberis, Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz.

Meshekov, Stajkova, 1998. Meshekov J., Staikova L. A Rich Thracian Mound Burial from the Roman period at the Village of Slokoshtitsa, Kiustendil District (South-Western Bulgaria) // ArchBulg. II.3.

Metzler, 1995. Metzler J. Das Treverische Oppidum auf dem Titelberg. Zur Kontinuität zwischen der spätkeltischen und der frühromischen Zeit in Nord-Gallien (Dossiers d'archéologie du musée d'histoire et d'art. III). Luxemburg.

Miglbauer, 2012. Miglbauer R. M. Römische Tischsitten am Beispiel von Bronzegefäßen aus Ovilava/Wels // Jahrbuch des Oberösterreichischen Musealvereines. 157.

Miks, 2009. Miks C. Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? // JbRGZM. 56.

Mráv, 2013. Mráv Z. Eiserne Klappstühle aus Kaiserzeitlichen Bestattungen der einheimischen Elite in Pannonien. Zu den Beigaben der Bade- und Reinigungsgarnitur pannonischer Wagengräber // Archaeologiai Értesítő. 138.

Mustață, 2017. Mustață S. The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum. 12). Cluj-Napoca.

Nenova-Merdjanova, Angelov, 1999. Nenova-Merdjanova R., Angelov A. 1999. A Rich Thracian's Grave from Marcianopolis // ArchBulg. III.2.

Nuber, 1972. Nuber H.-U. Kanne und Griffschale // BerRGK. 53.

Onurkan, 1988. Onurkan S. Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntulari. Ankara.

Petrovszky, 1993. Petrovszky R. Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. 1)). Buch am Erlbach.

Popa, 2010. Popa A. Einige Bemerkungen zu den provinzial-römischen Gefässen aus dem kaiserzeitlichen Grabkomplex von Olăneşti in der Republik Moldau // Arheologia între ştiinţă, politică şi economia de piaţă. Chişinău.

Radnóti, 1938. Radnóti A. Die römischen Bronzegefässe von Pannonien (Dissertationes Pannonicae. II/6). Budapest.

Raev, 1976. Raev B. A. Les "Blechkannen" des Province et leurs prototypes italiques // Actes du IVe Colloque International sur les bronzes antiques (17–21 mai 1976) (Annales de l'Université Jean Moulin). Lyon.

Raev, 1977. Raev B. A. Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien // BerRGK. 58.II.

Raev, 1986. Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278). Oxford.

Rahmani, 1981. Rahmani, L. Y. A Roman Patera from Lajjun. Israel Exploration Journal. 31. 3/4.

Sedlmayer, 1999. Sedlmayer H. Die römischen Bronzegefässe in Noricum (Monographies Instrumentum. 10). Montagnac.

Simonenko, 2008. Simonenko A. V. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // A. Simonenko, I. I. Marčenko, N. J. Limberis. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz.

Szabó, 1994. Szabó K. Pots à embouchure coulée d'une pièce avec l'anse // Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18.–22. Juli 1988 (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg). Stuttgart.

Tassinari, 1993. Tassinari S. Il vasellame bronzeo di Pompei. Roma.

Volkov, Guguev, 1986. Volkov I. V., Guguev Yu. K. A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don // B. A. Raev, Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278). Oxford.

Summary

Mikhail Treister
***Blechkanne*. Copper Hammered Pitchers of the First Centuries AD from the North Pontic Area and Sarmatia**

The article is devoted to the finds of jugs hammered out of sheet of the Straldzha type in the North Pontic region, which were first investigated by B.A. Raev in the 1970s and 1980s, who assumed that they were made in the workshops of Thrace. An analysis of the chronology of the vessels shows that in Sarmatia, with rare exception, predominate finds in the funeral contexts of the late 1st and the first half of the 2nd century AD., while in the Bosporus and partly in the South-Western Crimea, the finds of such pitchers predominate in the complexes and layers of the mid-3rd – early 4th century AD. Taking into account the finds of recent decades in the territory of the Western and North-Western Pontic area, in the Crimea, as well as in the burials of the nomads of Asian Sarmatia and the mapping of finds, it becomes evident that the center of the conglomeration of finds in the Northern Black Sea Coast is located in the Bosporan Kingdom with the "splashes" on adjacent territories: to the west – to the region of the South-Western Crimea and to the north-east – to the nomads of the Lower Don region. The doubts expressed by J. Kunow and D.B. Shelov over 30 years ago that pitchers of the Straldzha type were manufactured only in Thrace and Shelov's assumption, that they may have been produced in the northern Black Sea area, become especially relevant now. To consider, as before, that all these pitchers, which were simple, easy in production and used most probably to boil water, found in the Northern Black Sea area (where the number of finds exceeds the Thracian ones by a factor of two) were made in Thrace, becomes more and more complicated and, in my opinion, contradicts logic. I am not going to postulate that the finds from Thrace were made in the Bosporan Kingdom, they could have been made in the local workshops or in Pannonia.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.239-242

Ф. В. Шелов-Коведяев
(Российский общественно-политический центр, г. Москва)

Школьная поэзия в Фанагории[1]

В 1971 году мой выдающийся учитель Ю. Г. Виноградов опубликовал граффито на ручке красноглиняной лесбосской амфоры [Виноградов, 1971, с. 68–70]. Пять строчек текста он прочитал так:

παῖ Διὸς [Ἑρμῆ]
ἄγε [πράξω?]
μεδίμνου λ[ωΐο][2]-
να τριημίε[κτον]
5 Σ.

Позднее он [Виноградов, 1974, с. 58, прим. 3] отказался от восстановления в стк. 2 πράξω, а в сткк. 3–4 λ[ωΐο]/να, специально подчеркнув, что всё остальное, как и понимание памятника, он оставляет без изменений [ср. ПиФ, 2017, с. 339–340, № 258, фото].

Издатель перевёл надпись следующим образом – «Сын Зевса *Гермес*, не выручу ли я за медимн *меньше тригемигекта*» – и посчитал её вопросом-просьбой к Гермесу некоего купца, оставившего в стк. 5 первую литеру своего имени в качестве подписи. Понятно стремление молодого тогда ещё учёного, только что защитившего блестящую диссертацию по фасосским клеймам [Виноградов, 1972, с. 3–63], где он касался и вопросов коммерции продукцией Фасоса, искать эпиграфические следы античной торговли в Северо-Восточном Причерноморье.

Впоследствии к надписи вернулся В. П. Яйленко [Яйленко, 1996, № 2; краткий повтор: Яйленко, 2010, с. 95–96, с прим. 2]. Правильно отметив, что παῖ Διὸς не обязательно (см. ниже) требует уточнения Ἑρμῆ, он настаивает, что первым исключил из реконструкции πράξω, и сохраняет [?λωΐο]/να в значении «хорошие» или «лучшие» (i. e. гемигекты) [там же, с литературой]. Последнее, как мы понимаем, имеет отличную параллель в русском выражении «добрые» в отношении цены и веса. В целом жестоко критикуя Ю. Г. по многим направлениям, В. П. остаётся на позиции экономического содержания документа, который он читает: «Зевсов сын, дай *выручить* за медимн три (хорошие) полугекты» [там же].

[1] Этой работой я хочу поздравить А.А.Маленникова с его 70-летием.

[2] Курсивом отмечены символы, сохранившиеся лишь частично, и восстанавливаемые слова

Поелику, как явствует из дальнейшего, я смотрю на памятник совсем иначе, чем оба вышеназванных автора, мне нет никакого резона принимать чью-либо сторону в их полемике. Не хотелось бы ввязываться и в спор о датировке граффито, т. к. она не имеет для меня принципиального значения. Замечу разве, что маститые эпиграфисты Адольф Вильхельм и Луи Робер постоянно призывали при установлении даты всегда учитывать условия находки (если они известны) и характер несущего текст предмета. А таковые подтверждают скорее 1 пол. V в. до Р. Х., чем тот же период века IV-го [см. о хиосских амфорах, напр., Монахов и др., 2016, Ch. 3], чему, судя по материалам, собранным Лилиан Х. Джеффери [Jeffery, 1963], нимало не препятствует и шрифт надписи. Да и окончание -ου в gen.sg. чередуется с -ō в малой эпиграфике с того же времени.

Аутопсия же артефакта, проведённая мною при разборе витрин[3] прекрасной выставки «Пантикапей и Фанагория: Две столицы Боспорского царства», прошедшей в Москве в ГМИИ им. А. С. Пушкина 27 июня – 17 сентября 2017 года, показала, что за *мю* в конце стк. 4 Виноградов и Яйленко приняли либо робкий (линии его едва видны: ср. Яйленко, 2010, с. 96, рис. 7) фальстарт написания *лямбды*, тут же перекрытый её уверенным глубоким начертанием, либо экспрессивную диттографию данной буквы (тоненько нанесённое завершение, доходящее до нижнего края строчки, правого ската менее чёткой графемы не получило отражения в названной иллюстрации). В конце стк. 3 видна только уходящая снизу вверх слева направо наклонная линия, могущая принадлежать не одной *лямбде*, но и *мю*, и *ню*, и *альфе*. В том же положении в финале и внизу стк. 2 заметен обрывок подобной чёрточки.

Перечисленные особенности дают пониманию граффито совсем иное направление:

παῖ Διὸς ([Ἑρμῆ])
ἄγ(γ)ελ[ε]
μεδίμνου, *μ*[έγιστε],
νᾶ τριήλιε vel τριήλλιε
5 Σ.

«О дитя Зевса (*Гермес*)/вестник/медимна, *величайший*,/подлинно триждылучезарный. С.». Обращает на себя внимание гаплография *гаммы* в стк. 2 – явление, регулярно попадающееся в эпиграфике, в том числе керамической. Μέγιστος – частая эпиклеза Гермеса [напр., Preller, 1923, S. 419]. Ἥλιος известен не только как имя солнечного бога, но и – в качестве прилагательного «сияющий, лучезарный» – как эпитет, применимый к разным божествам, прежде всего к Зевсу [Preller, 1923, S. 136, Anm. 1; S. 430, Anm. 3]. В данном случае сталкиваемся не просто с традиционным гермесовым «утроением» прозвания (ср. τρισμέγιστος, τρικέφαλος и т. п.), но и, вообще, с новым понятием τριήλιος, «триждылучезарный».

Явление неизвестного ранее Beiname само по себе редкая удача, что незамедлительно выводит изучаемый документ в разряд бесценных исторических источников. А заодно ещё и ещё раз закрепляет за Фанагорией всё более утверждающуюся за ней в последнее время, благодаря большому труду археологов, репутацию подателя громких сенсаций.

[3] Искренне благодарю за такую возможность руководителя Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН, директора Историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» В.Д.Кузнецова.

Заново осмысленные строки легко разворачиваются в стихотворную фразу:

παῖ Διὸς ([Ἑρμῆ]) ἄγ(γ)ελ[ε] μεδίμνου, μ[έγιστε], νᾶ τριήλιε

— ⏑⏑ | — — | — ⏑ ⏑ | ⏑ — — | ⏑ — | ⏑ ⏑ ⋮ — | ⏑ — ⏑⏑

da da (sp) da ba ia ia ia ^

Получающийся стих не лишён изящества: сочетание 2–3 дактилей (с возможной – реконструкция [Ἑρμῆ] необязательна, ибо обращение παῖ Διὸς «сын (дитя) Зевса» почти автоматически, т. к. Афина не подходит к контексту, подразумевает Гермеса – заменой одного из них, как у Гомера, на спондей), трёх ямбов и разделяющего обе группы метров бакхия; каталектическое завершение строчки; обыгрывание двойного смысла употребления лексемы ἄγ(γ)ελος по отношению к Гермесу: тут вестнику разом и Зевса, и операции с зерном; использование для восклицания (что часто встречается в поэзии) доризма – νᾶ/νά – вместо обычной в Фанагории ионийской огласовки νῆ/νή.

Вместе с тем, пара шероховатостей – не очень удачное расположение (если включать теоним Гермес) спондея, заменяющего дактиль, и, главное, совсем неуместное (см. [Snell, 1955; Снелль, 1999]) прохождение словораздела прямо посреди (второго) ямба – выдают не слишком искушённую руку. Последнее исключает возможность цитирования (мысль об авторстве могла бы рождать аббревиатура С.) одного из профессиональных произведений. Недаром в них ничего даже чуть-чуть похожего обнаружить не удалось. Неточная цитация, которая могла бы объяснить огрехи, случается в учебном процессе. Однако, и проверка на частичное совпадение, включая фрагменты вещей знаменитостей и adespota, не дала результата.

Вотив? Но посвящения содержимого сосудов, как и любые другие, подписывались полными именами. Да и выбор места для легенды выглядит уж больно экзотично. Если на целых тарных амфорах что-то, кроме цифр, и писали, то уж на туловах или горлах.

Если бы в личном творчестве упражнялся взрослый, к чему ему было бы ставить свой инициал? Это же не любовное послание, где предмету чувств важно знать своего аматёра.

Всё сходится к индивидуальному ученическому характеру экзерсиса (судя по игре словами ἄγγελος и μέδιμνος, выбору носителя – амфорной ручки – и намёку на зерновую сделку, впрямь, скорее всего, сына торговца). Его удостоверяют и подпись воспитанника в конце сочинения, и срыв написания или диттография *лямбды* в стк. 4, а также материал, использованный для стихотворения: в школьном обиходе использовались любые керамические обломки.

Высказанные к мастерству пиита замечания отнюдь не умаляют значения самого факта оказавшегося в нашем распоряжении школьного упражнения. Наоборот, таковое доказывает высокий уровень обучения, образованности и поэтических знаний юных фанагорийцев уже в начале классической эпохи.

Ещё одна звонкая новость.

Список литературы

Виноградов, 1971. Виноградов Ю. Г. Новые материалы по раннегреческой экономике // ВДИ. 1.

Виноградов, 1972. Виноградов Ю. Г. Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 10.

Виноградов, 1974. Виноградов Ю. Г. Прохус Миниидыи из Пантикапея // ВДИ. 4.

Монахов и др., 2016. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов.

ПиФ, 2017. Пантикапей и Фанагория: Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки. М.

Снелль, 1999. Снелль Б. Греческая метрика. М.

Яйленко, 1996. Яйленко В. П. Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья // История и культура древнего мира: Российско-болгарский сборник статей и учебных материалов в честь Т. В. Блаватской. М.

Яйленко, 2010. Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.

Jeffery, 1963. Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford.

Preller, 1923. Preller L. Griechische Mythologie. 6 Aufl. Berlin.

Snell, 1955. Snell B. Griechische Metrik. Göttingen.

Summary

F. V. Shelov-Kovedyayev

Scholar Poetry in Phanagoria

The paper proposes the new reconstruction of graffito published in 1971 by Ju. G. Vinogradov and re-published in 1996 by V. P. Yailenko. Following the new vision this one must be read as verse – παῖ Διὸς ([Ἑρμῆ]) ἄγ(γ)ελ[ε] μεδίμνου, μ[έγιστε], νᾶ τριήλιε vel τριήλλιε. The artefact demonstrates the high level of education and poetical knowledge of young people in Phanagoria at beginning of classical period. The inscription presents all together the new epithet of Hermes – τριήλιος.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-250-6.243-274

В. П. Яйленко
(Независимый исследователь, г. Москва)

Кутадгу билиг
«Знание, делающее счастливым»
(Юсуф Баласагуни).

Застолье, стихи, «другая любовь» и прочее в бытовых граффити Пантикапея

Продолжаем публикацию граффити Пантикапея: после res sacrae – магических, посвятительных, христианских и парахристианских [Яйленко, 2005, с. 459–508; 2006, с. 340–413; 2010а, с. 642–689] – переходим к обширному классу бытовых надписей. В этой подборке надписей на столовой керамике стихотворные, застольные, обсценные, «победные» граффити, также рецепт лечебного питания. Они происходят из находок XIX–XX вв. в Керчи, лишь для полноты картины включены два застольных граффити из Нимфея (№ 6, 7). Образцовый город в отношении граффити – Ольвия, тут хорошо представлены разные их жанры: посвятительные, магические, владельческие, цифровые записи, застольные и поэтические тексты, частные письма, подарочные надписи и пр. Весьма представительна и малая эпиграфика Березани. Афины и Ольвия вкупе с Березанью обладают наиболее крупными по количеству граффити собраниями, отсюда их жанровое разнообразие. Это связано с тем, что Ольвия территориально компактный небольшой город, раскопанный на 2/3. Активно и давно раскапываются Афины. С Пантикапеем и другими боспорскими городами картина иная – городища раскопаны в незначительной мере и отдельными участками, то же относится к некрополям. Что до Пантикапея, то городская застройка вообще не очень ясна, систематические раскопки велись лишь на Митридате, который служил скорее всего центром административной власти. По этим причинам в Пантикапее, в отличие от Ольвии, характерные для греческих городов группы граффити представлены хуже – и число их меньше, и тексты короче. Например, в упомянутых наших публикациях присутствует всего 47 посвящений с территории Большой Керчи и 31 магическая надпись со всего Боспора, что мало (ср. сотни их в Ольвии [Русяева, 2010]). Та же картина и с бытовыми граффити. Например, в Ольвии и на Березани хорошо представлены застольные надписи – числом, размерами да многообразием текстов [Яйленко, 1982, с. 298–303; ГЛБО, с. 90–93]. В Пантикапее все это скуднее, что не дает возможности составить ясное представление

о жанровом составе и текстуальном разнообразии его бытовых граффити, следовательно, о повседневной жизни его обитателей. Все же ценно и то немногое, что есть[1].

Почти все прориси надписей из Керченского, Одесского музеев, ГИМ'а, Эрмитажа мы сделали с подлинников, авторы нескольких других прорисей названы. Номера надписей и рисунков совпадают. Дополненный греческий текст дан в переводе курсивом. Почти все даты – до новой эры, поэтому оговариваются лишь даты нового времени (н. э.). **Сокращения**: фр. – фрагмент, чл. – чернолаковый; e. g. – exempli gratia. Музеи: КМГ – Керченский музей, инв. опись «Граффити»; ОАМ – Одесский археологический музей; ГИМ – Гос. Исторический музей, Москва. Catalogue 2 – рукописный каталог второй половины XIX в. в античном отделе Эрмитажа: Catalogue des antiquités du Bosphore Cimmérien, T. 2 (на него ссылается Л. Стефани в своем Vasensammlung 1869 г.).

I. Стихотворные и застольные граффити

Ольвиополиты слыли большими любителями гомеровских поэм, следствием чего стало наличие в Ольвии да на Березани и собственных поэтов, так что малая эпиграфика этих центров (скажем, в отличие от Афин) славна своими стихотворными граффити[2]. Обычно это застольная поэзия, поэтому объединяем оба вида надписей в один раздел. Они еще не выделялись в публикациях боспорских граффити. В самой большой тематической подборке текстуально пространных боспорских граффити И. И. Толстого [1953, № 97–254] есть раздел «Застольные надписи» Пантикапея (№ 159–162), но из этих 4 граффити ни одно не является таковым. В граффито № 159 аккуратно выписанные в середине поддона чл. чашки буквы АПТЕ выступают сокращением имени-отчества владельца; в № 160 – буквы ΤΗΡΟϹ на стенке чл. сосуда являются частью вотива [Σω]τῆροϛ [Болтунова, 1966, с. 32]; граффито № 161 «Зевса Спасителя, Гермеса До (брого)» тоже вотив[3]. Граффито № 162 содержит монограмму НР на дне краснофигурной пелики, но вопреки Толстому, это не посвящение Гераклу, а монограмма

[1] В 1970-х – 1980-х гг. я обработал несколько сотен древнегреческих граффити Боспора в музеях Керчи, Одессы, Москвы (ГИМ), Эрмитаже, подобрал также опубликованный материал; в результате создал в черновом виде рукописный свод собранного материала. Вместо того, чтобы доработать его и опубликовать, я по обыкновению увлекся другими сюжетами, а рукопись убрал в стол. Лишь в нулевых годах извлек из рукописи 3 раздела – о магических, посвятительных, христианских и парахристианских надписях, доработал и опубликовал. Пишу об этом потому, что теми публикациями я и читатели обязаны дружескому содействию А. А. Масленникова. Дело вот в чем. Имея два образования – античная история и искусствоведение – в 1990-х я работал в основном как преподаватель истории искусства (с 2000 г. стал профессором Факультета искусств МГУ). Занятия Северным Причерноморьем стали тяготить меня и я решил «завязать» с его историей и эпиграфикой. Но в 1998–2000 гг. А. А. Масленников издал уже 3 тома «Древностей Боспора», и при встрече предложил мне печататься там. Поскольку в столе у меня было полно написанного, но так и не напечатанного материала, я стал реанимировать его и постепенно снова увлекся Северным Причерноморьем. Так Саша Масленников, сам того не ведая, вернул меня ему. Этот 2018 г. юбилейный для него – 70 лет. Как скромный человек он не захотел, чтобы авторы ДБ посвятили очередной том его юбилею. Поэтому хочу отметить это событие по-своему: посвящаю эту статью Саше Масленникову, желаю ему доброго здоровья и успехов во всем!

[2] [ГЛБО, с. 88–93; Виноградов, 1969, с. 142–150; Яйленко, 1982, с. 298–303; 2017, с. 252–260, 335–338; Скржинская, 2013, с. 174–176]. Первый поэт, известный нам по имени на территории бывшего СССР – березанец Аристоним, который составил в середине VI в. стихотворную эпитафию Мастору, по нашему мнению, основателю Березанского поселения [Яйленко, 1982, с. 262–264; 2017, с. 310].

[3] И. И. Толстой прочел ΕΡΜΕΩΑΓΑΘ как ʼΕρμέω, ʼΑγαθ (ὦ Δαίμονος) «Гермеса и Доброго Демона», для чего оснований нет. Об эпиклесе Гермеса ʼΑγαθός см. [Яйленко, 1982, с. 292, № 119; 2006, с. 388, № 30; Емец, 1995, с. 39 и табл. I, 2].

имени владельца, каковых немало, и к застольным надписям вообще не может относиться, как бы ее не раскрывать[4].

1. Пантикапей. Первая пол. V в. Фр. конической подставки чл. сосуда, найден при раскопках 1945 г. на Митридате близ памятника Стемпковскому. Фото В. Д. Блаватского [1962, с. 40] (место хранения не указано). На подставке имеется надпись в 3 строки:

1. --ην ἀποδός | -- οὐ μαίνηι | -- ἴει θεάν, «-- отдавший (отдарив, вернув), -- ты не буйствуешь, -- пошли (посылал) богиню».

Текст надписи утрачен слева; поскольку справа все три строки заканчиваются полным словом, справа текст не имел продолжения. Причастие ἀποδός может быть *nom. sg.* или *acc. pl.* (ἀποδός или ἀποδοῦς = ἀποδούς). Поскольку в следующей строке глагол стоит в личной форме ед. числа, то это причастие следует понимать как *nom. sg*. Кроме того, стоящие перед этим словом буквы -ην определенно принадлежат слову или артиклю в *acc. sg.*, т. е. грамматически это предмет действия, выраженный причастием ἀποδός. Итак, в 1 стк. речь велась об отдаче, возврате чего-то. Во 2 стк. μαίνηι является глагольной формой 2 sg. praes. ind. или praes. conj. Судя по расстоянию от скола слева, предшествующие буквы ου скорее представляют отрицание οὐ, и в таком случае μαίνηι – 2 лицо ед. числа praes. ind.[5]. Обратим внимание, что в гомеровском языке глагол μαίνομαι «бушевать, свирепствовать» употребляется как раз только в форме настоящего времени, как здесь, или в прошедшем. Это дает основание считать надпись стихотворной, чему соответствует просодика сохранившегося текста с дактилическими стопами: ... | –˘ ˘ | ˘ ||... – | – – || ... ˘ | –˘˘ [6]. В 3 стк. читается: ἴει θεάν, форма ἴει может быть 3 sg. imperf. act. ind. – «посылал богиню», либо 2 sg. imperat. act. ind.: «пошли богиню». Гомеровские поэмы содержат ряд пассажей со словами μαίνομαι и θεός, в том числе с отрицанием οὐ, например: οὐχ ὅ γ᾽ ἄνευθε θεοῦ τάδε μαίνεται «он не без бога буйствует» (о Диомеде; Hom. Il. V, 185). Еще одна стихотворная параллель пантикапейскому граффито – вотив V в. на мраморной пилястре из Аттики [Lazzarini, 1976, № 792]: Πότνια, ἀπαρχὲν τένδε Μένανδρο[ς ˘¯ ἀνέθεκεν] | εὐχολὲν τελέσας, σοὶ χάριν ἀντ[ιδιδός], | Αἰγιλιεὺς hυιὸς Δεμετρίō, hοῖ [σὺ τὸν ὄλβον] | σοῖζε, Διὸς θυγάτερ, τόν δε χαρ[ισαμένε] «Владычица, эту жертву посвятил, исполнив обет и воздав тебе благодарность, эгилеец Менандр, сын Деметрия; ему ведь ты, дочь Зевса, спасла достояние, благосклонная». Тут следующие параллели к пантикапейскому граффито: ἀποδός – ἀντιδιδός, Διὸς θυγάτερ – θεά, также -ην стк. 1 может быть дополнено по аттическому вотиву: [ἀπαρχ]ήν «начатки, жертву» или [εὐχωλ]ήν «молитву, обет», либо причастное [χαρισαμέν]ην «приятную, благосклонную».

Ввиду размещения пантикапейской надписи на сосуде, осушив который, можно впасть в буйство, ее следует отнести к числу застольных. Ср. популярный застольный сколион из числа Carmina convivalia (fr. 456 Page): σύν μοι πῖνε, συνήβα, συνέρα, συ-

[4] За пределами античного мира также встречаются порой поэтические цитаты на керамических изделиях. Так, в столице Ногайской орды XV-XVI вв. Сарайчике при устье Яика найден глиняный сосуд с надписанными стихами из опубликованной в 1070 г. тюркской дидактической поэмы придворного кашгарского поэта Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг», т. е. «Знание, делающее счастливым», написанной на уйгурском языке; это при том, что до нас поэма дошла только в трех рукописях [Бартольд, 1968, с. 115]. Это прекрасно выраженное прославление рационального знания; ставим его эпиграфом.

[5] Обычно при глаголах в индикативной форме ставится отрицание οὐ, а в конъюнктивной – μή.

[6] Стк. 1: в слове ἀποδός второй омикрон, разумеется, краткий. Но если следующее слово начиналось с согласной, он должен быть долгим. В 3 стк. в слове ἴει начальное ι может быть кратким и долгим.

στεφανηφόρει, σύν μοι μαινομένῳ μαίνεο «пей со мной, со мной сплетай ноги, люби со мной, вместе носи венок, со мною безумствующим безумствуй!» (его дважды привел Афиней, Евстафий Филолог, вариации у Менандра). У того же Менандра (fr. 69): «ты вполне уже спятил с ума, Сосий; со всеми снова пей, безумствуй (μαίνει) дурно, – все это продолжается с добрым словом!». На пирах у друзей было принято обмениваться дарами: один дарил – δῶρον διδόναι, другой отдаривался – ἀντίδωρον, δῶρον ἀντιδιδόναι, ἀποδιδόναι[7]. Упомянем граффито VI в. из Коринфа на глиняной плакетке: [--]ς ἀγγείλας, τὺ δὲ δὸ[ς χα]ρίεσσαν ἀμοιϜάν, – «возвестил(а), ты же дав прелестную награду в ответ» [Jeffery, 1969, p. 404, № 26]. Однако предмет дарения неизвестен. В нашей надписи представлен один из элементов этого обычая – ἀποδός, который может быть переведен не только как «отдав, отдавший», но и «отдарив, отдаривший». Стоящие впереди буквы -ην в таком случае – остаток обозначения дара, к примеру, [κοτύλ]ην «котилу, чашу». Отсюда объяснима и следующая строка: «ты не буйствуешь»: то ли чаша мала и адресат не опьянел, то ли подарок дорог и адресат спокоен. Завершают надпись слова – ἴει θεάν «-- пошли (посылал) богиню». В надписях такого рода обычно подразумевается Афродита. Так, в граффито Нестора с Питекусс читаем: «кто выпьет этот кубок, того тотчас охватит страсть прекрасновенчанной Афродиты». Другой пример – это лапидарный вотив V в. из Эмпориона в Каталонии: «Я, Терпон, служитель благой богини Афродиты. Причислившим себя к сонму таковых Киприда воздаст благосклонностью» (χάριν ἀνταποδοίη) [Jeffery, 1969, p. 235 и 411, № 4]. Таково возможное содержание рассмотренного граффито.

2. ОАМ 21505 (III-4497)[8]. Пантикапей. Вторая пол. IV в. Черепок найден на Митридате, передан Археологической комиссией в Одесский музей в 1901 г. На фр. круглого основания ножки чл. сосуда две надписи: одна сверху, на обозримой части круглого диска-основания, другая снизу. На верхней плоскости – трехстрочная надпись, начинавшаяся у внешнего края и по спирали шедшая к середине, причем последняя стк. 3 идет в обратном направлении, это неполная строка (за последними буквами -τος vacat). Сохранилась почти половина круглого основания ножки сосуда и соответственно, надписи. Из количества сохранившихся букв явствует, что в стк. 1–2 утрачено примерно 12–13 букв, стк. 3 была существенно короче.

Текст: [--] τοῖς ʼΑπολλων[ίου φίλοις? | οὗτος ὁ ἀρυ]τὴρ ἀγορήσε[ται --|-- εὔπο]|τος, – «(*е. g. кто лучший…*), *друзьям* Аполлония возвестит... *эта* чаша, *приятная для пи*тья».

Буквы τοις в начале стк. 1 могут принадлежать окончанию существительного или прилагательного, но, судя по расстоянию от скола слева, это скорее артикль в dat. pl. Основания для реконструкции надписи предоставляет стк. 2, в которой читается сказуемое всего предложения ἀγορήσε[ται] «возвестит» и подлежащее [--]τηρ, которое вполне дополняется в качестве слова «чаша» – [ἀρυ]τήρ. В целом этому есть аналогия в ольвийском застольном граффито рубежа VI–V вв. [ГЛБО, с. 91, № 92): [--]ος ὃς ἀμ[υσσὶν ἐκπιῇ, ἀ]ναγορε[ύσεται--] «-- кто выпьет залпом (*вариант*: ἄμ[υσσιν] «кубок»), будет объявлен --». Эта аналогия, во-первых, указывает на застольный характер пантикапейского граффито, во-вторых,

[7] См. подробней [Яйленко, 2017, с. 336–338]

[8] В скобках даем инв. номер по рукописному каталогу вещей ОАМ, составленный Э. Р. Штерном (хранится в музее).

разъясняет ее содержание: на пиру должен быть объявлен победитель в каком-то состязании, например, в умении выпить залпом чашу, несущую надпись. При этом, как показывает вариант ольвийской надписи со словом ἄμ[υσσιν] «кубок», речь может вестись от имени самой чаши, и это подтверждает возможность восстановления в стк. 2 пантикапейского граффито название «чаши» – [ἀρυ]τήρ (ср. у Алкея, fr. 36, 9 Lob. : οἴνου ἀρυστήρ; то же у Каллимаха, fr. 178, 17). В таком случае почти стопроцентным дополнением стк. 3 становится обычный в застольных надписях эпитет чаши – [εὔπο]τος «приятная для питья» (так в граффито Нестора с Питекусс [Jeffery, 1969. p. 235]) или [ἡδύπο]τος «сладкая для питья» (как в ольвийском граффито [Билимович, 1958, с. 83–86; Яйленко, 1979, с. 58])[9]. Глагол ἀγοράομαι (у нас ионич. *fut*. ἀγορήσε[ται]), происходит от слова ἀγορά «собрание» и потому означает «объявлять в собрании людей» (LSJ, s. v.), поэтому предположительно дополняем при артикле τοῖς существительное φίλοις, которое и составляет «собрание» участников пира. К примеру, участники пиршества названы «друзьями» в надписи VI в. из Гелы, сделанной на таком же круглом основании ножки чаши, как и пантикапейское граффито: Πανταρέος εἰμὶ καὶ τῶν φίλῶν qοινὰ εἰμί, – «я общая чаша Пантареса и друзей» [Jeffery, 1969, p. 411, № 50]. В пантикапейском граффито также представлено личное имя Аполлоний (или Аполлонид), так что вполне имеются основания для дополнения при нем слова φίλοι. «Друзьями» назывались участники мужских союзов архаической эпохи (см. о таких союзах [Андреев, 2004]), они располагали общим имуществом, которое именовалось τὰ κοινά, частью его была столовая посуда. Эти союзы представляли собой серьезную военно-политическую силу – в частности, на нее опирались тираны. Окружение Пантареса не просто «друзья», участники пирушек – это его охрана и опора, ибо Пантарес и его сын Клеандр были тиранами Гелы во второй половине VI в. С развитием государственности в классическую эпоху мужские союзы утратили военно-политическое значение, тем более их не было на Боспоре в IV в. с его монархическим устройством. Но φίλοι были – так именовалось окружение наследника престола: по иранскому обычаю, при наследнике сызмальства складывался круг сверстников, дружина, на которую он опирался, став правителем. На Боспоре засвидетельствованы φίλοι царя Фарнака, причем на бирке от амфоры с вином для царя (речь ведется от имени амфоры): «насыщай друзей царя царей Фарнака в каком бы то ни было количестве» [Яйленко, 2010, с. 215].

В связи с этим рискнем высказать догадку, что в рассматриваемом пантикапейском граффито надо читать имя Аполлоний, и, имея в виду датировку граффито второй половиной IV в., это сын Перисада I, известный из аттического декрета 347 г. [IG II^2, 212 = Граков, 1939, с. 239, № 3]. Напомним, что рассматриваемое граффито найдено на Митридате, где городской жилой застройки не было, как показал в ряде работ В. П. Толстиков, тут был комплекс дворцовых царских построек. Следовательно, надпись сделана во время пирушки в царском дворце и это верифицирует возможную связь упомянутого в нем Аполлония с сыном Перисада.

[9] Другие примеры с ἡδύποτος [Wolters, 1896, p. 147–149]. Возможно также чтение в стк. 2 владельческой формулы: τ' 'Ηραγόρης ε[ἰμί] «и я принадлежу Герагоре» – о чаше, а в стк. 1 имени Аполлона, т. е. τοῖς 'Απόλλων̣[ος- -], но что именно определял артикль при нем, неясно. При таком чтении не видно и возможности связать смысл обеих строк. В статье 2006 г. , читая имя Аполлона и антропоним Герагор, мы включили это граффито в число посвятительных [с. 561–562, № 5], но на шатких основаниях. Сейчас тут мы подобрали более близкие соответствия в граффити Греции, поэтому дезавуируем прежнее чтение.

Надпись Пантареса на чаше из Гелы по существу владельческая, тогда как граффито на пантикапейской чаше сделано по случаю какого-то события, например, состязания на пиру. По ряду застольных надписей известно, что состязания имели в основном шутливый характер – чаще всего состязались в питье вина (напр. [ГЛБО, с. 90–92, № 91–96а]; ср. и застольный сколион у Arist. Ath. pol. 20: εἰ χρὴ τοῖς ἀγαθοῖς ἀνδράσιν οἰνοχοεῖν «коль нужно добрым мужам праздновать винопитием»). Что́ именно должен объявить кубок, содержалось в утраченном начале стк. 1, и некоторые аналогии позволяют составить общее представление об этом. В граффити VII в. на чаше и крышке с Родоса приветствуется хорошая выпивка: αιρχε (= χαῖρε) «радуйся», εὖ ἔπιον «хорошо выпили» [Jeffery, 1969, p. 415, № 3]; в надписи IV в. из Ольвии мастер выпивки именуется, вероятно, доблестным мужем: «залпом эту *чашу доблестный* муж пьет» (ἀνὴρ ἀ[γαθός / ἄ[ριστός ?]| δια[πίνει], см. [ГЛБО, с. 90, № 91]). В ольвийской же параллели к пантикапейской надписи упоминается «тот, кто выпьет залпом (*вариант*: чашу)» -- ὃς κτλ. (см. выше). Эти свидетельства позволяют предполагать, что данный пантикапейский кубок ἀγορήσε[ται] «возвестит» или «объявит» доблестным мужа (*e. g.* ἄνδρα ἄριστον), к примеру, выпившего эту чашу залпом (ἀμυσσίν, как в ольвийских граффити ἀμυσσὶν ἐκπιῇ «выпьет залпом» [ГЛБО, с. 90–91]) и тому подобное. Выражение ἀμυστὶ (ἀμυσσὶ) πίνειν «пить залпом» провербиальное, его содержит «Сборник пословиц» Михаила Апостола [II, 62 = Corpus paroemiographorum, 1856, p. 280]: «ἀμυστὶ πίνειν: *так* говорят о пьющих залпом и без остановки, будто не закрывая *рта*»[10]. Отметим, что глагол ἀγοράομαι происходит из поэтического лексикона и его присутствие в рассматриваемой пантикапейской надписи указывает на ее стихотворный характер. Размер сохранившегося текста: стк. 1 –˘ – –, стк. 2 –˘ ˘ –˘ ; судя по двум кратким подряд, это может быть ионик.

На нижней, невидимой, плоскости круглого основания ножки сосуда сделаны 2 граффити. Одно – Αρ в лигатуре, это сокращение имени владельца. Далее следуют два санирующих знака – vv (они обычны на амулетах) и буквы NIINIΣΩT[- -]. Надпись фрагментирована и труднообъяснима, но некоторые наблюдения вероятны. С уверенностью можно вычленить буквы ΣΩT[- -], т. е. слово или имя, связанное с понятием «спасения, безопасности». Предшествующие буквы NIINI можно объяснить двояко и только предположительно. Есть женское имя Νῖνις, упоминаемое в мичиганских папирусах [Hansen, 1958, S. 197], и в целом надпись предположительно может означать Νῖ<ι>νι σωτ[είραι] «Нине избавительнице»; обилие *иот* в тексте объясняет излишний повтор ее. Надпись подарочная, построена по типу посвящений богам-спасителям, в чем, не исключено, кроется юмор, так как чаши для питья вина дарились и гетерам.

3. ОАМ 21461 (III-4523). Пантикапей. III в. Фр. стенки небольшой чл. чаши, найден на Митридате, в 1901 г. поступил в музей из Археологической комиссии.

На нижней части стенки имеется надпись:

[*e. g.* ἐκπιῇι ἀμυσ]τὶν ᾽Αγήνωρ, ὡς [τάχος], – «*да выпьет* залпом Агенор, как можно *быстрее*».

Сохранившиеся буквы вполне позволяют восстановить текст излюбленной греками застольной формулы-пословицы (см. примеры в комм. к надписи № 2). К дополнению

[10] Хороший образ у Афинея (VI, 28): ἄμυστιν ὥσπερ κύλικα πίνει τὸν βίον, – «жизнь словно килик пьет залпом», т. е. так она скоротечна.

слова τάχος ср. граффито из Роксолан: [- -] ἔκπιν ὡς τάχος, «выпить как можно быстрее». Имя Агенор засвидетельствовано в Феодосии в лигатуре – ᾽Αγήν [Штерн, 1897, № 50]. Надпись вырезана небрежно, обращает на себя внимание ранняя для III в. до н. э. (дата граффито) фиксация скорописной минускулярной формы буквы η в виде h (см. также № 11). Судя по чередованию долгих и кратких стоп, свойственному трохею, надпись может быть стихотворной.

4. Керчь, КМГ 40 (К 7607, К 7957, К 68). Пантикапей. III в. Фр. дна чл. открытого сосуда красновато-оливкового цвета. Надпись идет вкруговую, личное имя отделено от предшествующего слова тонкой разделительной чертой:

[*e. g.* -- ἔπλησ]ε αὖθ᾽ ὃν ᾽Ηρακλείδης -- «*e. g.* ... наполнил тотчас его Гераклид» (о кубке).

Наречие αὖθι «тотчас, сразу» по смыслу близко наречиям же предшествующих надписей № 1–3 о питье вина ἀμυστίν «залпом», ὡς τάχος «как можно быстрее», что дает основание отнести этот отрывочный текст к числу застольных. Правда, обычно такие надписи размещаются на обозримых частях сосудов, но в позднее время встречаются и на доньях, как нижеследующие № 10, 12. Первая буква у скола слева Ę или Ξ̣. Отдаем предпочтение чтению ε, ибо таких слов за счет окончания глагольных форм 3 лица неизмеримо больше, нежели слов на -ξ[11]. Тут оно обозначает действие, совершенное Гераклидом, например, [ἔπλησ]ε «наполнил», – ср. ольвийскую застольную надпись [ἀ]πο<α>πίπλῃ «наполняй до краев» (ГЛБО, с. 91, № 94). Acc. sg. ὅν в зависимости от контекста надписи может быть формой указательного, относительного местоимений ὅς, ὅ или притяжательного ὅς, ὅν. В предполагаемом нами смысле надписи это эквивалент названия чаши – σκύφος etc. Возможный текст: [τοῦτον σκύθον ἐκπιών, ἀπέπλησ]ε αὖθ᾽ ὃν ᾽Ηρακλείδης, «*выпив этот кубок, наполнил* тотчас его Гераклид» (надпись может начинаться и с личного имени). Не исключен и обсценный характер граффито, такие тоже писались на дне сосудов (как № 16); в таком случае ὅν – указательное местоимение, относящееся к мальчику, как субститут уже упоминавшегося его имени или слова, например παῖδα[12]. В таком случае возможен следующий текст: [--πεπύγικ]ε αὖθ᾽ ὃν ᾽Ηρακλείδης «-- *paedicavit* тотчас его Гераклид».

5. ОАМ 24206 (III-4499). Пантикапей. V в. Фр. стенки чл. килика, найден на Митридате, в 1901 г. поступил в музей из Археологической комиссии. На внешней стороне стенки процарапано:

-- κύλικα --

Слово κύλιξ «килик» фигурирует в застольных и владельческих граффити. Застольные размещаются на видимых частях сосудов, владельческие обычно на необозримых частях, поэтому пантикапейское граффито скорее застольное[13]. В таком контексте при слове κύλιξ употребителен глагол πίνειν «пить». Например, у комика IV в. до н. э. Евбула читаем: πίνειν τε πολλὰς κύλικας, «и пить много киликов», т. е. много раз из килика (LSJ, s. v. κύλιξ). Это позволяет читать пантикапейское граффито так: -- [*e. g.* ἐκπιῆν τὴν] κύλικα – «*выпить этот* кубок»[14].

[11] Нельзя читать [κύλι]ξ, так как слово жен. рода, тогда как заменитель его ὅν стоит в муж. или среднем роде.

[12] См. ниже надписи № 17 и Приложение, № 1, трактующие о педерастии

[13] Если граффито на венчике или стенке, то с теонимом оно может быть маркировкой святилища, как, например, надпись из Нимфея: [᾽Ερμ]έω κύλιξ ε[ἰμί] «я килик *Гермеса*» [Толстой, 1953, № 129].

[14] Ср. ольвийские граффити с ἐκπιῆν [ГЛБО, с. 90–91].

6. Эрмитаж, Нф. 49. Нимфей. V в. Прорись З. А. Билимович [Толстой, 1953, № 106]. Обломок дна чернофигурного килика на высокой ножке, найден в 1949 г. Текст в чтении И. И. Толстого: [ὁ δεῖνα πέπ]ωκεν τὴγ κύλικα, «*имярек* выпил этот килик» (перевод и датировка наши), с немотивированными объяснениями. Однако с таким чтением не согласуется размещение надписи на невидимой части сосуда, тогда как застольные граффити обычно располагаются на обозримых частях ваз. Поэтому предпочтительней понимание надписи в качестве подарочной:

[ὁ δεῖνα ἔδ]ωκεν τὴγ κύλικα, «*имярек* подарил этот килик».

Но одновременно она и застольная[15]. Судя по трем кратким стопам слова κύλικα, надпись может быть стихотворной (хорей).

7. Эрмитаж, ГК/Н, 74. Нимфей. V в. Прорись З. А. Билимович [Толстой, 1953, № 108]. Раскопки А. Люценко 1876 г. Стенка чл. килика с надписью.

Текст в маюскулах: ΕΥΘΥΜΙΗΣΙΕΜΙΝΚΥΛΙΞ.

И. И. Толстой прочел надпись так: εὐθυμίης εἰμι κύλιξ, – «я килик радости» (*gen.* εὐθυμίης ионийский). Однако при таком понимании не находит места буква N между словами εἰμί и κύλιξ, также приходится переставлять буквы – читать εἰμι при ΙΕΜΙ . И. И. Толстой счел то и другое препятствие описками. Но надпись вполне читается с сохранением букв подлинника: εὐθυμίης ἴε̄ (= ἴει) μιν κύλιξ, – «килик радости, излейся». Тут глагол ἵημι – «посылать», о жидкостях «лить, изливать» – дан в императивной форме 2-го лица ἴει, причем с обычным для ионийского письма написанием ει через ε̄, т. е. ἴε̄. Примеры встречаются в ранних ионийских граффити Ольвии и Березани [Яйленко, 2017, с. 16, № 3, 12 + прим. 5; с. 211])[16]. Энклитика μιν – это *sg. acc.* личного местоимения 3 лица муж. , жен. и ср. рода «его, ее», она обычно употребляется в паре с αὐτός (-ή, -όν), но в ионике изредка и без него, выступая в том числе относительно предметов, порой в возвратном качестве (LSJ, s. v. *Herod.* II, 100; *Hipponax*, fr. 48 Diehl). Отсюда возвратный смысл глагола ἴε̄ «излейся» в обращении к килику, дословно ἴε̄ μιν «излей себя». По содержанию надпись застольная, по просодике стихотворная, включает два нисходящих иррациональных ионика: – – ˘ – | – – ˘ – (так как в ἵημι начальное ι может быть и кратким и долгим, ἴε̄ тут с кратким ι составляет одну стопу). Отсюда и поэтический порядок слов, не свойственный прозаическим текстам.

8. Эрмитаж, Пан. 940 (Catalogue 2, № 216ᶜ). [Stephani, 1869, S. 420, № 2051]. Пантикапей. V в. Без прориси. Покупка 1858 г. На фр. чл. вазы процарапана надпись: ΜΕΝΕΥΘΥΜΗΤΕΡ.

Слева и справа сколы; в Catalogue после Р показана левая наклонная боковина А или Λ, М. Буквы **NE** даны в лигатуре. Слова εὐθυμητερ- нет, есть прилагательное εὔθυμος «веселый, радостный, благосклонный», сравнительная степень. εὐθυμότερος. Если принять, что в надписи по ошибке вместо *омикрона* вырезана η, можно читать neutr. pl. εὐθυμ(ό)τερᾳ – нечто «более веселое, радостное». Но вероятней, что Л. Стефани и автор Catalogue не вполне разобрали 2 буквы справа (их Т и Р), так как примеров подобного рода у них немало (один из них приводим ниже, под № 17), и надо читать известную в застольных надписях конструкцию с глаголом εὐθυμέω «веселиться, радоваться»:

[15] См. выше комм. к № 1 о застольных дарениях (подробней см. [Яйленко, 2017, с. 336–338]).

[16] См. выше употребление этой же императивной формы ἴει, но в значении «посылать», в надписи № 1.

[e. g. ὁ δεῖνα ἐκπιών] μεν εὐθυμή(σ)ε(τ)ᾳ[ι], – «воистину, *выпив, имярек* возрадуется».

Пример того же V в. из Ольвии: [ἐκπιών μ]ε Πολυκρά[της | εὐ]θυμήσεται, – «выпив меня, Поликрат возрадуется» [Толстой, 1953, № 15].

9. ОАМ 2326 (III-153). Пантикапей. III в. На тулове канфара с каннелированной нижней частью и налепным орнаментом надпись в две строки; буквы в стк. 2 разделены налепом. Лаковое покрытие и надпись потерты, стк. 1 частично зачеркнута, в стк. 2 первая *альфа* и *эпсилон* без средней горизонтали. Надпись:

παῦσ̣α δίψα(ν), | λα̣ικάζε̣, – «я (канфар) – утолили жажду, ты – предавайся блуду».

Эта надпись из категории objet parlant – канфар обращается к пьющему из него владельцу. К ней есть ряд поэтических параллелей, что позволяет думать и об ее стихотворном характере. По-видимому, стих состоит из 4 хореических стоп, при том, что αι стк. 2 может считаться не дифтонгом, а двумя гласными – αϊ, что в поэзии обычно. Стк. 1 надписи ассоциируется с распространенным в греческой поэзии мотивом утоления жажды питьем. Например, читаем в «Илиаде» (XI, 642): ἐπεὶ οὖν πίνοντ᾽ ἀφέτην πολυκαγκέα δίψαν, «когда же, испив, утолили жгучую жажду». Аналогия встречается в пространном рассуждении Платона (Resp. 437*d-e*) о жажде и утолении ее питьем (δίψα и πίνειν, ποτός, πῶμα «питье»). В малой эпиграфике эти элементы распространены в орфических текстах, начиная с V в. , и позднее в гностических. Так, в орфическом гимне записано: δίψᾳ δ᾽ αὖος ἐγὼ καὶ ἀπόλλυμαι – ἀλλὰ πίει μου, «я жаждой истощен и гибну – но пей меня!» [Kern, 1922, p. 105–106]. Из числа граффити упомянем следующие: πῖε· μὴ δίψα· ζήσαις, «пей, не жажди, будешь жить» [Friedländer, 1948, № 177 *o*]; на гностическом амулете из частной коллекции в Бейруте: διψὰς Τάνταλε, αἷμα πίε, «возжаждав, Тантал, пей кровь» [Bonner, 1950, p. 276, № 144]. В другом орфическом тексте читаем: πίνω ὕδωρ, διψώ «пью воду – жажду» [Ib. , p. 305, № 315]. Глагол λαικάζειν «развратничать, блудить, бля..вать» употребителен в комедии, например у Аристофана: καὶ λαικάζει, «и блудит» (Thesm. 57); ἐν πρυτανείῳ λαικάσει, «будешь блудить в пританее» (Equites, 167). Есть он и в числе афинских граффити IV в.: Θεοδοσία λαικάδε[ι] εὖ, λ(αικάστρια), «Феодосия отменно бля..ет, б..дь» [Lang, 1976, № C 33], или: καὶ λαικάστρια, «и б..дь» [Lang, 1976, № 34) (оба граффити IV в.). Подробней об узусе этого глагола см. [Bain, 1991, p. 74-77], о его производном λαικαστής «развратник, блудник» см. № 17. Он присутствует в форме ληκάω в обсценном граффито с Артезиана: ἐλήκασα, {μη} οὐδ᾽ ὁ Δόλης «я развратил, а не этот Долес» (см. о нем нашу статью в МАИАСК 9, 2018).

10. ГИМ, 49468; опись 1/83, № 4. Пантикапей. Конец IV в. Раскопки В. В. Шкорпила 1910 г. , некрополь на северном склоне Митридата, каменная могила № 36 с детским погребением. На донце чл. котилы граффито:

Надпись: ΛΙΕΧΡΕΟΣ, что читаем:

π̣ίε χρέος, – «пей, как должно», т. е. «как следует»; «пей по надобности».

Шкорпил рассматривал это граффито в качестве владельческой надписи и читал: ΑΙΣΧΡΟΕΙΜΙ, Αἴσχρο(υ) εἰμί [Шкорпил, 1913, с. 55, № 36]. Первая буква граффито № 10 подобна древнерусскому Ѧ с вертикалью посередине, т. е. она перечерчена; ее наклонные боковины поставлены под прямым углом друг к другу так, что это буква *пи*, состоящая из вертикали и горизонтали, к правому концу которой «подвешен» уголок. *Пи* такой формы появляется в аттической эпиграфике с конца IV в. [Larfeld, 1902, S. 468–469].

Форма πίε – эпический императив аориста 2 л. Существ. (τὸ) χρέος «необходимое, должное» и пр. здесь употреблено в функции acc. relationis, т. е. «пей в соответствии с надобностью», что равносильно выражению κατὰ χρέος того же значения в поэзии [LSJ, s. v. χρέος, III, 2]. К χρέος ср. χρή в застольном сколионе у Аристотеля (Ath. pol. 20): εἰ χρὴ τοῖς ἀγαθοῖς ἀνδράσιν οἰνοχοεῖν «коль нужно добрым мужам праздновать винопитием». Близкий смысл имеет ольвийское застольное граффито V в.: [κ]ᾳ̣τὰ δύν̣[αμιν |- - ἔγ]χει, «наливай по силам / по возможности» [Толстой, 1953, № 16; ГЛБО, с. 92, № 95], ср. и возможное чтение надписи на стенке чаши из Нимфея IV в. [ὅσον ἐ]παρκ[εῖ], «сколько будет достаточно», здесь подразумевается «пей, сколько хватит с тебя» [Толстой, 1953, № 109]. Нахождение пантикапейской чашки в детской могиле не должно смущать, поскольку она могла находится во вторичном употреблении в заупокойном культе и, следовательно, не иметь связи с надписью.

11. Эрмитаж, П. 1873, 136. Пантикапей, II–I вв. Прорись З. А. Билимович [Толстой, 1953, № 158]. Найдено А. Люценко в 1873 г. в земляной могиле на северном склоне Митридата. По словам И. И. Толстого, это двуручный сосуд, на двух сторонах тулова две надписи. Исследователь принял чтение Е. М. Придика: σὺ ποτή[ριον] Στύ[φωνος], «ты кубок Стифона». Однако мы обратим внимание на более точное определение типа сосуда в рукописном каталоге вещей Эрмитажа: большая чашка с двумя ручками (Catalogue 2; инв. № 356[c]). Это дает основание подразумевать в надписи слово κύλιξ и читать ее так:

εὐπότη (*sc.* ἡ κύλιξ), «приятная для питья *чаша*».

Аналогии предлагаемому восстановлению встречаются на так называемом Кубке Нестора: εὔποτ[ον] ποτέ̓ριο[ν], «приятный для питья кубок» [Jeffery, 1969, p. 235]. У Афинея (XI, 64) читаем: «ежели как-нибудь пожелал кто выпить больше, ставили так называемые котилы, прекрасные и чрезвычайно приятные (εὐποτώτατα) для распития напитков». По немногочисленным упоминаниям слова εὔποτος (по Thesaurus linguae Graecae, их 3) считалось, что оно двух окончаний – LSJ, s. v. : также *neutr.* εὔποτον (по Thesaurus'у их 10). Поскольку узус формы двух окончаний εὔποτος совсем невелик, можно допустить, что в эллинистическое время появилась и самостоятельная форма жен. рода εὐπότη[17]. На другой стороне буквы Στυ – сокращение имени владельца; подходящих имен несколько [Pape, Benseler, 1884, S. 1451–1452]. На Боспоре известны Στύρανος (КБН, 708, 1262, 1282, 1283), Στυρακος (КБН, 1181), однако все они II-III в. н. э. , что не соответствует дате позднеэллинистической граффито.

12. Керчь, КМГ 200. Пантикапей. I–II вв. н. э. Фр. дна чл. чаши, найденный в котловане 1936 г. на Митридате. Надпись в две строки:

χαρὰ | Θειοτήμου, «радость Теотима».

Издал И. А. Емец [1999, с. 72, № 45], правильно определивший застольный тип граффито. Отметим подразумеваемый таким типом смысл: чаша радует своим содержимым владельца. Здесь можно привести для сравнения надпись на кампанской вазе VI в. из Эрмитажа: [Stephani, 1869, S. 105, № 216]: πίνε̄ κ(α)ὶ χα(ῖ)ρε, Λύκος καλός, «пей и радуйся, прекрасный Лик» (текст и перевод наш). Граффито пóзднее и по характеру письма, и по грамматическому облику антропонима. Правильная его форма Θεότιμος, на Боспоре имя известно с I в.

[17] Ср. подобные явления в ольвийско-березанской эпиграфике [Яйленко, 2017, с. 17, прим. 8; 521, прим. 269].

н. э. (КБН, 76, 471 и др.), причем, пишется так же – с растяжением ι в ει; написание η вместо ι тоже свойство письма римского времени. Хотя известно женское имя Χαρά [Pape, Benseler, 1884, S. 1668], чтение имени владелицы сосуда Χαρὰ Θειοτήμου «Хара, жена / дочь Теотима» маловероятно ввиду крайней редкости имени женщины с отчеством на столовой посуде.

13. Керчь, КМГ 145 (К 7480, К 7639). Пантикапей. IV в. На фр. венца чл. килика: [-- κύ]λιξ «... килик».

Для выявления типа этой отрывочной надписи показательны примеры употребления nom.sg. слова κύλιξ, и размещение его на венце, либо стенке сосуда. На верхней части стенки скифоса сделано посвятительное граффито из Нимфея: [? ʽΕρμ]έω κύλιξ ε[ἰμί], «я килик *Гермеса* (?)» [Толстой, 1953, № 129]. Но на венцах и стенках сосудов размещаются также застольные надписи: εὐθυμίης ἴε̄ (= ἴει) μιν κύλιξ, «килик радости, излейся» (выше, № 7); на венчике килика V в. из Ольвии: ἡδύποτος κύλιξ εἰμὶ φίλη πινόντι τὸν οἶνον, «я приятный для питья килик, любезный пьющему вино» [Яйленко, 1979, с. 58, № 12]. Таким образом, пантикапейское граффито относится к группе посвятительных или застольных надписей[18].

14. Керчь, КМГ 705. Пантикапей. V в. Фр. стенки чл. сосуда, найден в 1979 г. по адресу 3-я Митридатская ул., 14. Прорись И. А. Емеца [1999, с. 86, т. I, 14]. На стенке процарапано: ἰμῶ, «вычерпываю»

Граффито издал И. А. Емец [1999, с. 67, № 14]. Он предполагал, что оно относится к застольным надписям и переводится как «передавать по кругу»». Какой греческий глагол он имел в виду, неизвестно. Есть лишь единственно возможное понимание слова ἰμῶ: это редкий глагол ἰμάω в слитной форме – ἰμῶ «черпать, вычерпывать». Афиней (VIII, 352*a*) и схолиаст Аристофана (in Lysistr. 722) применяют его к воде со значением черпать из колодца, источника; Менандр (Dyscolus, 191) употребляет со словом κάδος, обозначающим сосуд для воды или вина: «что делать теперь, ведь вычерпал этот кадос (τὸν κάδον... ἰμῶσ᾽) сей кормилец: бросил в колодец»[19]. То же и у медика IV в. н. э. Орибасия (Libri ad Eunapium, I, 1, 2): κάδῳ ἰμῶσα, «вычерпала кадосом». Таким образом, ἰμῶ – застольная надпись владельца, который декларирует ею: «я вычерпываю» содержимое сосуда, т. е. вино. Если прав издатель, что это стенка закрытого сосуда, то ἰμῶ нужно понимать не в прямом смысле «черпать, вычерпывать», например, кадосом воду, как у Орибасия, а в переносном – «опустошать», как у Менандра. И. А. Емец ошибочно отнес надпись к I в. до н. э. : *омега* с «лапками» на разных уровнях и само начертание «лапок», безусловно, указывают на V в. до н. э. , чему соответствует и неклассическая форма М.

15. ОАМ, инв. № ОГИМ А-26450 (5090; III/4528). Пантикапей. III в. Нижняя часть чл. флакона, найдена на Митридате, поступила в ОАМ из Археологической комиссии в 1901 г. Граффито трехстрочное, глубоко прорезано по поверхности.

Маюскулы стк. 2: --ΥΤΙΜΟΥ : ΘΥΓ , стк. 3: --ΤΗΡ : ΜΕΣΗ--.

Характерная черта письма граффито – употребление точечной интерпункции, которая в целом свойственна эпиграфике архаической и классической эпох, но встречается

[18] Со словом κύλιξ есть также надпись из Ольвии, размещенная на дне чл. килика:᾽Αφ[ρ]οδίτης ἡ κύλις, «килик Афродиты» [ГЛБО, с. 76, № 66]. Место размещения граффито не позволяет относить его к посвятительным надписям, скорее оно подарочное – гетере по прозвищу Афродита.

[19] Деревянным кадосом, то есть кувшином или бочонком, черпали воду из источника

порой также в эллинистическое и даже римское время (в Аттике [Larfeld, 1902, S. 564–566]; в надписях Ольвии [Яйленко, 2017, с. 43, 91, 94, 237–238, 635, 676–677, 679–680]). Датировку пантикапейского граффито III в. до н. э. дает апецированность букв, мелкий масштаб *омикрона* и *теты*. Стк. 1 содержит лишь нижние части нескольких букв, из которых определенна вторая – А (ей предшествует К или П), за которой следует точка интерпункции; далее вертикаль и Ọ̣Λ̣, что в целом читаем: (?) --κ̣α̣ : π̣ọ̣λ̣[λά̣ ?] «--л(а) многое» (-κ̣α̣ – остаток перфекта 1 лица). В стк. 2 после интерпункции следуют буквы θυγ, которые уверенно дополняются в слово θυγ[άτηρ] «дочь» в именит. или косвенном падеже. Отсюда также конец слова в стк. 3 --τηρ вполне дополняется в [μή]τηρ «мать»; упоминание женщин в надписи на флакончике указывает, что он парфюмерный[20]. В таком контексте остаток слова --ϒΤΙΜΟϒ в начале стк. 2 логично понять как прилагательное [πολ]ύτιμος «многоценный; драгоценный» в gen.sg.; оно двух окончаний, так что вполне связывается со следующим словом θυγ[άτηρ], которое должно быть восстановлено в том же падеже: [πολ]υτίμου : θυγ[ατρός] «многоценной дочери». Наконец, смысл надписи во многом зависит от толкования букв стк. 3 ΜΕΣΗ – это жен. род существительного μέσος, значений у которого множество, но все сводятся к понятию «середины». В контексте рассматриваемой надписи возможен этот общий смысл, но что конкретно, остается неведомым. Можно апеллировать также к его субстантивированному значению – μέση «точечная интерпункция» (LSJ, s. v. , III), тем более, что она имеется в надписи, но ее смысла и это не проясняет[21]. Возможно также чтение косвенного падежа: μέση[ς- -] «из середины»; μέση[ι- -] «в середине», μέση[ν- -] «середину» (или то же со значением «точечная интерпункция»). Суммируем изложенное такой реконструкцией текста:

[e. g. δέδω]κ̣α̣ : π̣ọ̣λ̣[λά - - | - - πολ]υτίμου : θυγ[ατρὸς - - | - - μή]τηρ : μέση, – «я - -л(а) многое - - многоценной дочери - - мать – середина / точечная интерпункция - -».

В целом эти отрывки, видимо, говорят о дарении парфюмерного флакона: [e. g. δέδω]κ̣α̣ «я подарила - -, мать *своей* драгоценной дочери - -». Как бы ни читать начало стк. 2 – [το]ῦ τίμου «этой чтимой / ценной дочери» или [πολ]υτίμου «многоценной дочери», прилагательные τῖμος и πολύτιμος принадлежат к поэтическому лексикону, что определяет надпись в качестве стихотворной. Вероятная метрическая схема стк. 3: [...] – – ˇ – [...]. В стк. 3 можно усмотреть нисходящий иррациональный ионик, в таком случае метр стк. 2 соответственно [– – ˇ] – | – – ˇ – | – [...][22].

II. Обсценные надписи

В Северном Причерноморье надписи нескромного содержания представлены в Ольвии, Пантикапее, Нимфее. При этом фривольность пантикапейских образцов такого рода несильно выходит за пределы отдельных пассажей аристофановских комедий.

[20] Окончание -τηρ может по аналогии с надписью № 2 пониматься как название сосуда ἀρυ(σ)τήρ, однако там это наименование открытого сосуда типа ольпы, из которого наливалось вино, что не соответствует флакончику с рассматриваемой надписью.

[21] В тезисной публикации этой надписи [Яйленко, 1980, с. 74] на основании значения μέση «точка» мы допускали также переносный смысл «пятнышки» (например, веснушки), который хорошо соответствовал бы парфюмерному флакону с этим граффито, однако такой смысл не засвидетельствован.

[22] *Омикрон* слова θυγατρός принимаем за долгий, предполагая начальную согласную в следующем слове; ι в τῖμος и πολύτιμος, также υ в θυγατρός бывают кратким и долгим.

Обсценные граффити на сосудах – своеобразный раздел застольных надписей, ибо застолье и физическая любовь нераздельны. Показательна в этом отношении надпись № 9 παῦσ̣α δίψα(ν), | λα̣ικάζε̣ «я (канфар) – утолили жажду, ты – предавайся блуду»[23].

16. Эрмитаж, П. 1883. 11 (Catalogue 2, 186^{l-}). Пантикапей. Конец V – первая четверть IV в. Чл. солонка (d 6,4 см, h 2, 8), найдена в 1883 г. в могиле на северном склоне Митридата у подножия холма «Сахарная голова». Надпись сделана на дне солонки, вкруговую; посередине изображен membrum virile cum testiculis. Издал Э. Диль [Diehl, 1923, p. 227–230, фото][24]. Его текст: Παρθενίō κύων τὴν ψωλὴν δάκοι.

Э. Диль крайне краток. Справедливо датировав надпись концом V – началом IV в.[25], он привел в качестве аналогии стт. 1017, 1028–1029 «Всадников» Аристофана, где на оракул Пафлагонца-Клеона (σώζεσθαι σ᾽ ἐκέλευσ᾽ ἱερὸν κύνα καρχαρόδοντα «велит тебе оберегать зубастого священного пса», т. е. самого Клеона) Демос отвечает: ἵνα μὴ μ᾽ ὁ χρησμὸς τὸ πέος οὑτοσὶ δάκῃ «чтоб не откусил мне penis этот вот оракул». Диль причислил надпись к магическим, ничем не аргументировав это мнение. Видимо, подразумевал присутствие солонки в погребении – ритуал заклятия требовал зарыть его в любую чужую могилу (см. о нем [Яйленко, 2005, с. 471–472]). Однако это действенно в случае с несомненным заклятием, пантикапейская же надпись таковой не является, ибо текстуально она необычна для наговоров, в том числе боспорских, они строятся на иных основаниях – формулах, лексике, грамматических способах обращения и пр. (см. [Ibid. , с. 468–484]). При неочевидно магическом характере надписи нахождение ее в могиле не служит аргументом. Напомню, что там же, на северном склоне Митридата, в детском захоронении найдена котила с застольной надписью № 10, которая не могла иметь отношения к ребенку, так что оказалась в могиле в качестве предмета похоронного обряда. Э. Диль понимал, что не все в надписи ясно, поэтому воздержался от ее перевода. Предварительно, для ориентации читателя в наших дальнейших рассуждениях, дословно переведем ее: «пусть откусит собака *membrum virile* Парфения» (с оттенком пожелания, свойственного оптативу δάκοι).

На публикацию Диля отозвался Н. И. Новосадский [1926, с. 44–45]. Он не согласился с атрибуцией надписи в качестве магической, правда неудачно и неточно выразился: магические надписи-де торжественные. Основное его возражение состоит в том, что надпись не восходит прямо к ст. 1029 «Всадников», так как в ее тексте ἵνα μὴ

[23] Сразу хочу извиниться перед дамами за нижеследующее непотребство. Я не любитель заборной и туалетной эпиграфики; пишу тут об обсценных надписях лишь потому, что они есть в Пантикапее и требуют обработки; к счастью, их мало, всего три.

[24] Информационные отзывы И. Хондиуса [SEG, III, 596], П. Томсена [Philologische Wochenschrift. 1924. Hft. 44, S. 1151 f.]. Диль Эрих Вильгельмович (1890, Даугавпилс – 1952, Иена, ГДР), отечественный филолог-классик, по происхождению прибалтийский немец, в основном занимался греческой литературой, но опубликовал несколько дельных работ и по малой греческой эпиграфике Северного Причерноморья. После Великой Октябрьской революции недолгое время гостевал в Томском университете, затем эмигрировал в Латвию, где несколько лет преподавал в Рижском университете (опубликовал тут две статьи по граффити Боспора [Diehl, 1923; 1931]), затем отбыл в Германию, там опубликовал ряд хороших статей по Северному Причерноморью в Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Не следует его путать со старшим современником Эрнстом Дилем (1874–1947), выдающимся знатоком ранней греческой поэзии, автором незаменимой поныне Anthologia lyrica Graeca. Vol. I , fasc. 1–3; Vol. II (три издания разного времени – Lpz., Teubner).

[25] Письмо классическое, передача дифтонга ου через ō указывает, что надпись не позднее первой четверти или трети IV в. (см. об узусе ō в боспорских надписях [Яйленко, 2010, с. 23–25]).

μ᾽ ὁ χρησμὸς τὸ πέος οὑτοσὶ δάκῃ слова τὸ πέος οὑτοσὶ дает лишь одна рукопись *V(eneto)*, да и то они вынесены ad marginem, все остальные рукописи дают ὁ περὶ τοῦ κυνὸς δάκῃ. Отсюда Новосадский заключил, что указанные слова интерполированы в текст «Всадников», и автор пантикапейской надписи ориентировался на какую-то иную комедию. Хотя его указание на сложность текстологии ст. 1029 справедливо, вывод о какой-то другой комедии представляется недостаточно мотивированным. Поэтому рассмотрим вопрос о текстологии ст. 1029 «Всадников» подробней.

Чтение всех 8 рукописей (RMГΘΔAPV), в том числе венецианской, не гладкое, оттого и разура в строке, так что одни издатели следовали чтению рукописей (напр. [Bothe, 1845, p. 223]), другие (напр. [Velsen, 1869, p. 88]) дают текст с τὸ πέος οὑτοσί. Важно, что чтение рукописей ὁ χρησμὸς ὁ περὶ τοῦ κυνὸς δάκῃ не соответствует содержанию и смыслу предшествующего текста. Суть второго действия комедии составляют словесные прения Пафлагонца и Колбасника за милость дряхлого Демоса, чтобы быть руководителем полиса; каждый сует ему какую-нибудь вещицу (хитон, башмаки и пр.) да сулит всяческие блага. В стт. 959–960 наступает развязка – Демос отдает предпочтение Колбаснику. Чтоб перетянуть одеяло на себя, Пафлагонец говорит об имеющихся у него оракулах; он называет себя псом, охраняющим интересы Демоса, поэтому-де тот должен сохранить его на руководящем посту. Свои оракулы выдвигает и Колбасник, тоже аттестуя противника псом (κύων ст. 1017, 1022, 1024, 1026). Стихом 1029 и завершается эпизод с оракулами. По тексту рукописей, слова Демоса ὁ χρησμὸς ὁ περὶ τοῦ κυνὸς δάκῃ (дословно: чтоб меня не «укусил оракул о псе») неточны – оракул не о псе-Пафлагонце, а о Демосе, который в результате прений хочет взять в руки камень, дабы уберечься от пса-Пафлагонца. Тут явно лишний предлог περί «о, об», без него текст вразумителен: Демос опасается ὁ χρησμὸς τοῦ κυνὸς δάκῃ – чтоб меня не «укусил псиный оракул», т. е. сам Пафлагонец, назвавшийся псом.

Как сказано, этот общий для всех рукописей текст ст. 1029 присутствует и в венецианской рукописи, но на ее полях справа рукой главного переписчика добавлено τὸ πέος οὑτοσὶ δάκῃ, т. е. Демос опасается: чтоб мне не «укусил член этот вот оракул», сиречь Пафлагонец. Появление тут «члена» можно мотивировать ссылкой на предшествующие ст. 962–964, где спорщики начинают прибегать к оракулам и где фигурирует membrum virile. Пафлагонец говорит Демосу: «если ты поверишь этому (Колбаснику), станешь *драной* шкурой». Колбасник возражает: «коли *поверишь* ему (Пафлагонцу), будешь голым, как головка члена с оттянутой крайней плотью» (ψωλὸν γενέσθαι δεῖ σε μέχρι τοῦ μυρρίνου)[26]. Таким образом, можно думать, что в разговоре троих действующих лиц membrum появляется в результирующем ст. 1029, как отклик на ст. 964, где Демос уподоблен ему. Но это не обязательный вывод; как сказано, текст всех рукописей (без предлога περί): ὁ χρησμὸς τοῦ κυνὸς δάκῃ – чтоб меня не «укусил псиный оракул» вполне соответствует содержанию стт. 960–1029. Однако по причине неясности многих стихов комедий Аристофана, понятных одним лишь его современникам, уже вскоре в

[26] Схолиаст и комментаторы давали по нескольку разных объяснений смысла этого стиха (см. , например, сводку мнений [Bethe, 1845, p. 217–218]), основной мотив – Демос останется голым. Лексически сравнение оправдано: голый как головка мужского члена с оттянутой крайней плотью (ψωλός «оттянутая назад крайняя плоть члена», μύρρινον «головка membrum virile», см. LSJ, s. vv.).

рукописной традиции неизбежно появляются разного рода интерполяции редакторов и переписчиков, которые разъясняют не вполне понятный текст. К числу таких вставок можно отнести и маргинальное пояснение τὸ πέος οὑτοσὶ δάκῃ на полях венецианской рукописи. Обратим внимание, что во всем рассказе стт. 960–1029 присутствуют слова κύων да ψωλός, и как раз пантикапейская надпись своим κύων τὴν ψωλὴν δάκοι «пусть откусит пес этот член» выказывает близость к интерполированному тексту ст. 1029: ἵνα μὴ μ᾽ ὁ χρησμὸς κύων τὸ πέος δάκῃ,«чтоб не откусил мне penis этот собачий оракул». Поэтому определенно можно резюмировать: граффито ориентировано на данный стих Аристофана в его уже преобразованном виде. Мену близких по значению слов πέος и ψωλός можно объяснить просодической необходимостью. Метрика Аристофана разнообразна – шестистопный ямб, тетраметры из анапестов, кретики и пр. Размер пантикапейского граффито – пятистопный кретик, чередующийся с двумя спондеями: –˘– | – – || –˘– | – –[27]. Важным, замедленным ритмом спондеев выделены слова κύων «пес» и τὴν ψωλήν «этот член», стало быть, наиболее существенные для автора граффито. Аорист II на δάκ- свойствен поэзии (см. LSJ, s. v. δάκνω), это указывает на его стихотворный характер.

Помимо мены слов πέος и ψωλός ориентация пантикапейского граффито на ст. 1029 «Всадников» выразилась в упрощении синтаксиса. У Аристофана этот стих – часть сложноподчиненного предложения, введенная частицей ἵνα «чтобы»; в надписи он упрощен до синтаксически простого предложения с подлежащим (κύων), сказуемым в оптативе (δάκοι), дополнением (τὴν ψωλήν). К этой парафразе пост-Аристофанова стиха добавлено имя Парфений, так что текст стал индивидуализированным – связан с конкретным человеком[28]. Отсюда констатируем существенное обстоятельство: поскольку надпись взята из комедийного произведения, она может быть только шуточной, т. е. пожелание, чтобы собака откусила membrum Парфения, – всего лишь шутка, ничего серьезного за данной фразой не может быть ввиду ее комедийного происхождения и смысла. Но в чем смысл этой шутки (скаламбурим – ее соль, поскольку граффито написано на солонке)?

Как бы в помощь нам автор надписи нарисовал membrum Парфения в эрегированном состоянии, тестикулы несоразмерно малые. Над рисунком зигзаг, может быть, это схематичное изображение того же свойства, но наоборот – тестикулы крупные, пенис мелкий. Конечно, можно сочинить гадательные ситуации. Например, ежели Парфений отличался повышенной сексуальностью, такой текст мог составить его партнер или партнерша. Это можно поддержать более или менее близким контекстом стт. 559–560 «Птиц» Аристофана, где дан совет Пифетера птицам: чтоб боги не хаживали к Алкменам, Алопам, Семелам, σφραγίδ᾽ αὐτοῖς ἐπὶ τὴν ψωλήν, ἵνα μὴ βίνωσ᾽ ἔτ᾽ ἐκείνας, «наложите пломбу им на membrum, дабы не трахали более их»[29]. Но нет нужды прибегать

[27] В Παρθενίō принимаем ιō за одну долгую стопу.

[28] Формально gen. Παρθενίō может относиться и к κύων, и к ψωλήν, по положению перед ψωλήν предпочтительней второй вариант.

[29] Используем слово «трахать» из современного сленга как синоним coire.

к произвольным догадкам о смысле надписи: филологический анализ ее позволит прийти к более обоснованному пониманию содержания.

Простая, на первый взгляд, надпись Παρθενίō κύων τὴν ψωλὴν δάκοι на самом деле полна подспудного смысла. Основанием для поиска в ней подспудного, метафорического смысла служит то обстоятельство, что сам ст. 1029 «Всадников» восходит к литературному источнику – рассказу Гесиода о лишении Урана детородных органов Кроном (Theog. 176 sq.). Раскроем это обстоятельство, в том числе применительно к содержанию граффито.

Когда Уран возлег на ложе Геи, ἱμείρων φιλότητος «полный любовной страсти» (т. е. cum peni erecto, что соответствует рисунку при пантикапейской надписи), Крон ухватился за его органы, отсек серпом и отбросил за спину. Из пролившейся на Гею крови родились со временем Эриннии, гиганты; сами же membra «долго болтались в море», так что вкруг них взбилась «белая пена, и из бессмертной струи девица» зародилась, – богиня плотской любви Афродита. Отметим, что Аристофан в ст. 1028 «Всадников», т. е. оракуле Пафлагонца σώζεσθαι σ᾽ ἐκέλευσ᾽ ἱερὸν κύνα καρχαρόδοντα, «велит тебе оберегать зубастого священного пса», заимствует эпитет пса καρχαρόδοντα из упомянутого рассказа Гесиода об оскоплении Урана: там серп так и назван «острозубым» – ἅρπην καρχαρόδοντα (ст. 180). Таким образом, сам Аристофан вдохновлялся при этом рассказом Гесиода, так что у пантикапейской надписи по существу двойная литературная подоснова. Что это так, показывает смысловое соответствие имени героя надписи Παρθένιος «девичий» упомянутой «девице» (κούρη) Гесиодова повествования. Между тем аллюзии к литературному источнику указывают на застольный характер рассматриваемой надписи, ибо сочинение стихов свойственно застолью образованных людей; в частности, это явствует также из приведенных выше, в разделе I, стихотворных и одновременно застольных надписей. Как правило, стержень и смысл таких стихов – физическая любовь: вино в присутствии предмета любви на пиру возбуждает чувства поэтические и эротические, каковые нераздельны (*Plut*. Mor. 622 *c* – 623*d*). Отсюда нарисованный penis erectus в надписи из Пантикапея, также слово ψωλή – это форма жен. рода к ψωλός, значение его то же: penis, часто penis erectus (например, *Aristoph*. Lys. 143: одиноко женщине спать без ψωλάς, т. е. мужских членов). Слово редкое, судя по Thesaurus linguae Graecae, употреблено несколько раз – Аристофан и его схолиасты, в основном поздние лексикографы и грамматики. По времени пантикапейская надпись – второй после Аристофана памятник, в котором оно засвидетельствовано.

Пойдем дальше: собака только ли фигурант Аристофановой фразы? Полагаем, это тоже литературщина – игра слов: у κύων десяток с лишком переносных значений предметного и мифологического свойства (LSJ, s. v., II-XII + Supplementum), в том числе обсценного – обозначение проституирующего мужчины, также анатомического: собакой называется frenum praeputii – уздечка крайней плоти члена у мужчин (медик II в. н. э. Антилл apud Oribasium, 50, 3, 1; LSJ, s. v. κύων, VII). Она-то как раз изображена на рисунке, так что именно в данном направлении следует вести поиск подспудного смысла граффито из Пантикапея. Переносные значения слова κύων были предметом каламбуров; кстати, каламбурит и Гесиод (Theog., ст. 191–194), характеризуя рожденную только что «из бессмертной струи» (ἀθανάτου χροός) Афродиту как αἰδοίη καλὴ θεός «стыдливая

прекрасная богиня»: «бессмертная струя» – то ведь αἰδοῖον Урана. Позволим себе и мы каламбур: ψωλή – стержень рассматриваемой пантикапейской надписи, покоящейся на литературной подоснове. В свете выявленной обсценной семантики надписи следует понимать и смысл глагола δάκνω: при общем значении «кусать» у него есть и метафорический любовный смысл «цеплять, возбуждать» (LSJ, s. v. , III: of love). Так, у Платона (Resp. 474 *d*) Сократ говорит собеседнику Главкону: тебе, поднаторевшему в любви к мальчикам, известно, как они δάκνουσί τε κινοῦσι «цепляют и возбуждают». В пантикапейской надписи глагол употреблен в желательном наклонении, которым выражается пожелание чего-либо в будущем, так что δάκοι значит «желательно, чтоб зацепил / возбудил», «пусть зацепит / возбудит».

Обратим внимание также, что надпись сделана на солонке; у греков символическое значение соли (и соответственно солонки) такое же, как и у нас: дружеские отношения («съесть пуд соли»), гостеприимство («хлеб-соль») и пр. (см. LSJ, s. v. ἅλς, I). Но в данном случае важней иное ее свойство – соль усиливала любовное влечение (см. пространное рассуждение об этом в «Застольных беседах» Плутарха: Mor. 685 *a-d*).

Еще раз отметим: в пантикапейской надписи дословно парафраза из Аристофана применительно к конкретному человеку, Парфению, непонятна, даже при том, что это бесспорная шутка. Иначе говоря, неизвестно, что именно означает шутливое пожелание «пусть собака откусит penis Парфения». Но понимание надписи возможно с помощью прочтения переносных смыслов ее слов κύων и δάκοι. Резюмируем вышеизложенное следующим переводом:

Παρθενίō κύων τὴν ψωλὴν δάκοι, «пусть уздечка зацепит / возбудит penis Парфения».

Автор надписи выражает пожелание, чтоб его уздечка возбудила Парфения, дословно, его член; это аттестует его как «проституирующего мужчину», – мы видели, такой смысл подразумевался в числе прочего под словом κύων. Таким образом, тут возможна двойная игра переносными значениями этого слова. Так как имя Парфений ни в Пантикапее, ни на Боспоре в целом не засвидетельствовано (ближайший центр узуса Херсонес), видимо, он заезжий гость. .

Самое важное в надписи – свидетельство ее текста, что в Пантикапее конца V – первой трети IV в. были известны и читались комедии Аристофана. И это не уникальное указание: также в наполненном аттическим влиянием Нимфее имеется надпись V в. с аллюзией к Аристофану [Яйленко, 2010, с. 118–119].

17. Эрмитаж, Б. 5272 (Catalogue 2, 317[L]). Пантикапей. Ранний IV в . Керчь, находка на Глинище 1875 г. Без прориси (non vidi). Согласно описанию в Catalogue, это полусферическая чаша с двумя рельефными группами, в каждой танцовщица и Эрот; надпись сделана рельефным штампом, текст (N оборотное): ΚΝΑΠΥΓΟ ΗΔΥΠΟΙΟ. По отчету Л. Стефани [ОАК, 1876, с. 209–211], это рельефная чаша I–II в. н. э. , куплена в Керчи; подобные чаши уже находили на юге России. Из описания на с. 210: «В двух интервалах, образуемых четырьмя ионическими желобчатыми колоннами, два раза выдавлен один и тот же штемпель. Середину оба раза занимает большой фаллус, оканчивающийся задней частью четвероногого животного с длинным хвостом, может быть льва. Вокруг каждого фаллуса пляшут два карлика с большими ястребиными клювами и в коротких опоясанных одеждах. Под этою сценой раз начертана большими рельефными буквами

надпись: κνάπυγος, а другой раз ἡδυποιός, два слова, которые, сколько мне известно, нигде более не встречаются, но в этом сочетании легко понятны». Не видев вазы, не можем знать, чья ошибка в надписи – керамиста или Стефани. Тут бесспорно читается род. падеж двух слов – κατάπυγος «подвергшийся (-шаяся) анальному койтусу» и ἡδύποτος «приятный для питья»; грамматически первый род. падеж можно принять за gen. possessivus, второй за gen. pretii:
κα̣τα̣πύγō ἡδυπόṭō, «*чаша* подвергнутого (подвергшейся) анальному койтусу за приятное вино».

Слово κατάπυγος двух окончаний, так что может относится и к мужчине и к женщине. Вероятно, имеются в виду изображенные танцовщицы или карлики. Слово получило и переносное значение «блудодей, развратник». В «Ахарнянах» Аристофана (ст. 79) посол похваляется: мы считаем мужчинами тех, «кто может много есть и пить», на что Дикеополь, аттический крестьянин, ответствует: «а мы считаем *мужчинами* блудников и развратников» (λαικαστάς τε καὶ καταπύγονας). Согласно схолиям к этому стиху, слова καταπύγων и λαικαστής одинаково означают «развратник / блудник» (πόρνος); еще более обширный комментарий дает Свида (s. v. λαικαστής). О слове ἡδύποτος «приятный для питья» – относительно чаши – см. выше комм. к № 2. По смыслу таково же граффито позднего VI – V в. на лекифе из Южной Италии δὶς πεπυγιδὸς τοιὸννύε̄, πάμα τὸξε̄ ἕν, «дважды поятый в зад, он так "стелет", что заполучит это добро (лекиф) *и* за один раз» (см. ниже Приложение). В ольвийском граффито середины V в. предлагается мальчик для нетрадиционных сексуальных утех: ὅς ἐθέλει βενεῖν (= βινεῖν), δέκ' ἄρδις καταβαλῶμ | πυγιζέτω | Ἡφαιστόδωρον, «кто пожелает coire, заплатив десять монет-стрелок, пусть садомитствует с Гефестодором»[30].

18. Эрмитаж, П. 1868. 89. Пантикапей. III в. Обломок чл. блюда, найден на Митридате в 1868 г. Прорись З. А. Билимович [Толстой, 1953, № 245]. Надпись сделана на верхнем крае блюда, слева обломана. Чтение И. И. Толстого: Κέφαλος ὑπὸ ὄρ(ει) «Кефал, под горой», с таким пояснением: «Своего рода адрес Кефала, дом которого находился, очевидно, у подножия какой-то горы или какого-то пригорка». Это шедевр эпиграфического юмора – «Кефал, под горой». Почтенного академика извиняет лишь сделанная им далее оговорка: «Дополнение ὄρ(ει) дается нами предположительно. Смысл надписи уловить трудно». Иван Иванович прекрасный знаток древнегреческой литературы, но его кратковременное занятие в конце жизни эпиграфикой Северного Причерноморья оказалось малопродуктивным. Сборник «Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья» ценен не столько его чтениями текстов надписей и комментариями, сколько прорисями З. А. Билимович и керамическими датировками А. А. Передольской. Типичный кабинетный филолог, он имел отдаленное представление и о лапидарной эпиграфике Северного Причерноморья, и о малой. Отсюда множество ошибочных текстов и комментариев в его книге об эрмитажных граффити. «В целом

[30] [ВДИ. 1969, № 3, с. 147, прим. 55]: чтение незабвенного Никиты Шебалина (1938–1995), прекрасного филолога, который исправил неудачную публикацию надписи Б. Н. Граковым (перевод наш). Добрым словом помяну тут Никешу – мы с ним немало vinum bibebamus в Ольвии да Питере; страстное служение Бахусу, увы, рано исторгло его из нашего прекрасного мира. Sit ei terra levis.

примерно половина изданных И. И. Толстым граффити требует уточнения текста и типологической принадлежности», – заключили мы [ГЛБО = ВДИ. 1980. № 2, с. 74][31].

Обратимся к прориси[32], на наш взгляд, она дает текст обсценной надписи:

[e. g. πέφυ]κε φαλ(λ)ός ὑπὸ ὄρ[ρου ?] «e. g. *возрос / увеличился* penis под *крестцом*».

Сохранившиеся в начале буквы -κε – аористное или перфектное окончание глагола 3 лица ед. числа (так и в № 15). Предположительно ставим глагол φύω «расти» и пр. для соответствия наклонной черте перед K, которая может принадлежать буквам A, Λ, Y. У слова φύω авторы LSJ выделили также значение «расти, увеличиваться» – о частях тела: бороде, языке, волосах, телесной плоти (LSJ, s. v., A, 3). Повлиял и глагол ἐμφύω из параллельной дефиниции Леона Философа (см. ниже). Стержень нашего понимания – чтение следующих букв ΦΑΛΟΣ в качестве слова φαλ(λ)ός «membrum virile»[33]. Упрощенное написание слова с одним λ соответствует спорадическому упрощению двойного λλ в граффити; сошлемся, к примеру, на подобное упрощение имени Аполлона [Jeffery, 1969, p. 190, n. 5; p. 265, n. 5; p. 414, № 5 etc.]. Способствуют такому упрощению и параллельные к φαλλός формы с одним λ – φάλης, φαλῆς, также Φάλης, Φαλῆς – имя обожествленного фалла в культе плодородия. В следующих далее буквах ΥΠΟΟΡ пантикапейской надписи выделяются предлог ὑπό и буквы OP недописанного слова. Дополняем буквы OP в слово ὄρρος «крестец», дающее связный контекст с φαλλός: он потому возрастает, что находится ὑπὸ ὄρ(ρου) «под крестцом», где расположен anus партнера по сексу. Ср. и более конкретизирующее «подхвостье» с анальным отверстием слово ὀρροπύγων (ὄρρος «крестец» + πυγή «бедра, зад»). В результате получаем банальный для застольной надписи смысл: в ней дано словесно расширенное описание полового акта, который выражен в предшествующем граффито № 17 словом κατάπυγος «подвергшийся (-шаяся) анальному коитусу», а чаще в эпиграфике такого рода причастием муж. рода καταπύγων и прилагательным жен. рода καταπύγαινα того же значения (см. в целом о

[31] См. также отзывы Л. Робера [Bulletin épigraphique, 1954, № 10 = REG. T. 67], Б. И. Надэля [Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1955. Т. 14. Вып. 2, с. 190–194], Д. Джордана [Jordan, 1978, p. 161, n. 4]: книга нужная, но многое нуждается в уточнении. К эпиграфике И. И. Толстой (1980–1954) обратился в 1950 г. – в Ленинградском отделении Ин-та истории АН СССР ему поручили руководство группой по подготовке «Корпуса боспорских надписей». За 3–4 года его руководства сотрудниками группы была проведена лишь техническая работа (см. КБН, с. 6). Практически он был занят подготовкой книги об эрмитажных граффити, оценку которой мы уже дали. Он был прекрасным филологом, но писал мало, как и с. А. Жебелев; оба стали академиками, хотя на счету каждого 1–2 изданные книги. Не случайно филолог В. Я. Пропп, собравший статьи Толстого в книгу («Статьи о фольклоре», 1966), в предисловии к ней [с. 3–4] характеризует его сначала как крупного эпиграфиста, – просто было не о чем другом писать, кроме как о вошедших в сборник статьях (которые действительно замечательны).

[32] Подлинника мы не видели, но прориси З. А. Билимович точны, в чем мы убеждались, сравнивая их с рядом подлинников в Эрмитаже.

[33] Есть также редкое слово φάλος «шишак шлема» и глосса Гесихия φαλός «белый», но они, в отличие от чтения φαλ(λ)ός, не дают связного контекста в надписи. Греч. φαλλός вошло как иностранное слово в русский литературный язык (см. , к примеру: Словарь иностранных слов. М. 1982, с. 518), поэтому употребляем его. Слово φαλλός негреческого происхождения, но индоевропейское [Chantraine, 1980, p. 1175], чем любопытно. В базовой лексике любого языка примерно из полусотни слов непременно числятся обозначения частей тела. Но с пенисом иное дело: эта игрушка так популярна, что ее обозначения могут заимствоваться у соседних народов. Греки позаимствовали слово φαλλός через культ фракийского Диониса, на празднованиях которого носили большой культовый фаллос, он был даже обожествлен и имел личные имена – Φαλῆς (Аристофан), Φαλλήν (Павсаний, эпитет Диониса на Лесбосе), Φάλης (Лукиан). По этой причине слово φαλλός всегда означает его эрегированное состояние. Слово ψωλή надписи № 16 тоже негреческое, оно догреческого происхождения, т. е. заимствовано греками-пришельцами у древнего местного населения.

таких надписях [Milne, Bothmer, 1953, p. 215–224; Bain, 1991, p. 67–70])[34]. Более или менее близкий пантикапейской надписи смысл дает определение слова ψωλή (см. о нем выше, комм. к № 16), синонимичного слову φαλλός, Леоном Философом (De natura hominium synopsis, 74): это ὅ παρὰ τὸ ἐμφύσασθαι κατὰ τὴν ὄρεξιν τῶν ἀφροδισίων «то, что возрастает при плотском любовном желании». Соответствующий текст можно усмотреть и в данном пантикапейском граффито: [e. g. ἐμπέφυ]κε φαλ(λ)ὸς ὑπὸ ὀρ(έξεως?) «e. g. *возрос / увеличился* penis при плотском любовном желании». Почему-то автор граффито не дописал последнее слово. Возможен стихотворный размер этого текста: [–˘ | –] ˘ | – ˘ | ˘˘/– | – | [–/˘ ?][35].

III. «Победные» надписи

19. Керчь, находка В. Ф. Гайдукевича 1945 г. на Эспланадном раскопе на Митридате. Пантикапей. Вторая четв. – сер. IV в. Чл. солонка с профилированными краем и подставкой. Прорись И. А. Емеца [1999, с. 66, № 11]. На стенке буквы ΕΠΟΣ, надпись внутри: ΝΙΚΗ ΓΥΓΗΝΤΟΣ ΚΑΙ ΠΑΤΑΙΚΟΥ. Это текст В. Д. Блаватского [1964, с. 93], по мнению которого, «надпись скорее всего может быть объяснена как указание на победу, одержанную Гигентом и Патайком в исполнении эпических поэм»[36].Чтение В. Д. Блаватского воспроизвел И. А. Емец [*loc. cit.*], который справедливо убрал конечное Υ из имени Патайка, но напрасно добавил *сигму*, поскольку конечное ō – это окончание род. падежа имени Патайка (= ου). Ошибочно и уравнение им имен Γυγης надписи и боспорского архонта Гигиенонта: Гигиенонт и Гигент созвучны по-русски, а по-гречески пишутся совсем розно (Ὑγιαίνων), чем И. А. Емец, как обычно, демонстрирует незнание греческого языка[37]. С. Р. Тохтасьев [2007, с. 190] перевел текст граффито в минускулы: νίκη Γύγητος καὶ Παταίκου ἔπος (без перевода), повторив ошибку прежних издателей в написании род. падежа имени Патайка. Он упомянул надпись потому, что ему понадобилось возвести род. падеж Γύγητος к анатолийскому имени Γύγης. Может быть, это и так, но в литературных и эпиграфических памятниках *gen*. имени Γύγης только Γύγου и Γύγεω[38]. Более того, в пантикапейской надписи можно читать не только Γυγηντος, но также Γυγηντōς, при котором номинатив может быть Γύγης и Γυγήντης (далее см. об этом [Яйленко, 2010, с. 153]). Также интерпретация Тохтасьевым содержания надписи: Гигент «победитель в рапсодическом агоне», Патек, возможно, был сыном Гигента (или наоборот), – неточна, на что указывает ее композиция. Граффито содержит пару синтагм *существительное (νίκη, ἔπος)* + *gen. личного имени*, соединенных союзом καί – 1) «победа Гигента», 2) «стихотворное произведение (ἔπος) Патека», т. е. Гигент победил

[34] См. об этом также в общих работах о гомосексуальной любви древних греков [Flacelière, 1964; 1980, p. 498–503; Dover, 1978; Buffière, 1980; Keuls, 1985; Percy, 1996; Manganaro, 1996, p. 135–139; Любовь и Эрос, 2006]. Каталог 13 καταπύγων-граффити [Lombardo, 1985, p. 284–297]. Дальнейшая литература [Журавлев, 2004, с. 129 сл.].

[35] Без дополненных [πέφυ] и [ρου]. Если форма φαλός описка, то в должном φαλ(λ)ός альфа долгая. *Омикрон* последних букв ΟΡ может быть и долгим, если за Ρ следовала согласная, т. е –/˘.

[36] Он также приложил фото солонки, но надпись видна там плохо.

[37] Тем не менее, мы высоко оцениваем его многолетнюю работу по собиранию в разных хранилищах и публикации боспорских граффити (в издававшемся им самодеятельном журнале «Эпиграфический вестник», 1995–2002, № 1–8).

[38] [Pape, Benseler, 1884, S. 261]; надпись V в. из Галикарнасса [Zgusta, 1964, § 239].

в каком-то состязании, а Патек воспел его победу в стихотворном произведении. Это самая обычная ситуация – поэт воспевает победителя агона: к примеру, так Пиндар писал оды в честь победителей олимпийских, пифийских и прочих спортивных состязаний. Далее, вопреки С. Р. Тохтасьеву, никакого указания на родство Гигента и Патека из текста граффито не следует, зато другие надписи – КБН 10, также одно посвятительное граффито и 4 владельческих граффити на посуде – позволили установить состав аристократической семьи Патека [Яйленко, 2005, с. 468]. Тохтасьев отнес граффито общо к IV в., но графика посвящения КБН 10, сделанного сыном Патека Сатирионом при Перисаде I, позволяет уточнить дату и вотива и граффито: графема *ō* в КБН 10 указывает на первые годы правления Перисада, т. е. ок. 344–340 гг. [Яйленко, 2010, с. 24–25]. Соответственно отец Сатириона Патек действовал во второй четверти – середине IV в., к этому времени и относится трактуемое граффито. Итак, читаем:

νίκη ʽΥγηντος καὶ Παταίκō | ἔπος «победа Гигента и Патека стих».

Надпись сделана по поводу победы в каком-то застольном состязании; поскольку ее написали на столовом сосуде. Ср. у Плутарха (Mor. 618 *f*): на пиру известные поэты Сосикл и Модест «совместно связывают слова в стих» (συνερείδοντες ἔπος); тот же сколион, но с вариацией: «со всеми снова пей, безумствуй дурно, мудрствуй с Гомером» (*Eusthatii* in Odyss. I, 269, 19), т. е. декламируй на пиру стихи Гомера или сочиняй свои вариации на его темы. Чл. солонка отнюдь не была ценным призом, поэтому застольное соревнование было скорее шутейным – например, в коттаб; во всяком случае этот приз никак не может соответствовать «рапсодическому агону» С. Р. Тохтасьева или «исполнению эпических поэм» В. Д. Блаватского. Совсем иного рода – серьезным призом – была гидрия раннеэллинистического времени из берлинского Антиквариума, которую некий Пилон получил в каком-то состязании и начертал на ней: Πύλων ἀγῶνι ἔγραψε, «Пилон надписал на состязании» [Ростовцев, 1913, т. XLV, 7]. Имея в виду сказанное в комм. к № 16 о символическом значении соли и солонки как олицетворении дружеских отношений, можно догадываться, что Гигент и Патайк были друзьями, потому им и вручили в качестве шутливого приза солонку.

Есть и другие эпиграфические записи «победного» содержания: к примеру, νίκη ʼΑρεταίου, εὖ, εὖ, εὖ «победа Аретея, ура, ура, ура!» в гимнасии на Иасе [Guarducci, 1975, p. 370]. Здесь же см. общие суждения М. Гвардуччи о «победных» надписях, которые встречаются главным образом в гимнасиях, т. е. связаны со спортивными соревнованиями эфебов. См. литературу о толковании надписей такого рода [Ziebart, 1914, S. 104–106]; сам Э. Цибарт считал их записями пари на соревнованиях. Заметим, однако, что не только спортивных. Так, выигрыш на разного рода состязаниях подразумевается победными граффити на стенах и колоннах святилища в Дидимах, к примеру: νίκη Γλαύκου «победа Главка!» [Rehm, 1958, № 509 *f.*], на вазах *terra* «*sigillata*» – νίκη, но без имени [Guarducci, 1987, p. 436]. Надписи на столовой посуде, подобные рассмотренной, разумеется, к эфебам не относятся. Структуру «победной» надписи имеет и нижеследующее эрмитажное граффито.

20. Эрмитаж, П. 1867/68. 59. Пантикапей. Первая пол. IV в. Фр. чл. сосуда (скорее всего стенка), найден на Митридате в 1867/68 г. Прорись З. А. Билимович [Толстой, 1953, № 191]). На внешней стороне фр. :

νίκη | [--]ιō «победа *имярека*».

И. И. Толстой [*loc. cit.*] увидел в граффито имя владельца, написанное в род. падеже и в две строки: Νικη | [σ]ιō «Никесия». Даже если бы надпись была исполнена на дне сосуда, где размещаются имена владельцев, против такого ее понимания свидетельствует написание имени в две строки, что бывает очень редко: например, в сборнике Толстого из 255 надписей лишь одна таковая (№ 80: Νεύπο | λις). А полное структурное соответствие «победным» граффити (см. № 19): νίκη + *gen. личного имени* – вводит ее в этот разряд надписей.

В заключение этого раздела затронем вопрос о содержании «победных» надписей λαβὲ τὴν νίκην (= νείκη) «одержи победу!» на стаканах римского времени, в том числе эрмитажных, происходящих из Пантикапея. Специалисты по римскому стеклу А. Киза, Д. Б. Харден и др. считали их призами на спортивных состязаниях, Н. З. Кунина [1968, с. 224] видела в них «заздравные кубки на пиршествах». На наш взгляд, вопрос следует рассматривать в общем религиозно-магическом контексте надписей на стаканах в целом [Яйленко, 2010а, с. 671–686]. Также написанное на ряде амулетов римского времени νίκη «победа» и νίκα «побеждай!» означает победу над смертью и уничтожением тела или жизни[39]. Соответственно, подобное содержание можно усматривать и в призыве «одержи победу!», с подразумеваемым *над смертью*, на эрмитажных и прочих стаканах. Подтверждение подобного содержания видим в том, что каждое слово надписей на пантикапейских стаканах λαβὲ τὴν ν(ε)ίκην перемежается орнаментальным изображением «ёлочек». А «ёлочка», она же дерево – элемент рисуночной магии на разного рода изделиях, она апотропеический, по происхождению хтонический, знак плодородия, цель ее, как и пентаграмм, свастик, лабрисов и пр. состоит в санации содержимого в сосуде продукта (см. подробней [Яйленко, 2010а, с. 687–689].

IV. Рецепт лечебного питания

21. Эрмитаж. П. 1876. 85 (Catalogue 2, № 195[c]). Пантикапей. Последняя четв. IV в. Одноручная чл. чаша, найдена А. Люценко в 1876 г. на северном склоне Митридата, около церкви Александра Невского. Издал Л. Стефани [ОАК, 1877, с. 275–276], по мнению которого, в надписи для какой-то неизвестной цели приведены имена трех мужчин в именительном падеже с присовокуплением имени отца в родительном. Имя отца третьего не уместилось и оно вырезано у края. По Стефани, Φακῆς – неправильно образованный род. падеж имени Φάκας, Φακέας или Φάκος, из остальных имен известны только Κρέων и Πρωτίων, имена же Τρωγαλίων, Ζωμός, Πτισάνης не засвидетельствованы. Вскоре крупный эпиграфист тех времен Х. Рёль и археолог, не чуждый эпиграфике, П. Уолтерс указали на ошибочность такой интерпретации и дали адекватное понимание. Х. Рёль: «надпись на сосуде содержит имя владельца Протион и слова τρωγαλίων, φακῆς, κρεῶν, ζωμοῦ, πτισάνης. Странным образом издатель не видит в ней названий блюд, а старается сделать из них антропонимы» [Röhl, 1884, S. 153]. П. Уолтерс даже посмеялся: лишь у комиков могут фигурировать такие личные имена, как Суп, Похлебка, Бобы

[39] По замечанию К. Боннера, победные восклицания на амулетах типа νικᾷ ὁ δεῖνα «такой-то, побеждай!» имеют мирское и религиозное содержание; пример последнего – νικᾷ ἡ Εἶσις «Исида, побеждай!» [Bonner, 1950, p. 176, cf. 103].

и пр. По его мнению, владелец чашки Протион вырезал на ней наряду со своим именем небольшое меню – τρωγαλίων, φακῆς, ζωμοῦ, πτισάνης – это названия пищевых продуктов в род. падеже: «десертных фруктов (орехи, фиги и др.), чечевичной похлебки, мяса, соуса, ячменного отвара». Правда, неизвестно, для чего предназначалась эта запись и почему слова поставлены в род. падеже; может быть, Протион хотел сказать написанным, что его сосуд хорош и пригоден [Wolters, 1884, Sp. 209–210]. Прочтение надписи Рёлем и Уолтерсом тогда же поддержал С. Рейнак, который предположил следующее объяснение этого курьезного граффито: вероятно, его автор хотел иметь в виду в числе своих дел, что он должен отдать визит Протиону и что он собирается купить соответствующие продукты [Reinach, 1885, p. 451]. Мы заметим, однако, что такому объяснению противоречит наличие в списке уже готовых блюд: ζωμός – это «похлебка» или «соус к мясу», πτισάνη – «ячменный напиток или отвар».

Попытку иного понимания памятника предпринял Э. Диль со своим давним влечением к магическим надписям. Он воскресил сданное в архив науки мнение Л. Стефани о списке имен[40]. По Дилю, имя Πρωτίωνος, идущее вдоль ободка днища, сделано одной рукой, а имена, записанные в столбец – другой рукой, ибо окончания имен Τρωγαλίων и Πτισάνης, упираясь в написанное ранее имя Протиона, отклоняются в сторону. Отсюда он заключил, что Протион – имя владельца сосуда, никак не связанное с пятью другими именами, каковые суть список проклинаемых. Из 6 имен, отметил Диль, Протион и Креонт засвидетельствованы в греческой антропонимике, а Φακῆς и Τρωγαλίων, хоть и не числятся в ней, могут быть объяснены как греческие. Имя Ζωμοῦ по флексии Диль сопоставил с боспорскими именами Ἀγαθοῦ, Καλοῦ и подобными (это именит. падеж), считая его местным, варварским, как и Πτισάνης. В заключение Диль даже счел возможным определить на основании характера этих имен социальное положение их носителей – они были aut cives aut peregrinos (metoecos), non tamen servos «или гражданами, или перегринами (метеками), но не рабами» (!).

Отдадим должное наблюдательности Диля: концы слов τρωγαλίων и πτισάνης действительно упираются в имя Протиона. Однако отсюда вовсе не следует его краеугольный вывод о двух авторах и соответственно двух надписях. Такие случаи нередки, см. например [Толстой, 1953, № 242]: конечная *сигма* стк. 2 упирается в стк. 1 и потому опущена ниже; но отсюда вовсе не следует вывод о двух руках. Причина этого проста: автор записи чуток не рассчитал старт стк. 2 или ее последнего слова. То же и со стартом столбца в исследуемом граффито, в результате чего последние буквы его первой и последней строк уперлись в вырезанное первым вдоль ободка имя Протион. Так что мнение Диля об написании граффито разными руками ошибочно. Наряду с общим сходством письма всего граффито, наиболее наглядно это показывает редкая по узусу угольчатая *омега*, которая

[40] [Diehl, 1931, p. 391–396]; он приложил фото надписи, с него мы сделали прорись. Сначала Э. Диль дал дату: по лаку сосуд датируется серединой IV в., но по характеру письма граффито относится к концу его. Затем Д. Джордан уточнил: судя по материалам Афинской агоры, чаши подобной формы бытовали в последней четверти IV в. [Jordan, 1978, p. 160]. Мы поддерживаем эту датировку с эпиграфической стороны – письмо граффито характерно для второй половины IV в.: при классических формах P, E, N, Π, в том числе полнотелой омеге, присутствуют уплощенная сигма, мелкий омикрон и даже угольчатая омега, которая появляется в аттической эпиграфике в конце IV в. [Larfeld, 1902, S. 468–469]. См. характеристику эпиграфического письма второй половины IV в. [Яйленко, 2017, с. 368, 370, 374–376].

присутствует и в имени Протиона, и в первой строке столбца. На ошибочность мнения о списке имен в столбце, как сказано, давно указали Х. Рёль, П. Уолтерс, С. Рейнак. Не согласились с Дилем и отозвавшиеся на его статью А. Вильхельм, А. Перетти, которые аттестовали надпись в качестве списка блюд (кушаний) [Wilhelm, 1932, S. 261–264; Peretti, 1932, p. 213–222], также позднее Л. Робер [Robert, 1963, p. 250, n. 2].

Наконец, к надписи обратился специалист по малой греческой эпиграфике Д. Джордан, которому были известны только публикации Л. Стефани да Э. Диля, что придало некоторую курьезность его статье [Jordan, 1978, p. 159–163][41]. Не зная предыстории изучения, он отверг мнение Диля о ее магическом характере, но на шатком основании: К. Прайзенданц-де не включил ее в свой корпус магических актов. Джордан предложил свое чтение текста, аналогичное тому, какое столетием ранее дали Х. Рёль и П. Уолтерс. По Джордану, надпись может быть рецептом, включающим список продуктов, нужных для приготовления вкусного тушеного мяса. Как житель Афин, он с друзьями даже провел соответствующий кулинарный эксперимент – приготовил кушанье; это, пожалуй, наиболее существенный его вклад в изучение граффито.

Такова обширная историография надписи, свидетельствующая о ее незаурядном характере. По содержанию она вполне ясна, но остается неизвестным предназначение этого списка продуктов. Обратимся к этому вопросу, напомнив читателю, что сначала вырезано имя Протион вдоль ободка дна: Πρωτίωνος. По форме род. падежа это типовая надпись владельца сосуда, – gen. possessivus, поэтому неясно ее соотношение с перечнем продуктов, выписанным в столбец: написаны ли они вместе или владельческая надпись относится к чашке. К счастью, вопрос решаем: поскольку список продуктов дан тоже в род. падеже, это почти наверняка единая запись. Перечислены следующие продукты: τρωγαλίων, φακῆς, κρεῶν, ζωμοῦ, πτισάνης. Тут pl. neutr. τρωγάλια – орехи, фиги и прочие десертные фрукты; φακῆ – «чечевица» и «чечевичная похлебка»; κρέας, κρεῶν – «мясо»; ζωμός – «похлебка» или «соус к мясу, рыбе»; πτισάνη – «ячменный напиток или отвар». В этом списке наиболее примечательна птисана: она считалась простым здоровым кушаньем лечебного свойства: к примеру, так ее оценивают наряду с медицинскими банками и водной эмульсией оливкового масла участники «Застольных бесед» Плутарха, рассуждающих о свойствах пищи (*Plut*. Mor. 663 *c*; ср. и Mor. 377 *e*: птисана как лекарство). Иначе, чем средство лечебного питания птисана и не фигурирует в источниках – множество рецептур с ее участием дают Гиппократ, Гален, Диоскорид Педаний, Орибасий, Павел Эгинет, Аретей, Элий Амиден, Александр Траллский и другие медики. Также Афиней и Плутарх упоминают ее как лечебное средство. По 1 разу пишут о ней Аристофан (fr. 159) и современный ему комик Никофон (fr. 15), но эти фрагменты, сохраненные Афинеем, очень коротки, так что в них Аристофан и Никофон воспользовались рецептурой медиков. Таков определенно fr. 159 Аристофана: «научишь его варить птисану или чечевичную похлебку (φακῆ)», поскольку то и другое числится наряду с прочим в одном из рецептов лечебного питания Галена: «чечевичная похлебка (φακῆ), либо птисана» (De sanitate, VI, 156). Эти же

[41] Слабое знание им литературы вызвало критику всеведущих Ж. и Л. Роберов, которые вкратце перечислили все относящиеся к надписи работы [Bulletin épigraphique, 1978, № 343 = REG. T. 91, p. 448]; мы воспользовались их указаниями на литературу. Короткую информационную заметку о статье Джордана дал и Г. Михаилов [SEG. 1982. Vol. 28, p. 193, № 663].

слова находим и в рецептуре медика IV в. н. э. Орибасия, причем у него фигурируют сразу три знакомых нам ингредиента: ἐν φακῇ ἢ ἐν πτισάνῃ ἢ ἐν ζωμῷ «сварить в птисану, либо чечевичную похлебку, либо в соус к мясу» (Synopsis, I, 17, 1). Еще три фигурируют в рецептуре Галена (De elemente ex Hippocrate, I, 458, 10): φακῆν καὶ πτισάνην καὶ κρέας «чечевичную похлебку, и птисану, и мясной соус». По консистенции птисана как ячменный отвар может быть жидкой и густой; обычно она жидкая (πτισάνη χυλός «жидкая птисана; жидкий отвар», – напр. *Hippocr*. De victu in acutis, 6; густая редка: Ib. 7; 10), потому порой именуется «питьем» (Ib. 68: ποτόν)[42]. Как жидкость птисану пили из тех же чаш, что и вино: «налить в котилу птисану», – советует в медицинской поэме о средствах против укусов змей, скорпионов и пауков эллинистический поэт Никандр (Theriaca, 399); эти же слова есть у римского медика I в. н. э. Диоскорида Педания (De maleria, I, 30, 2). Такова и одноручная чаша из Пантикапея, на дне которой сделана рассматриваемая надпись. Как следует из цитированных материалов[43], она представляет собой рецепт лечебного питания. Посмотрим, с помощью Гиппократа, для лечения какого рода болезней могла быть сделана эта запись.

Гиппократ уделил птисане как лечебному средству большой раздел своей книги «О диете при острых болезнях»[44]. Гален и другие медики нередко даже называют этот трактат по-своему – «О птисане» (*Athen*. II, 532). Говоря о лечении таких острых заболеваний, как плеврит, перипневмония, френит, горячка, лихорадка, – а от них умирает больше людей, чем от всех остальных болезней, вместе взятых (§ 2), Гиппократ называет птисану в числе основных лечебных средств[45]. Он постоянно рекомендует здесь (§ 11–13) больным людям, при наличии соответствующих показаний, употребление супов наряду с ячменным отваром. Этим рекомендациям соответствует и наша надпись, где наряду с птисаной рекомендованы чечевичный суп (φακῆ) и ζωμός – мясной или рыбный суп. Таким образом, пантикапейский рецепт лечебного питания мог быть предписан при каком-то из перечисленных заболеваний. Во всяком случае, поскольку рецепт записан прямо на чаше, это означает, что он постоянно должен быть у больного под рукой; значит, болезнь серьезная.

Остается выяснить, кто такой Протион. По упомянутой формуле gen possessivus его можно счесть заболевшим владельцем чаши, однако мы уже констатировали, что и все ингредиенты рецепта тоже поставлены в род. падеже. Между тем в медицинской практике с древности до наших дней врач выписывает больному названия лекарств именно в род. падеже; это связано с указанием дозы предписанного лекарства: *такого-то столько-то*[46]. Таково, например, граффито позднеримского времени на чаше с Афинской агоры, со снадобьем против укуса скорпиона (названия ингредиентов выписаны по одному слову

[42] Существительное πτισάνη образовано от глагола πτίσσω «дробить, толочь в крупу, муку».

[43] Мы пользовались текстами электронного Thesaurus linquae Graecae.

[44] De victu in acutis, 2–12 etc. См. русский перевод В. И. Руднева [Гиппократ, 1936, с. 396–412].

[45] В современной народной медицине спектр применения каш из ячменя и его отвара весьма широк: при диабете, артрите, болезнях почек и печени, мочевого пузыря, простатите, геморрое, золотухе, нервных расстройствах, физическом и нервном истощении, ими лечат органы дыхания, болезни желудочно-кишечного тракта, молочных желез и пр.

[46] После школы я 2 года работал лаборантом в Донецком медицинском институте, так что не понаслышке знаю: в курсе элементарной латыни студенты заучивают лишь два падежа – номинатив и родительный.

в столбец, как и в пантикапейской надписи): (*а*, изнутри) ὕπερα, (*б*, на стенке снаружи) φοινοῦ | ὄπιον ο(ὐ)γ(κίαι) ζμ᾽ | ἀκύ(λου ?) ο(ὐ)γ(κίαι) ζ᾽, | [ν]ορύη[ς ο(ὐ)γ(κίαι) ..] «(*а*) пестик; (*б*) сок красного перца, 47 унций; толченого желудя (?) 7 унций; молочая [*столько-то унций*]». Тот же род. падеж, но без мер, в граффито римского времени на стенке закрытого сосуда с Афинской агоры содержит кулинарную рецептуру вероятного лечебного свойства (и тут названия ингредиентов выписаны по одному слову в столбец): κώνῳ[ν], ψωμίω[ν], ὀψαρεί(ου), περσῇ ὀξύ(μαλα), ναύλου ὀψαρεί(ου), ἰς οἶνον «сосновых шишек, кусочков хлеба, рыбы (рыбного соуса), персика, рыбы из гавани (= свежевыловленной), в вине *смешать*»[47]. По этим род. падежам можно заключить, что Протион – врач, выписавший лечебный рецепт больному, а тот уж записал его на своей чашке. Итак, суммируем изложенное следующим текстом и переводом пантикапейской надписи:

Πρωτίωνος | τρωγαλίων, | φακῆς, | κρεῶν, | ζωμοῦ, | πτισάνης

«(*лечебный рецепт*) Протиона из десертных фруктов, чечевичного супа, мяса, мясного (рыбного) соуса, ячменного отвара»[48].

Приложение

Обсценное граффито из Южной Италии

Граффито позднего VI – V в. на чл. лекифе из Южной Италии, считающееся негреческим [Jeffery, 1969, p. 259, 262, № 31; 410, № 31; Pl. 50, № 31]. Текст по Л. Джеффери (рис. 22): δισπεπυγιδοστοιοννυεπαματοξεεν. Выдающийся эпиграфист, Лилиан Джеффери (1915–1986), видимо, по причине стыдливости (она *мисс*) не пожелала увидеть в этой надписи ясно читаемое δὶς πεπυγιδὸς «дважды поятый в зад» (позднее это увидели другие) и обратилась за разъяснением к большому специалисту по италийским языкам Джошуа Вотмоу (1897–1964), который per litteram понес чепуху: «надпись ни греческая, ни оскская, ни подделка... видимо, смешанный диалект: «я похитил Достаса его... ; его лук и стрелы стали моей добычей (??)» [Ib. , p. 259, note]. После таких забав Вотмоу мои претензии к И. И. Толстому по поводу чтения надписи № 18 кажутся придиркой. Перейдем к тексту надписи из Италии, она вполне читаема: δὶς πεπυγιδὸς τοιὸννύε̄, πάμα τὸξε̄ ἔν «дважды поятый в зад, он так «стелет», что заполучит это добро (лекиф) *и* за один раз». Сложности понимания происходят от того, что ахейский алфавит, на котором написано граффито, как и положено неионийской позднеархаической надписи, не имеет специальных букв для долгих гласных и дифтонгов, что усугубляется и двумя красисами. Итак, тут πεπυγιδὸς – перфектное причастие πεπυγιδώς от глагола πυγίζω «paedicare; puerum inire» (глагольная основа πυγιδ-; отсутствие характера перфектного времени -κ- свойственно эпическому языку). Красис τοιὸννύε̄ – это τοιῷννύει = τοίῳ ἐννύει «он так стелет, кроет»:

[47] [Lang, 1976, p. 11, № B 19, 20], частично с нашими поправками и интерпретацией. Во втором граффито добавляем глагол «*смешать*», так как в рецептах лечебного питания у медиков ингредиенты часто смешиваются в вине или с вином.

[48] Любопытства ради упомянем средневековую арабскую надпись на амфоре из Самарры в Ираке: «стряпал Мухаммад ибн Муса» [Strohmaier, 1981, S. 126]. Амфора из-под вина, так что Мухаммад состряпал либо какой-то винный букет, либо, при том, что многие лекарственные составы делались на вине, некий лечебный напиток.

в красисе ω+ε > ω, отсутствие конечной *иоты* в ωι (τοίῳ, τοίωι) дорийским диалектам не свойственно (ахейский – субдиалект севернодорийского диалекта), так что это влияние господствующего в Южной Италии ионийского диалекта, в котором отсутствие такой *иоты* обычно. В красисе датив τοίωι (от указательного местоимения τοῖος) и 3 лицо наст. времени глагола ἕννυμι «одевать», у которого известны и формы на -ω – ἐννύω etc. [LSJ, s. v. ἕννυμι], одна и представлена в надписи: ἐννύ$\bar{\epsilon}$ = ἐννύει. Обычное значение активного залога ἕννυμι «одевать» одежду не подходит к контексту граффито, более или менее приемлемо метафорическое «покрывать»: например, облаками или даже камнем – о погребенном покойнике. Есть также значение «стелить»: Елена на ковер ложа χλαίνας τ' ἐνθέμεναι οὔλας καθύπερθεν ἕσασθαι «и уложенные покрывала пушистые сверху постлала»[49]. К числительному δίς «дважды» ср. τρὶς ἐπύγισα «поимел в зад трижды» в одной из эпиграмм (Anthologia Graeca, IX, 317). Далее следует текст с πάμα «добро, имущество, достояние» и личной формой глагола fut. ἕξ$\bar{\epsilon}$ ($\bar{\epsilon}$=ει) от глагола ἔχω «иметь». Артикль τό поставлен в постпозицию к πάμα; он в красисе с начальной гласной глагола ἕξ$\bar{\epsilon}$, т. е. πάμα τὄξ$\bar{\epsilon}$ «заполучит это добро (лекиф)». Надпись начинается числительным δίς «дважды», завершается числительным же ἕν «одно», налицо их противопоставление, в нем ее суть: автор уже дважды «поимел» мальчика, он доволен столь умелой его «работой» и констатирует, что награду тот мог получить и за один раз. Стоит отметить, что ок. 420 г. в сицилийской Геле 1 лекиф шел за треть обола; хотя этот одноручный кувшин наверняка был с вином, в любом случае подарок растленному мальчику был не ахти какой[50]. А между тем такое не приветствовалось, по Аристофану (Ranae, 146–150), в Аиде те, «кто мальчика поимев, не заплатил денег (τἀργύριον)», наряду с ложно поклявшимися и оскорбившими родителей да гостя действием, – это 4 тяжких деяния. Так что лекиф был для мальчика, так сказать, бонусом к положенной плате деньгами[51].

[49] Od. IV, 299; тут ἕσασθαι – эпический aor. med. к ἕννυμι. В контексте об анальном коитусе значение «стлать, крыть», видимо, имеет специфическое значение – мальчик «стелет» или «кроет» задом во время соития. Опять-таки, мне техника сего безобразия неведома, остается ждать профессиональных комментариев от петербургских «спецов». Имеем в виду книгу Л. С. Клейна 2000 г. «Другая любовь» и его подельников, издающих в Питере соответствующие сборники статей вроде «Membrum virile как член общества».

[50] В граффито из Вассададджо (некрополь дорийской Гелы) указаны цены за стамносы и лекифы. В стк. 2: ΛΑΚΥΘΙΑΕΝΟ ΤΡΙΤΑΜΟΡΑ А. Джонстон ошибочно понял ΕΝΟ как ἔν(εστι) «можно, возможно, позволено» [Johnston, 1973, p. 265–269]. Мы читаем здесь: λακύθια ἑνὸ(ς) τριταμόρα «лекифы – за один по трети обола».

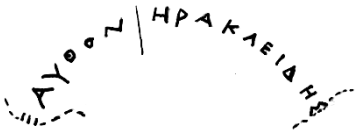
[51] Пользуюсь случаем исправить свою описку в ДБ, 2017. Т. 21, с. 421, прим. 48: в последней строке вместо «второго склонения» следует читать «первого склонения» (описка обусловлена упоминанием второго склонения в предыдущем предложении).

1

2

2a

3



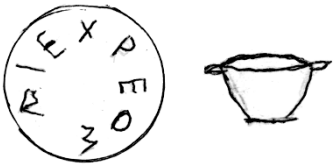
4

5

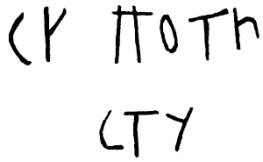
6

7

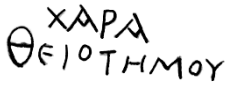
9



10



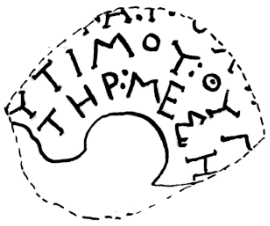
11



12

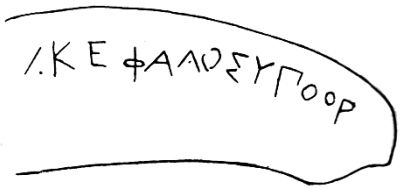
13

14

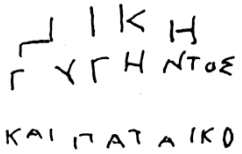


15

16



18



19

20

21

22

Список литературы

Андреев, 2004. Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах. СПб.

Бартольд, 1968. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. М.

Белоусов, 2015. Белоусов А. В. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2014 г. // Аристей. 12.

Билимович, 1958. Билимович З. А. Граффити на чернолаковом килике (из Ольвии) // СА. 28.

Блаватский, 1962. Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея // Пантикапей. М. (МИА, 103).

Блаватский, 1964. Блаватский В. Д. Пантикапей. М.

Болтунова, 1966. Болтунова А. И. О культе Зевса Сотера на Боспоре // Культура античного мира. М.

Виноградов, 1969. Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 3.

Гиппократ, 1936. Гиппократ. Избранные книги. М.

Граков, 1939. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 3.

Емец, 1995. Емец И. А. Граффити и дипинти как источник по сакральным представлениям населения Боспора // Эпиграфический вестник. М. 3.

Емец, 1999. Емец И. А. Эпиграфические материалы с Керченского полуострова. II // Эпиграфический вестник. 5. М.

Журавлев, 2004. Журавлев Д. В. Olisbos из Пантикапея, или Еще раз об интимной жизни в античном Северном Причерноморье // ДБ. 7.

Кунина, 1968. Кунина Н. З. Стеклянные стаканы с греческими надписями в собрании Эрмитажа // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.

Любовь и Эрос, 2006. Любовь и Эрос в античной культуре. Каталог выставки. Под редакцией Д. В. Журавлева, А. Е. Петраковой, А. А. Трофимовой. М.

Новосадский, 1926. Новосадский Н. И. Две древнегреческие керамические надписи, найденные на юге России // ТСА РАНИОН. Т. 1.

Ростовцев, 1913. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России (атлас). СПб.

Русяева, 2010. Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь.

Скржинская, 2013. Скржинская М. В. Поэзия в культуре античных государств Северного Причерноморья // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. Из истории античности и нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб.

Толстой, 1953 Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Л.

Толстой, 1966. Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.; Л.

Тохтасьев, 2007. Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XIX: малоазийские имена на Боспоре (V–IV вв. до н. э.) // ВДИ. 1.

Шкорпил, 1913. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 году // ИАК. 47.

Штерн, 1897: Штерн Э. Р. «Graffiti» на античных южно-русских сосудах // ЗООИД. 20.

Яйленко 1979, 1980, 1982, 2005, 2006, 2010, 2010а, 2017. Яйленко В. П. Несколько ольвийских и березанских граффити // КСИА. 1979. 159. Несколько пантикапейских граффити из собрания Одесского археологического музея // Проблемы античной истории и классической филологии. ТД. Харьков, 1980. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982. Магические надписи Боспора // ДБ. 2005. Т. 8. Посвятительные граффити Пантикапея и округи // ДБ. 2006. Т. 9. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 2010. Христианские и парахристианские надписи Боспора IV–VI вв. // ДБ. 2010а. Т. 14. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб., 2017.

Bain, 1991. Bain D. Six Greek Verbs of Sexual Congress // The Classical Quarterly. Vol. 41.

Bonner, 1950. Bonner C. Studies in Magical Amulets. Ann Arbor.

Bothe, 1845. Bothe F. H. Aristophanis comoediae. Lipsiae. Vol. 1.

Buffière, 1980. Buffière F. Éros adolescent: la pédérastie dans la Grèce antique. P.

Chantraine, 1974, 1980. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P. T. III; IV, 2 .

Corpus paroemiographorum Graecorum. Edd. Leutsch A. L., Schneidewin F. G. Göttingen. 1856. Vol. 2.

Diehl, 1923. Diehl E. Defixionum ostraca duo // Latvijas universitātes raksti. Riga. T. 6.

Diehl, 1931. Diehl E. Magica Bosporana // Latvijas universitātes raksti. Filologijas un filosofijas fakultātes serija. T. I, 7. Riga.

Dover, 1978. Dover K. Greek Homosexuality. L.

Flacelière, 1964. Flacelière R. Love in Ancient Greece. NY.

Flacelière, 1980. Flacelière R. La pédérastie dans la Grèce antique // REG. T. 93.

Friedländer, 1948. Friedländer P. Epigrammata: Greek Inscriptions in Verse. Berkeley.

Guarducci, 1975. Guarducci M. Epigrafia greca. Roma. Vol. 3.

Guarducci, 1987. Guarducci M. Epigrafia greca dall origini al tardo imperio. Roma.

Hansen, 1958. Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. B.

Jeffery, 1969. Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf.

Johnston, 1973. Johnston A. A Graffito from Vassalaggo // ZPE. Bd. 12. Hft. 3.

Jordan, 1978. Jordan D. R. A Graffito from Panticapaeum // ZPE. Bd. 30.

Kern, 1922. Kern O. Orphicorum fragmenta. B.

Keuls, 1985. Keuls E. The Reign of the Phallus. Sexual Politics in Ancient Athens. NY.

Lang, 1976. Lang M. Graffiti and Dipinti // The Athenian Agora. Vol. 21. Princeton.

Larfeld, 1902. Larfeld W. Handbuch der griechischen Epigraphik. Lpz. Bd. 2.

Lazzarini, 1976. Lazzarini M. Le formule delle dediche votive nella Grecia arcaica. Roma.

Lombardo, 1985. Lombardo M. Nuovi documenti su Pisticci in età arcaica. II. Il graffito // Parola del Passato. Vol. 40.

Manganaro, 1996. Manganaro G. Fallocrazia nella Sicilia Greca e romana // ZPE. Bd. 111.
Milne, Bothmer, 1953. Milne M. J., Bothmer D. ΚΑΤΑΠΥΓΩΝ, ΚΑΤΑΠΥΓΑΙΝΑ // Hesperia. Vol. 22.
Pape, Benseler, 1884. Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig. Bd. 1–2.
Percy, 1996. Percy W. A. Pederasty and Pedagogy in Archaic Greece. Urbana, Chicago.
Peretti, 1932. Peretti A. Una iscrizione magica supra un vaso Bosporano // Studi italiani sulla filologia classica. Vol. 10.
Rehm, 1958. Rehm A. Didyma. Bd. 2. Die Inschriften. B.
Reinach, 1885. Reinach S. Traité d' épigraphie grecque. P.
Robert, 1963. Robert L. Noms indigènes de l'Asie Mineure. P.
Röhl, 1884. Röhl H. Jahresbericht über die griechische Epigraphik für 1878–1882 // Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft. Bd. 32. Abt. 3. 1882 (1884).
Stephani, 1869. Stephani L. Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage. St. Petersburg. Bd. 1–2.
Strohmaier, 1981. Strohmaier G. Die bemalten weingefässe aus Samarra // Klio. Bd. 63.
Velsen, 1869. Aristophanis Equites. Lipsiae.
Wilhelm, 1932. Wilhelm A. Magica Bosporana // Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Institutes. Wien. Bd. 22. Beiblatt.
Wolters, 1884. Wolters P. Inschrift einer Vase aus der Krim // Archaeologische Zeitung. Bd. 42.
Wolters, 1896. Wolters P. ΗΔΥΠΟΤΟΣ // American Journal of Archaeology. Vol. 11.
Zgusta, 1964. Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag.
Ziebart, 1914. Ziebart E. Aus dem griechischen Schulwesen. Lpz.

Summary

V. P. Yailenko
Table drinking, verses, paederastic love and other matters in the graffiti of Panticapaeum

There are studied 19 graffiti from Panticapaeum and 2 from Nymphaeum, most of them are in verse. The majority (15) concerns table drinking matters, 3 deal with paederastic love; 2 victory-inscriptions and one is medico-culinary prescription. The most dates from V–IV BC, the several are later.

СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ	– Артезианская археологическая экспедиция
АВЕС	– Археология Восточно-европейской степи. Саратов
АДСВ	– Античная древность и средние века. Екатеринбург (Свердловск)
БИ	– Боспорские исследования. Симферополь - Керчь
БС	– Боспорский сборник. М.
ВВ	– Византийский временник. М.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГЛБО	– Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3
ГМИР	– Государственный музей истории религии. СПб.
ГМИРиА	– Государственный музей истории религии и атеизма. Л.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДАЗ	– Донецький археологічний збірник. Донецьк
ДБ	– Древности Боспора. М.
ДБК	– Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. СПб., 1854 + Атлас
ДСПК	– Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества. СПб.
ИАИАНД	– Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
ИАК	– Известия Археологической комиссии. СПб.
КБН	– Корпус боспорских надписей. М. – Л. 1965
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИА АН УССР	– Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. – Л.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МДАСУ	– Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М. – Л.
МПГУ	– Московский педагогический государственный университет
НА ААМ	– Научный архив Анапского археологического музея
НП ІФ ЗДУ	– Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя

НЭ	– Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК	– Отчеты Археологической комиссии. СПб.
ОАМ	– Археологический музей, Одесса
ПИФК	– Проблемы истории, филологии и культуры. М., Магнитогорск, Новосибирск
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
ССПК	– Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя
СХМ	– Сообщения Херсонесского музея
ТВ	– траншея выборки
ТрГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТСА РАНИОН	– Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ACSS	– Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden – Boston.
Agora XII	– Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6, 5 and 4 Centuries B.C. (The Athenian Agora. 1970. Vol. XII. Pts. 1–2) Princeton; New Jersey, 1970
AJA	– American Journal of Archaeology
ArchBulg	– Archaeologia Bulgarica
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
BerRGK	– Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
BMCRE	– Mattingly H., Carson R. A. G. Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. II–VI. L., 1930–1962
BSS	– Black Sea Studies. The Danish National Research Foundation`s Centre for Black Sea Studies. Aarhus University Press
IG	– Inscriptiones Graecae. Berolini
JbRGZM	– Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums
LGPN	– A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P.M. Fraser and E. Matthews. Vol. I–VA. Oxf., 1987–2010
LSJ	– Liddell H. G. , Scott R. , Jones H. S. A Greek-English Lexicon. Oxf. 1968.
NC	– The Numismatic Chronicle. L.
REG	– Revue des études grecques. Paris.
RIC	– Mattingly H. et al. The Roman Imperial Coinage. Vol. II–IV/1-2, X. L., 1926–1994
SEG	– Supplementum epigraphicum Graecum. Leyden.
ZPE	– Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

Правила и рекомендации по оформлению рукописей

1. Работы присылаются в установленные сроки в электронной версии (текст: 12-й кегель, через 1,5 интервала, без форматирования полей). Тест сносок: 10-й кегель, через 1 интервал.

2. Структура (комплектность) рукописи. Текст статьи предваряется указанием инициалов и фамилии автора, ниже в скобках указывается основное место его работы и город. К основному тексту на отдельных листах (в том же файле) прилагаются:

а) ***Список литературы***, оформленный по правилам (*см*. ниже);

б) ***Список сокращений,*** использованных в работе (просьба использовать для сокращений тот перечень, который прилагается в томах 10–14 ДБ, новые сокращения вводить лишь в том случае, если в Вашей работе то или иное издание цитируется не менее трех раз);

в) Перечень ***Подписей под рисунками***;

г) ***Резюме*** — до 1 страницы текста на русском (обязательно) *и* (желательно, но не обязательно) на английском языках. Убедительная просьба излагать основные мысли работы простыми, ясными предложениями, избегать синтаксически сложных оборотов и проч. При использовании специальной терминологии обязательно давать (в скобках) ее английский эквивалент; приводя малоупотребительные названия (в особенности географические) — сопровождать их *принятой в литературе* транслитерацией.

д) ***Макет статьи*** обязателен для статей, включающих иллюстрации, скомпонованные в таблицы (см. п. 6)[1] , и (или) тексты, набранные *не* кириллицей или латиницей (см. п. 5).

3. Ссылки и примечания. В нашем издании принята гибкая система ссылок и примечаний: в *квадратных* скобках — на литературу внутри текста (например: [Масленников, 1997, с. 107, рис. 3. *1*, *5–7*]); ссылки на древних авторов даются в круглых скобках (*Strabo* XI. 2, 3–5); текстовые примечания (а также обширные и многочисленные ссылки на литературу, если они мешают восприятию главной мысли читателем — по желанию автора) даются в подстрочном примечании (нумерация их — сплошная, арабскими цифрами[2]).

В ссылке на литературу в квадратных скобках указываются следующие элементы библиографического описания, отделенные друг от друга *запятой* (соответственно, пишущиеся *с малой буквы*): [Фамилия, год издания, страница (с.), рисунок (рис.) или иллюстрация (илл.), или таблица (табл.)], например: [Паромов, 1999, с. 209, рис. 1. *2*, *4–7*]. Обращаем внимание на то, что номер рисунка (таблицы) отделяется от номеров внутри рисунка (таблицы) *точкой*, а сами внутренние номера выделяются курсивом и разделены *запятыми*. Просим Вас не забывать после запятой или точки ставить пробел.

---

[1] В таблицы макета (в отличие от оригинала) включают в себя легенду и номера под рисунками.

[2] Индексация звездочкой (*) допустима только в самом начале текста (ранее цифровых примечаний), при упоминании финансовой поддержки работы тем или иным фондом и проч., или же при выражении благодарности автора тому или иному лицу за содействие.

4. 4. Библиографическое описание в списке литературы. Использованная в работе литература приводится в алфавитном порядке: сначала на русском языке, затем — на иностранном. Каждое наименование выделяется[3] абзацем (формат — выступ), например:

Масленников, 1998. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.

Неверов, 2000. Неверов О. Я. Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья//Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии. СПб.

Сударев, 1994. Сударев Н. И. Погребения в районе поселения Гаркуша I (Патрей)// БС. 4.

Шелов, 1961. Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса//МИА. 98.

Поскольку в ссылках в тексте инициалы авторов не пишутся, в списке литературы после указания фамилии автора и года издания, через точку и интервал приводится еще раз фамилия автора уже с инициалами и далее: Название работы, затем *через точку* — Место издания (если это монография) или (если это статья в сборнике) — через//Название сборника. Номер тома (выпуска и т. д.; для серийных изданий). Место издания. Если серийное издание обозначено *общепринятым сокращением* (КСИА, МИА, РА и т. д.), место издания не пишется[4]. При такого рода широко распространенных сокращениях *опускается* также указание Т. (том), Вып. (выпуск), Сер. (серия), Ч. (часть) и проч., исключая те случаи, когда в одном издании присутствуют сразу два (или более) наименования подразделений, например: САИ. Вып. Г1–11. Ч. III; …Т. I. Вып. 3. Опускать наименования подразделений в не-русскоязычных изданиях *не рекомендуется*.

5. Использование шрифтов. Рекомендуется использование шрифта ***Times New Roman***. Если же автор применяет любой другой шрифт, включая те, что используются в стандартном наборе *Word*, например — ***Symbol***, необходимо в рукописи статьи отметить красным карандашом те слова или символы, что были набраны *иным* шрифтом, а на полях простым карандашом указать — каким именно. В случае же использования редких шрифтов, кроме того, на прилагаемом электронном носителе версией статьи записать соответствующие шрифты. ***Греческий текст*** рекомендуется писать в ***Hellenica.Reg*** или ***Greek*** (ранние версии этих шрифтов тоже предоставляются).

6. Иллюстративный материал. К изданию принимаются как графические, так и фотографические иллюстрации, желательно в электронном виде. Требования к электронному варианту: *1)* предпочтительно предоставление оригиналов (цифровых фотографий с высоким разрешением, не ниже 300 dpi)[5]; *2)* рисунки и фотоотпечатки сканировать в формате ***TIFF*** с разрешением не ниже 300 dpi (предпочтительно 600 dpi); *3)* таблицы, сформированные в ***PhotoShop***, сохранять с формате ***tiff*** или ***psd*** (не сливая слои). Допускается предоставление таблиц, сформированных в *Corel Drow*.

Обращаем особое внимание на то, что компоновка фото- и графических изображений в таблицу возможна лишь в том случае, когда это необходимо по замыслу автора

[3] Но *не* отделяется абзацем!

[4] Оно приводится при раскрытии содержания того или иного сокращения в общем списке.

[5] С учетом габаритов снимка, выводимого на печать.

(изображения комплекса находок, совмещение фото и графического изображения (чертежа, прорисовки) архитектурного комплекса или отдельной находки и т.д.) Прочий иллюстративный материал (как напр. видовые фотографии, планы, графики и проч.) следует предоставлять только как отдельные (единичные) рисунки.

Убедительная просьба компоновать таблицы иллюстраций плотно, подбирая необходимый масштаб рисунков с учетом того, что таблицы будут отпечатаны на формате А4 с соответствующими полями (габариты не превышают 212 x 145 мм, включая и подрисуночные подписи, которые, как и номера рисунков, в подготовленную автором таблицу будут вставлены при макетировании). Линейный масштаб для рисунков обязателен (исключая особо оговоренные случаи). Заливки в графических рисунках следует выполнять в черно-белом варианте (штриховка) и/или в оттенках серого (белый, черный и два серых тона). Подрисуночные подписи и номера рисунков внутри таблицы выполняются только на таблицах-макетах (в любом формате), которые необходимы наряду с оригинальными (*см.* п. 2д).

7. Обязательно сопровождайте присланную статью своим адресом, телефоном и (лучше всего) E-mail, которые позволят оперативно связаться с Вами и еще в процессе подготовки рукописи к печати своевременно снять спорные вопросы. Наш почтовый адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, отдел классической археологии, «Древности Боспора»; E-mail: *Bospor@inbox.ru*; тел.: (095) 124-35-88.

Редколлегия

Древности Боспора. Том 22

Научное издание

Подготовка иллюстративного материала: В. Б. Степанов
Изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 16.05.2018. Формат 60×90/8
Печ. л. 35,0. Тираж 200 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
aquarius-press@mail.ru

ISBN 978-5-94375-250-6